

Юрий ТОРУБАРОВ

ИВАН КАЛИТА

Annotation

Иван Данилович Калита (1288–1340) – второй сын московского князя Даниила Александровича. Прозвище «Калита» получил за свое богатство (калита – старинное русское название денежной сумки, носимой на поясе). Иван I усилил московско-ордынское влияние на ряд земель севера Руси (Тверь, Псков, Новгород и др.), некоторые историки называют его первым «собирателем русских земель», но!.. Есть и другая версия событий, связанных с правлением Ивана Калиты и подтвержденных рядом исторических источников.

Об этих удивительных, порой жестоких и неоднозначных событиях рассказывает новый роман известного писателя Юрия Торубарова.

-
- [Юрий Торубаров](#)
 - [ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА](#)
 - [Глава 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)

- [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ГЛАВА 32](#)
 - [ГЛАВА 33](#)
 - [ГЛАВА 34](#)
 - [ГЛАВА 35](#)
 - [ГЛАВА 36](#)
 - [ГЛАВА 37](#)
 - [ГЛАВА 38](#)
 - [ГЛАВА 39](#)
 - [ГЛАВА 40](#)
 - [ГЛАВА 41](#)
 - [СТАРИННЫЕ СЛОВА](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Юрий Торубаров
Иван Калита

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Федор Иванович – князь Стародубский.
Андрей – сын князя Федора Ивановича Стародубского.
Василий Иванович – князь Стародубский, дядя Андрея.
Варвара – княгиня, тетка Андрея.
Дмитрий Стародубский – брат Андрея.
Иван Стародубский – брат Андрея.
Иван Данилович (Калита) – великий князь всея Руси.
Семен – сын Ивана Даниловича.
Елена – жена Ивана Даниловича.
Юрий Данилович – старший брат Калиты.
Агафья – жена Юрия Даниловича.
Миняй – московский боярин.
Василий Кочева – московский боярин, приближенный Калиты.
Родион Несторович – московский боярин (бывший киевский).
Лука Протасьев – московский боярин, наместник в Новгороде.
Михаил Кошкин – московский боярин.
Федор Плещеев (Плещей) – московский боярин.
Александр Иванович – московский воевода.
Федор Акинфович – московский воевода.
Акинф – московско-тверской боярин.
Максим, Петр, Феогност – митрополиты всея Руси.
Осип Уваров – дворский Калиты.
Савел – подручный Калиты.
Василий Коверя – московский купец.
Федор Елферьев – московский купец.
Михаил Ярославович – князь тверской.
Дмитрий Михайлович – князь тверской.
Александр Михайлович – князь тверской.
Анастасия – жена князя Александра Михайловича.
Василий Давыдович – князь ярославский, зять Калиты.
Иван Иванович Коротопол – князь рязанский.
Аверкий – боярин ростовский.
Александр Романович – тверской боярин.

Захарий Кошка – тверской боярин.
Степан Юрьевич Васильев – рязанский боярин.
Микита Бурок – рязанский купец.
Яков – рязанский писарчук.
Савелий Ледович – псковский боярин.
Василий Белоут – псковский боярин.
Строилович – псковский купец.
Семен Климович – новгородский посадник.
Сафон Кажан – новгородский древодел.
Семен Еремеев (Еремей) – казацкий атаман.
Хист – казак, есаул.
Дед Алим – лекарь, спаситель Андрея.
Митяй – молодой казак, друг Андрея.
Захар – молодой казак, друг Андрея.
Курбат – старый казак.
Зосим – старый казак.
Авдей – казак.
Еремей – казак-богатырь.
Марко – казак-богатырь.
Гудым – молодой казак, есаул.
Порфирий – казацкий священник.
Асаф – казацкий кабатчик.
Степан Решетило – казак.
Макар – казак, наемник атамана Еремеева.
Ефросинья – жена Макара.
Дарья – внучка атамана Еремеева.
Ерема Гаркуша – днепровский наказной атаман.
Влас – казак.
Ергун – казак.
Федот – моряк.
Мамед – караванщик.
Дурсун – турецкий купец.
Зухра – дочь Дурсуна.
Узбек – ордынский хан.
Садык – главный ханский визирь.
Чанибек – младший сын Узбека.
Инсабек – старший сын Узбека.

Кавгадый – татарский князь.
Ахмыл – родственник Кавгадыя.
Махмет – татарский темник.
Шевкал – татарский баскак.
Федорчук – ханский полководец.
Ебергарт фон Монгейм – ливонский магистр.
Эдуард – английский король.
Генрих Эрсон – английский лорд.
Филипп VI – французский король.
Роберт Буа – французский маршал.
Роберт Буа – сын маршала, друг Андрея.
Гедимин – Великий князь литовский.

Глава 1

Тетка Варвара, сидя за столом напротив племянника и подперев рукой свой широкий мужской подбородок, умильно смотрела любящими глазами, как тот жадно уплетал пищу. Чаша пустела мгновенно, и ей приходилось кричать девкам, чтобы быстрее несли еще студня, каши. Еще бы! Парень не ел около трех суток. Но по довольному лицу нельзя было сказать, что его жизнь в эти дни подвергалась смертельной опасности. И он, давясь, рассказывал ей о своей охоте:

– Мы его это... шестом, как задели. Он как взревет... у меня по спине мурашки. Но я... ээ... только рогатину сильнее сжал. А он, ломыга, встал и машет лапами. А сам идет на меня и ревет. А я стою.

Тетка рассмеялась, глядя, как парень давится пищей. Он тоже рассмеялся и попытался досказать, держа на весу ложку с кашей.

– Осталось шага три-четыре до меня. Я как брошусь вперед и что было силы...

И он выкинул вперед ложку с кашей, которая полетела на Варвару.

– Ну, Андрюха! – смеялась она, рукавом вытирая лицо.

Тот растерянно смотрел то на ложку, то на тетку.

– Не гневись, тетка Варвара, – радостное лицо Андрея погрустнело, – прости, не думал, что так получится, – стал оправдываться племянник.

– Чего там, досказывай! – махнула тетка рукой.

– А, – обрадованно воскликнул он, – ну и вогнал рогатину ему в грудь. Он заорал, – Андрей облизал ложку и покосился на миску с холодцом, потом подхватил кусок своего любимого кушанья и стал заталкивать себе в рот. Прожевав, виновато посмотрел на тетку. Та улыбнулась.

– Ты дал деру? – спросила она.

– Нет! Я выдернул рогатину...

Чтобы показать, как это сделал, он резко вскочил, да так, что стул загремел на пол. Отодвинув его ногой, он принял боевую стойку: ноги полусогнуты, туловище отклонено несколько назад, и сделал резкий выпад вперед.

– Раз! – и я вновь всадил рогатину ему в бок, – он поднял стул и сел.

– А Димка где был? – спросила тетка, зная, что тот был его другом, он-то и позвал Андрея на медведя.

– А он рядом, на изготовке! – ответил Андрей, не выдавая Димку, который отбежал на несколько шагов, не выдержал.

Тетка почувствовала в его голосе неуверенные нотки.

Принесли кашу. Андрей смущенно посмотрел на тетку и принялся за еду. А та продолжала любоваться племянником. Лицо его молодо, очень молодо. На щеках румянец, как у зардевшейся девицы. Темно-русые волосы взлохмачены, отчего голова походила на обросшую кочку. Но уже стала пробиваться бороденка, придавая чертам его лица мужественность. А плечи! Не по годам широки! «Весь в нашу, стародубскую, породу! Здоровый мужик будет, да к тому же и пригож!» – не без гордости подумала она. Тетка и сама была крепко сложена, глаза ее светились добром, но она могла быть и властной, твердой.

Тетка любила Андрея больше других его братьев. Что Дмитрий, что Иван – были грубы, эгоистичны, насмешливы. А вот статью – худосочные мужички. Все в свою матку. Зато носы как задирают. «Нет, я правильно сделала, – мысленно говорит она сама себе, – что отписала свое добро Андрюше. Пусть до поры до времени это будет ему невдогад. Время придет, узнает. Молодец он, с годами не меняется. Как был с детства нежным, внимательным и заботливым, так и остался. Я никогда не забуду, как он принес мне теплый платок, когда побаливал зуб».

– Ну, так что ведьмедь? – вернулась тетка к разговору.

– А... ломыга... да он упал. Заскреб снег лапами и затих.

Тетка что-то еще хотела спросить, как снаружи послышался злобный лай собак.

– Кого это принесло? – голос ее прозвучал тревожно.

Она хотела подняться и глянуть в окно, но лай смолк так же внезапно, как и начался. Тетка успокоилась.

– Подошли мы с Димкой, – продолжил Андрей....

Но ему пришлось замолчать. За дверьми раздались чьи-то довольно громкие, но странные шаги. Похоже было на то, что кто-то,

сделав несколько шагов, останавливался. Потом было слышно, как подошвы скребут пол.

– Ну, накажу баловника, – сказала тетка.

В этот миг дверь открылась, и они увидели на пороге чью-то фигуру. Голова была опущена вниз. По заснеженной одежде можно было понять, что человек прибыл издалека. «Кто это?» – враз подумали тетка и племянник. Но гадать долго не пришлось. Человек с трудом поднял голову, и они узнали своего конюшенного Егора. Держась обеими руками за косяк, он прохрипел:

– Беги, княжич! Уб...

Ноги его подкосились, он грудью навалился на стену. Поднятые с трудом руки словно хотели в нее впитаться, чтобы устоять. Но ноги не удержали. И он, скользя руками по стене, рухнул на пол. Тетка Варвара и Андрей с ужасом увидели, что в его спине торчала стрела.

Егор с княжьими братьями – Дмитрием и Иваном – уехали к дядьке Василию. Они долго ждали Андрея, который тоже должен был ехать с ними. Но время шло, а его не было. Дмитрий сказал:

– Дядька нас ждет, а мы медлим.

И они, наказав тетке, чтобы Андрей, как появится, срочно ехал к нему, умчались. Вотчина Василия Стародубского была верстах в пятидесяти от них. Но тетка и не думала это говорить Андрею. Ее сердце чувствовало в этой поездке что-то неладное. Она знала, что Василий был очень недоволен отцом Иваном Михайловичем, тем, как тот поделил перед смертью свое княжество между сыновьями. Он почему-то считал, что Федору досталось больше, чем ему. И всю жизнь имел на брата «зуб».

Тетке было подозрительно, что после отъезда ее брата Федора, их отца, в монастырь на лечение, Дмитрий зачастил к Василию Ивановичу. И вот Дмитрий как-то объявил, что дядька Василий приглашает их к себе. Всех троих. И Дмитрий обещал приехать. Оговорили и сроки. Но тут вдруг объявился этот Димка, друг Андрея, и рассказал о берлоге. Старшие братья наотрез отказались ехать в лес, говоря, что их ждет дядька Василий.

– И тебе надо ехать, – добавил Дмитрий, отводя глаза.

– Я быстро, – сказал Андрей, – и вас догоню. Тут же недалеко.

Ему очень хотелось встретить отца словами:

– А я взял на рогатину ломыгу.

Медведя он взял. Но... поднявшаяся внезапно метель сбила их с дороги, и они с Димкой почти трое суток, без еды, блуждали по лесу. И каким-то чудом вышли на княжьи хоромы. Несмотря на все трудности, Андрей, как ни уговаривал его друг, шкуру не бросил. Еще бы! Первая такая добыча! Ломыга был просто великаном. Вся дворня сбежалась смотреть на медведя. Да, удивление было великое. Немногие могли похвастаться такой шкурой.

– Здоров бирюк! – восхищались они.

И как гром прозвучали слова Егора. Андрей растерянно глянул на тетку.

– Быстро собирайся! – приказала Варвара резким голосом.

Она вдруг поняла смысл частых отлучек Дмитрия. Сердце ее похолодело: «Брат на брата!»

Но для возмущения не было времени. А Андрей от ее окрика пришел в себя. Они выскочили в сени, где висела зимняя одежда, и тетка стала его быстро снаряжать.

– Бери отцову шубу! – приказала она, заставив надеть поверх рубахи еще шерстяную, грубой вязки, телогрейку.

– Энти сапоги, – подставила она кожаные на меху изделия, – и энти онучи!

Они были из толстой ткани. Когда он все это надел, она оглядела его с ног до головы. Облачение, видать, понравилось:

– Теперь ступай, не страшно и в лесу заночевать.

– Ну, тетка, прощевай, – сказал он и повернулся к двери.

– Ой, погоди! – воскликнула она и бросилась в комнату.

Пока она бегала, он успел заскочить к себе и схватить нож. Он еще не мог оценить обстановку, но что она грозит ему бедой, он понимал. Вернувшись, тетка засунула за его пояс какой-то мешочек.

Его сапоги застучали по ступеням крыльца. На дворе стало вьюжить. Он хотел было бежать к конюшне, но выскочившая вслед за ним тетка крикнула:

– Посмотри на дорогу!

Он метнулся к воротам и увидел, что к дому приближается большой отряд всадников. Он бросился назад, крикнув тетке:

– Они едут!

– Уходи через конюшню! – услышал он вслед ее голос.

Ее слова помогли вспомнить о дыре в полу, через которую в овраг скидывали навоз. А лесистый овраг с крутым спуском был для него спасением. Мозг лихорадочно работал, вспоминая, где может быть дыра.

Он сунулся в одно стойло. Не нашел. В другое... А на дворе уже поднялся собачий лай и визг. Видать, били приставших собак.

– Они уже во дворе! – молнией пронеслось в его голове.

Это заставило двигаться еще быстрее.

– А вот где она! – обрадованно воскликнул он, обнаружив ее под грудой соломы.

Наполнившие двор голоса заставили его спуститься вниз. Он прикрыл за собой лаз и затаился под полом на куче навоза. Вскоре услышал громкий, резкий крик:

– Где твой щенок? Говори или убью! – это был голос его дяди.

Андрей понял, что дядька пытается Варвару. И он, как бы в подтверждение, услышал ее голос:

– Ах ты, гнус треклятый, безбожник! На кого руку поднимаешь? Бог по...!

– Молчи, старуха!

– Ааа! – раздался ее голос.

«Они что-то с ней сделали!»

И он готов было сорваться с места. Но его остановил голос дядьки.

– Обыскать все хоромы, – приказал он.

Дядька, видать, присел на крыльце, потому что часто слышалось, как ему докладывали, что племянника нет, а он грозно переспрашивал:

– Хорошо смотрел? А то... смотри! – грозил он.

Когда убедился, что в хоромах Андрея нет, приказал обыскать конюшню, сарай.

– Если найдем, что с ним делать? – раздался чей-то голос на входе в конюшню.

– Камень на шею – и в прорубь!

Услышав эти слова, Андрей похолодел, и в голове пронеслось:

«За что?!»

Те обшарили все стойла, перетряхнули солому. Но все же искали не очень хорошо. Лаз так пока и не нашли, хотя он отчетливо слышал,

как они топтались над его головой. Когда зашебуршала солома, ему стало страшно. И он решил, что жизнь свою он просто так не отдаст.

– Да нету тут ничего, – послышался громкий голос.

– Что делать, князь?

– Что делать, что делать! – слышно было, как он передразнил дружинника. – Сожгите все к чертовой матери.

Маленький огонек побежал по соломе, превращаясь в огромное, яркое пламя.

«Надо срочно уходить, чтобы не зажарили, как кабана».

И Андрей бросился вниз по склону. Он несколько раз перевернулся, но спуск все же оказался удачным. Он вскочил на ноги и опрометью бросился в ельник. Дядькины слова: «Камень на шею – и в прорубь» гнали его вперед. И не только они, но еще и яркое зарево за его спиной.

– Все сожжет, гад, куда возвращаться? – невольно появилось в голове Андрея.

Страх придавал силы. Он бежал и бежал, не разбирая дороги, не зная, куда бежит. Лишь бы быть дальше от этого, ставшего страшным, родного места. Жесткие, колючие ветки били по его лицу. Но он даже не замечал этого. Порой ему казалось, что он слышит бегущих за ним преследователей, и, напрягая последние силы, старался от них оторваться. Когда выбился из сил и уже не мог бежать, а только машинально перебирал ногами, на него навалилось какое-то безразличие.

– Все, не могу! – пробормотал он и свалился под ель.

Андрей не заметил, как опустились веки, и он поплыл в небытие. Сколько проспал, неизвестно. Проснулся от того, что кто-то сильно толкал его в бок. Он протянул руку. Она уперлась в чью-то шерсть. Рука тотчас отдернулась. «Волк!» – мелькнуло в голове, и он сжал рукоять ножа. Расправу остановил радостный повизгивающий лай.

– Дружбан! – радостно воскликнул Андрей и, схватив его за голову, от переполненных чувств стал целовать в морду.

Да, это был его пес. Огромная собака, которая смело ходила на волка. И пока что ни разу еще зверю не уступила. На сердце у Андрея потеплело. Он точно вернулся назад... И тут же в голове мелькнуло: «А следы!» Эта мысль мгновенно подняла его на ноги. Надо было уходить. И как можно скорее. «Они меня ищут!» – застучало в голове.

Он вылез из-под елки и с радостью увидел, что, пока он спал, снег сделал свое дело. Сразу полегчало на душе.

– Ну что, Дружбан, идем дальше? – глядя на собаку, сказал он.

Но пес стоял без движения и не спускал взгляда с хозяина.

– Что, жрать хочешь? – догадался Андрей. – и я тоже. Но... – он развел руками.

Пес будто понял его и побежал вперед. Он как-то незаметно исчез, и Андрею стало обидно. «И ты бросил меня», – с горечью подумал он, продолжая бессмысленно продвигаться вперед. Голод начал по-настоящему мучить его. Хоть осину гложи. Иногда он видел на деревьях глухарей или тетеревов. Глядя на них, он ругал себя, что впопыхах не взял кресало и лук со стрелами.

– Ни огня, ни жратвы. Ну что ж, надо беречь силы, – сказал он себе.

Остановился и поглядел по сторонам. Увидев толстый ствол березы, подошел к нему, подгрел снега и присел рядом, опершись на ствол спиной. Он опять задремал, и вновь его разбудили чьи-то толчки. Открыв глаза, парень увидел Дружбана, перед которым лежал заяц.

– Ну, молодец! – хозяин потрепал собаку по лобастой голове.

Андрей разделал зайца, часть отдал собаке, а часть, как бы противно это ни было, сырой съел сам. Еда добавила сил. Можно было идти дальше.

Бежал день за днем. Дружбан часто кормил своего хозяина. Очередной дележ добычи навел его на мысль: «А что, если самому попробовать охотиться? Птица подпускает меня довольно близко. Иногда ее можно достать и с соседнего дерева». Для этой цели он выбрал тонкий длинный ствол какого-то молодняка. Обрезал ветки, заострил конец, получилось... копьё. С первого раза он удачно метнул это копьё и добыл птицу. Это был огромный глухарь, который, увлекшись еловой шишкой, не заметил своего врага. Копьё, брошенное изо всех сил, пронзило его насквозь. Птица была сильной, она даже попыталась улететь, да палка помешала ей это сделать.

Но он все же чувствовал, что силы его таяли, что-то надо было делать. А что? Выйти на какое-нибудь жильё? Но ничего не попадалось на пути. Не было никаких намеков. Как бы он обрадовался, увидев спиленное дерево.

И вот, когда казалось, что больше сил нет, он вдруг почувствовал запах дыма. Андрей вмиг преобразился. Откуда-то взялись силы, и он чем-то стал походить на Дружбана, когда тот цепенел, прежде чем броситься на жертву. Да, обоняние его не обмануло. И он пошел на этот запах, как собака по следу.

И чем ближе он подходил, тем сильнее его ощущал. В какое-то время Андрей почувствовал, что жилье где-то рядом. Но разглядеть не мог. Густой лес не пропускал даже скупые солнечные лучи. И внизу виделся один полумрак. Белый снег и никаких следов. Тогда он подумал, что это все ему просто показалось. И его охватило отчаяние. Тело его вдруг потяжелело, ноги налились свинцом. Он сделал еще несколько шагов и, запнувшись за корень огромного поваленного дерева, упал. Попытался подняться, но силы покинули его. На беду, куда-то запропастился и Дружбан.

Поднялся ветер. Он сдувал с ветвей снег. А наползшие свинцовые тучи стали обильно посыпать землю снегом. Снег шел сутки, прежде чем тучи покинули это место. Когда на следующий день солнце озарило землю, то место, где лежал Андрей, превратилось в еле видимый бугорок.

ГЛАВА 2

Московский князь Иван Данилович сидел в одрине за большим дубовым столом. Хотя на дворе стояла весенняя пора, но погода была не по времени. Промозглость лезла в каждую щель, принося холод и сырость. А князь любил тепло и одет был соответственно: на ногах – катанки с короткими голенищами, порты из верблюжьей шерсти – подарок знакомого купца; на плечах – потертое корзно; на лобастой голове, прикрывая густые вьющиеся волосы, колпак. Он сидел спиной к очагу, в котором потрескивала поленница дров, играя пляшущим пламенем. Она отдавала живительное тепло, прогревая побаливавшую поясницу князя.

Он был не один. Сбоку примостился его сочтат. Ибо казначеем был сам князь. Сочтат был худенький, средних лет мужичонка, в кафтане, из-под которого выглядывала не первой свежести рубаха. У него большие, навывкате, глаза. Такие ничего не упустят. Впалые щеки резко обостряли скулы. Поражал его нос: большой, с горбинкой, отчего тень на стене от его головы чем-то напоминала орлиную, придавая фигуре хищное выражение.

Но вот его прозвище – Миняй – никак не шло к его виду. Прозвал его так сам князь. Это прозвище так присохло к нему, что все забыли его истинное имя. А заработал он его тем, что был ловким менялой, мог облапошить любого. Говорят, он сумел на спор так обвести одного смерда, что тот обменял своего рабочего коня на его полудохлую слепую корову. К тому же был хитер и дюже сообразителен по денежным делам. Знал грамоту. Не было среди купцов человека, который бы не хотел переманить его к себе. Но побаивались боярина Кочеву, у которого тот нес службу.

Кто-то из купцов очень нахвалил Миняя Ивану Даниловичу. Князю такой человек потребовался в связи с тем, что ему удалось добиться у хана Узбека права на сбор дани для Орды. Однажды в разговоре с боярином князь спросил о нем. Голова боярина работала хорошо. Он сразу понял, почему князь о нем спросил, и не стал ничего скрывать. Прошел небольшой срок после этого разговора, и князь попросил прислать его, чтобы помочь разобраться кое в каких делах.

Тот сразу показал свои знания и ум, чем очень понравился князю. Но, чтобы допустить его к своим денежным делам, он решил его проверить. Ему подбрасывалась деньга. То он находил золотой в своем кармане, то, идя по проходу, видел блестящую монету на полу. Другой бы положил себе в карман и поминай, как звали. Мало ли пройдет здесь народу! А Миняй нет, принесет ее и отдаст князю. Наконец Иван Данилович решил привлечь его к своей главной работе.

И вот однажды Миняй был приглашен в княжескую одрину. Он увидел князя за столом, на котором лежала куча денег. Глаза у Миняя заблестели. Князь понял помощника и пояснил:

– Не мои, ханские.

– Дань? – уточнил тот.

Князь кивнул. Миняй сощурил глазища и проговорил, поглядывая на холщовые мешочки, куда надо было раскладывать деньги:

– Сюда класть?

Князь опять кивнул. Миняй присел и начал отсчет. Дойдя до двухсот, князь, внимательно следивший за счетом, положил руку на его пальцы. Тот понял, что этот мешочек заполнен. Миняй посмотрел на Ивана Даниловича и спросил:

– Князь, это первая дань, которую ты повезешь в Орду?

– Да. А что?

– Предлагаю бросить по одной лишней монетке.

Князь мгновенно уловил его мысль.

– Недаром о тебе говорят, что ты ловкач!

С той поры так и делали. В Орде клюнули на эту миняевскую хитрость. Хан расценил ее как сильное желание московского князя быть верным сборщиком его дани. А если хан думает так, кто мог думать в Орде по-другому?

Вот и сегодня Миняй выполнял свою обычную работу. Опять перед ним огромная куча монет, давно знакомые холщовые мешочки. На прежнем месте и связка ключей от тайника, где князь хранил свое богатство. Ключи князь никому никогда не отдавал. Двери хранилища открывал только сам. Даже если бы был сильно хворым.

– Ну, начинай! – произнес в какой раз князь, перекрестясь, и посмотрел на Миняя.

– Ага, – ответил тот, подвигая свой ослон ближе к столу.

Он отгреб монеты и, взяв мешочек, стал кидать по одной. Дойдя до двухсот, взял еще одну монету и по привычке посмотрел на князя. Князь, как обычно, кивнул. Когда Миняй протянул руку за очередным мешочком, князь произнес:

– Подожди!

Тот отдернул руку и вопросительно посмотрел на князя.

Иван Данилович усталым движением потер глаза, потом повернулся к Миняю.

– Повременим, – сказал он и добавил: – просвети лучше, о чем народ говорит.

Его пристальный взгляд заставил Миняю вздрогнуть. Уж не один год он рядом с князем, но никак не мог привыкнуть к его взгляду: недоверчивому, сверлящему, так и лезущему в душу. Он поежился и покосился на князя.

– Да... обо всем.

Князь взгляда не отвел. Миняй еще сильнее сжался и сказал:

– Говаривают, младшенький Стародубцев чуть не пожог своих братьев.

Князь покачал головой.

– И этому молокососу власть нужна, – грубо произнес он и отвел наконец взгляд от помощника и посмотрел в окно. Там кружила стая ворон, что-то высматривая в холодном свинцовом небе. – Никак падаль выглядели, – произнес он, чем сильно удивил Миняю, который ждал от него вопроса.

Миняй посмотрел в окно и, увидев ворон, догадался, чем в это мгновение были заняты мысли князя.

– Все жрать хотят, – произнес Миняй.

Князь посмотрел на него. Уголки губ его задрожали. Но он сдержал улыбку.

– Ты сказал, что сын Стародубцева хотел убить своих братьев? – несколько суровым тоном спросил князь.

– Пожечь, – поправил тот.

– От кого слышал?

– Да сам Васька Стародубцев сидит у тя в сенцах. Все и расскажет.

– Зови.

Митяй мотнул головой князю и шустро выскользнул за дверь.

Иван Данилович хорошо знал старшего Стародубцева – Федора – и его сестру Варвару. Они были рослыми, могучими людьми. И у князя как-то ненароком мелькнула мысль: «Надо же, такой крепкий дубок, а слег...»

В это время скрипнула дверь, и на пороге показался младший брат Федора – Василий Стародубцев. Князь метнул на него взгляд. Ему показалось, что тот выглядел как-то растерянно, замялся на месте. Василий был среднего роста, кряжистый, густая темно-русовая борода начала седеть. Маленькие свинячьи глазки со складками на веках выдавали его хитрый, скрытный характер.

– Иди сюды, князь, – грубовато промолвил Иван Данилович и указал перстом на кресло.

Василий, подойдя, поклонился ему и сел.

– Сказывай, что случилось, – глухо произнес Иван Данилович.

– Да что. Братец-то мой сильно занемог и уехал с супругой к игуменье Евлампевне. Ну а младший-то его сыночек как головой рехнулся. Хоромы-то и поджег. Митька-то спасся, а Иван... Иван сгорел.

Иван Данилович заходил по горнице.

– Так... Поймать его надоть. Судить буду. Если все так... – он в упор посмотрел на Василия.

Глазки того забежали.

– Гм, – усмехнулся Данилыч, – что, не споймал?

– Не споймал, – тяжело вздохнул Василий.

– Споймаем, – Иван Данилович остановился, – таких в живых не оставляют.

Отпуская Василия, Данилыч сказал:

– Скажи Миняю пусть заходит.

Когда тот вошел, князь приказал:

– Складывай деньгу в сумы. Положу на место.

Князь помог ему управиться, и они пошли в сенцы. Загремели ключи: то князь открывал невидаль для московитов – железную дверь.

– Свечу возьми, – приказал он.

И Миняю, оставив сумы, пришлось бежать назад.

Князь спускался по крутым ступеням со свечой в руке. Поставив свечу на выступ, открыл дверь. За ней была другая дверь, и тоже железная. Князь сам взял сумы и занес в схран.

– Ну, я побег, – сказал Миняй, когда князь стал закрывать за собой дверь.

В схрон, где Иван Данилович хранил сокровища, он никого не пускал. Даже таких приближенных бояр, как Кочева и Миная. Не дай бог, кто словом обмолвится: язык-то длинен, выпьют лишку, захотят похвастаться. А уши у баскака большие. Услышит ненароком – беды не оберешься.

Войдя в схрон, он поставил свечу на край стола и строгим хозяйским оком пробежался по своему богатству. И не сдержал улыбки. Усмехнувшись, произнес, вероятно, представив себе, что рядом кто-то находится: «Нет, добрый человек, не ради корысти по крохам собираю я это добро! Оно предназначено не для того, чтобы им кичиться, а для того, чтобы с его помощью сбросить опостылевшее татарское иго». Он вздохнул. Огонек в свечи заколебался. Тень на стене задвигалась. Ему в голову почему-то пришла мысль: «Не дай бог войну!» Взгляд князя опять пробежал по мешкам с деньгами, драгоценностями в ларцах. «Сколько всего этого уплывет! Да какие у нас войны – соседские. Подрываем только свои силы!» – с горечью подумал он.

И был прав. Войны были. Были! А начинались они с измены, предательства, жажды наживы, зависти. И память крепко хранила былое.

Московский боярин Акинф вернулся домой с княжеской пирушки красный как рак. Но не от выпитого вина, а от несправедливого, как он посчитал, княжеского решения, когда тот отдал первенство не ему, именитому боярину, а какому-то киевскому беглецу. Кто раньше знал на Московии какого-то Родиона Несторовича? Да никто. А вот его, Акинфа, знали все. Возмутило боярскую душу такое решение князя Юрия Даниловича, вино в глотку не шло. Заметил это князь, да, как показалось боярину, с издевкой произнес: «Ты че ето, Акинф, не пьешь? Аль бабы боишься?» – сказал, а сам, довольный, рассмеялся. Ему вторила вся гридница. Обсмеял князь боярина. И смех боярский он расценил как насмешку над ним, именитым боярином. «А все зазря! Чтобы он, Акинф, да бабы боялся! Нет, князь, я и тя не боюсь. Ты у мня еще попляшешь! Я те етого никогда не прощу!»

Услышав дома гневные слова мужа, боярыня решила не вмешиваться, сказав себе: «Утро вечера мудренее». Но ошиблась в муже. И на следующий день он не находил себе места. Не прошла его злость и в последующие дни. Стоило только Юрию Даниловичу покинуть на время Московию, сказав: «Я иду в Орду по своим делам, а вовсе не искать великого княжения», как следующей ночью Акинф со своим двором, крадучись, как тать, выехал из города. И путь его лежал на Тверь.

Великий князь Михаил Ярославич недолго раздумывал: принять или не принять беглого боярина. Ему, внуку Ярослава Всеволодовича, придерживавшегося родовых понятий старшинства, не нравилось независимое поведение московского князя Юрия Даниловича, который был только правнуком, к тому же его злила вызывающая самостоятельность и растущая сила москвиты. Поэтому он распорядился принять беглеца и отдать ему роскошные хоромы боярина Болеслова, который задолжал князю много денег, отправив того в далекую деревню.

Такая встреча растопила душу Акинфа, и он решил сделать тверскому князю подарок. Явившись на следующий день в княжеский терем, он поведал Михаилу, что ненавистный ему московский князь отбыл внезапно в Орду.

– И хоть он заявил, – щерясь, произнес беглец, – что не ищет великого княжения, но я ему не верю!

Знал хитрющий боярин, как подлить масла в огонь!

Услышав эти слова, Михаил напрягся. Лицо его побелело, он заскрипел зубами. Этот скрип был точно бальзам на сердце бегуна. И он добавил:

– Московский князь отправил своего брата Бориса в Кострому, – и, хитро посмотрев на Михаила, произнес, – с малой дружиной.

Каким поощрительным взглядом посмотрел тверской князь на Акинфа! Приблизившись к Михаилу, Акинф зашептал:

– Князь, на Московии остался юный Яван. Но дружина там больша. А Переяславль-то... тово... А?..

Михаил понял: лучшего момента не стоит ждать. И тут же, при Акинфе, велел позвать бояр Романовича и Кошку. Когда те явились, приказал им взять людей и перехватить Бориса.

Такие решительные действия князя понравились Акинфу. Поколебавшись, не услышав ничего про Переяславль, он вдруг заявил:

– Князь! Дозволь мне повесть твоих людей, и я положу к твоим ногам Переяславль.

Князь посмотрел на боярина. Лицо того дышало решимостью и отвагой, и он решил:

– Веди!

Борис был схвачен, и эта весть быстро докатилась до Московии, как и известие об угрозе Переяславлю. Сработали добрые люди из Твери. И юный князь Иван Данилович принял тогда самостоятельное решение: с частью московской дружины мчаться в Переяславль, чтобы его защитить. Он вовремя поспел в город. Едва за ним закрылись ворота, как показалась тверская дружина. И глядя со стены на приближающееся воинство, по спине Ивана забегали мурашки. Тут не надо было иметь огромный воинский опыт, чтобы определить вражью силу. Иван растерянно посмотрел на Василия Кочеву. Тот, опустив голову, произнес:

– Не устоим.

– Что же делать?

Боярин только пожал плечами. Поглядев на князя, Василий увидел, как тот кусает губы. Потом Иван, повернувшись к нему, неуверенно произнес:

– А если пошлем в Московию за помощью?

Кочева оживился:

– Годится, князь! Зови киевлянина! У него хорошая дружина.

Акинф, увидев на крепостных стенах воинов, понял, что опоздал, и тоже с досады стал кусать губы. Дружина, глядя на растерянного воеводу, нерешительно мялась. Пока чухались, гонец Ивана успел проскочить незамеченным. Но боярин быстро пришел в себя.

– Будем штурмовать! – объявил он.

Чтобы не допустить связи с Московией, приказал расставить вокруг города посты. Но... опоздал боярин, опоздал.

Первый штурм был ужасным! И только благодаря смелости и отваге юного князя, который воодушевлял своих бойцов, штурм отбили. Но все в крепости понимали, что без помощи им долго не продержаться.

Акинф был не дурак, чтобы не видеть этого. И вновь стал готовиться к штурму. Он начал его рано поутру, чем застал защитников врасплох. Глаз боярина радовало то, что тверичанам удалось в нескольких местах закрепиться на стенах. Еще усилие – и те откроют ворота! Тогда – берегитесь, москвиты! И боярин уже положил руку на эфес меча, готовый в любое мгновение ринуться в бой.

Но что это? В тылу вдруг раздался воинственный бой барабанов, яростное: «Ура!» И вместо того, чтобы биться на улицах града, ему пришлось разворачивать свое воинство, чтобы встретить нежданного противника.

Сражение завязалось ожесточенное. Тверичи, штурмовавшие город, дрогнули первыми, поняв, что москвитам пришла помощь. И они как горох посыпались со стен. Акинф дрался ожесточенно. В нем закипела ярость, когда он увидел, что дружину привел не кто-нибудь, а сам Несторович. «Ну, берегись, киевлянин!» С этим криком он ринулся на него. Но осилил его Несторович. Отрубил повергнутому предателю голову и, насадив ее на копье, поднес Ивану Даниловичу со словами:

– Вот, князь, голова твоего изменника, а моего местника.

Труп Акинфа боярин Родион приказал привязать к лошади, и та потащила его на съедение зверям. Молодой князь не выдержал этой картины и по-мальчишески убежал в город. Родион, глядя ему вслед, только усмехнулся.

То, что творилось на Московской земле, долетело до Орды и до Юрия Даниловича. Его порадовали действия младшего брата. А вот весть, что Борис попал в руки тверичан, весьма опечалила. И он понял, что борьба между ним и Михаилом будет не на жизнь, а насмерть. Ему одному и даже в союзе с другими князьями тверичан не одолеть. Надо искать поддержку еще у кого-то. Татары! Хорошо познав порядки в Орде, он понимал, что хан и пальцем не пошевелит, чтобы наказать Михаила за несправедливые действия. Наоборот... Ему выгодно взирать, как они, русские князья, бьются меж собой, подрывая свои силы. А без ханской помощи неизвестно, кто кого осилит. Тверь – крепкий орешек. Не зря ее князь носил титул Великого. И тут он вспомнил о давней встрече с царевичем Узбеком. Чувствуя будущий расклад после ухода Тохты в пользу царевича, он каждую поездку не забывал посетить и Узбека, что тому очень нравилось. Князь уже был

вдовый, и царевич, выразив ему соболезнование, намекнул на свою сестру Кончак. На что князь тогда шутовски ответил:

– Да, холостому хоть топись, а женатому – хоть давись.

Царевич тогда рассмеялся, но по его глазам было видно, что этот мягкий отказ его не удовлетворил.

И вот он у Узбека. Хан принял Юрия Даниловича незамедлительно. О том, что случилось в Московии, князь не стал говорить, а начал разговор, напомнив хану о его давнем предложении.

– ...Тогда, великий и могучий, я не оценил твое предложение. Каюсь и прошу простить.

Хан засмеялся глазами. Он любил, когда люди признавали его ум и прозорливость. И не стал кочевряться, поняв, о чем идет речь. Он настолько хорошо относился к москвиту, что не возражал, чтобы невеста крестилась. Ей нарекли имя Агафья. Сыграна богатая свадьба, и вот молодая княжна в обозе московского князя едет к новому месту своего жительствова.

По приезде домой, через несколько дней, он разыграл перед супругой маленькое лицедейство. Явившись к ней, он с негодованием стал возмущаться вероломством соседа, напугав Агафью тем, что тот хочет пленить их.

– Что же делать? – спросила жена, и глаза ее стали круглыми от испуга.

– Проси брата о помощи, – трогательным голосом воскликнул он.

Разве могла она отказать мужу, который так заботился об их жизни.

Гонец немедля отбыл в Орду. Таким оборотом дела Юрий Данилович был доволен и, понимая, что хан не откажет, стал звать близких ему князей на помощь. Откликнулись Новгород, Суздаль, Ростов Великий и другие. Прибыло и татарское войско под предводительством Кавгадыя.

И вот эта громада двинулась на Тверь. Всегда расчетливый и дальновидный, Юрий допустил одну промашку: когда вступили на Тверскую землю, он не стал препятствовать татарам грабить тверичан, считая этот грабеж соседа даже выгодным для себя. Ведь в будущем Михаилу придется тратить свое богатство на восстановление порушенного татарами. Вот он тогда и посмотрит на Михаила, как тот

с пустым карманом явится в Орду. И заранее стал торжествовать победу.

Михаил, узнав, что на него движется такая громада, не знал, что делать. Выступать навстречу? Нет! Силы не те. И стал готовиться к осаде и молить бога о помощи. И она пришла... вестью, что татары, не дождавшись штурма Твери, пустились грабить его земли. Опытный воин, он понял, что удача сама идет ему в руки.

Подняв дружину, он стремительно двинулся навстречу. Чтобы не спугнуть врага, кроме скорости передвижения, он еще взял на вооружение скрытность. Его внезапное появление перед москвитями застало их врасплох. Битва произошла у местечка Бортенева. Москвиты были разбиты наголову. Юрий едва не попал к нему в плен. Спас его молодой боярин Василий Кочева. Но спасти жену Юрия от Михаила князь не сумел.

Торжество тверского князя было беспредельным. Особенно его радовало пленение Агафьи. Приказав создать ей все условия, которые приличествуют сестре хана, он в то же время наказал строго ее охранять, чтобы, не дай бог, с ней что-нибудь случилось. И он стал раздумывать, как подойти к хану, вернув его сестру, и получить взамен расположение.

Пока он раздумывал, с Агафьей случилось несчастье. Она внезапно заболела какой-то странной болезнью и вскоре отдала богу душу. Злые языки стали утверждать: ее отравили. Но кто мог это сделать? Михаил не находил себе места, чувствуя страшные последствия для себя. Близкие перестали его узнавать. А он все твердил и твердил: «Кто? Кто? Кому это надо?!!».

В Москву пришла весть о кончине брата Бориса, а за ней и о смерти Агафьи. Князь тут же с побитым Кавгадыем отправился в Орду. Услышав о содеянном, очи хана грозно засверкали. И он послал Ахмыла в Тверь с наказом привезти к нему преступного князя.

Княжеские дети – Дмитрий и Александр – и бояре стали уговаривать князя не ездить к хану. Сыновья вызывались ехать вместо него. На что Михаил ответил:

– Хан зовет не вас, а моей головы хочет. Не поеду, так он опустошит мою землю, и множество христиан будет побито. Когда-то надо умирать, так лучше сейчас положу свою душу за многие души.

Хан назначил суд из своих князей, сказав им:

– Рассудите князя Михаила с московским князем и скажите мне, кто прав, кто виноват.

Они обвинили тверского князя в гордости и непокорности и еще в том, что тот якобы брал себе ханскую дань, опозорил и побил ханского посла Кавгадья. На Михаила наложили тяжелую колоду. Сопровождавшие его сын Дмитрий, бояре, слуги, видя мучения князя, сделали все, чтобы тот мог бежать. Но он ответил:

– Если я один спасусь, а людей своих оставлю, то какая мне будет слава?

И отказался.

И вот настал страшный день. Утром Михаил, как обычно, молился. И вдруг к нему вбежал отрок со словами:

– Князь! Идут от хана Кавгадый и князь Юрий Данилович прямо к твоей веже! С ними много народа!

Князь понял, какое решение принял хан, и ответил:

– Знаю, зачем идут! Убить меня!

Казнь состоялась. Ярлык на великое княжение был свободен. Его получил московский князь. Тверская же корона перешла к Дмитрию Михайловичу, свидетелю ханской расправы над его отцом. Виновником случившегося он считал Юрия Даниловича. Затаясь до поры до времени, он стал выбирать момент, чтобы отомстить москвиту за содеянное. Он не жалел денег на подкупы москвитов. И ему кое-что удалось узнать. Главное было то, что Юрий Данилович утаивал у себя часть ханской дани.

Приехав в Орду, Дмитрий все рассказал хану. Не забыл и Кавгадья, проведая про его шашни с московитским князем. Только давняя дружба спасла москвиту от жестокой расплаты. А вот Кавгадья Узбек не пожалел. Хан отнял великое княжение у московского князя и отдал вновь его тверскому князю. Молодой князь вернулся к себе победителем.

Узнав об этом, Юрий Данилович засобирался срочно в Орду, чтобы все утрясти с ханом. Узнав о том, что московский князь собирается в Орду, Дмитрий решил, что одного пускать туда его нельзя, зная о давней дружбе Юрия с ханом. И тоже поспешил на далекий волжский берег. Там сошлись их пути.

Было прекрасное летнее утро. Голубое небо отливало чистотой, а солнце ласкало землю нежными лучами, легкий западный ветер нес с

Волги прохладу. Все это не могло не радовать человеческую душу. С приподнятым настроением шел по ордынской земле молодой великий князь Дмитрий Михайлович. Белоснежная, расстегнутая до пояса, сорочка, легкие порты, на ногах сандалы никоим образом не говорили о его чине. Разве что золотой с камнями пояс да кинжал с алмазами могли выдать хозяина. Душа его пела, наслаждаясь царящим блаженством. И вдруг все это разом рухнуло, когда на его пути неожиданно встретился Юрий Данилович, спешивший на ханский прием. Как ему показалось, он по лицу тверичанина прочитал о его преждевременном торжестве и не сдержался, бросил:

– Твои радости перед Богом гадости!

Кровь ударила в голову Дмитрия Михайловича.

– Да как ты смеешь так мне говорить! – воскликнул тот, став на его пути.

– Смею, – уверенно ответил Юрий Данилович, рукой пытаюсь устранить тверичанина.

– Ах ты гад! – воскликнул тот и, выхватив кинжал со словами: – Это тебе за моего отца! – вонзил его в сердце Юрия Даниловича.

Узнав о гибели московского князя, Узбек сильно осерчал. Он не любил самоуправства и приказал Дмитрия казнить. Тверская княжеская корона перешла к Александру Михайловичу. А в Москве ее наследовал самый младший брат Иван Данилович, оставшийся в живых из многих братьев Даниловичей.

ГЛАВА 3

В Московии с утра уныло звонили колокола. В столице траур: похороны невинно убиенного князя Юрия Даниловича. Новый московский князь Иван Данилович, стоя над гробом старшего брата, был в раздумье. «Вот он лежит. Теперь ему ничего не нужно. А ведь он старался. И не для себя. Может, напрасно?» Он поднял голову. Вокруг множество народа. У большинства горькие слезы текут по щекам. «А не это ли самое главное?» – подумал он. И вдруг в его памяти всплыл давнишний случай.

Еще был жив его отец, Данило Александрович, младший сын Александра Ярославича Невского. Он столкнулся с отцом в проходе.

– Это ты куда спешишь? – остановил он сына.

– Да в астрагалы играть!

Отец окинул его от носков до макушки, ухмыльнулся.

– Подрос ты у меня. Подрос. Хватит те за бабий подол держаться. Пора и за мужское дело браться. Пошли-ка со мной.

Завел его в гридницу, вручил ему лук со стрелами, копье, нож.

– На лошади-то умеешь? – спросил он.

Тот утвердительно кивнул головой.

– А его пробовал? – он указал на лук и стрелы.

И опять утвердительный кивок.

– Вот и хорошо. Завтра на охоте мне и покажешь.

Князь насупился: горько вспоминать минувшее. «Эх, жаль, не успел до конца отец привить мне любовь к охоте. Рано он ушел из жизни. Старшие братья еще не окрепли, и у многих князей зуб загорелся на начавшее богатеть Московское княжество. Сколько раз меч нависал над их головами. Сколько раз одни только тверичи пытались покорить Московию. Спасибо дядьке, Андрею Александровичу, пригрел малого, дал ему свой кров. Вот так-то!» – князь тяжело вздохнул и вновь посмотрел на погибшего. Тот был очень похож на отца. И это сходство вернуло его мысль к той, первой, охоте.

Они поехали вдвоем. С какой гордостью он восседал тогда на лошади. Еще бы! Почти как взрослый: к поясу приторочен колчан со стрелами, за плечом – лук, в руках копье. Пусть не совсем взрослое.

Но что это меняет? Видели бы старшие братья! Сердце, когда поехали, забилось от радости. Пусть видят прохожие! Но в ранний час улицы были пустынно. А на лесной дороге кого встретишь? Жаль!

Первой жертвой их охоты могла оказаться молодая стройная лань. Его тогда поразила ее грациозность, подкупающая невинность. И тут грозный окрик отца:

– Ты че? Стреляй!

Он хорошо помнит, как торопливо стянул лук, выхватил стрелу. Выстрел был удачным! Стрела поразила животное. Но оно нашло в себе силы, чтобы попытаться от них уйти. И началась захватывающая погоня. Он, поглядывая на отца, что есть силы стегал лошадь, и они неслись во весь дух, не разбирая дороги. Лес спас лань. И он тогда так опечалился, что отец, вначале критически посматривавший на него, сказал:

– Не горюй, еще попадетя!

Так, выслеживая добычу, они не заметили, как накатилась ночь. Возвращаться в такое время домой было небезопасно, тем более с пустыми руками. Отец посмотрел на окружающие места, которые ночной мрак не совсем еще поглотил. «Ну, Иван, – проговорил он, – нам повезло. Тут недалеко есть деревня. Там заночуем, а завтра, бог даст, не пустые вернемся».

Отец не ошибся. Миновав подлесок, они выехали на дорогу и вскоре увидели дом. Подъехав к нему, отец остановил коня и поднялся на стременах, стараясь что-то разглядеть. Но каково его было удивление, когда он не обнаружил больше никаких признаков жизни. Внезапный лай собаки заставил отца оглянуться. И он увидел, как от крыльца отделился какой-то силуэт и стал приближаться к ним.

Когда тот подошел, можно было разглядеть, что это был старик преклонных лет.

– Отец, – обратился к нему князь, – непустишь ли переночевать?

Старик поглядел на всадника.

– Неуж князь? – удивился старик.

– Я, – подтвердил отец и спросил, – а откуда мя знашь?

– Откуда, – усмехнулся старец, – да оттуды. Лет семь назад ты тута бывал.

Князь прикинул.

– Да, – подтвердил он, – но где ж деревня?

Вместо ответа старец буркнул:

– Слезай, бяри сына, пошли, – и рукой показал на дверь.

Князь соскочил с коня. Вслед за ним спрыгнул и Иван.

Изба из-за своей древности осела так, что при входе в нее князю пришлось наклонить голову. Войдя внутрь, князь окинул взором помещение. У входа деревянная печь, обмазанная глиной. У мутных окон стол, на котором в плошке тускло горела лучина, создавая полумрак, да сидельцы. У дальней стены – лежак со шкурами.

– Сидайте! – хозяин кивнул на сидельца, а сам вышел в сени.

Вернулся он с крынкой молока и полбуханкой хлеба. Потом сходил за деревянными кружками.

– Чем богат, князь, не обисуть! – и стал разливать молоко.

– Садись! – отец кивнул сыну.

Взяв хлеб, понюхал. Он был свеж и аппетитно пах. Князь даже втянул ноздрями его запах.

– Хорош! – проговорил он и стал ломать буханку на куски.

Князь не думал, что охота так затянется. Он хотел «объездить» молодого княжича и побыстрее вернуться в хоромы, поэтому поехали налегке, не взяв продуктов. Несколько утолив голод, князь опять повторил вопрос:

– Где же люди?

– Люди? – старик поцарапал свою седую голову. – Скажи, князь, как им тут было жить: то ты с дружиной, то тверичи, то татары. Если ба это один раз. А то – он разочарованно махнул рукой и продолжил: – а все грабуют. Сколь можноть терпеть-то? Подумай, князь, еслив ты и дальше будешь так жить, да он еще, – дед показал на Ивана, – также будет разбойничать, чего ждать? Дитев-то кормить надоть. Смотри, как твой уплетает, за ушами трещит. Так вот, с кем останешься?

– А куды они уходят? – спросил князь, глядя на старика.

– Дык куды? Слава богу! Землица еще ести. К полякам бегут. У них, говорят, получиши-то будить. На Дон....

– Куды, куды? – князь оторвался от еды.

– На Дон, говорю. Там, сказывают, воли-то поболе. Да и землица побогаче. Да твоих кровопивцев бояр нетуть. Власть-то одна должна быть.

– Однако ты смел, дед, – недовольно произнес князь.

– А чево мне, князь, бояться? Я свое отжил. Смерти не боюсь. Хошь щас руби, хоть завтра поутру.

– Ладно, дед, – примирительно произнес отец, – на Дону-то твоём татары.

– Дык где их нетуть? Но как-тоь справляются. Лес прикрывает. Да и храбрый народ там собирается. Трус не пойдёт. Кишка слаба. Трус есть трус... а жисть, – добавил дед, – там, говорят, хорошая.

Этот разговор со старцем Иван никогда не забывал. «Неужели Юрий решил пожертвовать... своей жизнью ради того, чтобы Русь наконец-то обрела одного хозяина. А ведь верно говорил дед, что один хозяин должен быть». Его мысль вновь вернулась к тверским событиям: «Иль не мила была жинка его сердцу? Горда уж больно. Как же, ханских кровей. Нет, правду люди говорят, чужая душа темна».

– Князь! – кто-то тронул Ивана Даниловича за локоть.

Он оглянулся и увидел Кочеву. Боярин глазами показал, что пора накрывать покойника крышкой. Иван Данилович подошел ближе, поцеловал того в лоб и встал в стороне. Застучали молотки.

– Спи спокойно, брат, – прошептал он, – ты будешь отмщен.

ГЛАВА 4

Перед отъездом в Орду Дмитрий Михайлович пригласил брата Александра, который оставался за него, наказав ему проявить заботу по некоторым делам. В том числе ему надо было посетить кашинского боярина Моргуна и востребовать с него двести рублей, которые одалживал еще их отец, Михаил. Ехать туда Александру не очень хотелось. Дорога была не ближняя. Но задание надо было выполнять, и он, решив быстро обернуться, отправился в путь.

Появление князя и удивило и опечалило боярина, но куда деваться? Суму с деньгой князь получил, и они стали прощаться. Но прежде чем отправиться в путь, князь попросил у не очень гостеприимного хозяина глоток водицы на дорогу.

– Аль квасу? – спросил тот, желая на прощание оставить о себе доброе воспоминание.

Князь кивнул.

– Анастасия, дочка, – крикнул боярин, – принеси квасу дорогому гостю.

Вскоре скрипнула дверь и на пороге появилась дева. Она поднесла князю квасу. Глянул он на зардевшееся личико Анастасии, и его поразили ее неподдельная стыдливость и глаза, которые сверкнули такой страстью, что сердце князя дрогнуло. Он долго, старательно пил, наслаждаясь ее присутствием. Наконец осушил графин и поставил кружку на поднос. Девушка склонила голову, повернулась и неслышно пошла к двери. Украдкой глянув на ее стройную фигуру, он совсем осоловел. Когда закрылась за ней дверь, Александр повернулся к боярину:

– Боярин, цветок у тя расцвел, так что жди сватов!

Вернувшись домой, Александр не находил себе места. Анастасия так и стояла перед его глазами. Ему часто казалось, что кто-то, узнав о ее красоте, шлет уже сватов. И ругал Дмитрия, который так долго гостил в Орде.

И грянула внезапно страшная весть – брата больше нет! Ее сообщил Александру ханский посланец, который передал веление

Узбека явиться к нему в Орду. Посланец был добрым человеком. Увидев, как побелел Александр, успокоил его, сказав:

– Великий хан сам хочет утвердить тебя на княжество.

Эти события заставили князя забыть о кашинской деде.

Узбек был мудр и дальновиден. Его дружба с московским князем не затмила ему глаза, и решил он привлечь на свою сторону Тверское княжество, не только утвердив за ним Александра, но и дав ему чин Великого.

Охваченный радостным чувством, что остался жив, да еще получил сан великого, Александр стал бредить юной девой. Он хотел немедля отправить сватов. И только епископ, узнав об этом, напомнил ему о гибели брата и тех сроках, которые надо было выдержать, чтобы засылать сватов.

Как только подошло время, тотчас начали снаряжать сватов. Но тут на пути его счастья встали бояре. По их мнению, жену князю надо выбирать не по сердцу, а по разуму. Почему бы ему не сосватать одну из дочерей Гедимины? Князь же проявил характер. Спор стал разгораться до опасных размеров. Князя спас епископ, который встал на его сторону. Ссориться с ним никто не хотел, и бояре отступили. Сваты были посланы.

Кто откажет Великому князю, тем более, если он просит руки дочери боярина? Да и сам князь – высокий, стройный, с мужественным и открытым лицом – пришелся девице по душе. Свадьба была пышной. Даже сам хан прислал подарки. Счастливы были молодые. Да только что-то вскоре стал грустить муж. От жены не ускользнуло его настроение.

Не хотел князь посвящать дорогую женушку в свои дела, да разве откажешь любимой, если она просит ангельским голоском. И поведал он ей свою печаль. А причиной был московский князь, который, по слухам, не очень хотел признавать его великое княжение.

Жена возьми и посоветуй помириться им.

– Жить надо мирно. И людям хорошо, и княжества только выиграют. Что вам делить? Вы ведь одной кровушки – Невской, – сказала она.

И предложила мужу пригласить Ивана в гости, а в помощь взять митрополита Петра. Тому понравилось предложение князя. Митрополит ради такого дела быстро закруглил свое пребывание в

Твери и вернулся в Московию. Он начал уговаривать Ивана Даниловича поехать в Тверь, чтобы распить кубок дружбы. Поколебался, было, князь. Да как митрополиту откажешь. Дал согласие. Обрадовался Александр такой вести и стал готовиться к встрече.

ГЛАВА 5

Ваттаман^[1] Хист, прозванный так за ловкость (настоящего имени его никто не знал), возвращался не в духе. Со своей ватагой он побывал даже под Саркелом, но все было напрасно. Купцы поумнели. Московские стали сбиваться в кучу, под охрану княжеских дружинников. За это, правда, Иван Данилович драл с них три шкуры. Но куда деваться. Без них можно и все потерять.

Тверичане давно нанимали воев. Встречались и умники, которые в одиночку, по-тихому пытались добраться до Сарая. Но нередко попадали в руки вольных людей. Среди них Хист занимал первое место. Сам собой видный: черняв, с острым, пронзительным взглядом. Решителен. Если что, не жалеет ни врагов, ни своих. Поэтому у него в ватаге высокая дисциплина, а она помогает выкручиваться ух из каких положений.

Вот и на этот раз. Высмотрели один обоз. Не очень большой: три купца с людьми. Мужики здоровые, да и вои из них отличные. Насмерть стали драться за свое добро. Не будь Хиста, ничего бы с ними не сделали. Они враз загородились, как татары, телегами и стали отбиваться. Особенно один, такой здоровяк в кольчуге. В одной руке меч, в другой бульдюга. Расшвыривал нападающих играючи. Видит Хист: дело плохо, а он наблюдал с оката, стегнул коня и на него. Поднял на дыбы перед ним конягу. Тот ждал удара, приготовился его отразить, а ваттаман как змей скользнул под конское брюхо и воткнул меч купцу в дышало. Он не сразу упал. Бульдюгу бросил, рукой рану зажал. А меч не выпускает. Страшная картина развернулась перед ваттаманом. Стоит могучий человечиче, весь в крови, глаза чуть не вылазят из орбит, дико хрипит. Но... стоит. Долго так продолжаться не могло. Вторично мелькнул ваттаманов меч. Упал здоровяк на колени, потом свалился с воза на землю. Оборона была прорвана, торговцы порубаны.

Только ватага хотела поживиться добычей, как раздалось могучее: «Уррачх!». То татары шли на них лавиной. Не усмотрел ваттаман, не выставил бекеты. Но не растерялся. Его пронзительный свист собрал вмиг его людей и повел их на татар. Те от таких неожиданных

действий не успели сомкнуться, и Хист прошел их, как шило валенок. Спасительный лес был рядом. Хист людей сохранил, но ушел ни с чем.

Коль появились здесь татары, искать было нечего. И повел ваттаман людей на север. Они грабанули пару боярских дворов, да рязанский князь послал дружину. Пришлось и от них уносить ноги. Так, почти с пустыми руками, усталая и злая ватага возвращалась в свое логово. Степные участки преодолевали быстро, хотя там было и опасно. Но вот двигаться в лесу было трудно.

В одной из последних деревень оставили смердам лошадей. Шли пешком, след в след. Впереди ваттаман, сзади с метлой ватаговец. Хист все поглядывал на небо, голубое оно, выдать может. Скорее бы снег притрусил, следа бы видно не было. Побаивался ваттаман, как бы бояре вдогонку воев не послали. А если еще у князя помощи попросят, ой, и думать не хочется.

Хист вел ватагу уверенно, хорошо зная местность. Для ночлега место выбирали под ветвями могучих елей, куда ни солнце, ни снег проникнуть не могли. Спали на мягкой еловой подстилке. Этим утром, выбравшись из своего пристанища, Хист даже свистнул. Небо покрылось тучами, начался снегопад. В такую погоду идти можно было кучно, что резко ускоряло их скорость. К вечеру они были на месте.

– Ху, – Хист остановился перед вывороченной огромной елью, – кажись, наша бурдюга! – вытирая потный лоб, промолвил он, сбрасывая с плеч тяжелую ношу.

Скоро ватага навалила целую кучу чувалов.

– А где же наш Сулим? – тревожно произнес ваттаман, не видя встречающего.

– Да дрыхнет старче! – ответил кто-то.

Не успели прозвучать эти слова, как послышался голос:

– Сам ты дрыхнешь.

И из выхода показалась голова, покрытая старым, изъеденным молью, малахаем. Это был лет пятидесяти – шестидесяти мужичонка с полуседой бороденкой.

– Принимай добычу! – суховато сказал Хист.

Тот посмотрел на него:

– С возвращеньцем! – произнес Сулим, кланяясь по привычке. – Скажи им, – он кивнул на толпящуюся ватагу, – пуцай подмогуть!

– Ой, братцы! – воскликнул один из них, – что-то приспичило, – и побежал в сторону, на ходу торопливо развязывая порты. – Братцы, кажись, человек!

Все бросились к нему. Действительно, из-под снега виднелось чье-то туловище.

– Эй, чего стоите! – гаркнул ваттаман, – быстро снег разгребайте.

Отбросив снег в сторону, все увидели человеческое тело. Его голова была прикрыта воротником, и лица не видно.

– Поднимите! – крикнул Хист.

Когда подняли, все увидели, что это был молодой парень.

– Дышит! – крикнул один из них, распахнув полу одежды и приложив ухо к его груди. – Что делать будем, ваттаман? – спросил и добавил: – В курень потащим? – он по привычке назвал так свою землянку.

– Несите к себе! – распорядился тот.

Тащить парня было трудно. Он оказался здоровым детиной. Но особенно попотели они, спуская его через узкий лаз, который для маскировки был устроен среди корней могучей ели. Когда, наконец, втащили, ваттаман скомандовал:

– Расстегайте, снегу несите, оттерем, как бы не обморозился. Несите камни, да дров поболи. Истопку готовьте. Ты, – он ткнул пальцем в молодого парня, – надобедь к деду Алиму. Чует мое сердце, без него не обойтись.

Парень бросился к лазу.

– Снегоступы одень, – вдогонку крикнул ваттаман.

Дед Алим жил на острове бирюком. Сколько ему лет, он и сам не знал. Был он бел. Волосы померкли цветом, но не объемом. Его голова походила на маленькую копну. Брови были настолько лохматы, что прикрывали глаза. Лицо же так заросло, что рассмотреть на нем можно было только глаза, которые выглядывали из-под бровей, да нос с широкими лошадиными ноздрями.

Алим был молчаливым человеком, не любил о себе рассказывать. Но в ватаге знали, что он был из казаков, как и они сами. Старые казаки сказывали, что когда-то Алим был знатным бродником. Слава о нем гремела от Рязани до Кафы. А попал он на Дон, опасаясь мести его семье. Второй год солнце выжигало не только траву, но и урожай смердов. Он, как и многие другие, вынужден был просить у боярина в

долг зерно и немного денег. Как ни старался смерд в междупарье сберечь свой урожай, но... а боярину надоело ждать. И он захватил его жену и детей, чтобы продать их в рабство. Но боярин плохо знал смерда. Он разогнал охрану, поджег его хоромы и с семьей бежал на юг.

Но ему опять не повезло. Татары неожиданно напали на поселение. Казаки оборонялись не на жизнь, а на смерть. Когда Алим очнулся, кругом лежали кучи тел, дымилась сгоревшая трава. Своих казак не нашел. Тогда он собрал ватагу. Он одинаково ненавидел как русских бояр, купцов, так и татар. Жалости не было... Но вот однажды его ватага попала в татарскую ловушку. Весь израненный, в живых остался только он один. И то потому, что его приняли за убитого, иначе бы добились. Спас Алима один старец, который проживал в тех местах. Он его и выходил. И Алим решил больше не заниматься своим промыслом. Остался у старца жить. И научился у него лекарским премудростям. Учеником он оказался талантливым. После смерти учителя Алим ушел на остров, там выстроил землянку. Первой его пациенткой оказалась девушка из одной беглой семьи. Бесперывные войны заставили эту семью искать спасения в Диком поле. Невзгоды долгого пути сказались на дочери этой семьи. Она сильно заболела. Родители были в отчаянии. Случайно Алим оказался рядом. Увидев девушку, он почувствовал, что сможет оказать ей помощь. И вылечил. О его чудодейственной силе быстро распространилась молва. И потянулись к нему люди.

Вот к нему-то и прибежал человек Хиста. Алим, выслушав его, зашел в свою землянку и вынес оттуда мешочек какого-то серого порошка, а в бычьем пузыре какого-то сала.

– Нагреешь в бочке воды, высыпешь, – он пальцем ткнул в мешочек, – спустишь парня туды. Пуцай он тама отогреваться. Потом, когда вытацишь, натрешь, – и показал на сало. – Понял? – и вприщур посмотрел на парня.

Тот кивнул.

– Кликат-то ты как? – спросил Алим, глядя на его снегоступы.

– Митяем, – отозвался тот, налаживая приспособление.

– Обожди! – сказал лекарь и вновь вернулся в землянку.

На этот раз он вынес свои снегоступы. Они были плетены из ивняка и состояли как бы из двух частей. В них можно было бежать.

Митяй вернулся так быстро, что его еще никто не ожидал. А парню становилось все хуже, он почти все время был без сознания, бредил, говорил несвязные слова. Неожиданное появление Митяя обрадовало Хиста и его людей. Они почему-то прониклись к этому парню жалостью. Может быть, из-за благого выражения его лица, которое так и говорило о добродетели и доблести.

– А ты... зубец! – обрадованно произнес Хист, принимая от Митяя дары Акима.

После обряда, указанного старцем, парень заснул спокойным сном. Стоны прекратились, он не стал метаться. Поглядев на него, Хист сказал:

– Все, будить жить, – и велел набросить на него медвежью шкуру. – Надобедь попестовать его, – и скользнул взглядом по мужикам. Те, насупившись, молчали.

– Я, – отозвался Митяй, видя, как другие отлынивают.

Хист ничего не сказал, только вновь покачал головой и пожал неопределенно плечами.

Митяю почему-то незнакомец дюже понравился, и появилось непреодолимое желание спасти его. Пришел отец, с которым они бежали от постылой жизни.

– Ты чего не дрыхнешь? – спросил отец, глядя, куда бы сесть.

В землянке царил полумрак. Несколько коптящих лучинок слабо освещали огромное помещение, в котором находили приют несколько десятков человек.

Вот здесь они отсиживались после набегов. Но Хист и многие из его ватаги понимали, что отсюда надо уходить. Московский князь для поддержки купцов, которые хорошо пополняли его казну, выделил воев, и они все сильнее наступали Хисту и его ватаге на пятки. Не долог день, когда они доберутся и сюда. Оставался один путь – спускаться еще южнее и, как говорил Аким, идти назад к казакам. Благо, это не возбранялось их неписаными законами. Эти вольные, свободные люди с силой вновь тянули их к себе. Сопrotивлялся один ваттаман, боясь, что там уже его никто так не назовет. Их жизнь он хорошо знал. У них многому и научился. Только воля предводителя удерживала ваттаманов от такого шага. Поддавшись когда-то на его уговоры, мол, одним будет лучше, они, как волки, отбившиеся от стаи, только и думали, как вновь вернуться к казакам.

Больной очнулся только на вторые сутки. Открыв глаза, он не мог понять, где находится. Полумрак мешал разглядеть помещение. Он попытался подняться, но не хватило сил. Из его груди вырвался стон.

– Ты что? – раздался незнакомый глухой голос.

И над ним склонилась чья-то обросшая голова.

– Где я? – напрягая все силы, промолвил он.

– Ты... у ваттамана Хиста, – послышалось в ответ.

– У ваттамана?

– У его.

Больной опять застонал.

– Что болит-то? – участливо спросил неизвестный.

– Все, – услышал он в ответ.

– Худы дела. Пойдуть к ваттаману.

Он сделал было шаг, но что-то вспомнив, обернулся и спросил:

– А исть хошь?

– Нет, – тихо ответил больной.

Вскоре, сквозь дремоту, больной вновь услышал над собой чьи-то голоса.

– Так, значица, худ? – спросил Хист.

– Худ, худ, – ответил тот, кто недавно с ним разговаривал.

– Да, надоть к Акиму его тащить, – как бы в раздумье проговорил ваттаман, – кто... сподобится? – и почесал затылок.

– Я! – раздался сонный голос Митяя, – я сподоблюсь! – И он поднялся.

– Ладноть, все одно. Выдержит ли? – Хист кивнул на больного.

– Все под богом ходим.

Митяй не стал оттягивать уход. Больного, одев в просохшие одежды, вывели на улицу и положили на волокушу. Хист спустился в схрон, принес оттуда медвежью шубу и накрыл больного. С какого боярина или купца снял, было неведомо. Сулим подал Митяю котомку с едой и сунул в руку пучок сухого светца.

Митяй снял шапку, перекрестился, плюнул на руки, надел «хомут» и рывком взял с места, крикнув на прощание: «Покель!».

Вскоре лес поглотил его. Двигаться стало труднее. Мешали кусты, упавшие деревья. Частенько в ход приходилось пускать топор. Но он упорно тащил за собой больного. В его голове ни разу даже не мелькнуло сожаление, что ввязался в это дело. Он тащил и тащил

больного. Надвигавшаяся темнота заставила Митяю остановиться. Он разгреб снег, развел костер, напоил юношу отваром. Подбросив дров в костер, чтобы огня хватило до утра, поднял полог ватмановой шубы, подлез под бок к больному.

– Вместе будем – теплее спать! – с этими словами его голова упала на локоть.

Митяй проснулся на рассвете. Еще не открывая глаз, он почувствовал собачий запах. Отбросив полу, приподнялся и в серо-темной пелене увидел собаку.

– Откеда? Не может быть, – прошептал он.

Но это был огромный пес. Таких Митяю видеть не приходилось.

– Песик! – позвал он собаку, – иди ко мне.

Тот, прихрамывая, прокондылял мимо Митяю и остановился около больного, тщательно обнюхивая его. И тут вдруг с псом что-то случилось. Он радостно заскулил и стал старательно лизать лицо больного. И до Митяю дошло, что псина нашла своего хозяина. Разве мог пес так лизать чужого ему человека!

– Ну что, псина, – глядя на него, сказал Митяй, – нам пора.

На этот раз все чаще и чаще глубокие овраги преграждали путь. Ельник стал меняться на дубовые и березовые рощи. Митяю это радовало: недолго осталось и до Алима. Преодолев очередной подъем, они спустились в удолье. Это вещало о речной близости. Так и есть. Вот и река. Ветер сдул снег со льда, и он, чистый, голубой и прозрачный, казался стеклом, на который страшно было ступать. Но Митяю было не до наблюдений. За рекой Алим. И он, думая только об одном, спокойно вступил на эту зимнюю красоту.

Теперь одна забота – не угодить бы в полынью. Только Митяй об этом подумал, как лед под ним затрещал. Он успел оттолкнуть назад «волокушку» вместе с собакой и... ушел под воду. Вскоре вынырнул и попытался выскочить на лед. Но не успел на него опереться, как тот с хрустом под ним рассыпался. И что-то тяжелое потянуло вниз. Митяй понял, что это шубейка. Он сбросил ее, но это мало помогло. Лед словно издевался над ним. И у парня стал зарождаться страх, который подстегивался тем, что ему все труднее было держаться на воде. Он вторично ушел под воду. Снова вынырнул. Вдруг его мозг прожгла страшная догадка: это – конец!

Страх за свою жизнь, за жизнь больного заставил его еще раз сделать попытку выползти на лед, и он попытался удержаться на другом краю полыньи. Лед выдержал. Собрав последние силы, Митяй выбрался из полыньи. Оказавшись на льду, он не верил еще в спасение и какое-то время боялся даже разжать руки. Надо было срочно утепляться. Не хватало еще погибнуть от мороза. Но запасной одежды не было. Взгляд упал на атаманову шубу. Дорога! Но была не была! Он схватил ее и надел на себя. Устроив дикий танец, вскоре почувствовал, как тело начало согреваться. Можно было продолжать путь. Но его чирики лежали на дне реки. Недолго думая, Митяй отрубил рукава шубы и надел на ноги. Обвязав их веревкой, получил чувяки. Теперь можно двигаться дальше. С опаской он ступал на лед. Но с каждым шагом к нему возвращалась уверенность.

– А ну бегом! – крикнул он себе и бросился бежать.

Пес отчего-то залаял и побежал рядом с ним.

Митяй бежал долго, чтобы не подхватить простуду после охлаждения. Пот стал пробивать его.

Преодолев еще полверсты, Митяй увидел, как из-под земли поднимается столб дыма.

– Алим дома! – и даже подпрыгнул от радости.

Ступени по-хозяйски очищены. Дверь землянки была закрыта. Митяй рывком открыл ее. Дед сидел у оконца за столом и что-то мастерил. Этот рывок двери заставил его быстро, насколько позволяли немолодые годы, повернуться. Митяя трудно было узнать: без шапки, с полуголыми руками и ногами, он походил на сака, с которым довелось встречаться ему еще в молодости.

– Дед Алим, – радостно воскликнул Митяй, бросаясь к нему.

– Ааа! – успокоительно произнес дед, узнав Митяя. – Хворого привез, – догадался он, потихоньку освобождаясь из крепких объятий парня, – тащи его в курень, а я хапой займусь.

– Я щас! – Митяй бросился к выходу.

ГЛАВА 6

Отпраздновав Сретение Господне, тверской князь Александр послал бояр Александра Романовича и Захария Кошку в качестве послов просить князя Ивана Даниловича и его супругу, княгиню Елену, пожаловать к нему в Тверь на день Благовещения Пресвятой Богородицы.

Послы были снаряжены достойно: новые кареты с печами и облучком, солидный обоз с провиантом и подарками. И сотня дружинников.

Весь этот обоз двигался не очень быстро: мешали метели. Иной раз пуржило так, что хоть глаз коли, ничего не видно. Наконец, добрались до деревни Ходынки. Вечерело. Бояре решили заночевать в деревне, а с утра снарядить гонца в Московию, чтобы тот предупредил князя об их появлении. Смерд Захарий согласился показать дорогу до кремля.

Еще не светало, а Захарий и гонец уже тронулись в путь. Стояла морозная погода. Полная луна серебряными лучами освещала дорогу. Захарий, закутавшись в овчинный тулуп, ехал молча. В такую рань разговаривать не хотелось. Молчал и тверичанин. Ему впервые доверили такое дело, и он обдумывал, что скажет князю. Пока он думал, впереди замелькали огни.

– Московия? – спросил тверичанин.

Захарий, посмотрев вперед, потом вокруг, ответил:

– Нет. Тверская слобода.

После заутрени московский князь решил съездить в Мягково, где добывали белый известковый камень. Он заложил первую в Московии каменную церковь Успения Богородицы, чем очень гордился. Вчера он был на месте закладки. Каменщики работали споро, но у них кончался камень. И князь пообещал, что поторопит добытчиков.

Проезжая мимо церкви Иоанна Предтечи, единственной на кремлевской территории, он увидел, как из ее дверей вышел высокий сгорбленный священник. Князь сразу узнал его. Это был Петр, митрополит всея Руси. Догнав его, Иван Данилович спрыгнул с коня.

– Слава Всевышнему! – сказал он, склоняясь и целуя его руку.

– Да пошлет он тебе свои милости! – произнес митрополит, крестя князя.

– Далеко ли путь держишь? – спросил митрополит.

– Да в Мягково!

Петр понял, зачем, и улыбнулся доброй старческой улыбкой.

– Растет, – бородой показывая на возводимые стены церкви, произнес митрополит.

– Хочу, чтобы росла быстрее, – ответил князь.

– Ну, ступай, – митрополит еще раз перекрестил его.

Спустившись к берегу, проехав сквозь торговые ряды, князь по льду реки выехал на другой берег. Не успел въехать на улицу, как встретил двух всадников. Один из них еще издали снял малахай и что-то сказал спутнику. Тот, когда подъехали поближе к князю, спрыгнул с коня и, прижав руку к сердцу, произнес:

– Князь, дозвожь слово молвить.

– Кто ты будешь, мил человек? – спросил князь, останавливаясь.

– Я – Иван, сын Бурка. Еду, князь, к тебе по повелению своего великого князя Александра, – при этих словах князь скривился, – велено мне сказать, что едут к тебе его посланники, они тебе кланяются и нижайше просят их принять!

– Где они? – быстро спросил князь.

По его тону можно было понять, что эта весть не очень его обрадовала. О том, что его хочет пригласить в Тверь Александр, он знал. Поведал ему об этом сам митрополит, отказать которому он не мог, хотя в душе был против. Одна из причин – боязнь. Хан Узбек был хитрым, умным правителем. Его устраивало, что эти два самых сильных княжества ведут постоянную борьбу друг с другом, подрывая свои силы. А если они объединятся? Нет, хан никогда этого не позволит! Тогда зачем накликаешь на себя несчастье? Но в то же время, как потом ему смотреть в глаза митрополита Петра, который очень хочет, чтобы князья жили в мире, в дружбе. Он как-то сказал:

– Мы поставлены от бога, чтобы удерживать вас от кровопролития.

Мысль работала быстро.

– Иван, сын Бурка, – князь обратился к гонцу, – хочу вас хорошо, по чину встретить. Велю подождать в Тверской слободе. Я пришлю за вами своих бояр. Так и передай.

Иван, сын Бурка, улыбнулся:

– Слушаюсь, князь. Вели ехать?

– Ехай! – бодро сказал Иван Данилович, стегнул коня и поскакал назад, отложив поездку в каменоломни.

В гридницу он пригласил бояр Василия Кочеву, Никиту Плещей, дворского Осипа Уварова. Войдя в гридницу, они застали князя сидящим у очага. Он грел руки с мороза. Князь не стал пересаживаться в кресло за большим столом, а сказал им взять сидельца и подсаживаться к нему. Когда они уселись в полукруг, Иван Данилович оглядел их, точно видел впервые, потом произнес:

– К нам пребывает тверское посольство.

Сказав, опять поочередно посмотрел на приглашенных. Осип заерзал на месте. Князь усмехнулся.

– Что, гостям не рад? – и добавил: – Я и сам не рад. Но... – и пожал плечами.

Помолчав некоторое время, снова заговорил:

– Ты, – он показал пальцем на Василия, – едешь встречать гостей. Привезешь их завтра к ночи. Въезжать будешь через западные ворота. Ты, – князь поглядел на Никиту, – уведоми баскака, что завтра выезжаем на соколиную охоту. Скажи ему, что я подарю ему лучшего сокола.

Плещей улыбнулся:

– Он любит это!

Улыбнулся и князь:

– Кто не любит! Возьмешь шатры, – голос князя посуровел.

– Надолго едем-то? – спросил Плещей.

– Пока гости не уедут, – ответил князь. – А ты, Осип, сделай так, чтобы они из стен не выходили.

Всем было ясно, что князь не хочет, чтобы баскак знал о прибытии тверичан. Только они не понимали одного: баскак без князя не поедет. А как же гости? Ивана Даниловича трудно провести. Он понял, что их мучит.

– Осип, – сказал князь, – сходишь к митрополиту и возьмешь у его дворского траву, которой преподобный освобождает желудок.

Все поняли намерения князя и заулыбались. Но взгляд князя был строг.

– Василий, ты поймал... стародубского сыночка? – неожиданно спросил князь.

– Нет, – ответил тот, опустив голову, – ищем, но он как в воду канул.

– Ищи. Мы на нем покажем другим не замышлять подобные поступки.

На другой день, спозаранок, из кремля выехал небольшой отряд. Редкие путники, встречая его, отмечали про себя: «Князь едет на охоту». Об этом они догадывались по сокольничим, которые держали на руках хищных птиц. Князь ехал рядом с баскаком. Тот был рад такой неожиданной поездке. Засиделся в хоромах, душа просила простора. Баскак рассказывал князю, как он в детстве в далеких монгольских степях охотился с отцом. Князь слушал, но весь его вид говорил, что он о чем-то сосредоточенно думал.

И вдруг князь сморщился, схватился за живот. Потом, стегнув коня, ускакал в ближайший лес. Когда вернулся, его лицо было болезненно искривлено. Немного проехав, он опять помчался в лес. На этот раз, вернувшись, сказал, что он их догонит, надо подлечиться дома, и, подмигнув Плещею, повернул коня. Баскак несдержанно рассмеялся и что-то бросил вслед князю. Иван Данилович обернулся и шутливо погрозил плетью.

А в княжеских хоромах готовились к встрече нежданных гостей. Обоз прибыл в Кремль около полуночи. Посланцев пришлось вытаскивать из кибиток, настолько они были пьяны. Пока растаскивали их по одринам, князь все это время смеялся.

– Скажи, Василий, – спросил он, – как тебе удалось так их напоить?

Улыбнулся и боярин. Хитро сощурился, ответил:

– Да попался Потап Сурожанин, а он же тожить частый гость в Твери. Купчина-то знатный. Он к себе-то их и зазвал. Те было заупрямились, мол, срочно к князю надоть. Да я пособил. К нему и свернули. От него я-то их в Заяузье завез к гончарам да кожевникам. Те окружили дорогих гостей... – он глянул на Ивана Даниловича.

Тот зевнул. Ему стало понятно.

– А как ты, князь, вернулся?

Иван Данилович вспомнил возвращение. Рассказывать не стал, только ответил:

– У Плещея спросишь! – и хохотнул. – Почивать пошли, завтра тяжел день будет.

Не успели гости проснуться, как их тут же позвали к князю. Он встречал их в гриднице за накрытым столом. Представления не получилось. Князь тут же усадил их за стол. Кошка все же успел сказать, что молодой князь Александр и его жена Анастасия приглашают князя Ивана Даниловича и княгиню на Благовещение к ним в Тверь. Князь, прежде чем ответить, прикинул, что свой отъезд мог обозначить для баскака как выезд на полюдь. Кочева с интересом посмотрел на него.

– Хорошо! – ответил князь. – Будем! А пока, дорогие гости, попотчивайтесь с дальней дороги.

И отроки тотчас налили тверичанам в кубки заморские вина. Гости переглянулись. Их лица выражали удовлетворение. Еще бы! Согласие получено! Вот только как быть с подарками? Хотелось как-то прилюдно их вручить. Александр Романович, грузный, представительный мужчина, попытался прояснить это дело. Но его перебил князь:

– Этим пусть займется Миняй!

Бояре много слышали о нем, главном княжеском казначее, и перечить не стали. Иван Данилович поднял кубок:

– Выпьем-ка за вашего князя!

И пошло, и поехало. После третьего кубка, когда в душе появилось горячее желание высказаться, поднялся Александр Романович. Пухлыми пальцами он отбросил назад волосы и заговорил грудным басом:

– Князь! Дозволь слово молвить.

Князь испытующе посмотрел на него. Но кроме довольства на его лице ничего не заметил и кивнул головой.

– Великий князь! – боярин льстил хозяину, назвав его так. При этих словах он даже подобрался. – Я понимаю, почему ты так охотно откликнулся на приглашение. Вот проехал я по твоему городу и увидел, как много тут строится, растут твои слободы. Тебе нужен мир, – он поднял кубок. – Да будет мир между нами. Твое здоровье, князь! – и, пошатываясь, пошел целоваться с князем.

Гостей опять угостили так, что они не заметили, как исчез князь. Главным их переговорищиком стал Кочева.

А Иван Данилович мчался к баскаку. Ему очень не хотелось, чтобы тот его в чем-то заподозрил. Увлеченный охотой, Ахмыл встретил появление князя с радостным возбуждением. Переполненный гордостью, он схватил князя за руку и со словами: «Ти смотришь моя добыч!» потащил его к шатру, где складывались охотничьи трофеи.

– Мой добыч! – показал он на кучу сваленных лис, зайцев, куропаток.

С его широкого татарского лица не сходила улыбка. Соболья шуба, подарок князя, была распахнута, открывая русскую луду, златом вытканную. Тоже – княжий подарок. Он был чуть ниже среднего роста, но крепкий, кряжистый мужик.

– Молодец! – князь потрепал его по плечу.

По блестящим глазам можно было видеть, что похвала оказалась весьма приятна баскаку.

Князь посмотрел на Плещя:

– И нам пора?

Тот кивнул. Оседланные лошади уже ожидали их. А в сторонке толклись сокольничие, ожидая команды. Конюх подвел князю коня, гнедого жеребца. В скупых зимних лучах его шерсть горела серебром. Он так и норовил вырвать узду, но твердая рука князя осаживала разыгравшегося жеребца. Вставив ногу в стремя, он легко вскочил в седло. У татарина конь «родной», меньше княжеского, но мало в чем уступает тому.

– Ахмыл, на ауку пойдем? – спросил князь, глядя сверху вниз на татарина.

Лицо того расплылось в улыбке, как же: князь по-татарски назвал бирюка.

– Лядно, – ответил баскак.

Князь и баскак едут впереди. Сокольничие с птицами поодаль. Бескрайнее поле лежало перед ними, раскинувшись белоснежной скатертью. Искрящийся снег резал глаза, заставляя надвигать на лоб косматые шапки. Приложив ладонь над глазами козырьком, князь стал оглядывать местность. Заметив небольшой холм, он направил к нему коня.

Глаза баскака оказались зорче.

– Князь! – воскликнул он, – тама! – и показал куда-то в сторону.

Иван Данилович прищурил глаза и увидел едва заметные точки. Они двигались поперек поля.

– Да, Ахмыл, ты прав. Там стая бирюков!

Князь стегнул коня, и все сорвались с места.

Вот он, охотничий азарт, который вспыхивает внутри и, забыв обо всем на свете, заставляет нестись вперед сломя голову. «Лишь бы не ушли», – бьется мысль у каждого охотника. Кони шли галопом, выбиваясь из сил. Но их седоки в азарте нещадно работали плетьюми. Маленький юркий татарский конек не уступал княжескому. Его ноги мелькали так часто, что порой, когда взбивался снег, казалось, будто он летит по воздуху.

Наконец, охотники приблизились настолько, что серых можно было рассмотреть. Они шли не спеша, опасности еще не заметили. Впереди здоровый, матерый волчище. Сразу можно было догадаться, что это вожак. Всадники остановились. Князю и баскаку посадили на рукавники птиц. Звери почувствовали что-то неладное, и стая, как по команде, вдруг остановилась. Вожак отбежал в сторону и поднял вверх голову. А затем неожиданно рванулся вперед, за ним вся стая. Стало ясно, вожак учуял опасность и повел стаю за собой. Впереди, у горизонта, виднелась темная полоса. Это был лес.

– Пускайте! – заорал сокольничий.

Князь бросил поводья, приподнял левую руку и сорвал с птицы колпачок. Беркут, почувствовав свободу, тяжело взмахнул крыльями, да так, что князю пришлось прятать голову. Видя, что князь пустил беркута, это сделал и баскак. Все, не отрывая глаз, наблюдали, как птицы набирали высоту. И вот они уже не машут крыльями, а медленно парят в вышине, выбирая себе добычу.

Приостановился и бег волков. Звери, почувствовав, что погоня отстала, как-то успокоились. А вот сверху опасность они еще не чувствуют. Охотникам видно, как по спирали опускаются птицы, потом камнем ринулись вниз и, вцепившись в спину добычи, железным клювом начали долбить голову. От страха жертва ускорила бег, стремясь этим избавиться от врага. Но бившая из ран ключом кровь привела к потере сил. Постепенно бег зверя замедлился. Он начал ковылять, чтобы вскоре свалиться, орошая белоснежную скатерть алой кровью.

Когда охотники подскочили, птицы гордо восседали над жертвами. Баскак радовался. Его радость передалась и князю. Она у

него была двойной. Он понял, что приезд тверских посланцев для баскака будет тайной. И он не мог не радоваться, что его птица добыла бирюка. Князь не очень тяготел к охоте. Но вот добыча была ему приятной, только он удивился тому, что оба беркута почему-то не осмелились напасть на вожака. Птица, а в силе разбирается.

Возвращались все в приподнятом настроении. А на стойбище уже готовились к встрече. На вертеле томились косули, зайцы, куропатки и прочая живность. Выставлены кубки для холодного медка. Поднимая его, князь на мгновение задумался: а как там с гостями? Хотя понимал, что Кочева не подведет.

Князь был прав. Василий знал свое дело. Тверские бояре от вчерашней попойки проснулись только к обеду. Спросив у Кочева, где князь, надо же было с ним проститься, отблагодарить за такую теплую встречу, к своему удивлению узнали, что они с ним простились еще вчера, когда собирались уехать. Но... Бояре были в смущении. Что подумает князь? Василий их успокоил:

– Разве вы не русские люди? Как же по-другому встречать таких дорогих гостей?

Они успокоились и заторопились с отъездом. Даже стали отказываться от обеда, показывая на окна, что скоро солнце скроется за горизонтом. Хитрый Кочева с ними согласился и сказал, что раз так получилось, надо бы зайти к княгине и проститься с ней. Бояре согласились. Омыли опухшие лица, принарядились.

Елена принимала их в гриднице.

Молча выслушав приветствие бояр и полагающую по случаю лесть, она тихим голосом попросила их отобедать с ней. Гости не могли ей отказать. Также и в питье. Княгиня только помочила губы в вине, заставив их осушить кубки. Уезжали они, когда на город опустилась темень. Тверичан опять отнесли в кибитки. Люди Кочева проводили их до Тверской слободы.

Возвращение бояр Александр ждал с нетерпением. Мало ли что Иван Данилович дал когда-то согласие на посещение Твери. Но прошло время, всякое могло случиться. Бояре поведали все, не таясь. Александр принимал их в гриднице. Готовясь к встрече с московским князем, он сильно ее обновил. На стенах появились дорогие восточные ковры, немецкие канделябры. Цветные стекла, взамен обычных, в

сочетании с коврами делали помещение каким-то сказочным. Дубовая, грубой работы, мебель заменена на новую мебель, венгерскую, более изящную. Кроме ковров стены украшали головы медведей, бирюков, оленей попеременно с дорогим оружием. В общем, в гостиной соединился вкус Запада с восточной роскошью.

Александр внимательно слушал бояр, изредка поглядывая в сторону своей молодой жены, которая находилась в некотором отдалении от него, как бы подчеркивая этим, что в дела мужа она не вмешивается.

– Так, значит, князь встречал вас ночью? – уточнил он сказанное.

– Да, да! – враз подтвердили они.

– И подарки не смотрел?

– Не смотрел! – ответили они.

Князь начинал заводиться:

– И уезжали ночью?

– Ночью, ночью! – опять подтвердили бояре.

– Так! – процедил князь сквозь зубы и нервно вскочил. – Заелся москвитянин.

Он расценил действия Ивана Даниловича как неуважение к нему и даже как... насмешку.

– Ему надо устроить новое Бортенево! – вырвалось у него из груди.

Услышав эти слова, княгиня на мгновение даже побледнела. Но быстро взяла себя в руки.

– Милый! – серебряным колокольчиком зазвучал ее ласковый голосок. – А может, он хочет в тайне сохранить ваши встречи?

Бояре переглянулись меж собой. Растерянно посмотрел на них князь.

– А это еще зачем? – поворачиваясь к жене, спросил он.

– А затем, – губки ее расплылись в улыбке, – чтобы не вызвать сомнения в вашей верности Великому повелителю. Вдруг тот подумает о сговоре?

Князь сел и задумался. А по лицам бояр можно было прочесть: «А ведь верно сказано. Хан спокоен, когда князья грызутся меж собой. А тут – дружба. Умен московит, ничего не скажешь. А баба?!»

– Думаю, он и к нам ночью завалится, – уверенно заявил Александр Романович, забрасывая космы на плешину.

Боярин как в воду глядел. Прослышав, что князь московский приезжает к ним в гости, в назначенный срок народ с утра повалил на улицы. Целый день прождали. Да все зря. Не приехал.

– Обман! – заговорили они под вечер, разочарованные в своих ожиданиях. – чтобы этот гордец приехал к нам, не в жисть!

Стража закрыла ворота. Галки расселись по местам. И вдруг в ворота кто-то постучал. Властно, уверенно.

– Эй, кто там? – воскликнул стражник, приготовившийся спать до утра.

– Боярин Кочева, – послышалось со стороны.

Это имя хорошо знали в Твери. Страх внезапно овладел стражником: «Неуж сам?». Вместо того, чтобы открыть ворота, крикнув: «Я щас», он побежал к сотнику. Тот, услышав о госте, приказал бегом вернуться и впустить приехавших, а сам опрометью бросился к князю.

Неизвестно почему, но князь не поверил словам боярина Александра Романовича. Он в ожидании томился весь день. Посылал сколько раз дворских, чтобы те проверили подъездную дорогу. Но тех, кого ждал князь, не было. Плюнув в сердцах, он пошел к себе в опочивальню, оставив надежду на другой день. Князь, стоя перед иконами, совершал вечернюю молитву перед сном, когда неожиданный скрип двери заставил его повернуть голову. Увидя на пороге сотского, сердце екнуло: «Что-то случилось!». Но не успел спросить, как тот выпалил:

– Гости!

Князь быстренько, перекрестившись, бросился в сени за сотником. На ходу набросив корзно, выскочил на крыльцо. А на дворе уже властвовала темнота. Александр посмотрел по сторонам, чтобы кого-нибудь послать за факелом, но рядом никого не было. Пришлось самому возвращаться в хоромы за факелом. Пока его нашел, сотник тем временем уже открывал ворота, впуская запоздавших гостей. Когда князь вновь вернулся на крыльцо, подняв факел, увидел, что во двор въезжают какие-то люди. Их немного, от силы человек десять. Но по виду то были кметы.

Один из них спрыгнул с коня, бросив узду подбежавшему сотнику, и, легко, пружинисто прыгая через ступеньки, стал подниматься по крыльцу. Князь стоял растерянный, не зная, куда

сунуть огнище. На его счастье, высыпала дворня, и он, обрадовавшись, сунул факел первому из них. Тем временем, раздвигая дворню рукой, гость подошел к князю. Ростом он был на полголовы ниже хозяина, но широк в плечах, и чувствовалось, что налит силой. Он обнял князя и даже легко, дружески приподнял его.

– С прибытием! – произнес хозяин.

Они расцеловались.

– Будь здоров, друже! – ответил Иван Данилович, держа хозяина за плечи. – Извини, что припозднились, – сани подвели, – сказал он, не вдаваясь в подробности.

Александр слегка улыбнулся, вспомнив слова боярина. В это время на крыльцо поднялась княгиня. Александр расцеловался и с ней. Забыв только что мучившие его обиды, хозяин вдруг почувствовал, что московиты довольно дружески к нему расположены. Это подняло ему настроение. Он сам открыл перед ними двери, приглашая в хоромы. В сенях, остановившись, сказал:

– Хочу попотчевать вас с дороги, – и поглядел на Ивана Даниловича и Елену.

Те переглянулись, и княгиня ответила:

– Князь Александр, я устала с дороги, давай отложим до утра.

Ее поддержал и муж. Князь как-то сник. Иван Данилович с улыбкой, дружески хлопая хозяина по плечу, сказал:

– Не печалься, друг мой, завтра догоним. А Елена, – он кивнул на жену, – правду сказала. Давай все начнем, как ты задумал, с утра. Только прошу тебя – не выноси это со двора.

– Ладно, – согласился Александр. – Петр, – позвал он зевавшего дворского, – покажи людям князя их покои.

Когда князь развел дорогих гостей по их опочивальням, он зашел к женошке. Та не спала. Она сидела перед зеркалом и расчесывала роскошные волосы.

– Ты? – удивилась она, видя на пороге супруга, и вопросительно посмотрела на него.

– Прибыли! – сообщил князь.

– С женой?

– Да. Но кто его сопровождает!

– Что, много народу?

– Да что ты, все наоборот. Выглядит, как бедный боярин. Интересно, – добавил он, вспомнив свои подарки, – что он нам привез?

– Многие говорят, что он жадоба, – рассмеялась княгиня, – и страшный. На козла похож.

– Утром увидим, – философски заметил муж, сбрасывая корзну.

Насчет подарков тверской князь беспокоился зря. После возвращения с той непредвиденной охоты, на другой день Иван Данилович с Миняем поехали в Кузнецкую слободу к Петрухе, лучшему кузнецу на всю слободу. Оставив за оградой коня, князь и Миняй вошли во двор. Навстречу им бросился большой черно-белый кобель.

– Пшел! – Миняй бросился защищать князя.

В это время, услышав остервенелый лай, в дверях показался здоровый мужик. Нагнув голову, он вышел наружу.

– Никак княже! – удивился он и заорал на кобеля, да так, что тот, поджав хвост, убежал за угол.

Хозяин пригласил нежданных гостей зайти в светлицу. Вдоль окон стоял тяжелый, грубой работы, дубовый стол с такими же ослонами. В углу находился небольшой иконник с лампадой. У тыльной стены стояло несколько кряжистых, украшенных коваными узорами, сундуков, да на стене висели полки с посудой.

– Дело есть, Петруха, – сказал он.

Петр послушно отставил сосуд и, глядя на князя, стал теревить густую, черную бороду в ожидании, что он скажет.

– Я приглашен к одному князю и хочу ему подарить меч. Но чтобы он был не как все, а смог бы показать величие Московского княжества.

Петр усмехнулся, покачал мохнатой головой. Толстыми заскорузлыми пальцами почесал грудь. Он явно обдумывал, что сказать князю. Тот терпеливо ждал, в душе радуясь серьезности этого мастера.

– Ну что, княже, – загудел он, – надоть, такмо скуем. Но токмо басу навесьть, тута никак фрязин потребується, – кузнец виновато опустил голову и исподлобья взглянул на князя, – нужен будет и кожевник.

Князь понял – надо сделать и ножны.

– Кого назовешь? – промолвил князь.

– Миколу, – прогудел Петр, – а из кожевников – Ивана.

Сделка состоялась. Меч князю очень понравился. Каменья фрязин умело расположил как на рукояти, так и на ножнах. Подобрал Иван Данилович к нему и пояс сердоничный с золотой оковкой. Да шубу соболью. Царский подарок. Пусть знают. Анастасии – монисто из дорогих каменьев, где посредине горел алмаз, величиной с голубиное яйцо, он один перевесит все подарки тверского князя.

Утром княжеские отроки, разодетые, как павлины, постучали в дверь гостевых опочивален. И вот идут по переходу московские гости, князь, княжна и боярин Кочева с подарками, в сопровождении отроков. Ожидавшие их слуги распахивают двери, и перед очами гостей предстает тверской князь с княгиней. Она держит поднос с кутырем и солью. Взор Ивана Даниловича устоялся на поднос: такое он видит впервые. Что же ему с этим делать? Хорошо, рядом Елена, которая шепнула: «Отломи кусочек, помокни в соль и надкуси». Он быстро это проделал и посмотрел в глаза княжны. Взгляды их встретились. Усилием воли он отвел взгляд, как будто что-то неведомое его обожгло. Такой женской красоты он еще не встречал. Склонила голову и Анастасия. От Александра не ускользнул этот момент, и он отреагировал на это гордой улыбкой за свою жену. А женское сердце Елены сжалось от плохого предчувствия. Скоро все вошло в нормальное русло, и московский князь вручил подарки.

– Прими, друже князь, поделку московского мастера, – и передал меч Александру.

Если бы в гриднице не горело столько свечей, она все равно бы засверкала разными цветами от тех каменьев, которыми был украшен этот меч. Глаза князя Александра загорелись радостным огоньком.

– И еще, – Иван Данилович набросил шубу ему на плечи, сказав: – пусть она, – он провел рукой по атласной шерсти, – тебя всегда согреват.

Александр расплылся в улыбке.

– А это, – он взял шкатулку у боярина и подошел к княгине, – царица ты наша! Прими от... – он хотел сказать от раба твоего, но вовремя сдержался, – нас этот скромный подарок, – и достал из шкатулки монисто.

Алмаз в нем горел, как маленькое солнце. Все ахнули. Подавая подарок, рука князя невольно соприкоснулась с ее рукой. Ему показалось, что между ними проскочила искра. И в то же время этого мгновения хватило ему, чтобы ощутить шелковистую нежность ее кожи. И он почувствовал, что в его сердце зародилось какое-то, еще не понятное ему чувство. Не осталось это мгновение незамеченным и ею. Белоснежное ее лицо покрыл румянец, отчего она стала еще прекрасней. Муж, что-то уловив, посмотрев на нее молящим и в то же время расстроенным взглядом, отвернулся. Произошло какое-то замешательство. Но Александр быстро нашелся, пригласив гостей к столу.

Не зря тверской князь столько времени готовился к встрече с московским князем. Убранство одного стола чего стоило. Нет здесь привычных кубков, кружек. А стоят, как вои на страже, хрустальные бокалы из тонкого стекла, за которые боязно братья руками. А каких только бутылиц нет: и плоские, и раздутые. А сколько фруктовой заморской диковины: и ананасы, и бананы, и финики, и апельсины... Не пить, не есть их надо, а смотреть, словно перед вами волшебная картина. А о русском богатстве и говорить нечего. Какие тут осетры да белуги, стерляди, но это уже не в диковинку. И все говорило о том, что хозяин хотел показать гостю свое расположение. Да и разговор он завел о том, что не надо вспоминать прошлое, а надо помнить одно: корень-то у них один. И жить надо по-родственному. А если им объединиться, то они любому шею сломают! Ухмыльнулся москвит, спросил:

– Кому же ты хочешь ее сломать? Уж не о... ты помышляешь? – назвать кого, не захотел, ибо тут сидели разные люди, еще и донести могут, но большим пальцем показал через плечо на юг.

Александр его понял. Взбодренный не то выпитым, не то чтобы показать соседу свою храбрость, вызывающе сказал:

– Да хоть его.

Но тут зазвучал серебряный голосок Анастасии.

– Милый, – она повернулась к мужу, – хватит мужских разговоров, повеселим лучше гостей дорогих, – и взглядом приказала дворскому позвать толпившихся за дверьми скоморохов, дударей.

В огромной гриднице есть где разгуляться веселой публике, и она заполнила помещение. Иван Данилович поощрительным взглядом

посмотрел на Анастасию, оценив ее ум. Та ему только улыбнулась. «Какая прелесть!» – чуть не сорвалось у него с губ. Он вдруг почувствовал себя семнадцатилетним юношей, и ему захотелось вместе с этой смешной публикой выкинуть коленце, да не одно. Елена еле удержала загоревшегося мужа, поняв вовремя его желание.

Застолье продолжалось до самого вечера. Но оставаться на ночь москвич не захотел, ссылаясь на то, что у него срывается полюдь, и ему надо вернуться в Москву. Попросив князя не беспокоиться с проводами, глубокой ночью он отбыл домой.

ГЛАВА 7

То, что Алим назвал «куренью», была полуземлянка. Два тусклых оконца создавали в ней полумрак. У оконцев – дубовый лежак со шкурами. В углу над головой – иконка с ликом Божьей Матери. У тыльной стены находился очаг, перед ним стоял стол с ослонами, на северной стене – поставец да оружие всякое. У входа – вешало с одеждой.

Вдвоем они втащили хворого и уложили на хозяйскую одрину. Алим, несмотря на возраст, глаз имел острый. С плоской в руке, где горел огонек, он стал рассматривать больного. Задрав веки, долго что-то глядел в глазах.

– Ну, напужал ты мя, братец, – старец посмотрел на Митяя, – думал, тово... не жилец.

– Что, будить жить? – обрадованно спросил Митяй.

– Будить, будить, – почему-то недовольно пробурчал Алим и добавил: – Бог его знаить. Труден ен. Хворость его тяжела.

Митяй присел в ногах у больного и посмотрел на него, точно проверяя слова Алима.

– Чего рассупонился, ступай за чурбаками, – проворчал хозяин, ища на полках хапы.

Накинув старую шубейку, Митяй метнулся к двери. Вернулся он с огромной охапкой дров и положил у очага.

Пока он ходил, дед Алим из медвежьего сала с желчью, разбавленного настоем каких-то трав, натирал тело больного.

– Пади сюды, – позвал он Митяя, видя, что тот освободился, – держи, – и подал ему шерстяной лоскут. – Три– ка, – приказал он, кивая на больного.

А сам пошел к очагу, где лежала крупная галька.

Парень тер, а сам смотрел, что делает хозяин. Увидев, как дед, положив гальку в очаг, стал ее обкладывать чурками, он догадался, для чего тот это делает. «Щас за водой пошлет», – подумал он. И как в воду глядел. Выкатив из темного угла бочку на середину землянки, дед попросил Митяя таскать с проруби в нее воду. Митяй осторожно шел по реке к проруби. Булькаться в холодной воде он ой как не хотел. Но

лед тут был крепкий. Несколько бадеек хватило, чтобы наполнить бочку до нужного уровня.

Митяй знал эту процедуру. И когда камни раскалились, он побросал их в бочку. Старик одобрительно крякнул и пальцами пощупал теплоту воды.

– Вокат! – сказал он.

И они бережно опустили больного туда.

– Даржи парня, – сказал дед, – а то утопнет.

А сам полез в погребец, который оказался прямо в курени, и достал оттуда сосуд с какой-то темной жидкостью. Ее-то он и стал заливать в бочку, размешивая рукой. Митяй удивился: «А че сразу не налил», но спросить не решился.

– Глыбжи опусти, – сказал дед.

Митяй опустил его до носа. Дед, скинув рубаху, обнажил свое вовсе не хилое тело, покрытое седыми волосами. Он начал больного массажировать, покрикивая:

– Повертай! А ще!

Процедура длилась довольно долго. Дед был неутомим, хотя пот бежал с него градом.

– Кажись, хватить, – сказал он и велел вынимать парня.

Дед помог Митяю донести больного до лежака. Обтерев, вновь намазал его мазью. Обернув холстом, закрыл несколькими шкурами.

– Ен пить запросит, дашь ему енто, – и, сняв с полки сосуд, поставил его на стол.

За долгое время Митяй впервые услышал голос больного:

– Пить.

Эти процедуры продолжались долго. Только дед менял состав лекарств. Часто он заставлял Митяя крошить свежие еловые ветки и закладывать их в бочку. Когда больной попросил есть, дед сказал:

– Нужна свежа кров ведьмеда.

Митяй посмотрел на него удивленными глазами. Дед ухмыльнулся и куда-то вышел. Вернулся вскоре, держа в руках две рогатины. В душе Митяя защемило. На медведей он не ходил. Но хозяин так возится с этим парнем, что ему нельзя было ни в чем отказать. Что же делать? Помог Алим.

– Ты че, Митяй, испугался?

Он почувствовал, что парень вмиг изменился, увидев рогатины.

– Да ты че, Алим, я... да нет... тово.

Деда не провести. Он подошел к нему, положил руку на плечо:

– Тебе, Митяй, придется счиниться. Я тоже один-то щас стал стеречься. А раньше... Я тя научу.

Вышли они затемно. Алим шел широким размашистым шагом. Сказывалась выучка. За ним, след в след, шел Митяй. Он нес рогатины и шест. Когда подошли к реке, парень передернулся. Еще свежа была в памяти его купель. Но дед шел уверенно, выбирая дорогу по снегу. Митяй тут же смекнул, где лежит снег, там лед толще.

Поднявшись на крутой берег, Алим присел на поваленной березе отдышаться.

– Да, – покачал он головой, – бывало, забежишь и дальше попрешь. Так тотъ, – и вдруг он переменял разговор, – не забудь, че я те говорил. Собиришь в кулак и зри. Ежли ведьмедь выскочит и на тя преть, метнись в сторону. Зверюга, знай, ловок. Это он на вид такой нескладный, а на деле шустр. Но больше они ходют на задних лапах. Вот тут ты сам будь ловким.

Дед встал:

– Глянь!

Он полусогнул ноги и покачался на них.

– Дай! – и указал на рогатину.

Взяв ее, он принял стойку: левая рука впереди, правая почти на конце рогатины, ноги полусогнуты. И вдруг он бросается вперед, выбрасывает резко рогатину, досылая ее правой рукой.

– Эх! х! х! – раздается его резкий крик.

– Да, – качает Митяй головой, – вот те и старец.

Дед только усмехнулся.

– Пошли, – сказал он, углубляясь в лес.

Это было царство огромных, просто гигантских елей. Их кроны так широко разошлись, что казались вторым небом над головой. Тут была вечная темнота. Но идти было легко. Редко встречался поверженный великан, преграждавший дорогу. Митяю казалось, что это самое медвежье место.

– Слышь, Алим, а как мы донесем кровь? – догоняя его, спросил Митяй, сгибаясь перед очередной огромной веткой.

– Тык карман-то у ты есть? – смеется дед.

– Шутник ты, старый! Никак ведьмежонка добывать будем.

– Нуть, с догадкой, – дед приподнимает ветвь.

Но скоро лес изменился. Ели начали мешаться с березой, кустарником. Идти стало гораздо труднее. Переходя очередной овраг, дед вдруг остановился и стал озираться вокруг себя.

– Тык, обождь. Кажись, тута.

Он пошел осторожно по краю оврага. Его настороженность передалась и Митяю. Он почувствовал вдруг, как потяжелели ноги. А тут еще из-под куста вырвалась лиса. Митяя бросило в пот.

– Не отставай, – прикрикнул Алим, – тута! – возвестил дед, поворачиваясь к парню.

Он подождал Митяя и взял у него шест. Наверху, почти над их головами, зияла какая-то дыра. Дед покрутил головой:

– Неловко тута брать.

– А что, они тута есть? – топчет Митяй снег.

– Есть, а куды им деваться. Но тута не будем брать. Пошли!

Они прошли мимо этой дыры, на которую парень смотрел с большой опаской. Он даже обошел ее сторонкой. Продираться сквозь кусты, по пояс в снегу, пришлось долго. Наконец Алим остановился, вытирая со лба пот. Он вновь забрал у парня шест и снова пошел. Пройдя несколько шагов за ним, Митяй увидел поваленную сосну, а под ней дыру, похожую на ту, которую уже видел.

– Тссс, – дед повернулся к парню и приложил палец к губам.

Митяй понял, что охота началась. Опять появилась тяжесть в ногах. Не говоря ни слова, рукой дед показал парню его место.

– Ага! – как-то машинально вырвалось у Митяя.

– Тсс! – пригрозил сердито ему старик, начиная шестом шуровать дыру.

Послышалось недовольное ворчание. Дед глянул в сторону Митяя и закивал головой, мол, есть там зверюга. И снова принялся беспокоить зверя. На этот раз хозяину не понравилось, что его так настырно тревожат. Он взревел, и в дыре показалась голова, а вскоре и сам зверь. Дед едва увернулся. Медведь, встав на задние лапы, пошел на Митяя, стоявшего на его пути. Он дико ревел, махая лапами.

Мурашки бежали по спине Митяя. Но он стоял, выжидая удобного момента. Из головы все вылетело. Единственно, что он повторял: «Господи, помоги!» Зверюга все ближе и ближе. Какое желание

бросить эту рогатину и задать стрекоча. Но дед говорил, что медведи бегают быстрее. Догонят и порвут.

Вот он, рядом! Господи... Митяй делает выпад. Рогатина уперлась в ведьмедя, но он взревел еще сильнее. «Жив, гад! – мелькнуло в голове парня. – Что делать?» И вдруг он вспомнил, как его учил дед. Он выдернул рогатину и вновь всадил зверю в грудь. И тут ему показалось, что медведь сейчас кинется на него, и бросился наутек. Митяй не знал, сколько времени бежал. Когда выдохся, остановился, чтобы перевести дух. И его поразила тишина. Никто, оказывается, его не преследовал.

– Тьфу! – вырвалось у него из груди.

И он повернул назад. Долго шел по следу, прежде чем вышел на деда, который свежевал медведя.

Митяй подошел с опущенной головой. Дед, не оглядываясь, проговорил:

– Ну и ведьмедя ты завалил. Я туть таких видеть не видывал. Возьми мою котому и пошарь там, – он показал зализкой на берлогу, – ведьмежат.

Парень опрометью бросился исполнять его веление, с радостью понимая, что тот простил его трусость. Призывая на помощь Божью Мать, Митяй полез в берлогу. Он нашел их, забившихся у дальней стенки. Медвежата урчали, огрызались, пробовали даже кусаться, когда парень заталкивал их в котомку. Когда вылез, сообщил:

– Я двоих тама взял!

Дед ничего не ответил. А кончив свежевать, сказал:

– Ты дрями сberi, дулму готовить будем.

Митяй озадачился: «Че за дулма?» Но, подумав, что раз дрями надо собирать, значит, еду будем готовить, и бросился в лес собирать сухостой.

Митяй не ошибся. Когда от сушника осталась одна горячая зола, Алим, нарезав тонкие ломти медвежатины, бросил их на жар. Митяй уплетал мясо за обе щеки, похваливая деда. Когда насытились, Алим, поднимаясь, сказал, что пора собираться.

– А ето? – Митяй кивнул на медвежью тушу.

– Щас, – ответил Алим.

Углубившись в лес, он срубил две мощные ветки ельника. Когда возвратился с ними, Митяй понял, что ему опять придется тащить

«волокуши». Так оно и вышло.

Приближаясь к жилью, Митяй увидел хворого, который выбрался из курени и стоял, прислонившись к дереву.

– Дед! Смотри! – радостно завопил парень.

Дед, согнутый в три погибели от груза, приостановился и, увидев больного, улыбнулся. Митяй бросился было к больному, но дорогу преградила псина. Дружбан грозно рычал.

– Не бойсь, он не тронет, – с улыбкой проговорил больной и приказал Дружбану сидеть.

Когда прошли порывы радости, Митяй сказал, повернувшись к деду:

– Ты смотри-ка, Алим, наш-то хворый на поправу пошел. Силенка появилась, сам выполз, помочь хочет, – и засмеялся.

Дед перекрестился:

– Слава те, Господи.

– Ну, дедусь, поднял-таки. А я, признаться, уж больно опасалси.

– Дык ты дюже не радуйся, – делая лицо строгим, проговорил Алим, – хворь надо до конца выгонять из тела.

Он снял с плеч груз, распрямился, помахал руками, потер спину.

– Как кличут тя? – Алим посмотрел на больного.

– Андрей, – ответил парень. – Где я? – и поочередно оглядел незнакомцев.

– Тыть? Да на алимовом отоке.

– Где? Где? – переспросил Андрей.

Митяй как-то весело посмотрел на старика, поддернул порты, по-мальчишески дернул носом:

– Да на острове. У казака. Он, – Митяй показал на Алима, – казак. И я казак. Мы свободные люди. У нас нет ни боярина, ни князя. Есть, правда, атаман. Но его выбирают казаки. А ты кто будешь?

В голове Андрея мелькнуло: нет бояр, князя – значит, они их не очень жалуют.

– Да я сын... конюшего. Князья поссорились, подожгли хоромы. Ну... я и сбег.

– Ааа! – понятно протянул Митяй. Потом, ударив себя в грудь, сказал:

– Я – Митяй, а он, – парень кивнул на хозяина, – дед Алим. Он тя...

Но Алим не дал ему договорить, а попросил спуститься в курень и принести большую миску, меч, висевший на стене, и братину со стола.

По возвращении ему последовало очередное задание: достать медвежонка. Дед ловко отрубил ему голову и слил в миску кровь. Положив тушку на землю, он почерпнул братиной ярко-красную жидкость и подал ее Андрею.

– Пей! – голос его был строг.

Андрей безропотно подчинился. Сходив в землянку, дед принес в братине какую-то жидкость. Пришлось Андрею «закусить» и ею.

– Таперече иди дрыхнуть.

Спал Андрей как убитый почти сутки. На завтра все повторилось со вторым медвежонком. После такого лечения Андрей поздоровел на глазах.

А тем временем незаметно подкралась весна. Занятые с утра до вечера делами, они не замечали, как на южном обрывистом берегу забурел снег и зазвенела серебряным колокольчиком чистая, как слеза, капель. За ночь кайма берега обрастала прозрачными сосульками, и он походил на белоснежную кичку с ценной из крушеца подвеской.

В один из этих дней нежданно-негаданно налетел ураганный северный ветер. Он принес на своих бушующих крыльях черную, как смоль, тучу. Снопами повалил снег. Но любое начало имеет конец, пришел он и для тучи. Улетела она дальше, оставив после себя серебром покрытую землю да крепкий морозец. Казалось, вернувшаяся зима решила не уходить, разукрасив свое белоснежное покрывало алмазным блеском. Она заставила и солнце смотреть на землю с голубого небосвода каким-то извиняющим взглядом.

Утром Алим сбегал по малой нужде во двор в одном исподнем, вернулся и сразу к очагу, подставив огню мозолистые ладони и пальцы в трещинах. Немного отогревшись, он прошаркал к одрине, где спали парни.

– А ну подымась! – и стал теревить их за плечи.

Митяй, протирая глаза, глянул на оконце:

– Че, светат?

– Светат, светат, – ответил Алим, собирая еду на стол.

Парни соскочили, сбегали на улицу и, побрызгав лица водой, готовы были садиться за стол. Но Алим своей привычке не изменял.

Как обычно, он подошел к иконе и стал вполголоса говорить:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистой Твоея Матери и всех святых, помилуй нас!

Парни подхватили:

– Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе! Аминь! – и усаживались за стол.

Закончив утреннюю трапезу и поблагодарив Господа, Алим, глядя на парней, сказал:

– Нуть, пойтить надоть на реку, волокушу вытащить. Зазуля пока по верху идет, улов должен быть дюже хорош.

Ребята быстро оделись и двинулись за Алимом.

Старец не ошибся. Когда начали тащить сеть, она была забита рыбой. Мокрая, холодная сеть да мороз сказывались на работе. Если привычные крючковатые пальцы Алима ловко высвобождали зазюлю, то у Митяя и Андрея так не получалось. Особенно у Андрея. Он частенько, чтобы отогреть, запихивал пальцы в рот. Но упрямо не бросал работу. Митяй попытался остановить его, считая, что такая работа может повредить его выздоровлению. На что тот, с укоризной глядя на друга, сказал:

– Митяй, я ся гораздо лучше чувствую, когда... – он пошевелил плечами, – разомнись.

Поддержал Андрея и Алим:

– Пуцай работает, – сказал он, – только смотри, чтоб все пил, че я те даю.

Андрей приложил руку к груди:

– Все пью. Ты мой второй батька.

Эти слова так расстрогали Алима, что у него заблестели глаза. Да, этот парень входил в его очерствевшее сердце. Поэтому деда резануло, когда он нечаянно подслушал разговор Андрея с Митяем. Андрей высказал предположение, что они загостились у Алима, и что отец Митяя, наверное, их заждался и сильно тревожится. Митяй, конечно, скрыл от друга, что ему не очень хочется уходить от Алима. Чего греха таить, здесь сытая жизнь: мяса, рыбы вдоволь ешь. Да и хлебец в достатке. А отец... ну что отец, он ведь не дитя какое. Но разве это скажешь? Он отговаривался тем, что Андрею надо долечиться.

Да и Алиму не хотелось отпускать ребят, уж больно добрые попались. Но понимал, что им, молодым, жизнь здесь кажется тусклой,

безрадостной. Раньше ему нравилось быть одному. Но вот эти двое ворвались в его жизнь, и сейчас ему было трудно с ними расстаться.

Однажды, когда Митяй переправился на противоположный берег пострелять птицу, Алим и Андрей поднялись наверх и сели на поваленное дерево. Они просидели какое-то время молча. Андрей следил за какой-то серой птахой, которая деловито скакала по земле и изредка что-то клевала. А Алим задумчиво смотрел куда-то вдаль. То ли он вспоминал прожитые годы, то ли думал, удастся ли ему увидеть следующую весну. Бог его знает.

Андрей шевельнулся. Птаха вспорхнула и куда-то полетела. Парень провожал ее глазами. Когда птаха скрылась, он с болью в сердце произнес:

– Домой, видать, направилась!

Кажется, что он сказал особенного, но Алим понял, что парень в душе страдает, думая о доме. Он повернулся к нему:

– Скажи, Андрей, кто ты будешь?

Парень удивленно посмотрел на деда. Его изумил даже не вопрос, а то, как Алим спросил. Глаза их встретились. И он понял по его взгляду, что уходить от вопроса ему нельзя. Андрей отвел глаза, ибо в груди боролись два чувства: сказать или нет. Его молчание по-своему оценил Алим.

– Если тебе тяжело говорить, то не надо, – сказал он и поднялся, чтобы уйти.

– Да нет! Пстой! Княжич я! – почти воскликнул Андрей с болью в голосе, – княжич!

– Княжич? – почему-то переспросил Алим.

– Да! – как-то нехотя, точно стесняясь своего положения, ответил он.

– А каких кровей? – продолжал допытываться Алим.

– Стародубский я.

– Стародубский? – дед даже отступил.

– Да, Стародубский, – повторил Андрей.

– И как же ты оказался здесь?

И Андрей принялся рассказывать. Алим, прислонясь к дереву, внимательно слушал его. Закончил же парень повествование такими словами:

– Не знаю, Алим, что и делать: вернуться домой или нет.

Сказав, он посмотрел на деда, но по его обросшему лицу нельзя было узнать, о чем тот думает. Только его глаза светились непонятным огоньком.

– Да нет, сынок, я думаю, возвращаться тебе нельзя. Ну, упадешь ты в ноги Ивану Даниловичу. Думаешь, он тебе поверит?

– Думаю, поверит!

– Нет, дорогой Андрей, вряд ли. Твой дядька, полагаю, у него побывал и все свалил на тебя. Кто может правду сказать? Тетка? Но ты сказал, что ее зарубил антихрист.

– Так что же мне, Алим, делать?

– Что же тебе делать? – растягивая слова, произнес Алим. – Но прежде хочу сказать тебе, что я не Алим.

Произнеся эти слова, он посмотрел на Андрея.

– И мы с тобой, парень, одних кровей.

Андрей удивился:

– Так ты?..

– Всеволод Иванович Стародубский! – торжественно произнес он.

– Да! Вот так встреча!

Они обнялись.

Когда прошли первые минуты радости, Андрей спросил:

– А как же ... Алим?

– Алим, – старец усмехнулся, – чтобы стать Алимом, ой сколько мне пришлось пережить. Моя судьба похожа на твою. И мне, чтобы спасти свою жизнь, пришлось бежать из родного дома. Был я юн, – и полился его рассказ, – попал к казакам, людям, которые отличаются ловкостью, лихостью, умением владеть оружием, конем. Все они – поборники православия и свободы. Для них, – Алим поднял вверх палец, – нет уз святей товарищества! – голос его зазвучал торжественно, а глаза заблестели.

– А я слышал, – заговорил Андрей, – что казаки – это разбойники, воры, убийцы.

Алим рассмеялся:

– Дык, – и он опять заговорил казацким языком, – бывало всякое. Купсов встречали, среди них есть дюжа прокудны. Последние порты с ты ссымут. Уж больно жадовые. А нащет воров, дык знай: деньга на дороге валяются – казак мимо пройдет. Не его.

– Я вижу... – Андрей запнулся.

Дед понял, в чем его загвоздка, и сказал:

– Зови Алимом, как звал.

– А ты мне не сказал, как тебя этим именем стали называть.

Алим задумался, потом сказал:

– Мы тогда на ладьях в поход ходили. На Трапизунт. В этом походе я и попал к туркам в лапы.

Андрею так хотелось узнать, как это было. Алим посмотрел вверх. Дневные птицы потянулись к лесу устраиваться на ночь.

– Дык, мы уж тово... стали возвращаться, подходили к берегу. Добра взяли много. Град-то не ждал гостей. Вот дуван и получился хороший. Дуванить собрались, а тут они на коняках. Враз от моря отрезали. Началась сеча. Наказной и кричит: «Други, ко мне!» Мы поняли, что на прорыв везет. Но кому-то для прикрытия надоть остаться. Доля пала на меня. Перекрестился я: помоги мне, Боже! И давай рубиться. А их – как муравьев. Нуть, куды мне их одолеть. Повязали. Вот тогда и кличку дали: Алим. Прожил я у них лет семь. Домой потянуло. Я с одним купсом и договорился. Узнал он меня. Я единожды ему жисть спас. Ну, взял я каюк. Их много на берегу валялось. Ночью и ушел в море. Не обманул купес, подобрал. Правда, денегжат содрал безбожно. Оттуда я вернулся к наказному. Узнал он меня. Долю мою отдал. Вот так-то.

– Золотишко-то есть? – чуть не сорвалось с губ Андрея, да вовремя спохватился.

Но тут старик очень удивил парня, спросив:

– Ты хотел узнать, есть ли у меня золотишко?

Андрей покраснел и не знал, что ответить. Сказал за него Алим:

– Вижу, ты честный человек, и совесть твоя цела. Есть. Пойдем, покажу. Я знаю, что ты ничего плохого не замышляешь. Хош, даже отдам. Оно мне без нужды.

– Нет, – опять заупрямился парень.

– Пошли, говорю.

Клад он хранил в глубине острова под корнями могучего дуба, которому давно перевалило за столетие. Но ствол выглядел свежим. Кора нигде не отслаивалась. Это говорило, что он простоит еще очень долго.

Алим лопатой отковырял землю, руками разбросал ее по сторонам и достал небольшой ларец с потайным замком. Когда Алим открыл

ларец, Андрей ахнул. В семье Стародубских и сотой доли не было такого богатства.

– Алим, да с таким... – он кивнул на драгоценности, – ты можешь купить любое княжество.

– А зачем мне оно? Я привык к свободе. А разве князь свободен? Он каждый день думает, как бы где-то отхватить кусок и сам боится, чтобы его не убили или не отравили. Он не доверяет даже жене.

– Ну, Алим, ты это загнул, – не согласился Андрей.

Алим посмотрел на него и протянул ларец:

– Бери!

– Но уж нет! – ответил Андрей и еще покачал головой.

– Ладно, – согласился дед, закрывая клад, – но ты знаешь, где он лежит. Можешь взять его в любое время.

Дорогой он спросил:

– Ты мне не поверил насчет жены?

Андрей остановился:

– Да судя по моей матушке, она никогда ничего не сделает с моим батяней.

– Это хорошо. А ты знаешь, кто убил Данила Александровича?

– А кто такой этот Данил?

Алим усмехнулся:

– Это отец твоего Ивана Даниловича.

– И кто его убил? Жена?

– Жена.

– А как?

Алим окинул парня с ног до головы, точно видит его первый раз.

– Ты уж немал. И жизнь пора познавать.

Он нагнулся и отцепил от портов зацепившийся сучок. Потом заговорил:

– Молодой и красивый, вроде тебя, – он повернул голову, улыбнулся. – Боярин Кучка стал якшаться с его женой Улитой. Княгиня боялась своего вспыльчивого мужа, но не хотела бросать и боярина. Тогда ей на ум пришло решение убить Данила. Она подговорила боярина, и тот согласился. Видать, нравилась ему бабенка. Он напал на князя. Но тому удалось вырваться, и он убежал в охотничий дом. Боярин не знал туда дороги, да княгиня надоумила его выпустить княжьего любимого пса, чтобы тот указал путь. Боярин

выпустил, и пес побежал к хозяину. Кучка за ним. Княгиня была права. Князь был там. Боярин и добил Данилу. Когда он вернулся и все рассказал княгине, та, обозвав его дураком, послала туда вновь, чтобы поджечь дом. Вот так-то, Андрей, живут наши князья. А я здесь – вольная птица. У меня все есть. Так, если что случится и у тебя будет тяжело на душе, и ей надо будет покой, лучше этого места не найти. Знай, что мой дом это и твой дом.

ГЛАВА 8

После возвращения из Твери князя точно подменили. Он все о чем-то думал, стал раздражен. Старшего сына Семена, в котором до этого души не чаял, чуть не прибил. Мальчонка взял отцовский колчан и лук, вообразив себя воем, начал в гриднице стрелять по висевшим там головам зверей. Князь крепко отшлепал сына. На рев мальчика вбежала нянька, женщина средних лет с добрым, ласковым лицом. Видя грозные очи князя, в страхе присела: «Свят, свят!» – закрестилась она. Таким князя еще не видела. Иван Данилович нервно прошел мимо нее и громко хлопнул дверью.

Княгиня, подмечавшая каждый его шаг, решила с ним поговорить. Но это оказалось непросто. Она узнала, что верный княжий подручный Савел куда-то собирается. Что-то узнать у него было бесполезно. Он был немой. Но даже если бы и говорил, у него и клещами слова о князе не вытащишь.

Давно это было. Еще до женитьбы князя. Как-то вьюжным зимним днем, возвращаясь из Переяславца, князь увидел у дороги скорченного мальчонку. Он не поленился спрыгнуть с коня и взял его на руки. Мальчонка, бедный, дрожал от холода. Лохмотья плохо грели.

– Ты чей будешь? – спросил он.

Но в ответ тот только замычал.

– Немой? – удивился князь.

Мальчонка закивал головой.

– Ну, – сказал он и посадил его на своего коня.

Приехав к себе в кремль, князь приказал служке отмыть и одеть мальчонку, накормить и привести к нему.

Когда его привели, он князю сразу понравился. У него был какой-то особый, преданный взгляд. А в черных глазенках горела глубокая благодарность и надежда.

– Хочешь у меня остаться? – спросил князь.

Тот торопливо закивал головой.

– А верно будешь служить мне?

Мальчонка что-то промычал, осенил себя крестом и приложил руку к сердцу, чем несказанно удивил князя. И Иван Данилович взял

его к себе отроком.

Среди одногодков он выделялся упорством и отчаянной смелостью. Он не терпел, если кто-то пытался его дразнить немтырем или немым. Вскоре все это поняли. Князь не забыл найденыша и как-то поинтересовался у Осипа Уварова, дворского, насчет мальчика. Осип ухмыльнулся:

– Норовистый отрок. Ему бы язык... Кстати, князь, как мы его назовем?

– А что, вы его до сих пор не обозвали?

Дворский виновато опустил голову:

– Нет.

Князь задумался. Уваров решил подсказать:

– Може, ...Савел?

Князь, хитро посмотрев на Осипа, промолвил:

– А что! Пусть будет Савелом.

Незаметно бегут годы. Но они были заметны по Савелу, который превратился в такого парня, что несколько ребят не могли его одолеть. С каждым годом Савел все сильнее доказывал свою преданность князю. Все знали, что где его верный служка, князю опасаться нечего. У него был острый слух, зоркий глаз, твердая рука. Княгиня только вздохнула, увидев его широкую спину, и не стала останавливать.

И все же Елена муженька поймала. После полдника, когда все расплзлись подремать, она дождалась мужа, когда тот выходил из едальни, и, стоя на пороге, преградила ему дорогу.

– Скажи, Иван, почему ты меня избегаешь?

Князь посмотрел на нее удивленным взглядом человека, не понимающего вопроса.

– Ванюша, – сказала она тихо, – скажи мне правду. Ты думаешь о ней? У тебя же с Александром мир.

Лицо князя мгновенно покраснело. Брови угрожающе сошлись на переносице.

Он резко повернулся и, громко стуча сапогами, пошел к выходу.

Он остановился на первой ступеньке крыльца. Прищурясь, посмотрел на солнце, оглядел двор. От лежавшей у ограды груды снега бежали ручьи. Воробьи весело чирикали, прыгая с ветки на ветку. Под деревом кошка готовилась к прыжку, чтобы схватить воробышка. Но тот оказался шустрим. Кошка осталась ни с чем, и с видом, что она и

не хотела его ловить, побежала к скотному двору, где уж обязательно споймает мышонка. Князь рассмеялся и решительно, шагая через двор, направился к воротам. Какое-то время постоял в раздумье, выбирая, куда пойти: в немецкую слободу к немцу Себастьяну или проведать митрополита. Давненько у него не бывал. Решил идти к нему, а по пути зайти посмотреть, как строится собор Успения Богородицы. Там работы кипели вовсю: заострились архивольты порталов и закомар. Его окружили строители. Многих он знал: выкупал их в Орде.

– Как живы-здоровы будете? – спросил князь, оглядывая работяг.

– Бог дал да князь помог, живем, – довольно загудел народ.

– Когда молиться начнем? – поинтересовался князь, явно намекая на окончание строительства.

– Скоро и начнем, – раздался чей-то скрипучий голос, – а нуть! – из толпы вышел худенький старикашка в овчине без рукавов.

Князь узнал его. Тогда в Сарае, на рынке, он не хотел его выкупать, старым показался, а просили за него дорого. Но пронырливый Миняй подтолкнул князя: «Бери». Князь послушался. И не прогадал. Все сложные узлы укладывал он, Кирша, так звали этого мастера.

– Поклон тебе, всемогучий князь! – Кирша сорвал малахай и обнажил седую головенку с редкими длинными волосами, среди которых поблескивала плешина. – Хочу ты спросить. Ты вот нас спрашаешь, когда молиться будем, а ты глянь, сколь кирпича осталось. А где мягковский камень?

И Кирша, отодвигая толпу, показал небольшую кучу.

– А где мой боярин? – князь крутит головой.

– А вон, вон бежит, – несколько человек показали в сторону бегущего боярина.

Плечей бежал, не обращая внимания на лужи.

Запыхавшийся боярин остановился перед князем.

– Слышь, Федор, что народ требует?

– Слышу, князь, слышу. Да вот дороги раскисли, лошади не тянут.

– Парой, парой запрягай, – подсказывают из толпы.

– Будет вам кирпич и камень, а вы уж постарайтесь. Наш митрополит ждет.

– Эхма, – Кирша стукнул малахоном о землю, – князь, будь спокоен. Русские своих князей не подводят!

– Тогда я пойду, бывайте.

Толпа, словно ее разрезали, расступилась, провожая князя склоненными головами. И он направился к митрополичьим хоромам.

Но не пройдя и нескольких шагов, что-то вспомнил и окликнул Плещея. Боярин, привстав на цыпочки и вытянув шею, пытался через толпу увидеть Ивана Даниловича. Да не позволил рост. Плещей, подняв полы шубейки, бросился к князю. Боярину князь приказал разыскать Кочеву, чтобы тот дождался его.

Хоромы митрополита были недалеко от церкви Иоанна Предтечи. Проходя мимо этого святилища, Иван Данилович остановился и, сняв шапку, перекрестился, низко кланяясь. Митрополичьи ворота были на запоре. Иван Данилович дернул за торчавший конец веревки с большим узлом на конце. Раздался звон колокольчика. Монах, открыв двери и пропустив Ивана Даниловича, сказал:

– Владыка в опочивальне.

Князь остановился и повернулся к нему со словами:

– Что он, болен?

– Да нет, – ответил монах, – слава богу. Хотя чувствует недомогание.

Опочивальня митрополита была просторным помещением с двумя окнами, выходившими на церковь. Слева от входа – платяной шкаф, в дальнем правом углу – широкая резная кровать из мореного дуба. Рядом с кроватью – невысокий столик. На нем стояло разное питье: ключевая водица, квас, разные травяные настойки. Перед митрополитом сидел монах и, держа толстую книгу на коленях, читал ее больному. Петр лежал на спине, укрытый пуховым атласным одеялом. Поверх одеяла – руки с длинными тонкими восковыми пальцами. Князь почему-то обратил на них внимание. В его голове мелькнула нехорошая мысль: лежит, как покойник.

Митрополит услышал его шаги, с трудом приподнял голову.

– А, князь! – тихим, но радостным голосом сказал он.

Затем посмотрел на монаха и что-то шепнул. Тот поднялся и вышел. Иван Данилович поцеловал митрополиту руку и по его жесту опустился на сиделец.

– Прости, князь, – заговорил Петр, – что не могу тебя по-другому встретить. Хворь что-то одолевает стала.

Он закричал и протянул руку к кубку. Князь, опередив его, подал ему питье. Петр отхлебнул несколько маленьких глоточков. Князь взял кубок и поставил на стол. Митрополит обтер губы полотенцем, висевшим на спинке кровати.

– Может быть, владыка, прислать к тебе моего лекаря? – князь вопросительно посмотрел на него.

Митрополит улыбнулся:

– Все решает Господь, сын мой! – и поднял глаза вверх.

– Поэтому Господь и посылает нам лекарей, – с улыбкой проговорил князь.

– Да, – как-то неопределенно протянул Петр.

– Идя к тебе, батюшка, зашел я на возведение храма. Скоро отведешь там первую службу.

Митрополит посмотрел на него с глубоким сожалением. Потом заговорил:

– С Тверью-то мир?

Вопрос был неожиданным, и князь как-то странно взглянул на владыку.

– Знай, Иване, мы посланы Богом, чтобы удерживать вас от ненужных кровопролитий, – пояснил он.

После этих слов князь машинально приподнял один из кубков, подержал его и поставил на место.

– А что, батюшка, есть и нужные кровопролития? – спросил он.

– Есть, Иване! – голос его посуровел. – Есть. Настанет пора, когда Русь выйдет из-под татарского владычества. Но легко они от своей власти не откажутся.

Митрополит закашлялся, приложив тонкую ладонь к груди. Иван Данилович подал ему кубок. Благодарностью засветились глаза старца. Промочив горло, он вновь заговорил:

– Да, нелегко это будет сделать.

– Когда это будет! – тяжело вздохнул князь. – А сейчас они ой как сильны!

– Сильны, – митрополит оторвал спину от подушки, – но, скажи мне, что крепче: капля воды или кусок гранита.

Князь понял его мысль.

– Но для этого надо, чтобы капель было много, – ответил он.

Митрополит рассмеялся тонким старческим смехом. Затем спустил длинные ноги на пол, прикрыв их одеялом.

– Лежите, батюшка! – князь попытался его уложить.

– Слушай, Иване! Ты правильно меня понял. Но хочу сказать, что Москва соберет эти капли. Не знаю, доживу ли я до того момента, когда над Успенским собором вознесется крест. Но с этого мгновения я, митрополит всея Руси, благословляю тебя быть великим князем всея Руси!

Князь встал с сидельца и склонил голову перед митрополитом. Тот своим нагрудным крестом благословил его. Иван Данилович поцеловал руку Петра и сел. Воцарилось молчание. Князь в задумчивости посмотрел в окно. Ему хорошо был виден церковный купол с крестом. На кресте сидел ворон. Иван Данилович невольно подумал: «Вот так вся Русь под пятой вражины».

– О чем задумался, князь? – спросил митрополит.

– Над вашими словами, батюшка, – и повернулся в сторону старца.

– Я так и подумал, – сказал Петр и тоже посмотрел на окно. Может быть, он в это время мысленно молился, прося о чем-то Всевышнего. Но князь увидел, как ворон, взмахнув крыльями, слетел с купола.

– Вся власть от Бога, – проговорил митрополит, уже глядя на Ивана Даниловича, – по сану всем честь отдавай.

– Вы правы, владыка. Я верю, что ваши слова идут от чистого сердца и вашими устами говорит сам Бог, который повернулся к Руси с вашим появлением. Но мне думается, – в его сознании почему-то всплыла только что виденная картина: черный ворон на кресте, – что ваше благословение поможет мне получить у хана почетный ярлык на великое княжение.

Карие глаза митрополита, доселе глядевшие тускло и отреченно, вдруг заблестели. В них будто пробудилась жизнь.

– Тороплюсь я, Иване. Чувствую, деньки мои сочтены.

– Да что вы, владыка! – воскликнул горячо князь. – Мы еще не раз с вами помолимся в Успенском соборе!

– Помолимся, помолимся, – с какой-то болью в сердце произнес он.

Князя резанули его слова. Он не то чтобы уважал митрополита, нет, он любил его, как мужчина может любить дорогого ему человека.

– Да, князь, только не надо забывать о своей душе, о ее спасении. Я буду молиться за тебя. Ты послушал меня, не стал мстить за брата, съездил в Тверь, оставив месть тому, кто знает все пути и судьбы. Молись и твори милостыню.

После этих слов митрополита князь неожиданно поднялся и нервно заходил по опочивальне.

– Что с тобой, Иване? – спросил митрополит, ногами нащупывая чувяки.

– Прости, батюшка, – Иван Данилович подошел к старцу, опустился на одно колено и взял его руку. – Грешен! – заявил он.

– В чем твой грех, мирянин? – откуда взялась сила у старца, голос его прозвучал требовательно.

Князь поднялся. Глядя в глаза Петра, заявил:

– В мое сердце вошла жена Александрова. И нет моих сил ее вырвать. Знаю, что грешно, но не могу с собой сладить. Стоит она передо мной. Что с собой ни делал, чтобы прогнать ее или обойти, не получается.

Митрополит сел, расправил одеяло и подвернул под себя.

– Что сказал – это хорошо. Я помолюсь за тебя, Иване, – заговорил Петр спокойным голосом, – крепись, сын мой. Знаю, что у такого человека, как ты, что войдет, то трудно назад вытащить. Крепись, друже. Главное – не сотвори насилия. Тяжким будет этот грех, – митрополит, склонив голову, посмотрел на князя, которого любил всем сердцем.

Митрополит поднялся и, шаркая ногами, пошел к двери:

– Иди за мной, Иване, – не оглядываясь, сказал он.

В прихожей их ожидал монах. Он вопросительно посмотрел на митрополита.

– Сиди, – сказал ему Петр.

Князь знал этого монаха как человека рассудительного, начитанного, наделенного даром убеждать людей. И не преминул сказать митрополиту:

– Нравится мне Иоанн, добрая будет замена.

Митрополит остановился:

– Острый у тебя глаз, Иване. Боюсь только, Константинополь не согласится.

Князь прищурил глаза:

– А что, когда я вернусь из Сарая, не навестить ли нам патриарха?

Митрополит рассмеялся. Но его смех перешел в кашель.

– Батюшка, я мигом, – воскликнул Иван Данилович, повернувшись перед старцем.

Петр успел схватить его за рукав.

– Не надо, прошло, – сказал он, поняв, что князь хотел вернуться в опочивальню, чтобы принести один из настоев.

Они вошли в узкую небольшую комнату. Там на столе перед окном были выставлены иконы.

– Иване, – торжественно начал митрополит, – это мое творение. Я их выполнил на древе из Афона, изготовленного руками святого монаха Иулия. Я знаю многих русских князей. Но ты превосходишь всех своим благочестием, и я передаю тебе эти иконы. Пришли человека, пусть их заберет.

Князь встал перед старцем на колени.

– Владыка! – воскликнул он и стал целовать его руки. – Не было и не будет у меня дара дороже этого. И только своими руками я понесу это бесценное сокровище.

Как ни крепился старец, но от этих слов у него на глазах появились слезинки.

Князь поднялся, скинул корзно, посильнее опоясал себя ремнем и, бережно беря по иконе, стал складывать их за пазуху.

– Я, батюшка, понесу их у своего сердца.

Вернувшись к себе, он прошел в молельную комнату и бережно выставил их на иконостав. Когда вышел из нее – а туда никто не имел права входить, – отрок, поджидавший князя, сказал, что в гриднице его давно дожидается боярин Кочева. Князь заспешил в гридницу, да так быстро, что отрок еле обогнал его, чтобы открыть дверь. Кочева поднялся при виде князя и склонил голову.

– Василий, ты слышал, что пронский князь продает села?

– Что, с ханом не может расплатиться? – ухмыльнулся боярин.

– Похоже, что так, – ответил Иван Данилович.

– Ты, князь, решил брать? – спросил боярин.

– Ты помнишь слова Иакова, которые очень ценит Петр: «вера без дел мертва».

Боярин кивнул.

– Сейчас многие поговаривают, что пора освободиться от татарского ига, – продолжал князь, – а как освободиться?

Василий молчал. Он был удивлен разговором, затеянным князем. Раньше он от него подобного не слышал, хотя многие князья не скрывали своих намерений. Боярин уже подумывал, что Ивану Даниловичу нравится такая жизнь. Оказывается...

– То-то! – торжествуя произнес князь. – Если мы соберем и двинем на Узбека двадцать полков, он выставит против нас в десять раз больше. И чем кончится этот героизм? – и сам ответил: – лишними смертями и новой данью, которая прижмет смерда к земле в три погибели.

Боярин поддержал князя:

– И тот побежит в Дикое поле.

– Вот, вот! – кивнул Иван Данилович.

– Князь, что я тебе скажу, а ведь копить силу начал еще твой отец, царство ему Небесное. Мудрый он был человек, когда стал подгрести под себя. Помнишь, как пленил Константина Романовича и отхватил полкняжества Рязанского?

Иван Данилович только усмехнулся, потом сказал:

– А мой брат Юрий?

– Да, да, – поддержал его Кочева, – тоже пленил можайского князя Святослава Глебовича.

– Вот так-то, без особых войн набирается сила. – князь с улыбкой спросил у боярина: – будем брать эти села?

– Будем!

Князь, довольный, рассмеялся:

– Так-то. Галич, Углич, Белоозерье тоже будут наши.

ГЛАВА 9

Алим в это утро проснулся раньше обычного. Да и ночь прошла у него прескверно, потому что наступал день, когда надо было прощаться с парнями.

Какое-то время Алим пролежал с открытыми глазами. Потом встал босыми ногами на пол. Парни спали крепко. Андрей лежал на боку, лицом к стене. Митяй разбросал руки. Дед долго, с жалостью смотрел на них, потом зашлепал к выходу. День только занимался. Над восточной стеной леса показалась узкая розовая полоса. Похоже, солнце приоткрыло один глаз, рассматривая свои владения: не случилось ли чего там. Окружающий лес наполнялся гомоном птичьих хоров. Алим всегда любил эту лесную музыку. Но сегодня было не до нее.

Он спустился к реке, подошел к ладье. Зачем-то перевернул и проверил каждый законопаченный и залитый шов. Брака не нашел. Проверил и весла. Потом сел на нос ладьи и стал смотреть на реку. Вода была мутной, так же мутно было в его голове: «Уходят хорошие парни, – с жалостью подумал он, – один даже родственник». И тут же задал себе вопрос: хочет ли он в действительности так, бобылем, окончить свою жизнь? У него есть деньги, много. И вдруг что-то одернуло его и мелькнула довольно странная мысль: «Уж не думаешь ли ты, старик, составить им братчину?» Он поднялся. И тут в спину ему словно вогнали нож. Боль опоясала поясницу. Старик, потирая ее, рассмеялся: «Куды мне за молодыми, – от боли снова присел. – Нет, пусть выбирают свой путь без меня. Вот только Андрей. Допустим, вернется. А не схватит ли его Иван, да не вздернет на первом суку? Ведь напел, точно напел его дядька московскому князю. Кто за него заступится? Нет. Нет ему пока пути назад. А путь один: в Дикое поле». Ударив себя по ляжкам, он осторожно встал и поспешил к землянке.

Пока Алим предавался размышлениям, парни уже поднялись и собирались в путь. Мешок, который они должны были взять с собой, был весьма тощ.

– Нуть, – промолвил дед, – вы че не берете яды, как надобноть. Не дай-то бог, а вдруг татарва клятая, аль вои Явановы нагрянут. Ну, что

делать-то будити?

Он потряс мешковиной.

– Надоть яды-то брать поболе. Вдруг путь проляжет до Дикого поля. А?

Парни неловко пожали плечами.

– Тыть, – он посмотрел на Митяя, – ступай собаку покорми, да лодку подтяни повыше.

Когда они остались одни, Алим взмахом руки пригласил Андрея сесть рядом.

– Знашь, – произнес старец, – а ты стал мне вроди сына.

Глаза его заблестели. Андрей растерялся:

– Тогда я... могу остаться.

Алим посмотрел на парня. Что творилось у деда в голове, трудно сказать, только он в раздумье покачал головой.

– Нет. Митяя не бросай. Он те лучше брата. Да и че те со мной, стариком. Скука. Уж иди своей дорогой. Только тово... пока назад не надоть. Боюсь. Я те говорил, Яван – строгий князь. Не успешь и подумать, как веревку на шею оденуть.

Эти слова напомнили Андрею и дядькин крик: «Камень на шею и в прорубь!» От такого воспоминания его даже покорибило.

– Так, значит, дорога одна?

– Да. В Дикое поле. Я те говорил, тамо хорошо. Воля вольному. Правда, всяко будить. Мне приходилось обутки... варить. Больше жрать нече было. Вот так-тоть. Атамана слухай. Но и сам тово... поставь ся, чтоб не мыкали. Ты парень здоров, силенкой бог не обидел. Да и голова твоя светла. Бог даст, сам атаманом будешь.

Загремел сапогами Митяй и, войдя в землянку, ошарашил:

– Река-тоть подыматся. С чаво? – он стал говорить многие слова как Алим.

– В верхах-то дождить, вот и вода преть, – пояснил Алим, – ну, – и он рукой показал на стол, где стояла еда.

Парни удивились, когда дед выставил кубки и бочонок с жидкостью. Он зубами вытащил пробку и разлил содержимое. Медовуха была выдержана и легко ударила в голову. Наливая по второй, Алим сказал:

– Признаюсь, дети мои, – он заговорил на родном языке, – что мне очень жалко расставаться с вами. И хочу напомнить, что Дико поле

любит сильных, смелых, верных. Не поддавайтесь искусителям и сладкоголосым. Они первые и предают. Не отталкивайте прямых и грубых. Они надежнее и вернее. Эх, скинуть бы мне лет пятьдесят, повел бы я вас знакомыми тропами, научил многим хитростям. Но... не судьба. Помните одно: жалости к врагу у казака нет. Но за друга он жизнь отдаст. Нет честнее казака. Одним словом, казацкой вам удачи!

Свой кубок Алим пил долго, старательно и вроде бы больше ничего не хотел говорить. Когда, наконец, кончил пить, подолом рубахи отер усы, бороду и проговорил:

– Лучше не свykаться, коли приходится расставаться. Но знайте: это все, – он расставил руки и повернулся кругом, – ваше.

Затем вытащил хранившуюся на его груди вместе с крестом миниатюрную иконку.

– Эта иконка, – произнес он, глядя на нее, – из самого Русалима. Говорили, что ее держал в руках Сам, – и поднял вверх палец. – Она верно хранила меня. Дай-то бог, чтобы это было и с тобой. Береги ее пуще глаз своих, – и надел ее Андрею на шею. – Да храни тя Бог, – с этими словами он перекрестил его. – А те, Митяй, – он пошел в темный угол, вынес оттуда нательный крестик и надел его на Митяя, – ен тожесть оттудова и будить тя беречь. Да хранит и тя Бог, – и тоже перекрестил его.

Сборы закончены. Мешки набиты до отказа. Ничего не пожалел для них Алим. Даже отдал свои винцерады, добытые им на славных казачьих набегах. Дал и сабли дамасские, которые на лету платки шелковые режут, кинжалы абрексские, да кольчужки италийские. Легкие на теле и крепкие в бою. Деньгу предлагал, да не взяли парни.

– Сами добудем, – уверил его Митяй.

И вот они на берегу. Митяй готов был столкнуть лодку, да что-то останавливало его. Понимал, что не сказал чего-то главного старец. И тот заговорил:

– Идите осторожно. И зверя бойтесь. Ломага щас голоден. Всяко может быть. Да и людев опасайтесь. Особливо княжеских. Яван-то дюже зол на вольный люд. Сказывали, воев своих посылат, – и повернулся на восток, – Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй их, – трижды перекрестился и поклонился, потом продолжал: – Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

После слов молитвы он подошел к каждому, перекрестил еще раз и промолвил:

– С Богом!

Митяй толкнул лодку в воду, а Андрей свистнул Дружбану, и они все успели в нее запрыгнуть, прежде чем та отплыла от берега. И гребя, они не спускали глаз со старика. Когда нос лодки уткнулся в противоположный берег, парни выскочили и вытащили ее подальше от воды. Махнув на прощание Алим, они с мешками за плечами полезли наверх. Еще раз помахав уже сверху, они с трепетом в сердце шагнули в новую жизнь.

Ночь застала их в лесу. И тут сердце Андрея сжалось. Сколько раз ему довелось ночевать одному, на морозе, подчас с пустым желудком. Но видя рядом жизнерадостного Митяя, который умело сооружал костер, он успокоился. Ночь прошла без приключений, и наутро по подмороженному за ночь снегу шли они ходко.

– Скоро будем дома! – проговорил Митяй, глядя на приметы, одному ему известные. – Интересно, как они нас встретят, – рассуждал он, – батька, тот обрадуется. А как Хист? Подит-ка, ворчать будить: долго, мол, были.

– Поворчит, да успокоится, – каким-то безразличным голосом проговорил Андрей.

– Ага! Ты его плохо знашь. Еще плетью огрет.

– Пусть попробует! – не без злости ответил Андрей.

Митяй удивленно посмотрел на него:

– Он-то ведь... ваттаман. Да и шубу свою те дал, не пожалел.

Андрей поправил мешок за плечами, потом буркнул:

– Шубу я ему отдам. А бить себя не позволю. Ну, что мы? – Андрей вдруг замолчал.

– Ты че? – спросил Митяй, глядя на друга.

– Смотри, что там? – и показал вперед.

Митяй глянул и присел:

– Так то... человек!

Они сбросили мешки и побежали вперед. Это был полузанесенный снегом труп, лежавший лицом вниз. От шеи, порубанная вместе с одеждой, зияла огромная рана. Чтобы его узнать, пришлось перевернуть. Митяй ахнул:

– Да это ж Федька с Торжка. Кто его так?

Митяй посмотрел на Андрея. Тот пожал плечами.

– Почему его тут оставили? – как бы спрашивая себя, тихо произнес Андрей.

Страшная мысль промелькнула в голове Митяя.

– Андрюха! – воскликнул он. – Пошлить скорее!

Через несколько шагов они увидели еще несколько порубанных человек. Все они почему-то лежали к ним головами.

– Митяй, – крикнул Андрей, – они же от кого-то убежали!

Место напоминало поле битвы.

– По всей видимости, они старались убежать дальше в лес, но их кто-то догнал, – предположил Андрей.

– Кто? – спросил Митяй.

– Уж не княжеские ли вои? – высказал догадку Андрей.

Потом она подтвердилась. У схрона они увидели несколько убитых дружинников. Видать, атаман организовал оборону. Но силы были неравны. Обходя убитых, отца и Хиста они не нашли. Митяй расстроился:

– Повязали батяну. Надоть итить на выручку.

– Куда же мы пойдём? – Андрей взял друга за плечи и потрянул его. Тот поднял голову. По его щекам текли слезы.

– Не знамо, – слезливым голосом ответил Митяй.

– А может, они с атаманом вырвались? – сделал спасительную догадку Андрей.

– Ты думаешь так?! – обрадованно спросил Митяй.

– А что, все может быть. Твой батька – здоровый мужик, – Андрей его не знал, а говорил наугад, чтобы как-то успокоить Митяя, – поди, разбросал их, да и удрал в лес. А там ищи. Да и Хиста нет. Он тоже не промах.

– Ты, Андрюха, прав. Батька у меня здоров. Может, верно, ушел.

– Конечно! – убедительно произнес Андрей.

– Что делать-то будем? – спросил Митяй.

– Что делать? Не бросим же мы их так.

Два дня им потребовалось, чтобы предать земле тела погибших. Когда закончили эту горестную работу, перекрестились и, сказав: «Да будет земля им пухом!», взвалили мешки на взмокшие спины и двинулись на юг. Андрей зашагал торопливо, широко выбрасывая ноги. Ему поскорее хотелось уйти от этого страшного места. Да и

мысль о том, что княжеские вои могут вернуться, подгоняла его. Митяй, ниже его почти на голову, с трудом поспевал за ним. Но это не мешало ему говорить.

– Кудыть ты гонишь? – возмутился Митяй.

– Кудыть, кудыть, – передразнил он друга, – ты не думаешь, что здесь шныряют эти вои?

Митяй вытер рукавом испарину со лба, потом ответил:

– Че им тута делать? Побили да пошли к се. – А че нам делать? – он почесал затылок, глядя на Андрея.

– Как сказал Алим, скорее уходить в Дико поле. Да так, чтоб им нечаянно не попастьись!

– Гущей надоть идтить, – как бы подсказал Митяй.

– Ты, Митяй, прав, – Андрей подбросил мешок и двинулся дальше.

Идти такими местами было тяжело. Порой встречались такие непроходимые заросли, что только с помощью топора они могли пробиться вперед. Порой мешало и зверье. Вот с такими трудностями парни пробивались к Дикому полю. О том, что оно уже близко, они могли судить по тому, что леса редели, часто попадались поляны. И все же оно открылось внезапно. Однажды, выйдя из леса, Андрей увидел, что вид, к которому он привык: леса, поляны – вдруг исчез. Перед ним простиралось бескрайнее поле. Андрей просто остолбенел. Ему показалось, что стало легче дышать. Это видение поразило его. Молодая, набирающая силу трава изумрудом покрывала землю. Малейшее колебание ветра одевало ее в серебряный наряд. Очищенное от зимней наледи солнце совсем по-другому смотрелось на ясном голубом небе. Оно посылало на землю ласковые, зовущие к жизни лучи. Они-то и подняли в воздух жаворонка, который, покоренный этой лаской, изливал свою радость чарующей мелодией. Где-то кричал перепел. Трещали кузнечики, перелетая с места на место. В беспорядке проносились куропатки. Жизнь кипела!

Андрей сбросил с плеч мешок, разделся. Оставшись, в чем мать родила, потянулся, подставляя солнцу тело.

– Хорошо! – воскликнул он и рухнул на теплую землю.

Через какое-то время появился Митяй.

– Ложись, – Андрей показал место рядом.

Митяй ухмыльнулся, однако начал раздеваться. Дойдя до подштанников, задумался: снимать или нет. Решил остаться в них.

– Скажи, Митяй, это, что ли, Дико поле?

Митяй зачем-то приподнялся, осмотрелся окрест.

– Вроде оно.

– А почему его зовут Дико поле?

Митяй задумался. Почесал макушку:

– А кто его знает? Maybe, что власти тута нетути. Вот и зовут так: дико ведь без власти.

Андрей, глядя в голубизну неба, проговорил:

– Я бы назвал его Раздольным полем. Смотри, сколько тут простора, свободы. Никуда я отседа не пойду. Буду вот так лежать и смотреть в небо. Смотри, – он сорванным стебельком показал в небо, – как интересно плывут там облака и не падают на землю.

Митяй вздохнул:

– А че об ентом думать, это так Бог создал, вот и все.

– Эх! Дал бы нам Бог крылья, ты куда бы полетел?

– Батяню искать. А ты?

– А я не знаю. Тут бы остался. Летал бы над полем да любовался.

Внезапно Митяй рассмеялся:

– Татарин бы тя сбил!

– А что, тут есть татары? – Андрей приподнял голову.

– Где их нетути? Тута их как муравьев в куче.

– Че ты молчал? – Андрей сел. – Надо своих искать. Аль к чужим прибиваться. К казакам. А то мы тут с тобой быстро к ним попадем. Ты знаешь, куда идти?

Митяй сел и закурил головой, часто поглядывая на солнце.

– Щас, наверное, обед? – спросил он.

– Ты че, жрать захотел? – Андрей оперся на локоть.

– Да не. Еслив обед, то иттить надоть туды, – и он махнул рукой на юго-запад.

– Ну, так пошли, – Андрей поднялся и поспешил одеться.

Когда они загрузились, он вспомнил о Дружбане и громко его позвал. Но собака не прибежала.

– Найдет, – махнул он рукой. – Не впервой.

Они, скорее всего, в этот день и дошли бы, если бы не случай. Шагая, Андрей вдруг остановился.

– Тыть че? – спросил Митяй.

– Слушай! – ответил Андрей.

Митяй прислушался. И они оба услышали ржание. А вскоре из ложка показался табун оседланных лошадей. И шли они, похоже, на них. Когда, побросав мешки, парни подскочили к ним, они не испугались, а стали как-то радостно ржать.

– Выбирай, – сказал Митяй, подбегая к вороному жеребцу.

Андрей выбрал себе буланого. Он хоть и косил на него иссиня-черным глазом, но довольно спокойно позволил взять себя за узду.

– Откуда они здесь? – спросил Андрей у Митяя.

Тот со знанием дела, с какой-то затаенной радостью поведал ему:

– Казаки прознали, что татарва на них нападет, вот и выгнали коняк в поле, а сами залезли в воду и стали чрез камышок дышать. Ищить их. А татарва воды боится.

– Ну что, поехали? – произнес Андрей.

Они оседлали коней и тронулись в путь. Лошадиный табун, как по команде, последовал за ними, чем вызвал удивление у Андрея. Оглянувшись, он воскликнул:

– Ишь, какие умные твари! Соскучились по хозяевам, любому человеку рады.

Митяй уточнил:

– За татариним бы не пошли ни в жисть.

– Почему? – удивился Андрей.

– А те по-другому пахнут, – ответил, а сам рассмеялся.

– А как они пахнут? – Андрей посмотрел на Митяя.

– Да ять, че, нухал тать, так людить сказывают.

– Слушай, Митяй, что ты все «ять» да «тать»...

Он не договорил. По ушам резанул какой-то непонятный гул. Он нарастал и впереди, и позади. Парни переглянулись. Митяй приподнялся на стремях, закрутил головой. И вдруг завопил, показывая вперед рукой:

– Татары!

Андрей оглянулся назад и увидел, как с гребня холма спускается отряд.

– Кольцуют! – воскликнул Митяй.

Лицо его побелело.

– Чиво делать будем? – почти плачущим голосом обратился он к другу.

Андрей остановил коня. Быстро созрело решение.

– За мной! – крикнул он, поворачивая лошадь назад.

Митяй, ничего не понимая, последовал за ним. Они обскакали табун, и Андрей, заехав с тыла, завопил:

– Гони!

Поснимав ремни, они усиленно ими заработали. Табун набирал скорость. А парни все гнали и гнали его. Лошади пошли во весь опор. Татарский отряд, преследовавший их сзади, начал отставать. Татары же, скакавшие им навстречу, стали сдерживать коней, поняв, что обезумевшие от гонки лошади могут их смять. Если передним рядам удалось увернуться от удара, то задние ряды, не видевшие опасности, были смяты.

Парням прорыв удался. Теперь все зависело от выносливости их коней. Им повезло и тут. Животные оказались выносливее хваленых татарских лошадок. Они оторвались от преследователей. Но страх гнал парней все дальше и дальше, пока кони не стали спотыкаться. Андрей остановил взмыленную лошадь, за ним последовал и Митяй. Они спрыгнули на землю.

– Кажись, оторвались, – произнес Митяй, на последнем слове прикусывая язык.

Оба рассмеялись. Уход от опасности поднял настроение. Митяй, правда, посетовал на то, что во время этой скачки растеряли табун.

– Зато жизни свои спасли, – заметил его друг.

Митяй согласился.

Андрей поцеловал морду коню и, сняв уздечку, хлопнул по крупу, приговаривая:

– Иди, мой хороший, пощипи травку.

– Ты... ты передние ноги ему... спутай.

– Ты прав, надо стреножить.

Отправив коней пастись, они достали из мешка еду. Посмотрев на вяленое мясо, Андрей уныло промолвил:

– Каши хочу.

Митяй, деловито нарезая куски, заметил:

– Вот станешь казаком, вдоволь ее наешься.

– А ты-то казак или нет? – выбирая себе кусочек мяса, спросил Андрей.

– Казак тоть! – оба рассмеялись.

– И давно? – прожевав, спросил Андрей.

– Дак, щитай, года три наберется.

– О! – восхитился друг. – А что ты там делал?

– Да все. И коней пас, и рыбу ловил, и кашевару помогал тоть. Тьфу...

– В какие-нибудь походы, ну... на татар ходил? – прожевывая мясо, спросил Андрей.

– Ходил. И на купцов ходил. На Итиль!

– Во как! – с удивлением воскликнул Андрей. – А как вы там, – он кивнул назад, – оказались?

Митяй понял, что тот хотел спросить.

– Да Хист сманил. Сказывал, мол, быстро деньгу сшибете. Богаче боярина станете.

– Не вышло?

– Не вышло! Князь своих воев купцам стал давать.

Наевшись, Андрей, больше ни о чем не расспрашивая друга, расстелил зипун и посмотрел на небо. Солнце склонялось к закату. Он был розовый, и Андрей заметил:

– Хорошая завтра будет погода.

Митяй, сунув в мешок остатки еды, прилег рядом с ним. Сладко зевнув, сказал:

– Я сосну, ты... посторожи. Потом буди меня.

Андрей лежал, закинув руки под голову, и смотрел в темнеющее небо. Ему было интересно его рассматривать. На востоке уже темно, прямо над ним небо незаметно теряло голубую прелесть. И только на западе узкой полосой оставалась синева. Да и сама степь, если послушать, тоже вроде укладывалась спать. Смолк птичий гомон. Только отдельные особи еще перекликались меж собой. Замолк и травяной шелест. Незаметно и к Андрею подбирался сон. Он даже вздремнул на мгновение. Поняв это, осудил себя и взглянул на Митяя. Тот спал, сладко посапывая. Андрей потряс головой, словно прогоняя остатки сна, потер уши. Но, почувствовав, что этого мало, поднялся. Солнце почти скрылось, оставив исчезающую полоску света. Степь

наполнялась темнотой. Похолодало. Андрей немного встряхнулся и пошел к лошадям.

Наконец, набродившись вдоволь, он решил будить Митяя. Сделать это было не очень-то легко. Но, все же осознав, что от него требуют, тот поднялся, сделал несколько энергичных движений руками, согреваясь.

– Ложись, – с завистью в голосе сказал Митяй, набрасывая на плечи зипун.

Какое-то время он справлялся со сном. То сбрасывал зипун, считая, что от тепла тянет на сон, то вновь его надевал. Прыгал, скакал, бил себя по лицу. Но сон, предатель, все же овладел им.

Андрей сквозь сон почувствовал, что кто-то заворачивает ему руки. Вначале мелькнула мысль, что это Митяй шутит. Но чужой говор сразу поставил все на место. Он неожиданно так махнул нападавших, что те разлетелись в разные стороны. Вскочив, Андрей схватил саблю и бросился спасать Митяя, которого уже вязали.

Раскидав татар, он освободил друга, и они попытались скрыться. Но один из татар ловко бросил аркан, и тот сдавил горло Андрею. Парень машинально схватился за петлю, но другой татарин чем-то грохнул его по голове. Все поплыло перед глазами, и Андрей оказался на весенней нежной траве. Он смутно ощущал, что с ним делают. А мысль была об одном: «Что с Митяем?» Того тоже повязали.

ГЛАВА 10

Донской атаман Семен Еремеев по кличке Еремей вернулся с похода на Итиль. Еремей – мужик лет за сорок, выше среднего роста, жилист, из-под нависших косматых бровей смотрели внимательные серые глаза. Рыжеватые усы свисали ниже подбородка. Лицо все в шрамах. По нему, как по книге, можно было прочитать о бурной жизни атамана. Шрамы сделали выражение лица не только суровым, но и грозным. Стоило ему только взглянуть на какого-нибудь забуянившего казака, как того словно обливали ушатом ледяной воды, тотчас успокаивался.

Сейчас он один в землянке сидел за столом, положив на него кулачищи. Перед ним жалкая башловка: несколько десятков золотых монет, раскатившихся по столу, кучка жемчуга, золотой пояс с канторгами, пара бизилик да жарьолка. В углу – куча меха, разные шубы. А вид у него такой, словно собирается кого-то одарить, да выбор мал.

Не о такой добыче говорил московский купец Василий Коверя. Он вел торговлю с Доном. Покупал у них зимой мясо, рыбу, меха. Им продавал оружие и одежду. А иногда и шептал на ухо о своих соперниках. Посылая казаков за добычей, Еремей всегда наказывал, чтобы Коверю не трогали, попадись он на их пути. Так для виду его шерстить, но по-настоящему ни-ни. Они знали, если что Батька прознает, голову снимет. А атамана гложет одна мысль: неужели его обманул Васька или Хист? И он еще раз решил допросить казака.

Хисту, когда на его лесной схрон неожиданно напали князьи вои, удалось улизнуть с несколькими казаками. И он вернулся на Дон. Еремей знал хитрость, ловкость Хиста. Но недолюбливал за его погоню к самостоятельности. И все же атаман поручил ему возглавить поход по наводке купца, ибо других, равных ему, он не видел.

– Эй, – крикнул он дежурившему за дверью молодому казаку. – Покличь ко мне Хиста. Да живо! – грозным голосом приказал он.

Хист вошел к нему, не чувствуя за собой вины. Не доходя до стола, остановился:

– Тебе че, атаман?

– Сидай, – он ногой подтолкнул к нему сиделец.

Взглянув на суровое лицо Еремея, с Хиста сдуло его самоуверенность как ветром.

– А щеле наврал купсина, я его сделаю валухом, – проговорил атаман.

Хист понял, чего от него хочет Еремей. Живо взглянув на него, Хист сказал:

– Не купес, думаю, псотил дело. Дюже умен князь московский. Дружину свою стал посылать, купцов охранять. Те нагло на нас навалились, когда мы на валки напали.

Еремей дернул ус.

– Что же получается: Московия объявила нам войну? – спросил он у Хиста.

– Думаю, с Доном он не хочет воевать. Но купцов защищать будет, – ответил тот.

Брови атамана сошлись на переносице.

– Ты потерял много казаков, – буркнул атаман, отгребая от себя башловку.

Хисту показалось, что атаман недоволен своей долей.

– Атаман, – Хист было поднялся, голос его звучал возмущенно.

Но его осадил Еремей:

– Сиди! Если надо будет, на кругу встанешь.

От этих слов по спине Хиста пробежали мурашки. Он знал, что такое стоять на кругу. Достаточно одному крикнуть: «Да че его слухать! Смерть ему!», и круг может быстро приговорить ответчика.

Тон Хиста сменился на извинительный, покаянный.

– Не повезло нам, – он исподлобья посмотрел на атамана. – Не успели отбиться от дружины, тут как тут царевич Чанибек со своими людьми. Еле ноги унесли!

Еремей, упершись в стол глазами, внимательно слушал Хиста, вникая в каждое сказанное им слово. Тот понял, что последнее надо пояснить.

– Я что... разделил своих казаков, чтоб каждый спасался как мог. Боле половины уже вернулись.

Видать, не найдя ничего такого, за что можно было зацепиться, атаман устало махнул рукой:

– Ступай!

В душе Еремей признавал, что Хист в общем-то прав, но решил дожидаться Коверя, что тот скажет. Скорее всего, московских купцов он оставит в покое. Другие есть. Следующая его думка была о наказном атамане. Казачество разрасталось, люди, гонимые разными напастями, шли со всех сторон. Нужен был помощник. Приглядываясь ко многим, он остановил взор на Хисте. Стал к нему приглядываться. Но тот, не сказав ни слова, куда-то исчез, как в воду канул. Вернулся побитым псом. Но опять быстро поднялся в глазах казачества. Дар в землю не зароешь. Ошибиться может каждый. И атаман мысленно возвращался к нему. Но вот этот неудачный поход. Хоть Хист и все поведал, но чем-то он ему не нравился. Душа не принимала этого человека. И он решил искать себе помощника среди других казаков.

Андрей очнулся с тяжелой болью в голове. Было темно. Сильно ныл затылок, а все тело задеревенело. Он не чувствовал ни рук, ни ног. В сознании медленно прояснялась картина нападения на него. Он вспомнил, как бросился на помощь другу. Но потом в голове наступила темнота, провал памяти.

Поворочавшись, Андрей понял, что связан по рукам и ногам: «Плен! – пронеслось в голове. – Что делать?»

Но тут же дал себе ответ: «А что могу сделать?»

Андрей старался собраться с мыслями. Первое, что он решил, это узнать – здесь или нет Митяй, и тихо позвал его. Никто не откликнулся. Вот тут-то на него навалилось отчаяние: Митяй погиб, а он... тоже приговорен. Он попытался освободиться, но связали его крепко. И у него вырвалось: «Господи, помоги!»

– Кто здесь? – раздался чей-то голос.

Он напугал Андрея, наверное, сильнее, чем ощущение плена.

Но голос повторил вопрос. Андрей подтвердил:

– Я!

– Андрей, ты? – услышал он в ответ.

Парень даже восторженно вскрикнул – он узнал голос Митяя.

– Митяй! – радостно воскликнул Андрей.

– Андрей!

– Ты где? – спросил Андрей, поняв, что задал глупый вопрос.

– Здесь!

И тут у Андрея шевельнулась одна мыслишка.

– Митяй, – окликнул он, – ты зови, зови меня.

Тот стал повторять его имя, а Андрей, напрягая всего себя, покатил к нему. Вскоре они столкнулись. Андрей попал головой на его ноги, по ним он определил, что тот лежит на спине.

– Перевернись на бок, чтобы твои руки были на моей стороне, – прошептал Андрей.

Митяй с трудом выполнил его просьбу. И Андрей принялся грызть веревку на его руках.

– Бесплезно, – прошептал Митяй, – они у них волосяные, крепкие, как железо.

Андрей не слушал его. Молодые зубы, отрывая волокно за волокном, перегрызали ее. Сколько ушло времени, трудно сказать. Но ему удалось ее перегрызть, и руки Митяя стали свободны. Надо было потратить еще время, чтобы их оживить. Наконец, заработали пальцы. Он распутал себя и принялся за Андрея. Вскоре оба были свободны. Хоть и царила полная темнота, но они поняли, что находятся в каком-то помещении. Когда добрались до стены, Митяй определил, что это шатер.

Они нашли выход и осторожно откинули полог. На дворе была глухая ночь. Тучи заволокли небо так, что звезд не было видно. Насколько могли рассмотреть, поблизости их шатра стражи не было. Наверное, те решили, что крепко связанные пленники никуда не денутся.

– Уходим скорее, – прошептал Митяй.

– Подожди, вон еще шатер, там может быть оружие. Бери веревки, и поползли.

Когда до шатра осталось совсем немного, они наткнулись на человека. Он спал, вытянув ноги и склонив голову чуть не до колен. На них лежала сабля. Андрей толкнул Митяя и шепнул, чтобы тот, находясь ближе к стражнику, взял ее и убил татарина. Митяй легко это сделал. Они поползли дальше и наткнулись на вход, у которого была охрана, и довольно многочисленная. Связываться с ней было небезопасно.

– Зайдем с тыла, – сказал Андрей, забирая из рук Митяя саблю.

Сделав разрез, они вползли внутрь шатра.

Он был освещен сальником и давал свет, позволявший рассмотреть, что было внутри. В центре на шкурах спал человек. Он

лежал к ним спиной и рассмотреть его было невозможно. Но зато они увидели свое оружие. Видать, оно понравилось спящему, и он положил его недалеко от себя. Подойдя на цыпочках, парни забрали сабли.

Андрей толкнул Митяя и руками показал, что надо ударить спящего и утащить с собой. Но тот пугливо замахал руками. Тогда Андрей, подняв с пола какую-то тряпку, рукоятью сабли ударил по голове и навалился на него. Разжав ему рот, запихал тряпицу и, обмотав тело шкурой, забрал у Митяя веревку и обвязал ей татарина. Парни вытащили его через прорез, а дальше покатали по траве, удаляясь от этого места. Когда татарина откатали на изрядное расстояние, они подняли его и понесли дальше. Небо и тут не оставило их. Они наткнулись на лошадей, среди которых оказались и их кони. Отведя коней на расстояние, чтобы топотом не разбудить спящую от арзы стражу, Митяй сел на коня, а Андрей, подняв пленника, взгромоздил его на спину митяева коня.

Они долго скакали, но, поняв, что их никто не преследует, перешли «бежать на конь». Ехали молча, точно боясь, что их может услышать вражина.

– Кажись, подъезжаем! – нарушил тишину Митяй.

Андрей посмотрел вперед и увидел темную полосу леса.

– Вроде за ентим лесом болото, а за ним наш град. Иль, как казацки, кош.

Митяй не ошибся. Миновав лес, они уперлись в болото. Митяй быстро нашел проход, и они друг за другом поехали по нему. На болоте густо росли чахлые деревья, и они загораживали переднюю панораму.

Перед ними предстал частокол, вокруг которого была вырыта канава, заполненная водой. Ворота были открыты и не охранялись. Они попали на дорогу, которая вела к центру. Вскоре парни подъехали к небольшой деревянной церкви и каким-то полууглубленным строениям. Показав на одно из них, Митяй сказал:

– Кабак, а ето, – он широко развел рукой по площади, – майдан.

Андрей не понял и посмотрел на друга.

– Здесь казаки собираются, – пояснил он.

С Дона, протекавшего в версте от города, поднимался клочками туман, стелясь по земле дымчатым покровом. Редкие прохожие, завидя

чужаков, встречали их неприветливыми взглядами, изучающе глядя им вслед. Встретив несколько таких человек, Андрей поинтересовался:

– Митяй, а что они такие недовольные?

– Чужой. Вот когда станешь своим, сердца их откроются.

– Во как! – удивился Андрей, – А впрочем, это правильно.

Первым знакомым, кого они встретили, был Хист. Митяй обрадованно бросился к нему. Но тот сухо встретил его. Вчерашний разговор с атаманом был еще не забыт.

– Где батяня-то? – первое, что спросил он у бывшего атамана, не обращая внимания на его холодность.

– Иама, в курени, – и показал рукой в сторону леса.

– Жив! Жив батяня, – подбегая к Андрею, прокричал Митяй, – давай скорее туды!

То, что высокопарно именовалось куренью или избой, было обыкновенной землянкой. Стены из ивняка плетеные, обмазанные глиной. Крыша покрывалась конскими шкурами. У входа – плетеная и обмазанная глиной печь. Напротив – посудный поставец. Далее, справа и слева, помосты для спанья на несколько десятков человек. Лежанки были застланы шкурами. Ими же и укрывались. Если строения захватывали татары, казаки говорили, что не жалко, брать там нечего, а новое построить недолго. Все у них было общее. Никто ничего друг от друга не прятал.

Отца он застал еще спящим. Рядом с ним сидел пожилой казак и чинил сапог. Когда Митяй хотел разбудить отца, казак встал и загородил собой спящего:

– Не буди! Он всю ночь коlobашки пек, – сказал он.

– Так это мой батяня. Мы с ним давно не виделись.

– Сын? – спросил казак и вопросительно посмотрел на Андрея. – Другое дело! Я щас еще светец зажгу!

Митяй долго тряс отца. Когда, наконец, добудился, тот сел и стал протирать глаза. Чувствовалось, что сон его не покинул, и он мог вновь свалиться на лежак.

– Батяня, – Митяй вновь затряс его за плечи, – это я, Митяй.

– Митяня? – Отец перестал тереть глаза, уставился на сына. И вдруг вскочил и крепко прижал его к груди. – Митяняй, родной мой, – лепетал он.

Когда прошел первый порыв радости, он посмотрел на Андрея, причем снизу вверх.

– А это кто? – спросил он и посмотрел на сына.

– Да это ж Андрюха. – Видя, что отец не очень понимает, пояснил: – ты его нашел. Помнишь, у той землянки?

– Андрюха! – отец подскочил к нему и тоже обнял.

Такое чувство чужого человека расстрогало Андрея.

– Не узнал, не узнал, – Отец вновь окинул его взглядом снизу вверх. – Ну, садитесь да разбайся, сынок, как живал.

Андрей все рассказал. Когда поведал о пленении, батяня вскочил:

– Пошли к атаману!

Еремей встретил батяню хмуро. Хотя казак и был вольной птицей, но атаман любил, кто жизнь отдавал казачеству. А тех, кто скакал, как кузнечик, в душе он если и не презирал, то не уважал. А батяня бегал с Хистом.

– Сидай, – вместо приветствия сказал атаман, кивая на сиделец. Батяня сел, но такая суровая встреча как-то сбила его с толку.

– Да я... пуцдай Митяй....

– Пуцдай, – коротко бросил Еремей.

В это время в землянку набивались казаки. По привычке на новичка кидали недоверчивые взгляды и присаживались где могли. Митяй, порой сбиваясь, стал рассказывать об их похождениях. Когда он дошел до рассказа о том, как Андрей устроил побег от татар, атаман поднял руку и сказал Митяю:

– Обожди. Иди-ка сюда, – и пальцем поманил Андрея.

Парень подошел.

– Так было? – зачем-то спросил у него Еремей.

Тот кивнул.

– Ну-ка! – атаман посмотрел на батяню.

И он понял, что ему надо освободить сиделец. Батяня поднялся и смешался с толпой казаков.

– Сидай! – пригласил он Андрея.

Парень сел.

– Кто ты будешь? – глядя на него в упор, спросил атаман.

– Я? – смешался парень. – Да я... холоп, – пробормотал он, опуская голову, – князя... Стародубского.

– Василия?

Этот вопрос очень удивил Андрея: «Ты смотри, знает. Как же быть?» Но атаман, не спуская глаз, ждал ответа.

– Нет, Федора.

– Что случилось?

– Да... князь Федор уехал в монастырь на лечение, а князь-то Василий вместе с княжичем Дмитрием убили бр... княжича Ивана. Да подожгли хоромы. Ну, а на меня все свалили. Мол, я это сделал. Мстил, мол, княжичу. Ну, я... и ушел.

– Сюда?

– Да не. На Хиста набрел.

Атаман ухмыльнулся.

– А прорыв татар сам придумал или знал?

Андрей даже выпрямился:

– Сам, – обиженным голосом ответил он.

– Молодец! – И атаман потрепал его по голове. – Ну что дальше было-то?

Андрей рассказал, как их повязали сонных.

– Эх вы! – Атаман с укоризной посмотрел на Андрея, потом на Митяя.

Неожиданно Митяй заявил:

– Атаман, в том моя вина. Я... заснул. Андрей не виноват.

– Эх ты! А знаешь, что у нас, у казаков, за это полагается?

– Знаю, – опустив голову, ответил Митяй, – в мешок и в реку.

– Правильно. Учти и ты, – он посмотрел на Андрея, – а как выбрались?

Андрею пришлось рассказать и это.

– Удалец ты!

– Да он и татарина повязал, мы его сюда привезли, – сказал Митяй.

Землянка оживилась.

– Где он? Где он? – голоса заполнили землянку.

– Да там, – Митяй махнул рукой в сторону двери и пояснил, – на коне.

Несколько человек ринулись наружу. Вскоре казаки внесли не очень легкую ношу. Когда распутали, открыли, действительно оказался татарин. Курень весело зашумел. Пленный жалко улыбался: не то был

рад освобождению, не то удивлен, видя вокруг своих врагов. Еремей хорошо знал татарский и спросил:

– Кто ты будешь?

Татарин вдруг встал в гордую позу и ответил:

– Я... Чанибек.

Кзаки хорошо знали сыновей хана Узбека. Чанибек был младшим, а Инсанбек старшим. Когда они услышали это имя, курень наполнился криками удивленной радости. Громко крича, кзаки, толкая друг друга, полезли к Андрею. Многие целовали его, называли кзаком. И было за что: надо же! Захватить царевича! Невиданное дело. Скажи кому, не поверят.

Но радость многих не разделял атаман. Ему не хотелось ссориться с самим Узбеком. А если тот, прознав, двинет на них свою рать! Одно дело – мелкие стычки, покусывание друг друга. А тут! Что же делать? И он решил собрать есаулов, старых кзаков и с ними думу думать. А пока... Он встал и поднял обе руки. Все поняли, что атаман хочет говорить. Когда стихло, он обратился к кзакам:

– Други мои верные! Послушайте своего атамана. Не за себя боюсь я. Вы меня знаете. Свою жизнь я не берег и не берегу. О вас печусь я! Не к делу нам ссориться с ханом. Примем его сына как гостя дорогого, а сами думу думать будем.

– Любо! – враз взорвался курень.

– Если любо, – сказал атаман, – отведем гостя в курень наш светлый. Приставим к нему кзаков, чтоб и ночь, и день служили ему.

– Любо!

Слышится смех: поняли кзаки и мысль своего атамана – служить царевичу! Да чтоб не сбега он. Раздается зычный голос атамана:

– Где Иван Водолага?

– Я, атаман, здесь! – раздался густой басок с задних рядов.

– Ты верши дело, – приказал Семен.

– Понял, атаман!

Сквозь толпу кзаков протиснулся крепкий кзачина, грудь колесом.

– Пошли! – потянул он царевича.

Тот испуганно взглянул на атамана. Еремей на татарском языке сказал ему:

– Иди, не бойся, ты мой гость.

Услышав такие слова, царевич в знак благодарности склонил голову.

С уходом Водолаги народу в землянке поубавилось. Атаман опять обратился к Андрею, а глаза его стали такие добрые, даже радостные. Знать, крепко понравился ему этот парень.

– Андрей, ты слыхивал, что они, – он кивнул на толпившихся казаков, – тебя уж казаком нарекли. А хочешь ли ты им быть? Ты знаешь, что такое казак?

Андрей кивнул.

– Нет, ты еще не знаешь. Казак – это тот, кто хочет за веру христианскую быть посажен на кол, кто хочет быть четвертован, кто готов претерпеть всякие муки за святой крест, кто не боится смерти. Не надо ее бояться, от нее не убежишь. Коль готов на это, приставай к нам. Такова казацкая жизнь, – атаман не мигая смотрит на Андрея.

– Я... Я готов! – твердо произнес Андрей.

Казаки зашумели:

– Казак!

– Тихо! – рявкнул атаман, – ишь, какие вы быстрые. Аль забыли, что казак еще должен? Вот ты, Сыч, орал: «Казак!», а знаешь ли ты, как он дружен с оружием, владеет конем? Лихость да ловкость, я чувствую, в нем есть. А? – и посмотрел на Сыча.

– Давай, атаман, проверим.

– Давай проверим. А ну пошли на воздух.

Когда они вышли, атаман глазами поискал кого-то в толпе, поманил пальцем:

– Иди-ка, Сыч, сюда.

Он подошел.

– Дай-ка ему свою саблю.

Тот послушно подал ее рядом стоявшему Андрею.

– Расступись, други! – весело крикнул атаман, обнажив оружие.

– А ну давай сразимся, – глядя на Андрея, сказал он.

Андрей удивленно посмотрел на атамана, потом на казаков.

– Давай, давай, не бойся! – понеслись со всех сторон подбадривающие крики.

«Легко сказать: “Не бойся”. А если тебя почти не учили этому? Отец, правда, кое-что показывал, да в основном Егор. Вот и все». Сжал

Андрей саблю. Взмахнул атаман. Чувствуется, осторожно. Андрей отбил.

– Молодец! – орут, уверенность вселяют казаки.

Начал смелее наседать. Да только не дал атаман ему баловать, а то подумают, что взял быка за рога. «Раазз!» – и выбил из его рук саблю.

– А теперь коня давайте.

Кто-то кинулся за лошадью. Недолго ждали лошадиного топота.

– Вот, атаман, коняга! – сказал наездник, соскакивая с лошади.

Еремей критическим взглядом окинул ее.

– Пойдет! Теперь разгоните ее по кругу.

Казаки поняли, чего хочет атаман.

– А ну пошла, пошла! – раздались понукающие крики.

Конь помчался по кругу. Раз промчался мимо, второй... На третьем круге атаман вдруг ловко на ходу вскочил на круп коня. Проскакав по кругу, не останавливая коня, спрыгнул на землю.

– А теперь ты! – он подмигнул Андрею.

Так Андрей не смог.

– Ну, Сыч, – усмехаясь, атаман смотрит на казака, – что молчишь?

Кругом хохот. Сыч прячется за спины казаков. Атаман переводит взгляд на Андрея. По лицу видно, что сильно расстроился парень. Атаман подошел к нему и положил руку на его плечо:

– Не печалься. И я таким был. Да добрые люди научили. Вот и тебя научат.

Сказав, он оглянулся и крикнул какому-то казачку:

– Эй, сбегай-ка за Курбатом. Пускай ко мне идет.

Курбат был казак лет семидесяти, невысокого роста, суховат. Некогда черные волосы теперь перемешались с сединой. Длинные усы ниспадали на грудь. Смугловатое лицо с темными, еще не выцветшими глазами, говорило о его не совсем русском происхождении. Степенно подойдя к атаману, спросил:

– Зачем, Семен, кликал?

Еремей обнял его за плечи и, повернув к Андрею, попросил:

– Сделай из него казака.

Курбат окинул парня с ног до головы, прищурил один глаз, как бы оценивая.

– Породный, – неожиданно сказал он и подошел к Андрею.

Резким, коротким ударом двинул ему по животу. Андрей только крякнул. Курбат, повернувшись к атаману, сказал:

– Не квел. Добрым будет казаком. Беру к себе.

И вдруг Андрей запротивился:

– Один не пойду. Только с Митяем.

Курбат с Еремеем переглянулись. Атаман улыбнулся, а Курбат спросил:

– Это дружок твой?

Андрей кивнул.

– Пущай, – согласился атаман.

В землянке Курбат занимал почетное место – около печи. Ребят он провел в конец землянки и указал их места. В это время раздались какие-то непонятные звуки, словно кто-то колотил в железный лист. Митяй шепнул Андрею:

– На еду зовут.

Курбат посмотрел на них и сказал:

– Пошли!

И Курбат привел их на поляну, где были разсланы кошмы, конские и воловые шкуры. Рядом насланы доски, на них хлеб и деревянные солонки. Тут же рядом в огромных казанах что-то булькало, а на вертелах жарились туши кабанов. Все это издавало умопомрачительный запах, который обострял свежий воздух.

Неторопливо подходившие казаки рассаживались кругами. Место Курбата было рядом с атаманом, по левую руку. А атаман всегда садился лицом на восток. Их наставник провел парней дальше и указал места. Перед уходом сказал:

– Не торопитесь, ждите своей очереди.

Андрей заметил, что у каждого казака было свое место. Они садились, скрестив ноги, доставали ножи и ложки, обтирали их кто о траву, кто о штаны. Усы закидывали за спину или поднимали кверху.

Вот все расселись. Атаман, а за ним все остальные стали креститься на восход солнца. Откуда-то появился почти лысый, худой казак с ножом, на лезвии которого играло солнце. Он подошел к хлебу, наметил на нем крест, потом начал резать на большие ломти. В это время кухари разливали из казанов уху в большие деревянные миски. Начиная еду атаман. Он зачерпывал из миски уху, чинно нес ее ко рту, поддерживая ложку куском хлеба. Медленно жевал хлеб, медленно

опрокидывал уху в рот. Затем медленно, рукавом, вытирал усы и снова кусал хлеб. За ним начинал еду Курбат. Он делал точно так, как атаман. За Курбатом – следующий казак... Казацкие ложки ходили вокруг миски с востока на запад, как ходит солнце.

Кухари зорко следили, если у кого опорожнялась миска, они тотчас наливали в нее ухи. Еда была обильной. После ухи кухари приносили жареных кабанов. Рубчики их рубили на куски, солили. Атаману преподнесли сердце животного, чтоб он добрым был для своих и горячим для врагов. Всем остальным давали по кусочку легкого, чтоб бегали легко. Затем все ели мясо. Насытившись, запивали ключевой водой. После такой обильной еды шли спать, кто где. Кто оставался прямо на месте.

Андрей и Митяй пошли к себе. Вечером Курбат сказал Андрею, чтобы он завтра на заре пошел к кухарю, он даст ему работу. Митяй, когда они остались одни, сказал Андрею:

– Он хочет, чтобы ты прошел с низов казацкий уклад. Завтра тебя кухарь заставит или дрова рубить, иль воду носить.

Андрей поднялся до зари. Когда пришел на место, еще никого не было. Он так торопился, что не надел поддевку. Поднявшийся туман принес прохладу. Чтобы согреться, он прыгал и махал руками. Его остановил чей-то голос:

– Эй, ты чего?

Андрей оглянулся на голос.

– Да... Курбат меня прислал.

– А! Замерз? Бери топор и руби дрова.

Так началась для Андрея казацкая жизнь.

Андрей в охотку нарубил столько дров, что кашевар сказал ему:

– На седня хватит. Иди к своему Курбату.

Когда он явился и объявил о решении кашевара, тот усмехнулся, потом сказал:

– Ну че! Будем с тебя казака делать! Начнем с малого.

Он взял нож, и они вышли на улицу.

Что-то им задуманное, по всему было видно, он проделывал не в первый раз, ибо уверенно направился к одиноко стоявшей березе. Не доходя пару десятков шагов, вдруг метнул нож и попал точно в место, где был когда-то сучок.

– Принеси, – бросил он на ходу.

Парень побежал и принес ему нож. Он отвел его руку и предложил:

– А теперь попробуй ты.

Андрей встал, примеряя, как лучше взять нож: за рукоять или лезвие. Решил – за рукоять. Но он не попал даже в дерево, и ему пришлось порыться в траве, прежде чем отыскал его. Курбат взял нож и сказал:

– Вначале научись кидать так: лезвие ложь на ладонь, а большим пальцем его придержи. Целься, как стреляешь из лука. Понял? Нутро твое должно подсказывать, как его кинуть.

Андрей все сделал, как тот учил. На этот раз он попал в дерево, но не в сучок.

После нескольких удачных бросков Андрей заметил, что Курбат был доволен его успехами. Тогда он набрался смелости и спросил:

– А зачем мне это?

Тот усмехнулся:

– А затем, чтобы спасти свою жизнь. Мы, казаки, поборники православия и свободы. Наше православие не угодно татарам, а свобода – князьям. Ну и чего греха таить, мы же не земледельцы, а жить-то надо. Приходится все защищать и добывать оружием. Для нас, казаков, смерть не страшна. Но она не должна быть глупой. Я многим об этом говорил. Они соглашались, но... не то лень-матушка, не то наша «авось», не хотят этому обучаться. Сколько добрых казаков погибло на моих глазах. А могли бы еще жить да жить. Так вот, Андрюха, мотай на ус, – сказав, улыбнулся, ибо усы у парня еще не отросли.

Это наставление подействовало на Андрея. Нож он не выпускал из рук, используя каждую возможность потренироваться. И вскоре с гордостью показал учителю, что не хуже его попадает в сучок.

– Теперь, – сказал тот, – дело за саблей. Принеси-ка свою.

Андрей вернулся из землянки с оружием. Курбат взял саблю, оглядел ее, ногтем попробовал лезвие.

– Хороша! Где взял-то? – любясь ей, спросил он.

– Алим подарил, – ответил Андрей.

– Алим! – воскликнул Курбат от удивления. – Еще жив старина?

– Жив и скажу, отменно здоров.

– Добрый казак, но не захотел здесь оставаться. А я... вот живу, – он вздохнул. – Ладно. Давай начнем. Главное, запомни: ее, матушку, – он погладил лезвие, – правильно надоть держать. До боя держи свободно, чтоб рука не устала. А уж в бою... сжимай так, чтобы ни одна вражина ее не выбила. А врага нутром чуй, опережай его в мыслях, как он хочет ударить. Ну, становись...

Курбат и на саблях оказался отличным бойцом. Много показал разных хитрых приемов. А тут еще Андрей увлекся и кулачным боем. Казаки, чтобы потешить себя, сбросить жирок, по воскресеньям устраивали коллективное мордобитие. Неопытному Андрею первое время крепко доставалось. Опять же, видя его синяки да ссадины, помог Курбат. Не поленился, тряхнул стариной и кое-чему научил Андрея. Теперь редкий боец мог устоять против него.

Так втягивался он в казацкую жизнь, и с каждым днем она ему все больше нравилась. В походы, которые регулярно совершали казаки, они пока его не брали. Андрей не мог понять, кто его оберегает. Это раздражало парня. Одно успокаивало, что он еще не был принят в казаки. И Андрей с нетерпением ждал этого времени. Чтобы потренироваться в езде на лошадях и быть таким же ловким, как атаман, он напросился в ночное.

ГЛАВА 11

Тверской князь Александр собирался в очередную поездку в Сарай. Настал срок выплаты дани, а тут уж без подарков не обойдешься. Полюбили ханские жены русскую одежду. Лучшие мастерицы шили им шубы, сорочки, блузы, ткали цветастые убрусы, золотые пояса украшали жемчугом и камнями. Для татар – радость, а для княжества – разорение. А иначе приставка «Великий» вмиг отлетит, не дай бог, к Ивану. Тут как не постараться. Даже дань на себя повышенную наложишь. Только вот карманы пусты остаются.

Как клокотала в его груди ярость, горело желание пойти с мечом на супостата. Вот если бы Иван пособил! Но Иван даже намека не дает. Побаивается и Александр предложить ему такой поход. Вот и приходится трястись за тысячу верст, разлучаться с любимой женой. А взять ее с собой – может случиться непоправимая беда: вдруг она приглянется хану? Все, считай, жизнь погублена. Заберет он ее к себе, даже глазом не моргнет. Вот и провожает она его в таких поездках до полпути. Так было и на этот раз.

Александр, в отличие от других князей, не плавал до Сарая по Волге. Он побаивался воды. К тому же считал, что такая поездка занимает гораздо больше времени. Весенняя распутица прошла, дороги установились. Хорошие лошади скорее доведут до нужного места. Для такого путешествия он приобрел карету венгерских мастеров. Пригодна она была и для путешествия зимой. Переставь на сани и... в путь.

Правда, отец его, князь Михаил, враждуя с Московией, выбирал путь по Волге. Хоть и долга была эта дорога – через Ярославль, Кострому, Нижний Новгород, но она обходила ненавистные ему земли Московского княжества. Александр же радовался. Установив мир с Московией, он теперь намного сокращал путь, который шел через Клин, Волок-Ламский, Звенигород, Перемышль, Серпухов до Задонья. Там он прощался с дорогой женой, держа путь на Рязск, Осино-Гай...

Вот и сейчас, достигнув Московии, они остановились на ночлег в Саввино-Сторожевском монастыре, благо игумен Амвросий был когда-то тверским послушником и хорошо знаком князю. Игумен встречал

князя за воротами монастыря. Александр выпрыгнул из кареты и, подойдя к настоятелю, преклонил колено и поцеловал руку. Поднявшись, сказал:

– Рад видеть тебя, батюшка, во здравии.

– Да хранит тебя Бог, – сказал в ответ Амвросий, крестя князя.

После ужина он и Анастасия, выйдя за крепостные стены и дойдя до крутого спуска, были поражены той красотой, которая развернулась перед ними. Алый закат золотил убегающую вдаль, иссиня-черную громаду леса, разрезанную серебристой рекой на две половины, которые казались могучими крыльями какой-то невиданной птицы. От такого видения захватывало дух. Какой могучей, какой сильной показалась им природа в этот вечер.

Неслышно к ним подошел игумен в черном клобуке и рясе с позолоченным крестом на груди.

– Красив закат? – спросил игумен, повернувшись к князю.

– Очень, батюшка! – восторженно ответил тот.

– Я здесь пребываю уж многие годы, но не могу налюбоваться этим божьим даром, – промолвил игумен и перекрестился.

Этим закатом любовались не только с монастырской горы. В далекой от них степи, с высокого кургана, в это же время смотрел на него и Андрей. Рядом с ним лежало еще несколько человек, таких же молодых и сильных. Парни спали. Они уже почти месяц жили в степи. За это время Андрей научился не хуже атамана вскакивать на ходу на скачущую лошадь, научился объезжать диких лошадей. Не обходилось и без ушибов, но все быстро проходило, а оставался опыт.

Верховодил этой пастушьей группой молодой казак Гудым – крепкий, коренастый парень с длинными прямыми волосами, курносый носом и усами, которые опускались уже ниже губы, чем он весьма гордился. Заметив такое старание Андрея, он однажды подозвал его и посоветовал выбрать лошадь. Когда тот удивленно посмотрел на него, Гудым сказал:

– Казак без коня – че сабля без рукояти. Учись его любить.

Андрей благодарно посмотрел на казака и не стал откладывать исполнение совета в долгий ящик. Подобрал он себе резвого, тонконового красавца гнедой масти, на что Гудым одобрительно кивнул. Конь норовил то укусить, то копытом ударить. Но кто устоит

против ласки и настойчивости? Кусочек хлеба, чуть присыпанный солью, очень нравился Малышу. Такую кличку дал ему Андрей. А потом умудрился взнудать его. Долго малыш силился сбросить седока, да не вышло.

От нечего делать Андрей стал обучать Малыша разным штучкам. Научил его по команде давать спину, опускаться на колени. Чтобы долго Малыша не искать, приучил подбегать к хозяину на свист. Друзья дивились успехам парня. Пробовали сами. Да, видать, терпения не хватало.

Не заметили они, как кончилось у них продовольствие. Главное – не было хлеба. Мяса, зелени разной и тут можно было раздобыть. Шли и корешки. А вот по хлебу сильно стосковались. А ехать к себе – кому охота одному тащиться по степи? Потянули жребий. И достался он... Андрею. На зорьке оседлал он Малыша – и в путь.

А дома, в коше, готовились к празднику. Ежегодно в междупарье в «гости» к казакам приезжали бабы. Привозили их сами казаки, по дороге охраняя, чтобы никто не обидел. Бабы знали, где их ждали казаки с телегами да охраной. На этот раз возглавить отряд вызвался Хист. Так уж ему хотелось восстановить свою значимость в глазах атамана. Да и нужда заставляла его проситься в эту поездку. Уже давно заложил он там свой схрон. Мало ли как пойдет жизнь дальше. Золотишко-то пригодится всегда. У донцов не он один этим грешил. Многие приберегали деньгу на черный день. Так отпрашиваться неудобно, а вот по пути заехать – это к делу.

К ночи отряд был на месте. Разложили костер, стали готовить еду. А утром появились бабенки. Когда тронулись в путь, Хист, оставив за себя пожилого казака и сказав, что хочет разведать ближнюю дорогу, ускакал. Его путь лежал по еле приметной дороге. Чем меньше там бывает людей, тем надежней схрон.

И вот его заветное место. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что он здесь один, привязав коня, углубился в чащу. Все было на месте. Добавив кое-что еще, он все укрыл и возвратился к коню. Жаркий день потянул к воде, и он решил напоить и коня. Рядом протекала веселая, журчащая речушка с чистой, прозрачной водой. Напившись, решил искупаться. Набросив узду на сучок, сбросил одежду и нырнул в омут. Холодная водица заставила его быстро выскочить на берег. Немного пообсохнув, стал надевать портки. Одну

ногу впихнул нормально, а впихивая вторую второпях, попал не туда. Потеряв равновесие, он грохнулся на землю. Поднявшись и чертыхаясь про себя, начал затягивать ремень и что-то принудило его поглядеть на противоположный берег. То, что там увидел, заставило его забыть обо всем. Его мозг лихорадочно заработал. «Нет, – сказал Хист сам себе, – такую добычу я не могу упустить!»

Игумен Саввино-Сторожевского монастыря поднялся, когда еще не светало. Ему надо было проводить князя. Прислушавшись, он услышал за окном ржание лошадей, человеческие голоса. Игумен понял, что проснулся вовремя. Когда вышел во двор, отряд был готов к отъезду. Благословение настоятеля, и Александр тронулся в путь.

Для князя и Анастасии время бежало быстро. Вроде не успели оглянуться, как Перемышль остался позади. За ним Серпухов. И вот Задонье, место их расставания. Княгине захотелось еще немного проводить мужа. И как ни оттягивали разлуку, она наступила. Князь оседлал лошадь. Прощальный поцелуй и...

Княгиня смотрела им вслед, пока отряд не скрылся из виду. Вздохнув, она села в карету и приказала ехать обратно. Ей стало тоскливо на душе и захотелось как можно скорее вернуться домой. И она попросила возницу ехать поскорее. Отъехали несколько верст от Задонья, и с каретой случилась авария. Валявшийся посреди дороги дубовый сук одним концом попал в колесо и выбил несколько спиц. Возничему пришлось остановиться. Подъехал воевода, командовавший отрядом дружинников. Соскочив с коня, он вместе с возничим принялся рассматривать повреждение.

– Воевода, дай мне несколько человек. Сделаем вагу, подыдем карету и снимем колесо.

Подошедшая княгиня тоже увидела поломанное колесо.

– Долго делать будете? – спросила княгиня.

– Долго, матушка, долго. Спицы еще надо строгать, – ответил возничий.

– Тогда я пройду, – и она показала на холмик, который начинался от дороги.

Холмик этот – чудо природы – весь был в цветах. А на его гуменце росла кудрявая березка. Верхушка оказалась сломанной и желтыми листьями походила на голову человека, который в печали

склонил ее. Княгиня, очарованная этой красотой, стала подниматься к березке, по пути срывая цветы.

Воевода было послал дружинников ее сопровождать, но она так посмотрела на него, что он поторопился вернуть их. Те, кто не был занят в помощи возникшему, с молчаливого согласия воеводы разделись до пояса и легли на теплую землю. Не успевшая еще огрубеть трава приняла их в свои объятия. Воевода, крутясь около кареты, частенько поглядывал в сторону княгини. Та по-прежнему собирала цветы. Подойдя к березке, она присела в ее тени и стала плести венок. Воевода, посчитав, что неудобно идти проверять княгиню, да в таком месте вряд ли кого можно встретить, углубился вместе со всеми в ремонт.

Венок получался очень красивым, и ей захотелось, чтобы в центре было несколько больших красных цветков, которые росли на противоположном склоне. Собирая их, она и попала на глаза Хисту. Облик неизвестной поразил его. Он даже не поверил увиденному. Откуда в такой глуши может оказаться такая красotka? Он протер глаза – уж не померещилось ли ему? – прочитал молитву: «Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наши...» Открыл глаза. Ходит, цветочки собирает. И он окончательно пришел в себя. Небо послало ему такую удачу. Нет, пусть видит атаман, что Хисту можно доверять. А с какой завистью будут смотреть на него казаки!

Он мгновенно принял решение. Метнувшись к лошади, отвязал мешок, вытряхнул все, что там было, и вернулся на берег. Ему хорошо было видно, как незнакомка уселась у березки и начала плести венок. «Давай-ка, миленькая, давай работай», – с изуверской улыбкой подумал он. Хист был жилист, гибок и силен. Он ползал не хуже змеи. Так же быстро и неслышно. Завернув портки, он перешел речку и ужом пополз к незнакомке.

Не слишком сильный удар сзади по голове. Женщина не успела упасть, как на нее надели мешок. Легко подняв бесчувственное тело, он, согнувшись, бегом направился вниз. Перейдя реку, подбежал к коню и бросил жертву на спину лошади. Быстро разбросав по сторонам то, что вывалил из мешка, оседлал коня и тихо поехал. Отъехав с сотню шагов, он стегнул коня и теперь, не боясь, поскакал во весь опор. Душа его млела от гордости. Такая добыча! Ох, и дорого же он сдерет за нее!

Казаки собрались в кружок. Стоит молча Марко, напротив – Ерема. Два местных богатыря. Одни усищи чего стоят. Свисают чуть ли не до пупа. А силища-то в них. Марко, тот коня за задние ноги держит, а Ерема ударом кулачища быка на колени ставит. Все с нетерпением ждут гостей. И вот долгожданный крик:

– Едут!

Расправляются усы, поддергиваются шаровары. И на пригорке появился... Хист. И не один. Перед ним, опустив голову, сидела какая-то баба. Это видение заставило загудеть собравшееся казачество. Атаман даже не выдержал:

– А это что еще за зазуля така?

Подошедший к нему Курбат усмехнулся:

– Боюсь, эта касатка делов наделат!

Еремей покосился на него:

– Поплюй!

– Чего плевать, зыркни на нее.

Хист тем временем ссадил свою пленницу. Казаки замерли:

– Вот так ясырка!

К ней подскочил Марко. Расправил усищи и гоголем заходил перед красоткой. Но та гордо подняла голову и не смотрит на казака. Подошел Еремей и сыпет перед ней золотую монету:

– Бери... и пошли!

Он пытается поймать ее за руку.

– Ты че встречаешь? – налетел на него Марко.

– А ты че, запретишь мне?

– Я упредил тя! Че лезешь?

Перепалка входила пока в легкое подталкивание друг друга.

– Ой, до бяды не долготь, – вздыхает стоящий рядом с атаманом пожилой казак.

Семен начинает злиться. Он понимает: вяжись он сейчас, может случиться и непредвиденное. Казаки уже распалены. Хорошо выпивши, могут и не посмотреть на атаманову булаву. И он вертит головой, ища поддержки среди собравшихся. Рядом только несколько бывалых казаков. В другое время это была бы надежная поддержка, но не сейчас. А тут его кто-то дернул за рукав. Он оглянулся, рядом стоял Андрей.

– Ты откель? – удивился атаман.

– Оттель, – он махнул в сторону степи.

В это время Марко схватил Еремея за грудки.

– Господи, – вырвалось у атамана, – сейчас начнется.

Он видел, как казаки с обеих сторон засучивают рукава.

– А что тут происходит? – спросил Андрей у Курбата.

Тот, не отрываясь от задиристых казаков, ответил:

– Вон из-за той бабы казаки глотки рвут.

Андрей отодвинул казака, мешавшего ее рассмотреть, и увидел женщину. Она показалась ему прекрасной феей, о которой он слышал в детстве. Андрей, грубо расталкивая толпу, бросился бежать.

А обстановка накалялась. Произошел кулачный обмен, вот-вот схватятся за сабли. Стоит сделать что-то такое, что покажется другой стороне не по справедливости, и все – резня обеспечена. Причем будет она безжалостной и злобной. У залитых вином голов разум отступает. А точка кипения, когда пар срывает крышку, приближалась. Сверкнули сабли. Полетели искры.

И вдруг в этот момент раздался конский топот. Промчался какой-то всадник и, поравнявшись с женщиной, ловко подхватил ее, бросил поперек крупа, взмахнул нагайкой и быстро скрылся. На какое-то мгновение площадь замерла. А потом из глоток соперников раздался звериный вопль:

– Кто??? Коней сюда!

Забыта только что кипевшая ссора. Казаки забегали, да сами были виноваты, что выгнали лошадей в степь.

А всадник, нещадно нахлестывая коня, стремился как можно дальше унести от коша. Он хорошо понимал, что попади он сейчас им в руки, ничто не спасет его жизнь. Притом они постараются устроить ему самую страшную смерть. Вот поэтому он скакал и скакал, пока конь не выбился из сил.

Спрыгнув на землю, парень протянул руки незнакомке. Та с недоверием приняла их. Оказавшись на земле, она ждала, что этот человек сейчас тигром набросится на нее. Но этого не произошло. Увидев поваленное дерево, он саблей срубил сучки и предложил женщине сесть. Она немного осмелела и спросила его, есть ли здесь какой-нибудь родник.

– Вы хотите пить? – спросил он вежливо.

Та кивнула. Он вернулся с несколькими дудками в руках. В каждой из них была вода.

Затем Андрей подбежал к недалеко пасшейся лошади, отвязал мешок, достал оттуда колобашку, которую дали ему, провожая в дальнюю дорогу.

– Возьмите, – и протянул ее незнакомке.

– А вам?

– Я не хочу, – и он отвернулся, чтобы она не заметила его голодного взгляда.

Размочив, она с удовольствием ее съела.

В это время молчавший лес вдруг заговорил. Все на глазах менялось. Приползшие откуда-то тучи спрятали солнце, и мрак окутал землю. В лесу даже у смелого человека и то порой проявляется тревога, а что говорить о женщинах. Незнакомка вдруг обратилась к парню, который нашел себе место в нескольких шагах от нее.

– Я попрошу вас сесть со мной рядом. Мне страшно.

Он подошел. По его походке она поняла, какое чувство скромности ему приходится преодолевать в себе, чтобы выполнить ее просьбу. И она поймала себя на том, что он нравится ей.

Андрей сел невдалеке от нее. Она повернулась к нему и улыбнулась. Но он не мог видеть ее улыбки, ибо его голова была наклонена вниз, а глаза смотрели в землю.

– Скажите, – нежным голосом спросила она, – вы зачем так поступили?

Он повернул лицо, на нем она прочитала искреннее удивление и непонимание вопроса. Пожав плечами, он ответил:

– Спасти вас.

– Только спасти?

Он не понимал ее.

– Конечно! А для чего еще?

Ему показалось, что от его вопроса она застеснялась. Быстро темнело, к тому же начал накрапывать дождь.

– Будем укладываться. Сегодня при всем желании мы дальше не поедим, – сказал парень, поднялся и стал искать для нее удобное место. Он нашел его под молодой, но довольно густой елью. Нарубив еловых веток, сделал постель.

Усиливавшийся дождь принес и похолодание. Парень сходил за винцерадом. Это была незаменимая одежда: теплая и непромокаемая. Он укрыл незнакомку с ног до головы, а сам, чтобы ей не было страшно, примостился невдалеке под кудрявой березкой. Холодный дождь скоро промочил парня до нитки. Его трясло от холода. Но он сидел, не шевелясь, чтобы ее не потревожить. Она услышала, как его бьет дрожь и как он цокает зубами.

Как она вначале опасалась его! Но только сейчас поняла, что парень никогда не приблизится к ней. И она решила... От этого ей вдруг стало легко на душе, она почувствовала себя счастливой.

– Послушайте, – тихо сказала женщина, – вы же замерзли. Идите ко мне. Это же ваш плащ. Я не могу им одна пользоваться.

Но он молчал. Тогда она поднялась и подошла к нему. Взяв его за руку, сказала:

– Пойдемте!

Он неохотно протянул ей руку.

Хотя плащ был огромен, но, чтобы не замочить бока, надо было лежать, плотно прижавшись друг к другу. Впервые вот так, рядом, он ощутил женщину. В нем что-то перевернулось и непреодолимо захотелось к ней прижаться. И он почувствовал, что и с ее стороны происходит подобное. Она больше не стала сопротивляться своему порыву, и ее губы впелись в его. Она вдруг почувствовала непреодолимое желание обладать им. Не выдержал и он.

Когда они проснулись утром, счастливые, у них было желание больше не расставаться. И все же княгиня одумалась.

– Я не спрашиваю твоего имени, и ты не спрашивай моего. Я полюбила тебя, и мне даже страшно подумать, что мы должны расстаться. Но... мы должны. Пусть наша любовь сохранится в наших сердцах.

Он молча смотрел на нее. Его глаза пожирали ту, которая ночью принадлежала ему.

– Что же ты молчишь? – спросила она, заглядывая в его глаза.

В них стояли слезы. Она бросилась ему на шею и зарыдала.

Внезапно послышались чьи-то громкие тревожные голоса:

– Да не стоит дальше идти. Не могла она туда забрести!

Говоривший был недалеко. Парень почувствовал, как женщина вся напряглась. Он понял, что ищут ее, и ожидал, что она откликнется.

Но она молчала.

– Что же мы скажем князю? – спросил другой голос.

– Не знаю. Знаю только: не миновать нам беды.

Голоса были тревожные. Невольно стало жалко этих людей, и она поняла, что ей надо идти.

Дождавшись, когда стихли их шаги, она поднялась. Ничего не объясняя, сказала:

– Я пойду.

– Я провожу.

Они шли молча, словно боясь выговорить самое сокровенное. Лес редел, и впереди они увидели полянку, посреди которой росла березка со сломанной верхушкой.

– Дальше я пойду одна, – произнесла она печально.

Он придержал ее за руку. Они поцеловались. Поправив волосы и одежду, она, не оглядываясь, пошла к березке. Парень видел, как со всех сторон к ней бежали счастливые люди. Первым подбежал воевода:

– Княгиня, куда же вы запропалились? Мы сбились с ног в поисках вас, – выпалил он, не веря своему счастью.

– Я заблудилась. И попрошу тебя, воевода, никому ни слова. Я не хочу, чтобы мой муж расстроился и в следующий раз со всякими оговорками не позволил мне его провожать.

– Княгиня, – воевода упал на колени и, взяв ее руки, прижал к сердцу, – вы богиня. Я – ваш вечный раб.

– Карета-то починена? – спросила она, высвобождая руки.

Ей не хотелось, чтобы до них дотрагивался кто-то другой. Она еще ощущала его поцелуй.

– Еще вчера, – поднимаясь и отряхивая колени, проговорил он.

– Тогда поехали.

После расставания со столь странной незнакомкой Андрей вдруг почувствовал себя опустошенным. Ему казалось, что кто-то вынул из его груди стержень, который вел его по жизни.

И его охватило полное безразличие. Ему не хотелось ни есть, ни пить. Он не слышал, как к нему подошел его гнедой. И только тогда, когда тот, мотая головой, загремел уздой, Андрей на него посмотрел и поднялся. Не очень уверенно вставил в стремя ногу. Только со второго

подскока вскочил в седло. И сказав: «Но», бросил узду. Куда шел конь, ему было безразлично.

И все же молодой организм победил. Он почувствовал голод. Причем сильный. Парень вспомнил, что был со вчерашнего дня голодным, отдав скудный свой паек этой незнакомке. Стоило ему вспомнить об этом, как хандра вновь навалилась на него. Но, к счастью, ненадолго. Желудок подавал беспокойные сигналы. А тут... на тебе... заяц. Он и стал его добычей.

Когда пошел дух жареного мяса, он заставил на какое-то время забыть обо всем. Андрей с аппетитом прикончил свою добычу и неожиданно почувствовал, что жизнь продолжается. Держа руку на седле, он сказал себе:

– Что было, то прошло, а будет то, что Бог даст. Вперед, Андрей.

На другой день под вечер он уже был на стоянке. Каково же было разочарование друзей, которые ждали его с хлебом. Когда они допытывали его, в чем дело, он только горько произнес:

– Да! – и махнул рукой.

Ребята поняли, что произошло что-то из ряда вон выходящее, и не стали его донимать.

– Ниче, потерпим, – сказали они, – сейчас очередь Димки. Пусть только попробует не привезти.

Звонкий голос молодого казачка позвал всех вечерить.

Отужинав, Андрей тут же завалился спать.

Но среди ночи вдруг раздались крики, кто-то растормошил Андрея, сообщив ему грозную весть:

– Татары!

Андрей вскочил как ужаленный.

– Где?

– Тама!

Они вбежали на ближайший курган. С него отчетливо было видно, что солидный отряд быстро двигался на них.

– Что будем делать? – спросили подоспевшие казаки, испуганно глядя в сторону отряда.

Из головы Андрея мгновенно вылетели все иллюзии прошедших дней. Мысль заработала ясно и четко:

– Вражина разворачивается в лаву. Хочет нас охватить и с боков. Значит, они знают, где мы и каковы наши силы. Нам против них не устоять. Они сотрут нас, как табун стирает попавших под копыта мышей. Выход один: все разбегаемся кто куда может. Собираемся здесь! – он топнул ногой.

– А коней заберут? – плаксиво сказал кто-то из ребят.

– Мы их вернем, – крикнул Андрей, сбегая с кургана.

Пастуший отряд мгновенно распался на группы. За Андреем устремилось несколько человек. Бегущих привлекла поблескивающая в лунном свете водная поверхность. Как оказалось, это была музга, сильно заросшая камышом. От воды исходил тухлый, застойный запах.

Они залегли в музге на дно, благо, глубина еще позволяла это сделать. Андрею впервые пришлось дышать через тростинку, как этому учили Алим и Курбат. Притаившись на дне, они не могли видеть, как по степи рыскали татары в поисках казаков. От всех групп они настигли только несколько человек, которых безжалостно порубили на месте.

Андрей лежал, не шелохнувшись, хотя чувствовал, как какие-то твари впиваются в его тело. И так лежать надо весь световой день. Ибо враг может притаиться, зная уловки казаков, и ждать. Тут кто кого перехитрит, перетерпит, тому доставалась жизнь.

На следующую ночь Андрей осторожно поднял над водой голову на уровне глаз. И сразу же яркий свет от костра резанул по глазам. Теперь лежать до следующей ночи. И в следующую ночь горел костер. Ему вдруг захотелось выйти, наброситься на этих тварей. Пусть лучше он погибнет, чем лежать тут как труп. Но вдруг он услышал голос Алима: «Казак должен все стерпеть!»

И только третья ночь показала, что костер не жгут. Вылезать? И тут же вновь внутренний голос, похожий на голос Курбата, вновь сказал ему: «Не торопись! Это может быть простая уловка!» И снова лежка на дне. Вот когда в следующую ночь он не увидел костра, то решил выходить. Но сделать это надо было очень осторожно. Так в долгие вечера бесед предупреждал об этом Алим.

Андрей начал осторожно, чтобы не шелохнулся тростник, продвигаться к берегу. И вот его голова на суше. Он слушает землю: не слышно ли случайно лошадиного топота, слушает ветер – не доносит ли он обрывки чьих-то голосов, нюхает воздух – не пахнет ли гарью

или еще чем-то вроде пищи. Нет! Ничего не обнаружено. Змеей ползет дальше. И вновь замирает и слушает. Вот так, шаг за шагом, проверяет он местность. К утру стало ясно: врага нет. Можно поднимать ребят. Отодрав пиявки и другую нечисть, присосавшуюся к телу, ползком добирались они до условного кургана. Пока он был пуст. Похоже, степь спокойна. Но они опять залегли, чтобы враг даже случайно не мог увидеть их. Потихоньку собирались казаки. И вот отряд в сборе, за исключением тех, кто навеки остался лежать в степи.

Андрей повел их освобождать свои табуны. Прокладывая путь в высокой траве, они на третий день к вечеру нюхом почувствовали, что стан где-то рядом. Отряд залег. Андрей и молодой казак пошли искать этот стан. И нашли.

Татары заняли широкую балку, поставив там шатры. Ветер доносил не только раздражающий запах жареного мяса, но и лай собак, блеяние овец. Напугали собаки.

– Ночью трудно будет подобраться к стойбищу, – прошептал Андрей.

Казачок понял его и предложил:

– Надо споймать еленя, сломать ему ногу, чтобы не убежал, и пустить туды.

Мысль парня понравилась Андрею. Вернувшись к своим, он разбил казачков на группы, назначил старших и каждому объяснил его задание. Условный сигнал – лисий лай.

Поймать еленя оказалось не очень трудной задачей. Крепко-накрепко связав морду животному, чтобы не мог подать раньше времени голос, казачки поползли по своим местам. Когда они заняли их, на стойбище неожиданно появился отряд воинов. Вероятно, они вернулись с очередного набега. Опять надо терпеливо ждать подходящего момента.

Но начало лета – самое подходящее время ловить тарпанов или угонять казацкие табуны. Казаки, как правило, тоже уходили в набеги. Это был круг: казаки грабили татар, татары – казаков. В одну из ночей прискакал к татарам какой-то всадник. Все стойбище осветилось, точно пришел праздник огня. Под утро большой отряд всадников умчался на этот раз куда-то на юг.

– Следующая ночь наша! – радостно потирая руки, сказал Андрей, отправляя гонцов к другим группам.

Когда стемнело, Андрей с казачком поползли вновь к стойбищу, таща за собой еленя. Не доходя до стойбища, Андрей, взгромоздив парня на плечи, осторожно поднял его, чтобы тот получше рассмотрел, где находятся сторожевики. Казачок насчитал всего четыре человека. Они прохаживались у крайних шатров.

Ближе к стойбищу можно было рассмотреть все, что там творилось. Один из сторожевиков отошел, чтобы справить нужду. Он как сел, так больше не встал. Нож, брошенный Андреем, попал точно в сердце. И других ждала подобная участь.

– Ползи дальше в стойбище и выпусти еленя, – приказал Андрей казачку.

Вскоре собачий лай огласил стоянку. Повыскакивали оставшиеся татары с саблями в руках. Но когда узнали причину такого бешеного лая, спокойно разошлись по шатрам.

Вдруг раздался лисий лай. Казаки осторожно вползали в шатры и без разбору вырезали спящих татар. Как говорится: кровь за кровь. А потом, оседлав татарских коней, которые были на привязи у шатров, казаки начали поджигать жилище и громко шуметь. Можно было подумать, что навалилось на татар несколько сот казаков.

Оставив пылающее стойбище, казачий отряд в придачу к своему табуну погнал еще и татарский. На первом попавшемся озерке они сделали привал, чтобы напоить лошадей. И радостные от своего успеха казачата собрались вместе. О боже! Они не узнали друг друга. Лица и руки были черными от запекшейся крови. В крови и одежда. Скорее ее смыть, отстирать одежду. Вода в озере вмиг окрасилась в красный цвет. А казачата довольны.

– Эй, хватит! – орет Андрей. – Давай лучше махан варить.

Не выдержала натура Андрея, не привык еще к такой кровушке. Горько, но привыкать надо.

ГЛАВА 12

Мирно течет жизнь на коше. Казаки заняты своими делами. Только вот беспокойно на душе атамана. Не выходит из головы тот злопамятный день, когда казаки едва не бросились рубить друг друга. Благо, тот смельчак... Но надо, чтоб впредь не повторилось подобное. И Еремей решает собрать круг.

Сбор проходил на открытом воздухе. Атаман сидел в окружении именитого казачества. Казаки догадывались, что совет будет решать тяжелый вопрос. Так оно и получилось. Когда собрались почти все, поднялся атаман. Кашлянул в кулак, поправил пояс, поглядел на Курбата. Тот кивнул: «Говори».

– Друзеки мои верные, – начал он глуховатым голосом, – послушайте меня, бывалого казака. Побыт заставил собрать вас. Анчибел стал вселяться в нас при виде шалавы. На днях у нас чуть не случился вой на вой. Хорошо хистый казак наметом умыкнул ту красу. Надо, я думаю, ретовать свое обличье. Хватит нам напутлять! Пока, братовы, у меня все.

Вскочил Гудым. Поправил усы, поддернул чресел:

– Атаман! Я понял, ты хошь шалав боле к нам не пущать?

Атаман кивнул. Молодые загудели:

– Сами нацацкались, а нам нельзя!

Вскочил атаман. Шрамы на его покрасневшем лице побелели. Вид его был страшен.

– Кто ето цацкался? – его рука легла на эфес сабли.

Он сделал шаг в сторону молодых. Те в испуге попятнулись. Таким атамана еще не видывали. Вскочил и Курбат, преградив дорогу атаману.

– Сядь, – тихо сказал он, положив руку ему на плечо.

Атаман немного отошел и сел на место. Курбат повернулся к нему:

– Твои шрамы сами говорят, как ты цацкался. Иль ты не хошь их узреть? – теперь он посмотрел на молодого есаула.

Тот покраснел и опустил голову. Покосились на него и соседи.

– Почему на Сечи его нету? – Курбат обвел присутствующих взглядом.

Все молчали, потупя очи. А старый казак продолжал:

– Почему там казак не схватится за саблю против казака?

Какое-то время длилось молчание. Поднялся Зосим.

– Да потому, – говорит он, – что там нет уз святей товарищества!
Вдумайтесь!

Эти слова взорвали присутствующих.

– Волим и мы! – в один голос ревели они.

– Конец позорной вольности! – это уже говорил невольно собравшийся круг.

На этом и порешили: казак – это христианин и холостяк.

– Ну, вот и порешили! – довольный Еремей ударил себя по ляжкам. – Давайте готовиться к походу! – провозгласил он.

Шапки полетели вверх.

Когда круг в основном разошелся, к атаману подошли оставшиеся казаки:

– Скажи, атаман, а кто был тот казак, который так ловко умыкнул бабу?

Семен переглянулся с Курбатом. Они улыбнулись друг другу.

– Если придется выбирать атамана, узнаете, – ответил Курбат за атамана, подмигнув ему.

После окончания круга молодые собрались за церковь, подальше от глаз людских. И окружили Гудыма.

– Ну и разозлился батька, – сказал один из них.

– Это ты, Гудым, его разозлил.

– Я?

– Да, ты! – закричали парни. – Возгордился, что он ты сделал есаулом.

– Да вы что, друзеки! Я ни в жисть...

– Ладноть, – махнули они и стали расходиться.

После этого разговора Гудым не мог спать. В душу запал и атаман, и слова его друзей. На рассвете он оседлал коня и помчался на стойбище. Скачка успокоила его, а встреча друзеков сняла с сердца обиду. Он рассказал парням о круге и об интересе казаков.

– Кто же был тот казак, который так ловко умыкнул ту бабу? – загалдели парни.

Гудым пожал плечами.

Рассказ есаула невольно напомнил Андрею о том, теперь уже далеком случае. Он взял постель и ушел в степь, чтобы одному предаться тому прекрасному воспоминанию.

ГЛАВА 13

Иван Данилович вернулся в Москву в расстроенных чувствах. А виной тому был его неожиданный визит в Саввино-Сторожевский монастырь. Хоть это и было не совсем по дороге из Можайска, но князь решил сообщить игумену, что митрополит Петр прибалывает и не худо было бы ему навестить больного.

– Порадовался бы владыка, глядишь, ему бы и лучше стало, – сказал он ему.

Такая забота князя не могла не тронуть священника, и он клятвенно пообещал это сделать.

Отобедав с игуменом на скорую руку, князь спешил вернуться домой. Но одно сообщение сильно озадачило князя. Во время проводов настоятель, не очень-то знающий тонкостей княжеской жизни, проговорился Ивану Даниловичу, что он пару дней тому назад вот так же прощался с тверским князем и княгиней, которая ехала его проводить. Александр, с его слов, следовал в Орду.

Иван Данилович, руки которого лежали на крупе коня и он уже готов был вскочить в седло, резко повернулся к игумену.

– Батюшка, он к тебе специально заезжал?

Такой вопрос огорошил игумена.

– Как специально? – вырвалось у того, – просто он избрал этот путь, чтобы следовать в Орду.

– Конечно, – Иван Данилович улыбнулся, хотя на душе заскребли кошки, – князь волен ехать куда хочет и зачем хочет.

Проговорив это, взгляд его на какое-то мгновение застыл. Но он, словно придя в себя, заговорил вновь. Голос был мягок:

– Тем более, после нашей встречи в Твери мы договорились о нашем ладе.

Он погладил коня, потрепал его по шее и, обернувшись к игумену, проговорил:

– Я понимаю князя Александра. Он далек от своего отца. Но отдать честь вам – святое дело.

Князь прыгнул в седло. Конь заплясал на месте. За ним вскочил на коня и сопровождавший его Кочева.

– Благослови меня, батюшка! Мне пора в дорогу.

– Да хранит тебя Господь! – произнес игумен, перекрестив князя.

Всю дорогу от монастыря до дому он думал: «Зачем же Александр поехал в Сарай?» У него почему-то вылетело из головы, что он сам с данью и дарами готовится отбыть к Узбеку. А на ум пришло, что Александр за его спиной хочет «плести сети» с татарами против него.

Кочева заметил, что с хозяином случилось что-то неладное после встречи с игуменом. Весь разговор был при нем, и ничего предосудительного тот Ивану не сказал. Или он пропустил что-то важное мимо ушей? Напрасно он всю дорогу думал об этом. Ответа не нашел.

Возвращались они в Московию, когда стемнело и люди готовились ко сну. Однако не везде. Проезжая старую Кузнецкую слободу, слышались мерные удары кузнецов. В нос ударил запах гари и каленого железа. Жители, оказавшиеся на улице, при виде князя низко кланялись, пряча удивление.

Князь въехал в кремль. Двор был пустынен. Никто не ждал его возвращения. Оставив коня у крыльца, князь сразу пошел к себе. Зайдя в молельную комнату, на коленях совершил молитву. В опочивальне, не раздеваясь, упал на постель.

Но его приход не остался незамеченным. Служанка княгини, девка с поросычьими глазами, вошла в ее опочивальню и сообщила о возвращении князя. Та сидела за столом и в зеркало рассматривала лицо.

– Ступай к себе, – сказала она.

Когда служанка исчезла, Елена поднялась и вышла из опочивальни. Крадучись, подошла к двери князя. Приоткрыв ее, она увидела, что он, одетый, спал, повернув голову к стене. Она вернулась к себе и... задумалась. Иван все больше и больше ее сторонился. «Вот и сейчас где-то несколько дней пропадал. Вернувшись, ничего мне не сказав, завалился спать. Нет! Чует мое сердце: у него кто-то появился. Но кто? Неужели была встреча с этой Анастасией? Ведь после их поездки он так сильно изменился. Но неужели Александр отпустил жену? Или она что-то придумала, чтобы встретиться? Когда же они успели договориться? Может быть, был посыльный». Она вызвала к себе дворецкого. Осип Уваров явился тотчас.

Властным движением руки она усадила его рядом с собой.

– Скажи, Осип, – она не сводила с него глаз, – что за посланец был у нас из Твери?

– Посланец? – Уваров даже привстал от удивления.

– Да, посланец, – повторила она.

Дворский медленно покачал головой:

– Нет, матушка княгиня, я бы знал. Но... никого не было.

По его ясным, без тени сомнения, глазам она поняла, что Осип говорил правду. «Тогда кто же?» – подумала она и вздохнула.

– Ладно, иди, – приказала княгиня и задумалась.

Она вновь подошла к княжеской опочивальне. Князь спал.

Проснулся он только к вечеру. Почувствовав сильный голод, сбросил сапоги, удивившись, что никто его не раздел, надел мягкие чувяки, обмыв лицо, пошел в едальню. Там его ждала княгиня. По ее взгляду он понял, что она начнет его пытаться. Дав ему насытиться, Елена спросила:

– Где же ты пропадал, Иван Данилович? – и пристально посмотрела на него.

Князь, услышав ее слова, не донеся ложку до рта, бросил ее в миску.

– Ты знаешь, что у нас болен митрополит.

– Он стал довольно часто болеть, – заметила она.

Князь посмотрел на нее, потеревил козлиную бородку, потом сказал:

– Можайск задержал выплату дани, был там, а оттуда заехал к Амвросию в Саввино-Сторожевский монастырь, сказал, что болеет митрополит, и просил, чтобы он помолился за него и посетил Петра.

Последнее слово вдруг успокоило ее. «Если тот приедет, значит, все правда», – подумала она.

Княгиня почувствовала, что с сердца точно камень снят.

– Не хочешь ли бражки аль медовухи? – серебряным голоском спросила она.

– Да нет.

Сказав, Иван Данилович поднялся и, не глядя на жену, вышел. По шагам она поняла, что он пошел к себе.

Кочеве разлеживаться не пришлось. Еще не светало, а на дворе послышалось лошадиное ржание. Небольшой отряд воинов ждал

боярина. Он вышел на крыльцо в полном вооружении. По одному этому виду было понятно, что поездка предстоит не из легких. Всем воинам приказано было идти о двуконь.

Боярин кивнул головой, спускаясь по ступенькам. Обошел отряд. У некоторых пробовал подпруги, у других проверил подковы. Придаться было не к чему. Отрок, паренек лет пятнадцати – шестнадцати, помог ему попасть ногой в стремя. Еще раз, оглядев людей, сказал: «С Богом!» и тронул коня.

Во главе сотни воинов вместе с Миняем поскакал на Переяславль-Залесский, а оттуда на Ростов. Город еще спал, когда отряд въехал на одну из его улиц. Они с Миняем здесь бывали, поэтому сразу поехали к княжеским хоромам.

Громкий стук в ворота поднял князя с постели. Он было рассвирепел, что его посмели будить, но когда служка шепнул ему, что прибыли московские гости, сразу умолк и бросился к окну. И ужаснулся. Двор полон был дружинников. Кто-то барабанил и во входную дверь. До его ушей донесся крик:

– Откройте боярину Кочеве.

Князь понял, зачем приехали эти гости, и приказал кликать к нему казначея.

Он принял их в светлице, накинув на исподнее попавшее под руку корзно.

– Князь, должок за тобой, – проговорил Кочева, подходя к столу и усаживаясь поудобнее. – Миняй, назови цифру!

Миняй суетливо достал из сумы бумагу, назвал цифру.

– Сто сорок один рупь и пять грошей.

Князь побледнел и посмотрел на подошедшего казначея. Тот достал бумаги, что-то долго смотрел в них. Потом глянул на князя.

– Ну сколь? – нетерпеливо спросил князь.

– По нашему счету сто тридцать семь рублей и шесть грошей.

Князь посмотрел на Кочеву, тот на Миняя. Миняй дернул носом. Его сухие, узкие губы задрожали и разошлись в улыбке, обнажая крепкие, выдвинутые вперед зубы. Потом сказал:

– Боярин, ты хоть раз встречал, чтобы должник сказал правильно? И все почему-то ошибаются в свою пользу.

Кочева посмотрел на князя и так улыбнулся, что князь приподнялся и сказал:

– Мы все проверим.

– Проверяйте, – боярин поднялся, – а мы пока поедem к твоему Аверкию.

На стук в ворота аверкинских хором никто не отвечал.

– Ломай, – приказал боярин.

Дружинники где-то быстро сыскали бревно. И после нескольких крепких ударов, которые привлекли народ, ворота затрещали и рухнули. Аверкий был в опочивальне и прикинулся спящим. Это взбесило боярина.

– А ну волоките его во двор! – приказал боярин.

Его держали двое здоровых дружинников, когда к нему подошел боярин. Аверкий стоял, опустив голову. Кочева поднял ее за подбородок.

– Будешь платить? – грозно спросил он.

Тот только ухмыльнулся. Кочева оглядел двор. За крыльцом, внутри двора, росла мощная, корявая береза.

– Подвесьте-ка его! – приказал боярин, показывая кнутовищем на дерево.

Аверкию тут же набросили петлю на шею и поволокли к дереву.

– Да не за шею, дурьи головы, – заорал боярин, – за ноги.

Боярин Аверкий не успел опомниться, как повис вниз головой. Он понял, что, если повисит еще немного, ему уже ничего не надо будет.

– Заплачу, – закричал он.

Больше отказывающихся платить не нашлось. Ростов рассчитался полностью. К вечеру отряд двинулся в обратную дорогу.

Ростовское событие распространилось по княжествам со скоростью молнии. Выплаты пошли без задержек. Иван Данилович теперь подбирал подарки для ханш. Он знал хорошо их слабости, вкусы и умел угождать.

Считая, что Александр первым нарушил их договор, не известив дружественного князя о своих намерениях, он теперь будет добиваться... ее, которая не выходила из его головы.

ГЛАВА 14

Атаман созвал круг, чтобы решить судьбу царевича. Многие есаулы на этом сборе вдруг повели себя вызывающе. Такого выпада атаман не ожидал. Они требовали взять за царевича выкуп. Были даже голоса предать его казни. Кто-то предложил выменять его за оружие у русских князей.

Но уважаемые, бывалые казаки хорошо представляли возможные последствия такого неразумного решения. И они стали доказывать, что, если Узбек прознает даже о пленении своего сына, добра ждать нельзя. Он нагрянет на них не только с войском, но заставит и русских князей прийти ему на помощь.

Однако молодые задиристые есаулы, еще по-настоящему не попробовавшие острие татарских сабель, чтобы показать себя героями, настаивали кто на казни, кто на выкупе. Атаман, который молча взирал на этот спор, не выдержал. А вывел его из терпения молодой есаул Гудым. Речь его была горячей, смелой и даже вызывающей по отношению к старым казакам. Когда у него вылетели слова, что старых казаков больше тянет на покой и что им давно не хочется брать саблю в руки, его перебил Еремей.

– Стой! – грозно прикрикнул он. – А ну скажи, Гудым, где ты был, когда мы уводили татарские табуны и те послали вдогон воинов? Кто заорал: «Обходят!» и бросился спасать свою шкуру? Аль ты думаешь, мы не заметили, как ты сиганул вроде веверицы?

Многие рассмеялись. Гудым, опустив голову, забился в угол. А атаман продолжал:

– А вот Зосим бросился на татар, увлекая за собой остальных. Татары бежали.

Горячка у молодых спала. Смиренно слушали Зосима, Курбата. Совет решил вернуть царевича, даже одарив его подарками как гостя атамана. Молодежь, уступив в одном, все же решила подковырнуть стариков в другом. Зная, с какой любовью они относились к Андрею, один из них предложил:

– Пусть обратно царевича отвезет тот, кто его и похитил.

Атаман вдруг сразу согласился и послал Гудыма в степь за Андреем.

Дары дали царевичу хорошие: пояс золотой фряжский с жемчугом, два золотых бизилика с алмазом, кинжал дамасский с позолоченной рукоятью и камнями. Глаза царевича от такого богатства загорелись огнем. Когда атаман представил Андрея как старшего провожатого, царевич посмотрел на него снизу вверх – он был гораздо ниже уруса, улыбнулся и согласно кивнул. От многочисленной охраны они оба отказались. Атаман посмотрел на Курбата, тот кивнул, мол, пусть будет по-ихнему.

Подаренный кинжал царевич повесил на золотой пояс и не снимал рук с его рукояти. Один из есаулов вскользь заметил:

– Вот он и воткнет этот кинжал в провожатого.

Царевич знал русский и понял сказанное. Лицо у него внезапно покраснело, глаза налились гневом. И он буркнул на своем родном:

– Кто так думает, сам способен быть предателем.

Более сотни казаков все же отправились добровольно их провожать. Проехав несколько верст и заметив, что царевич начал нервничать, Андрей дал сигнал, чтобы казаки возвращались на кош. Оставшись вдвоем, монгол спросил у Андрея, кто их освободил. Когда тот рассказал, как было дело, царевич долго смеялся и постоянно бил его по плечу.

– Батыр! Батыр! – повторял он.

– Куда же мы поедем? – спросил Андрей.

– На мою стоянку, – был ответ.

– Да там же никого нет, – заметил сопровождающий.

Царевич решительно замотал головой:

– Они умрут, но не уйдут оттуда. Если вернутся без меня, всех ждет смерть.

– Когда ты вернешься с ними домой, то ты их тоже предашь казни?

– Пусть живут эти шакалы. Но им будет сказано, что если кто обмолвится об этом хоть словом, будет тут же задушен.

Говорил он эти слова легко, просто, но для Андрея они показались жуткими. Так легко распорядиться жизнью людей! И он понял другое: свое пленение он хочет сохранить в тайне. Даже его верные торгауты и те ведь не знали, где он был.

Монгол хорошо ориентировался в степи и охотно делился с Андреем своими знаниями. Похоже, Андрей понравился царевичу. Завязавшиеся теплые отношения закрепил накрапывавший дождь. Был поздний вечер. Тучи, покрывшие небо, нагнали в степь темноту. Ехать было небезопасно, и они решили переночевать. Плащ Алима выручил их обоих. Царевич был благодарен.

Свои шатры он увидел издали и известил об этом Андрея.

– Мы приехали, – объявил царевич и спрыгнул с коня. – Давай прощаться.

Они обнялись и потерлись щеками. Царевич пошел, но неожиданно вернулся.

– Подожди, – по-русски произнес он.

Подошел к Андрею и, сняв с пальца кольцо, подал его урусу. Тот, взяв кольцо, положил на ладонь и посмотрел. Оно было необыкновенное. Змеиное тело в три кольца, вместо головы – алмаз. Оторвав от него взгляд, Андрей посмотрел на царевича.

– Если тебе понадобится моя помощь, передай его мне, – пояснил царевич значение своего подарка.

– А если меня схватят, когда я поеду к вам? – спросил Андрей, продолжая держать в руке кольцо, не зная, что с ним делать.

– Покажи его, и ты станешь моим гостем.

Андрей поблагодарил царевича за подарок, вскочил на коня и помчался. Монгол крикнул ему вслед:

– Почаще гляди на солнце и курганы.

И долго еще смотрел на удалявшегося уруса.

Расставшись с царевичем, Андрей вдруг почувствовал на душе какую-то легкость. Ему хотелось полететь птицей по цветущей степи.

Следуя советам царевича, под вечер он был уже на месте.

ГЛАВА 15

Вернувшись, Андрей узнал, что атаман ушел в поход. Парень задумался: чем бы заняться? Ушел с атаманом в поход и Митяй. С другими молодыми казаками Андрей пока не «сжился», разве что с Захаром. Но и того тоже не было.

Проходя по одной из улиц, он обратил внимание, как два казака, повесив на комолы волокушу, чинили ее.

– Бог помощь, – проговорил он, подходя.

Один из них, пожилой, брудастый казак, не отрываясь от работы, ответил:

– Бог-то поможет, помоги ты!

Андрей, глядя, как у того ловко работают пальцы, завязывая нить, с горечью признался:

– Я так не могу!

– Это не можешь, вентарь с каюком помогнешь отнести.

Андрей обрадовался:

– Помогу, а зазулю ловить возьмете?

До этого молчавший казак, гундор, ответил:

– Чего же не взять, возьмем.

– А когда?

– Да вот закончу.

– Тогда я мигом сбегая, возьму бурсаков да картыша, – почти крикнул обрадованный Андрей. Казаки не без радостного чувства переглянулись.

Андрей помог загрузить колымагу. Гундор сходил за кобылой, за ней бежал и жеребенок. Брудастый взял вожжи, и они поехали.

Наконец, они выехали на небольшую поляну, окруженную тем же густым терном. Дона еще не было видно, но Андрей почувствовал его по запаху тины и дыхнувшей на него речной прохладой. Место было обжитым. Сразу бросились в глаза комолы, их было несколько штук, остатки костра с приспособлением для варки пицци, бочки, налитые водой. Как потом он узнал, в них на зиму солили рыбу. В буераке, который отсекал поляну от леса, они показали вырытую ими нору, скрывавшуюся за густым ивняком. В ней рыбаки прятались от разной

вражины. Выстлана она была старыми шкурами. Висела кое-какая одежонка.

Так впервые Андрей оказался на Дону. Тут было посвежее. На поляне, загрузив в каюк несколько волокуш, подняли его на плечи и стали спускаться к берегу, заросшему густым камышом. Проход в нем был давно пробит, и они, спустив каюк на воду, поплыли ставить волокуши. Андрея рыбаки засадили за весла и только командовали то грести ближе к берегу, то против течения. Из воды торчал комол. Надо было подплыть ближе.

– Трошки подай.

Гундор схватился за комол и привязал волокушу. Незаметно они поставили их несколько штук и вышли на берег.

– Будылья набери, уху сварганим, – обратился гундор к Андрею.

Пока гундор колдовал над варевом, брудастый сходил в пещеру и принес под мышкой увесистый бочонок и кубок. Гундор разлил дразнящую запахом уху. Брудастый вытащил из бочонка пробку и налил в кубок жидкости. Подав его Андрею, коротко сказал:

– С починком тя! Пей!

Андрею ничего не оставалось, как осушить кубок. Ему показалось, что такой вкусной ухи он отродясь не едал. Кашевары варили доброе варево, но это... Больше Андрей пить не стал. Брудастый и не настаивал. Наоборот, добрым взглядом оценил парня.

Гундор и брудастый набрались хорошо. И вдруг гундору вздумалось проверить волокуши. Брудастый его пытался отговорить. Но куда там. Еле державшегося на ногах казака пытался задержать и Андрей. Но тот прогундосил:

– Ну ты, кугарь, меня... казака! – и он ударил себя в грудь.

– Пуцай идти! – подал голос брудастый.

Андрей махнул рукой и поплелся в тень спать.

Сон не шел, и Андрей хорошо слышал, как гундор несколько раз упал, но все же спустил каюк на воду. Слышно было, как бьет веслами по воде. И вдруг что-то бултыхнулось и стихло. Андрей приподнялся. Тишина. Только слышно, как где-то стрекочет кузнечик.

– Эй! – окликнул гундора Андрей.

Но он не отвечал. Андрей подождал какое-то время и опять окликнул его. В ответ – тишина. И он стремглав бросился к реке. Пробежав камышовую часть, Андрей увидел, что каюк без гундора

медленно плыл по течению, а прямо перед ним кто-то невидимый дергал волокушу и от нее убегали волны и ходуном ходил ближайший комол.

Догадка прожгла Андрею мозг: «Гундор свалился в реку и зацепился за сеть!» Он нырнул. Хотя вода была не очень прозрачна, все равно ему удалось разглядеть его тело. Подплыв, Андрей убедился в своей правоте. Нож оказался у него на поясе. Распутать волокушу было невозможно, так как казак запутался в ней руками и ногами. Нож быстро помог освободить бедолагу. Вытащив на берег, он поднял его за ноги. Из рта и носа побежала вода. Положив на землю, Андрей несколько раз нажал грудную клетку. Так поступали у них на Клязьме. Гундор задышал. Когда отдышался, с трудом поднялся, тупым взглядом посмотрел на Андрея, махнул рукой и, сделав несколько шагов, свалился. Андрей, убедившись, что он жив, поднялся на поляну, взяв с колымаги кожуину, бросил ее под куст и завалился спать.

Наутро, когда Андрей проснулся, он нашел брудастого около гундора. Тот, подложив руки под голову, сладко спал. Брудастый никак не мог понять, отчего же руки и ноги гундора повязаны частями волокуши.

– Ты глянь, – сказал брудастый подошедшему Андрею и потряс частью волокуши на ноге гундора, – что это?

Андрей рассказал, как ему пришлось спасать утопавшего казака. Брудастый выслушал спокойно, только заметил:

– Он быстро наладит.

Когда брудастый рассказывал гундору о происшедшем, он только часто моргал да потирал свою черепушку, силясь вспомнить, а так ли это было. Потом гундор куда-то исчез. Андрей не знал, что делать, и поглядел на брудастого. А тот развалился, подложив под голову полено, и глядел в голубое небо. Кроме солнца да необозримой голубизны там ничего не было, даже курганники и те куда-то запропастились. Он постарался заснуть.

Гундор появился, держа руку за спиной. Подойдя к Андрею, он легко ногой толкнул его под бок.

– Эй, – проговорил он.

Андрей открыл глаза. Гундор поманил его пальцем. Андрей поднялся.

– Че надо? – позевывая, спросил он.

Вместо ответа гундор протянул ему нож. И какой! Широкое лезвие с канавкой, темно-серый цвет говорил знатоку, что это очень хорошая сталь, да и работа знатная. Рукоять была инкрустирована золотом, а на конце вделан огромный бриллиант. Даже непросвещенному человеку была понятна его огромная стоимость.

– На, – коротко прогундосил хозяин, – бери.

Андрей взял его в руки, посмотрел и протянул назад.

– Нет, – он покачал головой, – если ты даешь его мне за то, что я тебя... – он не стал говорить, что спас, – это не по-казацки.

Гундор посмотрел по сторонам, увидел бревно и потянул к нему за рукав Андрея.

Они сели, и гундор рассказал о своей жизни. Был он, как и его отец, смердом. У них был свой кусок земли, который кормил и одевал их. У смердов, не как у князей да бояр, которые женили детей по выгоде. Ему понравилась дочь такого же смерда, только из другой деревни. Большие, смеющиеся глаза, доброе, ласковое лицо. Сыграли свадьбу. В положенное время родился сын. Радость в семье была неопишуемой. Но надо же было так случиться, что в их местах охотился князь. Он повстречал его жену. Та запала ему в душу. Недолго думая, он послал своих людей, те схватили и привели ее к князю. Когда она ему надоела, он выгнал ее на улицу. Она пришла домой и все рассказала. А наутро одежду жены нашли на берегу реки.

Глубокое горе вошло ему в душу. Темной ночью он направился к княжеским хоромам. Но его схватила стража, сильно избила. С той поры он стал гундосить. Отлежавшись, он все же выполнил задуманное. Бросив мясо собакам, обложил дом соломой, а потом, подперев дверь, поджег ее. После этой мести и бежал сюда, на Дон. Но у него остался сын. И он не знает, что с ним. Да и никогда не узнает. То, что сделал Андрей, напомнило ему о сыне.

– И я дарю тебе нож в память о своем сыне. Возьми, не обижай старого казака. Я его честно добыл в походе, сняв с пояса поверженного мной одного татарского хана.

– Бери, – раздался за спиной голос брудастого, – коль дают. Дай ему малую отраду.

Андрей замаялся. Брудастый взял кинжал у гундора и подвесил его к поясу Андрея.

– Да пусть он будет хранителем твоей жизни, – сказав, перекрестил Андрея. – Храни ты Бог!

Кош нельзя было узнать. Когда они покидали его, там царило безмятежное спокойствие. А вернулись к кипящему «казану». Нарядные казаки гордо вышагивали друг перед другом. Сразу можно было понять, что вернулся атаман с хорошим дуваном.

Все страшное для них осталось позади: звериные норы, густые камыши и болотистые плавни со змеями, с черными пауками мармуками, тарантулами, не говоря о слепнях и мошках. Нет больше и ожидания удобного момента для нападения или хоронения от явной силы противника. Все позади, все вновь впереди. Но когда это будет! А сегодня все те, кто остался жив, помолились иконе Покрова Пресвятой Богородицы, этой надежной защитницы казаков, чтобы глубоко ей поклониться, отблагодарив дорогими подарками ее за помощь и поддержку. А после молитвы казаки пошли на сборище. Об этом известили звуки медного круга.

Услышав монотонные удары, Андрей, помогавший разгружать колымагу, вопросительно глянул на гундора. Тот, встряхивая мешок с вяленой рыбой, прогундосил:

– Атаман с походу вернулся. На круг собирают. Как бы не судить кого будуть.

Андрей, оттащив последний бочонок в хранилище, поддернул порты и спросил:

– Я пойду?

Гундор кивнул головой, добавив:

– И мы сейчас пойдем.

Андрей торопился, думая, что, если вернулся атаман, значит, вернулся и Митяй.

Когда Андрей пришел к месту, где должен был проходить круг, казаков там было видимо-невидимо. И сколько он ни искал, Митяя так и не встретил. Заметив, что говор стихает, он понял – вот-вот начнется круг. И это остановило его поиски. Радости на душе не было. И вдруг кто-то легонько ударил его по плечу. Он оглянулся. Но сзади стоял старый усатый казак, который глядел совсем в другую сторону. Полный недоумения, он даже подумал: «Неуж показалось?» Но тут по

другому плечу его опять ударили. Он резко повернулся и не поверил своим глазам:

– Митяй!

Они обнялись. Митяй сильно поморщился, ибо его левая рука получила сабельный удар. Хотя тот прошелся скользко и это спасло руку, но боль от этого не убавилась. Митяй начал рассказывать, что да как, но на них зашипели:

– Тихо, вы! Атаман!

Казаки снимают шапки. Атаман с есаулами и дьяком выходят на середину. Они тоже снимают головные уборы и кланяются на четыре стороны. Атаман сделал шаг вперед, кашлянул в кулак и заговорил:

– Друзеки мои верные! Молодцы знатны! Отблагодарим же спасительницу нашу, помогшую нам победить силу вражу! – и он затянул, повернувшись на восток, а за ним весь круг: – «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с тобою; благословенна ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших».

Атаман, как и весь круг, трижды перекрестился, низко кланяясь. И вновь обратился к казакам:

– Помянем и тех, чьи головы остались на земле вражьей. Все ж они были казаки добры. Светлая им память.

Все хором повторили эти слова и опять крестились. Выждав, атаман продолжил:

– Думаю, настала пора вновь звать рязанских купцов. Нам есть что им предложить: какие табуны гуляют, да и дуван наш не беден. Пусть, как заведено, везут хлеб, оружие, одежду.

Из толпы пробрался к центру немолодой рослый казак. Шел он степенно, важно, кося глазами на казаков. Одет не хуже атамана – что сапоги, кафтан, кобур. Подойдя, расправил усы и проговорил:

– Мысля моя: звать и купцов московских. Деньга у их есть и товар хороший, – сказав, еще раз пробежался рукой по усам и так же важно направился на место.

Криками да шапками поддержали казаки своего товарища. Атаман согласно кивнул.

– У кого еще че есть? – атаман пробежался глазами по кругу.

Но молчала казацкая вольница.

– Есть у меня, – глухо сказал атаман.

И все поняли, что сейчас и будет самое важное. И не обманулись, поняв это с первых слов атамана.

– Как будем жить, дружи? Будем ли рушить обычаи отцов и дедов наших? – он глядит на казаков.

– В чем дело, атаман?

– Да, в чем дело? – зашумела толпа.

Атаман поднял руку:

– Не нами заведено было: в походе каплюнник не лучше любого отпадчика.

– Верно! Верно! – заорала толпа, поняв, куда клонит атаман.

– Так будем блюсти наши старые законы? – спрашивает атаман.

– Будем, будем, – режут казаки.

– Кажи, кто? – сквозь рев слышится голос.

Атаман повернулся к есаулу:

– Приведи!

Вскоре появляются с обнаженными саблями казаки, а между ними средних лет казак. Голова его низко опущена. Рубаха до пупа разорвана. Видна волосатая грудь и поблескивает крестик. Стража останавливается в нескольких шагах от атамана и расступается. Атаман подходит к казаку, за подбородок поднял его голову.

– А ну смотри в их очи! – потребовал он.

Казак валится на колени:

– Дружи! Братцы! Простите Христа ради!

– Еще Христа вспоминаешь, – к нему подскочил какой-то казак и сорвал крест. – нет ему пощады! – кричит он, обращаясь к толпе.

– Нет! – орет толпа.

– Кий ему! Кий! До смерти!

Казак бьет себя в грудь:

– Простите, ради Христа простите, бес попутал.

По его щекам текут слезы. Казак, сорвавший крест, презрительно смотрит на него:

– Будь хоть сейчас казаком!

Толпа ахнула. Человек словно очнулся. Он поднялся на ноги, глядя исподлобья, обвел казацкие ряды.

– Готов принять от вас смерть! – хоть и подрагивал его голос, но все же сказал он эти слова твердо.

– Увести в яму, – приказал атаман и добавил: – приговор исполним завтра!

С испорченным настроением покидали круг казаки. И жалко товарища, хотя какой он товарищ! Такие и до беды довести могут. Мало ли погибло казаков от таких, как он. Сколько случаев: его в дозор, а он тайно берет с собой питье. А выпивший – какой страж. Вот и вырезает злой татарин казаков. Нет. Таким пощады нельзя давать. Но и пить в этот день не хотелось. Удивлен хозяин кабачка Асаф: почему никто не заходит?

За ночь на площади успели поставить толстый столб с двумя кольцами. Рядом – огромный чан, в котором на цепочке плавал коряк. С другой стороны столба куча кий. Площадь с утра заполняется казаками. Переговариваются друг с другом и ждут.

Андрей с Митяем, как закончился круг, ушли к себе и всю ночь проговорили. Утром внезапно появился Курбат. Вот было радости у Андрея! Да и тот не скрывал ее. Андрей попытался было рассказать, как он после их расставания жил, да тот остановил:

– Потом, Андрей. Пошли. Привыкать надо, да на ус себе мотай! – сказал он.

Андрей понял, что Курбат звал на площадь.

Он и Митяй подошли как раз в тот момент, когда преступника вели к столбу. За ними дьяк с бумагой. Подойдя к столбу, дьяк, развернув бумагу, что-то стал читать. Но ветер относил слова, и Андрей с Митяем не расслышали ни одного слова. Закончив читать, дьяк свернул бумагу, приговоренный ближе подошел к столбу и поднял руки. Два казака сыромятными ремнями привязали их к кольцам.

И... казнь началась. Первым к чану подошел плотный казак. Он зачерпнул коряком водки, выпил. Рукавом обтер усы. Взял из кучи кий. Дважды встряхнул им. Потом подошел к приговоренному:

– Прости, душа казацкая! Прости, братику!

И, расставив пошире ноги, стеганул кием так, что лопнула у того на спине кожа. Подходит второй... Андрей с Митяем бить не стали и хотели было куда-то удалиться, как на их пути возник Курбат. Он потряс перед ними пальцем.

– Без этого не будет послушания, – сказал он и добавил: – завтра, Андрей, тебя будут принимать в казаки. Хоть и наслышался о твоих подвигах, но... надо показать всему казачеству твою наловку.

Может быть, не скажи Курбат этих слов, спал бы Андрей более спокойно. Однако это была его первая ночь, когда он просыпался, и не раз, с тревогой в сердце.

Этот день запомнился Андрею на всю жизнь. Небо точно позаботилось о том, чтобы был он тихим, мягким, даже нежным. Наступал обычный и необычный новый день.

ГЛАВА 16

Боярин Кочева терпеливо дождался в гриднице князя, который находился в молельной комнате. И в то же время он обдумывал, какую весть сообщить ему первой. Они были получены из Твери от посланного туда боярином доверенного человека. Тот сообщал, что князь Александр и ярославский князь Василий Давыдович, зять московского князя, имеют тайные сношения. О чем они говорят, ему узнать не удалось. К себе они никого не допускают. И другая весть: при отъезде князя Александра в Сарай его провожала жена. Расстались они где-то на юге рязанских земель.

Боярин догадывался, зачем Ивану Даниловичу нужны сведения о всех передвижениях княгини. И решил в первую очередь сообщить весть о зяте. «А это – на закуску», – улыбнулся он про себя. По любовному делу он князя не узнавал. Сколько его помнит, он видел полное безразличие того к женщинам. «А тут – бес попутал. Да сильно, видать. Не успел он об этом подумать, как в гридницу стремительно вошел хозяин. Боярин, как обычно, привстал и склонил голову.

– Ну, что у тебя? – быстро спросил он, усаживаясь напротив.

Князь знал, что по пустякам в такую рань боярин его беспокоить не будет.

Кочева сообщил ему первую весть. Лицо князя изменилось. Брови на переносице сдвинулись, разлетаясь краями вверх. Взгляд сделался остекленевшим, лицо посерело. Он тяжело задышал. Не говоря ни слова, он вскочил и заходил по гриднице. Княгиня, узнав о приходе боярина, встревожилась и тоже поспешила в гридницу. Увидев жену, князь ошарашил ее словами:

– Я в яму брошу твоего зятя! – чуть не взревел он.

Княгиня опешила:

– Кого? Кого? – переспросила она.

Князь зло бросил:

– Кого, кого? Ваську!

Княгиня посмотрела на боярина. Тот опустил голову. Тогда она обратилась к мужу.

– Скажи толком, что случилось?

Она подошла к нему, взяла под руку:

– Пойдем, сядем, и ты мне все расскажешь.

Сесть-то он сел, но рассказывать не стал, сказав:

– Пусть Василий расскажет.

Княгиня улыбнулась:

– Василий про Ваську.

Наверное, этот каламбур жены как-то успокоил князя, лицо его просветлело. Кочева в двух словах сказал о случившемся. Никто не заметил ее легкую улыбку. Она концами убруса спрятала ее. А сердце забилось от радости – мир между ними рушился, а, значит, они больше встречаться не будут, и он ее не увидит. Но она подавила свою радость. Ей стало жалко мужа.

– Ванюша! – голос прозвучал мягко, проникающе. – Они ведь ровесники. Может, у них появились свои интересы.

Князь сверкнул на нее глазами. Как ему хотелось грубо ответить ей, чтобы баба не лезла в мужские дела, но сдержался и сказал:

– Когда ты у меня поймешь, Елена, что у князей не может быть простой дружбы. Каждый ищет выгоду для себя. Отсюда мы такие... Должен же кто-нибудь подумать и о тех, кто тебя кормит, одевает. Их может защитить только сила, власть. – и с укоризной глядя на нее, произнес: – не обливается ли у тебя сердце кровью, когда я везу возы добра, отдаю кучу денег татарам? И это уже столько лет! А все от чего? – он перевел взгляд на боярина, – много развелось хозяев.

Она все это хорошо знала.

– Что ты думаешь делать с Василием? – Она посмотрела на мужа.

Он о чем-то думал и машинально ответил:

– Пока не знаю.

«Слава тебе, Господи», – подумала она и вышла из gridницы.

– О чем думка, князь? – спросил боярин.

– Много дел, Василий.

Иван Данилович посмотрел в окно. Опять знакомая картина: на церковном кресте сидящий ворон. Князь вздохнул:

– Надо ехать к Узбеку. Да Петр никак не выздоровит. А ехать надо, – повторил он, – узнать, что там сосед сотворил, – князь саркастически улыбнулся, – да хочу уломать своих «хозяев», – это

слово он произнес с издевкой, – чтобы «заставили» меня купить и Углич, и Белоозерье, да и Галич в придачу.

У боярина округлились глаза.

– Чего испужался, – спросил князь, – просто намекну, чтобы они постороже спросили за неуплату... вот и все.

Боярин рассмеялся:

– Ловко, князь, придумал. Те прижмут, а денег у князей нет. Чтобы всего не лишиться, они вынуждены это продать.

Князь кивнул:

– Кресло оставляю, а власть заберу. Вот только митрополит меня держит, – тягостно вздохнул он.

– Не мое дело, князь, – сказал боярин, – но думаю, он еще продержится.

Князь с благодарностью посмотрел на него. Соображение боярина сыграло свою роль. Князь решил ехать. На этот шаг толкал его и зять. Не дай бог, договорится с Тверью. Что тогда делать?

Нос лодки, зашелестев по прибрежной гальке, воткнулся в валун, и она резко остановилась. Князь Иван Данилович, стоявший одной ногой на ее борту, от толчка чуть не упал – успел схватиться за снасть. Он легко спрыгнул на берег и почти бегом поднялся наверх. И перед ним открылась панорама стольного града Сарая. Красив он, ничего не скажешь! Ровная, убегающая вдаль местность позволяла межевщикам так наметить улицы, что они получились ровными, как стрелы в монгольских колчанах. Но все они вели к главному строению – ханскому шатру. Небольшая возвышенность, на которой он был возведен, позволяла ему царить в мире хорезмского искусства. А мечети мастера постарались так построить, что они не повторялись. Особенно поражали их цвета. Если внимательно на них смотреть, то легко представить, что они напоминают проходящие сутки в красках.

Ханский шатер стоял в центре круга, радиус которого равнялся тремстам тридцати трем шагам. Это считалось у них волшебным числом. Круг этот резал широкий, выложенный разноцветными изразцами, проход. По бокам украшали его разные сказочные фигурки, в основном животные. Он вел к главному входу ханского шатра, который охранялся отрядом тургаудов.

Новый хан Узбек пытался и русских направить по пути мусульманства. Но против решительно встал митрополит Петр, да и Иван Данилович не остался в стороне. И им удалось отстоять свою веру.

Но особой любовью Ивана Даниловича в Сараеве пользовались восточные базары. Чего и кого только там не встретишь! Русские купцы привозили сюда меха, мед, воск, хлеб. Увозили украшенные цветной глазурью посуду, шелковые, шерстяные ткани, ожерелья, жемчуг, пряности, вина.

Любил Иван Данилович азиатские дыни, которые горами возвышались на базаре, изюм, нежные фрукты. Заглядывал частенько и на базар, где торговали людьми. Его Миняй умел торговаться, и деловых, мастеровых людей они не упускали.

Скинув походное платье, надев легкую одежду, Иван Данилович направил стопы к баскаку Ахмылу, чтобы узнать новости. Шел он не с пустыми руками. Его золотых дел мастер Парамша выковал для этого Ахмыла такой ларец с секретом, что у того при виде подарка дух захватило. И удержишься потом ханские тайны! Да и доступно ему ухо ханское. Посетовал баскак, что не все князья, как он, Иван Данилович, данью рассчитываются. Князь прищурил глаз:

– Кто бы это?

Назвал Ахмыл галицкого князя, углицкого да и белоозерского. Прикинулся Иван Данилович, что впервые слышит о таких трудностях, и сказал:

– Готов тебе, мой господин, помочь, – и положил в шкатулку золотой перстень, – дай ярлык на управление этими землями, и хан будет получать все сполна.

Рассмеялся баскак, ударил князя по плечу и приказал принести хорзы. А что не скажешь, когда питье ударило в голову? И поведал он баскаку, что передали ему, будто тверский князь Александр осуждает Узбека за убийство сына хана Тохты. Лицо Ахмыла, до этих слов источавшее радость, вдруг изменилось. Оно стало каменным, а его и без того узкие глаза сощурились еще сильнее.

– Что-то произошло? – спросил Иван Данилович, шаря глазами по столу, чем бы закусить.

– Да! – баскак заволновался, – поздно сказал, хан дал ему ярлык на Великое княжение.

Теперь посуровело лицо князя: «Так вот зачем он ездил сюда. Сколько же он привез золота? Всех, видать, ободрал», – подумал князь, обдумывая в то же время, что сделать, чтобы обезвредить Александра. И пришла мысль: чтобы Александр держал язык за зубами, надо хану послать к нему своего человека. Баскак мгновенно оценил важность предложения. Но ничего не сказал, а налив арзы, поднял пиалу:

– Как вы, русские, говорите: за здраву!

Главная ханская жена встретила московского князя весьма благосклонно. Еще бы! На плечи ей наброшена легкая, как летнее облачко, белоснежная, как горный снег, горностаевая мантия. Ханша много видела разных подарков: на серебро устали смотреть глаза, не особенно впечатляли и золотые поделки. Но этот подарок превзошел все ее ожидания. Это Иван Данилович понял сразу. И он в душе был благодарен купцу Елферьеву за такое подношение.

Встречи с Узбеком он дожидался недолго, на зависть другим князьям, которые тут живали уже не один месяц, но все не могли попасть к хану.

Иван Данилович вошел, низко кланяясь, и, не доходя до трона, опустился на одно колено. Весь его вид говорил о безотказном послушании, что весьма нравилось хану. Узбек тотчас сравнил его с тверским князем, только что отбывшим к себе. Как тот ни прятал свою гордость и презрение, но хана трудно было обмануть. Он покаялся, что выдал ему ярлык на Великое княжение. Но отбирать его пока не будет. Это несолидно выглядело бы. Хорошо придумал Ахмыл. Он пошлет к нему баскака. Это решено.

Пока эти мысли вертелись в голове Узбека, московский князь терпеливо стоял на одном колене.

– Подойди ко мне, князь, – приказал хан и указал на кресло, стоявшее на пьедестале у ног повелителя.

Это было самое почетное место, исключая ханский трон. Князь послушно поднялся и сел со склоненной головой. Хан что-то произнес – и словно из-под земли появился слуга с чашей в руках. Хан вручил князю эту чашу с кумысом. Это была великая честь. Выпив до дна содержимое, он передал чашу слуге, а сам, опустившись на колено, обратился к хану:

– Дозволь, Великий хан, свет моих очей, вручить тебе одну вещицу. Прими ее как залог моей преданности. Да будет к тебе

милостив Аллах, да пошлет он тебе долгие годы царствования!

Хан, довольный, кивнул. Князь пружинистым шагом почти добежал до входа, где его верный Миняй держал в руках легкую, как перышко, переливающуюся соболью шубу. Князь, неся ее на вытянутых руках, прошел ряды ханских приближенных, с завистью глядевших на этот подарок, и аккуратно положил подарок на ручки ханского кресла. И смиренно вернулся на место. Хан провел по ней рукой. Раздался легкий треск. По довольному лицу владыки было видно, что она пришлась ему по душе. И опять это заслуга купца Елферьева. Для такого дружинников не пожалеешь.

Хан пошевелил бровью – и пред ним предстал главный казначей. Он заявил, что московский князь – наилучший из всех по уплате дани и что ему можно и дальше расширять эти полномочия. После слов хана, которых князь не расслышал, казначей подошел к князю и вручил ему три ярлыка. Сердце князя радостно забилося. Он понял, что мечта его осуществилась.

Князь возвращался от хана в хорошем настроении. Он решил еще немного задержаться, чтобы побыть на базарах, встретиться с нужными людьми. В хоромах, где князь остановился, его уже ждал Мурза Чета. Он стал просить за своего племянника, чтобы князь взял его в свое княжество на поселение. Гордостью засияло лицо Ивана Даниловича. Невиданное дело: монгол просится на поселение в Москву. Но свою радость он тотчас подавил. В голове пронеслось: «А хан? Если он узнает, не обрушится ли на меня с гневом? Тогда то, что выстраивал столько лет, может обрушиться в одно мгновение». И он спросил Мурзу:

– А хан? Без его высочайшего согласия я не могу этого сделать.

Мурза из-за пазухи извлек бумагу с большой печатью. Такие были только на ханских грамотах. Князь взял ее, раскрыл. Она была написана не на русском языке.

– Миняй, – нетерпеливо крикнул князь.

Когда тот подошел, подал ему бумагу. Миняй пробежал по ней глазами и сказал:

– Великий хан разрешает Янчару Чета переезд в Московию.

Князь раздумывал секунду.

– Я принимаю его, – ответил он, – окрестим, получит боярство и землю.

Мурза был доволен. Князь хотел с ним поговорить еще, но в открытую дверь ясно донесся торопливый стук копыт. Сердце Ивана Даниловича екнуло: он понял, что это гонец. «Но с чем? Что случилось?» – загудело в голове. Князь не ошибся. Весь пыльный, лица не разглядеть, вошел невысокий человек. По его лицу, оставляя белые следы, стекал пот.

– Князь, – он склонил голову, – плох митрополит.

– Что? Что ты сказал? – князь подскочил к нему.

– Плох митрополит. Княгиня послала за тобой.

– Эй, – закричал князь, – кто тут есть?

На его зов откликнулся Осип Уваров.

– Осип! Сейчас же выезжаем в Москву!

Как ни торопился князь, как ни просил бога продлить жизнь Петра, в живых он его не застал. Это он понял, подъезжая к Москве, по заунывному звону церковного колокола и потоку людей, шедших к церкви Иоанна Предтечи, где стоял гроб с телом митрополита.

Князь, никуда не заходя, проехал к церкви. Народ расступился, пропуская князя. Кто-то шепнул послушнику, сидевшему у гроба, и тот уступил место князю. Священники менялись, читая молитвы. А князь сидел, не шевелясь, и смотрел на спокойное лицо митрополита. И невольно всплывали факты их совместных деяний. Много раз их жизнь отравляла Тверь. Вспомнил Иван Данилович и про князя Михаила Тверского, без участия, а скорее давления которого вряд ли бы тверской епископ Алексей настрочил жалобу на митрополита в Константинополь. Иван Данилович, князь московский, в пух и прах разнес наветы Алексея, и посланцы, которые прибыли в Переяславль, чтобы разобраться, встали на сторону Петра. Тверь была повергнута и тут. С тех пор между ним и митрополитом завязалась дружба, которая длилась до последней минуты жизни Петра. И вот его нет: наставника, помощника, его опоры и поддержки. Как они понимали друг друга! И как этот человек болел душой за Русь! Как он был верен своим делам, почитая слова Иакова: «Вера без дел мертва». Кто же теперь будет патриархом? Может быть, послать монаха Ионна? Но... вряд ли согласится патриарх. Не успел Петр подготовить его, божьего человека, к такой миссии.

Незаметно подкралась ночь. Опустела церковь. Остался священник да Иван Данилович. Так, не вставая, он и просидел у гроба до утра. С первыми лучами солнца церковь незаметно вновь наполнилась людьми. Подъезжали и князья.

Вот подошел к Ивану Даниловичу и сочувственно тронул за плечо Андриян Мстиславич, князь звенигородский. Отметился и Константин Тверской, младший брат Александра. В голове Ивана Даниловича шевельнулась мысль: «А почему нет великого князя?» Низко склонил голову молодой князь Дмитрий Юрьевич, внук Андрея Александровича, князя городецкого и костромского, дяди московского князя. А вот и зятек...

А народ все валит и валит. Еле протиснулся боярин Кочева. Вскоре народ стал просить вынести тело митрополита. Но кто примет это решение? А гул нарастал. Князь впервые поднялся и оглянулся назад. Церковь набита до отказа. А народ хочет проститься с любимым митрополитом. И князь решил:

– Пусть простятся!

Когда тело митрополита вынесли во двор кремля, народ повалился на колени. Протягивая к гробу руки, они кричали:

– Отец родной, прости!

От такого крика в небо поднялись стаи перепуганного воронья.

И вдруг митрополит приподнялся. Народ замер. И хоть тихо были им произнесены слова: «Я благословляю тебя, Иване, и святую Русь», а его рука с худыми, тонкими пальцами осенила всех крестом и в бессилии упала, все услышали его слова.

– Святой! Святой! – отозвалась Русь на его благословение.

После похорон митрополита князь московский, никого не приняв, заперся в своей комнате. Трое суток не выходил он оттуда. Напрасно ожидали его князья. Правда, времени они не теряли, поминая ушедшего. Иван Данилович появился в gridнице, где ждали его князья, на четвертый день. Его трудно было узнать. Князь был собран, подтянут, строг. Он прошел на свое место и обвел сверлящим взглядом присутствующих. Те не знали, что делать: приветствовать ли его радостными криками или выразить сочувствие. А так как решительного не нашлось, они молчали.

Начал московский князь:

– Сегодня ночью ко мне явился наш митрополит со словами: «Иване, сам господь ведет тебя к неведомой цели по зыбким мосткам случайностей. Иди! Да будет благословен твой путь!»

Он проговорил это глуховатым голосом, ни на кого не глядя, а упершись взглядом в стол. Затем протянул руку к кубку и поднялся. Глядя в него, сказал:

– Прими, Господь, его святую душу! Да вечной будет память о нем.

Поднялась вся гридница и, повторив последние слова князя, осушила кубки.

Пока гости закусывали, Иван Данилович что-то шептал на ухо Осипу Уварову. Выслушав князя, он кивнул и вышел. Когда гости закусили, хозяин поднялся, сказав:

– А сейчас я приглашаю вас проехать со мной.

Многие обрадовались. Сидеть три дня за столом, даже обильным, стало в тягость. Выехав из кремля, они пересекли посад и прямой дорогой стали подниматься вверх. Когда добрались до верхней точки, князь остановил коня и спрыгнул. К нему подскочил Осип и подал топор. Все недоуменно поглядывали на князя. Он пошел в лес. Все потянулись за ним.

Пройдя несколько десятков шагов, князь остановился. Оглядевшись, он подошел к могучей сосне, посмотрел на нее снизу вверх и, поплевав на руки, принялся ее рубить. Он работал без отдыха, пока она, не качнувшись, вдруг со стоном, ломая ветки, повалилась на землю, пугая окружающий люд. Когда сосна упала на землю, князь, воткнув в нее топор, сказал:

– В память нашего митрополита Петра я закладываю здесь монастырь его имени.

Все присутствующие князя, бояре изъявили желание принять в этом участие. Князь московский не возражал. Назад Иван Данилович возвращался с какой-то легкостью на душе, словно он сбросил с себя тяжелую ношу, тяготившую его.

А жизнь диктовала свое. Шло строительство Успенского собора. Скоро понадобятся иконы и колокола. И он едет к иконным мастерам Дионисию и попу Тимофею. Работы идут споро. Много молодых старательных подмастерьев. Кто трет краски, кто готовит дерево под роспись. И в самой мастерской кажется, что здесь витает святость. Не

остается без внимания и Парамша. Ему досталось «ковать золотом иконы».

Князь поехал в Кузнецкую слободу к Бориске. Мастер отменный. Его колокола звенят по всей Руси. При виде князя он откладывает в сторону огромные щипцы, обтирает подолом лицо, размазывая грязь.

– Здоров, князь! – басит он.

Князь треплет мастера дружески по плечу. Иван Данилович выкупил его вместе с семьей у татар.

– Как? – спрашивает князь.

– Зазвонят, князь, не сомневайся! – весело басит мастер.

Князь знает: так и будет.

Но не только церковные дела заботят князя. Задумал он расширить кремль.

Сотни людей копают ров. Другие над ним возводят новые дубовые стены. Он узнает многих мастеров, они тоже были куплены у татар. Есть тут и тверичи, и костромичи, и ярославцы... Бегут люди в Московию от трудного бытия, хотя и здесь нелегко. Но... спокойно, есть работа. Нравится им и строгость князя, потому что везде порядок. Что еще надо!

Так, за делами сердце князя отходило, казалось, от неизбывного горя. Как-то под вечер в дверь постучали. Когда князь ее открыл, перед ним стоял Василий Кочева с загадочным лицом.

– Что случилось? – промолвил князь, пропуская его в комнату, поняв, что тот пришел с какой-то важной вестью.

– Случилось, князь, – промолвил тот и замолчал, очевидно, ожидая, когда князь пригласит его сесть.

Когда уселись, Кочева посмотрел в окно, словно боясь, что его кто-нибудь подслушает, сказал:

– Александр собирается к хану. Хочет просить, чтобы тот забрал своего баскака.

Князь выслушал, поднялся и встал у окна.

Кочева был прав. Князь Александр нервничал. Татарин не давал житья. Мало того, что он выселил его из родных хором, он еще намеревался взять княжество под себя. И Александр решил мчаться в Сарай, упасть в ноги хану и уговорить его, чтобы он отозвал баскака. Но ехать с пустыми руками... Он корил себя, что в погоне за правом на

великое княжение отдал столько добра, что остался гол как сокол. Александр со злобой подумал о московском князе: «Хитер же ты, Иван. Ишь, бережешь деньги. Земли скупаешь, людей переманиваешь».

Кое-что все же собрав, князь решил ехать. Чтобы скорее добраться до Сарая, Александр хотел ехать налегке и не брать в провожатые княгиню. Но, увидев на ее лице слезы, он тут же сдался.

Эта поездка отличалась от весенней. Тогда князь ехал, полный надежды на благополучный исход. У него было настроение если не победителя, то, по крайней мере, не побежденного. Он был внимателен, чуток, отзывчив к жене. Это невольно передавалось и княгине. Сейчас же Александр выглядел усталым, подавленным и безразличным. Чтобы как-то оторвать его от печальных мыслей, она затеяла разговор. Глядя из кареты в окно, княгиня проговорила:

– Посмотри, Александр, а осень уже дает о себе знать.

Муж нехотя повернулся к окну. На его лице появилась брезгливая улыбка. Она оскорбила княгиню. Зная причину его расстройств, Анастасия не выдержала:

– Ты что не учишься у соседа? Смотри: Иван не очень-то бежит за этим титулом. Бережет деньгу, а в ней – сила.

Слова жены взорвали князя:

– Ты че лезешь ко мне в душу со своим Иваном? Может, это он подстроил мне этого монгола, – сказав, он демонстративно отвернулся.

Княгиня не стерпела такого обвинения:

– Это не мой Иван. Это ты с ним хотел задружить, а сам не поехал даже на похороны митрополита.

Она задела его больную струну. Он тогда долго думал, ехать или нет. Узнал, что уехал брат, не уведомив о своем намерении. Это его взбесило. И он решил, что одного от Твери хватит. Потом Александр покаялся за поспешное, нервное решение. Но... момент упущен.

После этой размолвки они не смотрели друг на друга, а молча, каждый в свое окно, взирали на окружающую природу. И если князю она ничего не говорила, то княгине напомнила о ее весенней мимолетной встрече. Хоть ей и стыдно было признаться самой себе, что парень запал в ее душу, но это было так. И чем ближе она подъезжала к тому месту, где они провели ночь, тем сильнее билось ее сердце. А вдруг?.. Как бы она поступила? Тем более, она знала, что

под ее сердцем зародилась новая жизнь. И виновник – тот, молодой, прекрасный разбойник. Да разве можно забыть его открытое, честное и такое независимое лицо. Только такой человек в состоянии принять смелое, волевое решение, оградив ее от бесчестия, а скорее всего, спасший ей жизнь, рискуя своей. «Жив ли он сейчас? Помнит ли обо мне, как я о нем?» – думала Анастасия.

На этот раз они с Александром расставались недалеко от урочища Чур-Михайлов, где кончались Рязанские земли. А дальше – Дикое поле, вотчина каких-то казаков да разбойников, одним из которых был он.

– Ты о чем думаешь? – спросил муж.

– Да думаю, чем бы тебе помочь, – вырвалось у нее. – Вот... возьми! – она сняла с пальца кольцо с большим дорогим камнем.

Это был его подарок ей на свадьбу. Сердце у него вдруг смягчилось. Ей ради него не жаль даже этого кольца, которое она так любила. И все ради него!

– Милая, ты меня прости. Эта поездка, мои думы...

– Я желаю тебе успешного завершения, – прервала она запоздавшее излияние мужа. – Вернувшись к себе, я помолюсь за тебя и попрошу это сделать и епископа. Доброго тебе пути. Береги себя! Знай, – она замялась, потом сказала, – я люблю ... тебя.

– Я тоже, милая. Мне так горько с тобой расставаться!

Он поцеловал ее на прощание, вскочил на коня и хлестнул его плетью. За ним поскакала охрана.

ГЛАВА 17

Это событие Андрей ожидал с внутренним трепетом. Должно оно было проходить на той же поляне, где в хорошую погоду собирались курени, чтобы откусать и выпить, чем бог послал. Беспокойный Андрей притащил Митяя сюда, когда дроворубы только начали рубить дрова, а кашевары готовить закладку.

Андрей волновался не зря. Когда они появились, то увидели, что казаки уже расселись по местам. Принимали по одному, а не скопом. Чтобы соблюсти порядок очередности, тянут жребий. Дьяк нарежает бумагу по количеству принимаемых. В каждой рисует «палку» от одной до количества участников. Все бумажки сворачивают в трубочки и бросают в казацкую папаху. Каждый вытаскивает номер. Потом дьяк помогает всем выстроиться в очередь. Первый номер достался припоздавшему. Наверное, в наказание. Дьяк кивает атаману:

– Можно начинать.

Еремей приглашает одного из присутствующих казаков. Тот выходит на круг с двумя саблями. Новичок должен показать умение владеть оружием. Атаман просит друзек-казак:

– Кто желает померяться?

Нехотя поднимается казак средних лет. Сразу видно – бывалый. Усы висят ниже челюстей. На загорелом лице боевые шрамы. Глаза зорки, плечи широки. Сабля в руках такого дяди как перышко.

Андрей выше его ростом, жилист. Сразу видно, парню силенок не занимать. А вот опыта... Настороженно смотрит Курбат, болеет за своего подопечного. Казак подает им сабли. Тот, кто будет испытывать Андрея, вялым, неторопливым движением принимает ее, критически осматривает и вдруг... сабля блеснула в его руках. То, как среагировал Андрей, было чудом. Такого ответа от новичка не ожидал бывалый рубака. Андрей попер на него с такой свирепостью, что тот вынужден был отступить. А тут под ноги попади треклятая поленница, оброненная каким-то неряшливым дроворубом. Казак споткнулся о нее, не удержался и упал. Андрей приставил саблю к его горлу. Казак глянул на решительное лицо парня и... попросил, под хохот казаков, пощады.

Первая ступень пройдена. Теперь надо показать умение владеть конем. Не зря Андрей почти месяц пробыл табунщиком. И он показал безукоризненное владение конем под восхищенные крики казаков. Вихрем промчался парень меж казацких рядов, влитый в конский круп. Остановив, он поднял коня на дыбы и помчался обратно. Андрей напугал многих, заставив животное прыгнуть через сидящих казаков.

Смотрел на его гарцевание и Хист. После того позора, когда у него из-под носа похитили красотку, он никак не мог успокоиться и вел настойчивые скрытные поиски. И было из-за чего. Ведь он потерял изрядный куш и стал предметом насмешек. Похоже, даже атаман после такого случая в нем окончательно разуверился. Хист не знал, что тот затаил на него в душе если не злобу, то нелюбовь, это точно. Ведь его поступок мог привести к страшному побоищу, да и казаки добытым делятся, а не торгуют.

И тут догадка осенила Хиста: «Да это он. Его посадка! Сидит не по центру, левит. Такой же полусогнутый, один локоть прижат! Он! Вот гаденьш! Я ему жизнь спас, а он отблагодарил. Ладно, ты у меня еще попляшешь, казак!»

Атаман посмотрел на всадника. И он уже хотел было сказать: «Как, друзеки-казаки, принимаем?», как поднялся один из казаков:

– Хочу каши его поесть!

Казацкое предложение было дружно поддержано.

Для Андрея дело знакомое. Пока три или четыре человека проходили испытание, каша была готова. Андрей позвал:

– Казаки, каша готова, пошли есть.

Но ни один не поднимается. «Это че? – думает он, – просили, а не идут?» Позвал еще раз. И опять словно не слышат. Взяло тут Андрея за живое. Он им кричит:

– Не хотите, черт с вами! Сам буду есть!

Загудело тут казачество:

– Это наш! Это наш!

Атаман расправил усы:

– Если все спрашивать, так пусть скажет главную казацкую заповедь.

И он пальцем подозвал Андрея. Тот подошел:

– Веруешь ли в Бога?

– Верую.

– И в Богородицу веруешь?

– И в Богородицу верую.

– А ну перекрестись!

Андрей крестится.

– Ну, ступай, казак, выбирай себе курень!

Казак криками поддержали атамана.

И Андрей стал полноправным жителем казацкой слободы, получив право на казацкую одежду, которую ему тут же вручил дьяк: широкие шаровары на учкуре, бешмет до колен, суконный чекмень, меховую шапку с клиновым тумаком да чеботы.

– Скидай свои лохуны, – сказал дьяк, – да будь истым казаком.

А с обеда казаки загуляли. Удачный поход надо обмыть. С радости. А неудачный? Тоже. Только с горя. Асаф потирает руки. Наконец-то его кабачок ожил! В один из таких загульных дней к скучавшему за столиком Еремею, только не атаману, пропившему все, кроме шаровар, подсел Хист.

– Что, Еремушка, выпить охота? – спросил он, подзывая кабатчика.

Казак тоскующими глазами и с пересохшим ртом недоверчиво поглядел на Хиста.

– А, это ты, – он усмехнулся, поведя широченными плечами, – ловко у ты тогдаты бабу увели. Ха! Ха!

– Это не у меня, а у ты, – Хист заискивающе улыбнулся.

Подошел кабатчик и вопросительно посмотрел на Хиста. Ерему он знал и знал другое – тот пропился в доску.

– Медовухи, браги? – спросил кабатчик.

Хист посмотрел на Еремею. Тот, блаженно улыбаясь, торопливо сказал:

– Браги, браги.

– Две, – и Хист кивнул на Ерему.

– Закуски? – допытывался служака.

Хист опять посмотрел на Ерему. Тот кивнул.

– Неси!

Первый штоф Ерема выпил, не отрываясь.

– Ухх! – вырвалось у него. – Хорошо, – глядя грудь, произнес он, выбирая глазами, какой кусок мяса взять.

Хист пил маленькими глотками, не торопясь, тщательно что-то обдумывая. Настроение у Еремы поднялось.

Хист пододвинул к нему вторую братину. Потом, хитро прищурился, спросил:

– Хошь отомстить тому? – Хист поднял свою недопитую братину и призвал сделать то же Ерему.

Тот охотно согласился. Отглотнув браги, Ерема посмотрел на Хиста.

– А ты его знашь?

Тот кивнул. Ерема о чем-то задумался.

– Что, боисся? – подковырнул Хист.

– Я? Да ты знаешь, кто я? – он ударил кулачищем себя в грудь. – Ты покажи мне этого гнуса, да я его...

– Ладно, ладно, – стал успокаивать его Хист.

Потом, заметив служку, крикнул:

– Еще браги!

Ерема поощрительно улыбнулся:

– Настоящий друзек! – и ударил того по плечу.

Хист был крепок, но еле выдержал его дружеское рукоприкладство. Служка принес новые братины.

– Эй, – Хист схватил его за руку, – скажи своему хозяину, чтобы подошел к нам.

Вскоре Асаф явился. Хист вытащил из-за пояса кису, открыл ее, взял две тини и положил перед Асафом.

– Прикажи принести его, – он кивнул на Ерему, – гунью.

Ерема растаял, как снег на огне. И бросился к нему целоваться, приговаривая:

– Ты – настоящий друзек!

Брага свалила их на середине площади. Проснулись они на следующий день, когда солнце поднялось на самый верх.

Ерема открыл один глаз, потом второй. Над ним висело голубое, чистое небо да яркое солнце, заставив его зажмуриться. Поводив руками вокруг себя, он нащупал только жесткую травушку.

Казак поднялся и увидел, что его соседом по ночлегу был Хист.

– Хист! – воскликнул он.

– Ты настоящий друзек! Айда к Асафу.

Обнявшись, они пошли не совсем твердыми шагами в направлении Асафова заведения.

Тем временем атаман с есаулами тревожно смотрели в степь.

– Сухо, ой сухо! – сказал атаман, поглядывая на Курбата.

– Сухо, – подтвердил и тот, – болото надоть проверить, – добавил он.

Атаман понял намек старого казака. Повысохшие болота уже не спасали их. Осторожно, кивнув есаулам и пожав на прощание плечо Курбата, атаман с помощниками покинул поляну.

Семен повел их на болото. Опасения Курбата подтвердились. Почти везде по нему можно было спокойно проехать. Атаман приказал есаулам усилить бекеты.

Он позаботился не зря. Через несколько дней на отдаленном кургане вспыхнул тревожный огонек. Он оказался не одинок. По сегменту, один за другим, вспыхивали костры, объявляя о грозной опасности.

Вскоре загудел церковный колокол и ударил набат. Атаман плохо спал последние ночи в предчувствии чего-то страшного. Первый же удар колокола поднял его на ноги. У хорошего казака все под рукой. Он готов в любой момент к бою. Еще ноги не коснулись пола, а шаровары уже на них. Тут не до сапог. Сгодятся и чевяки. На плечи – бешмет, на голову – папаху. В одной руке сабля, в другой – чекан. И он мчится на майдан.

Пока атаман один. Луна, круглая, как блюдо, освещала майдан, по которому скользили людские тени. И вот уже вокруг атамана Курбат, Зосим, другие старые казаки. У каждого вопрос: что случилось? Но кто ответит? Разве колокол, продолжавший тревожно гудеть! Подбегают есаулы. Казаков же пока почти нет. Атаман начинает нервничать, отправляет есаулов по своим куреням. Наконец майдан заполняется. Ждут первых сигнальщиков. Хотя всем и без того ясно.

Вот слышится конский топот, и на майдан врывается всадник.

– Татары! – завопил он.

Эта весть никого не удивила, все догадывались и без него. Никто не спрашивал: много ли их. Все знают, что помалу они не ходят. Знают и другое: это – вой на вой.

Теперь слово за атаманом, где он решит встретить зальяна: скрыться за надолбой или выйти навстречу. Многие желали выйти в чистое поле. Атаман приказал выкатывать все имеющиеся повозки, кошевы, рубить лес. И все пришло в движение. Еще не успело наступить утро, как первая линия обороны была готова. За ней уже стояли лучники, готовые к бою.

На горизонте показалась черная, зловещая полоса. Она росла на глазах, превращаясь в коней и людей, которые, безумно крича, мчались на них. Эта, казалось, весьма ненадежная защита в виде повозок затормозила их атаку. Кони, ломая ноги, валились наземь, мешая атакующим. Стрелки же их успешно обстреливали. Но задние напирали и напирали. Кое-где получились разрывы от сдвинутых повозок. Закипела рубка.

Ерема с Андреем бились почти рядом. Ерема, держа в руках увесистую дубинку с набалдашником, одним ударом сбивал по несколько человек. Нещадно рубился и Андрей. Татары изменили тактику. Теперь они старались ввязаться в рукопашную, спрыгивая с коней. Андрей увидел, как какой-то татарин прыгнул на спину Еремы и старался схватить его за горло. Нож, брошенный Андреем, попал татарину в спину, и он, разжав руки, сполз на землю.

Ничего не добившись, татары откатились назад. Но все знали, что они вернуться. Не для того они пришли сюда, чтобы при первых трудностях отступить.

– Эх, степу бы поджечь, – вздохнул кто-то.

Другой возразил:

– Ветрило не то. Задохнемся.

Да, ветер был восточный и дул прямо на них.

О том, что началась новая атака, они почувствовали по тому гулу, который доносился до них. Задрожала земля. Все поняли: идут главные силы.

– Друзеки! Постоим за веру нашу Христову! – раздался зычный голос атамана.

– Постоим, батька! – был дружный ответ.

И сеча началась. Казаки стояли насмерть. Сдвинуть их было невозможно. Тогда татары решили взять их в клещи. Отступить в город? Но разве там отсидишься, если у них такая силища. Эх, прощай жизнь, принимай, Господи, души грешные.

Но Господь подал им помощь. Вернулся к ним багмут. Но кто заметит это в пылу битвы? Заметили. Андрей видел несущегося на него копыеносца. Кажется, еще мгновение – и его копьё пронзит казака. Но он увернулся и успел схватить копьё. Да так дернуть, что изо всех сил сжимавший оружие татарин вылетел из седла. Мгновение – и казак на его лошади.

– Куда он ее настегивает? Неуж отпадчик? – промелькнуло в голове Еремы после очередного удара его булавы.

А татарин жмет! Ох жмет! Задрожали казацкие ряды. Вот-вот могут побежать. А тогда – смерть. «Господи, услышь! Спаси!» – говорят казацкие глаза. И все же по шажочку, но сдвигаются казаки. Вот отступил и Ерема. За ним и Марко. Атамана обкладывают со всех сторон.

– Но уж нет! Мы своего атамана не отдадим. Казаки, атаман в беде! – кричит кто-то.

Двинуло казачество. Да так, что задрожал противник. Спасли атамана. Но надолго ли? Кто-то посылает все новые и новые силы. Нет, видать, глухо небо к их молитвам.

И вдруг: что такое? Ослабеваает напор. Татар словно подменили. Почему-то они разворачивают коней и устремляются на юг. А! Их догоняет пламя! Кто-то поджег степь! Огонь забушевал с невидимой силой. Ветер рвет пламя на куски, которые, перелетая через татарские головы, зажигают траву впереди их. Вот уже в безумии носятся по степи пылающие факелы. Огонь пляшет везде. И спереди, и сзади, с боков. Никуда от него не деться. Ну как не отблагодарить Царицу Небесную за ее бесценный подарок – преподнесенную на его пути спасительную музгу? Андрей прямо с коня прыгает в воду. А чуть дальше промчавшаяся лошадь вспыхивает от взметнувшегося пламени.

Огонь жег недавно могучую военную силу. Казаки были спасены. Но, чтобы самим не поджариться, им надо было скорее спрятаться за городские стены. Ров, окружавший стены, был спасителем. Огонь попытался было перебраться и через него, но ударился о стену и тут же гас или, перелетев, тушился поджидавшими его казаками.

Когда огненный ураган пронесся, казаки стали думать, кто же умудрился поджечь степь. Как-то неуверенно обмолвился Ерема:

– Да, я видел, как... етот ну, да с кем я...

– А, – догадался кто-то, – Андрей.

– А я подумал, чо он... отпадчик, – добавляет Ерема.

Долго казаки рядили, кто он – отпадчик или доблестный воитель. Ни до чего не договорившись, решили оставить дело до следующего дня. Но оставлять до следующего дня разбор не пришлось. Вскоре как ни в чем не бывало появился Андрей, весь в тине, с одежды сбегала вода. Он спокойно, под пристальными взглядами молчавших казаков прошел на свое место. Увидев, что казаки о чем-то шепчутся, поглядывая на него, он спросил у Митяя:

– Че они так?

Но Митяй замялся. Говорить, что его подозревают в измене, он не хотел.

Атаман, понявший по виду парня, что с ним случилось, поднялся и подошел к Андрею.

– Ты поджег? – спросил он у парня.

– Я, – обыденно ответил тот.

Атаман вдруг крепко его обнял и чмокнул в щеку. Казаки поднялись.

– Слава тебе! – гаркнули они.

Многих не досчиталась казацкая вольница. Сначала шепотом, потом все громче и громче стало раздаваться:

– Атамана – под суд!

А обвинение казаки ему предъявили такое: ты отпустил с миром татарского царевича, а он в отместку послал войско. И сколько из-за этого погибло доброго казачества. На удивление, эта мовь приобрела силу. Кто-то же ее подбросил и продолжал раздувать, как затухающий костер. В один из дней в курень атамана ввалилось несколько казаков, многие остались на улице. Старшим выступил Хист, сказав:

– Атаман, меня казачество выбрало, чтобы сказать тебе: ты обвиняешься в том, что погубил много доблестных казаков, отпустив с миром татарского царевича. Это он послал в отместку воинов. Возьмите, казаки, его и проводите в яму. Скоро будет честной суд!

С Хистом был и отец Митяя, который все рассказал сыну. А тот – Андрею.

– Пойдем, – махнул ему рукой Андрей и решительно направился к двери.

Он с трудом разыскал Курбата, который был в гостях у Зосима. Услышав от Андрея о случившемся, старые казаки задумались. Обвинение было весьма серьезным. Реальная угроза нависла над атаманом. Андрею жалко было атамана. Вроде был он неплохим человеком. И вот тебе раз... И он корил себя, что притащил сюда этого царевича.

А майдан уже гудел:

– Суд! Суд!

Как подчас судьба играет человеком! Только что был атаманом, а сейчас может и головы лишиться. Андрею очень хотелось ему помочь, но он не знал, как это сделать. Он уж думал выкрасть его, как тогда ту женщину. Но яму охраняло несколько казаков. А на майдане, куда его поведут, это не получится. От беспомощности он кусал губы. И вот настал день суда. Майдан загудел:

– Ведут, ведут!

Да, вели атамана. Руки сзади связаны, четыре казака с саблями охраняют его. Робко тащатся сзади есаулы, не зная, что делать. По их виду можно понять, что примут любое решение. Внезапно толпа пришла в движение. Это появился Хист в окружении казаков. Хист среди них выглядел таким самоуверенным молодцом. Бодрый, энергичный. Он коротко объяснил суть дела. Казаки загудели. Из этого гула можно было понять одно: жизнь атамана на волоске.

– Тише! – воскликнул Хист, подняв руки. – Кто желает говорить?

– А что говорить! Смерть ему! – орут казаки.

Андрей прислушался: может, кто-то скажет в защиту атамана. Тут же много старых казаков. А где Курбат? Зосим? Не хотят руки марать. Вот те на!

– Голосуем? – Хист огляделся вокруг.

– Голосуем! Смерть!

– Подождите, – раздалось над майданом.

На круг вышел Андрей, их спаситель. Казаки приумолкли.

– Друзеки! – начал он.

От волнения дрожит голос, потому что еще никогда не говорил перед таким количеством народа.

– Тут виновен не один атаман. В первую очередь виновен я! – он ударил себя в грудь. – Это я притащил царевича сюда. Вы и меня судите!

И он встал рядом с атаманом. Майдан опешил. Что же делать? Он же их спаситель! Хист, чувствуя, что обстановка уходит из-под его контроля, проговорил:

– Оставим этого абрека обдумать свои слова, а вернемся к тому, кто погубил столько казацких душ!

И опять пошел гул. Хист уловил, что его поддерживают. Надо закрепить это дело!

– Друзеки мои! Ваше главное слово!

– Подождите! – опять пронеслось над майданом.

На середину майдана вышли Курбат, Зосим и с ними какой-то татарин.

– Казаки! – изо всех сил прокричал Курбат, – вот вы обвиняете атамана, что он отпустил царевича, и тот, мол, отомстил, послав воинов.

– Да! – понеслось над майданом.

– Из какой Орды был Чанибек?

– Из Золотой, – почти хором ответило казачество.

– Вот перед вами, – Курбат ткнул в татарина пальцем, – тысяцкий татарского войска. Огонь загнал его к нам.

Раздались смешки. Курбат продолжал:

– Спросите его, кто напал.

– Ерема! Ерема! Спроси! – понеслось по рядам.

Тот вышел, поклонился народу, вразвалку подошел к татарину и задал ему этот вопрос. Тот что-то ответил. То ли Еремей не понял, то ли сделал это нарочно, но он заставил пленника еще раз повторить. И все поняли: на них напал ногайский хан. Казаки неплохо знали внутреннюю жизнь этих ханств. Те ненавидели друг друга, и каждый хан делал все, чтобы навредить другому. Казаки словно выбросили из себя невесть откуда взявшуюся жажду незаслуженной мести безвинному человеку. Вздох облегчения прокатился по их рядам. Кто-то крикнул:

– Слава атаману!

Майдан подхватил:

– Слава!

Хист и тут попытался вывернуться. Зло посмотрев на Андрея, он с виноватой миной обратился к атаману:

– Прости, атаман. Не хотел. Казаки заставили.

Атаман отвернулся от него, ничего не сказав.

ГЛАВА 18

Подошла очередь идти на бекет Андрею и Митяю. Чтобы не было обидно, казаки тянули жребий, кому на какой бекет идти. Митяй вытащил самый восточный курган, где располагался передовой бекет. Сторожить там было весьма опасно. Если татары шли в набег, то их пластуны всегда в первую очередь стремились вырезать этих бекетчиков. Да и уходить им в подобных случаях было трудно.

Ерема, тоже тянувший жребий, узнав, какая доля выпала Андрею и Митяю, подмигнул им, сказав:

– Ничего, казаки, не вешайте носа: бог не выдаст, свинья не съест.

Казаки рассмеялись и, расходясь, говорили дружелюбно:

– Приспичит, нас молите. В беде не оставим.

Их есаул посоветовал взять еще кого-нибудь. Андрей предложил Захару ехать с ними, и тот согласился.

Взяв, по совету бывалых казаков, запасных лошадей и побольше продуктов, на зорьке они двинулись в путь. Митяй всю дорогу ворчал по поводу пса, который подвел их в такой трудный момент. Вдруг лошади повели себя беспокойно.

– Уж не серые ли овчары? – высказал опасение Митяй.

– Кто его знает, – ответил Андрей, приглатывая на всякий случай саблю.

Но оружие не понадобилось. Огромная лохматая псина прыгнула на Андрея с такой силой, что едва не выбила его из седла.

– Ну, ты!.. – ругнулся на нее Андрей, пряча саблю в ножны. – Мог и порубать.

– Ишь, – восхитился Митяй, – нашелся-таки! Псина, а чует!

К обеду следующего дня они были на месте. Кто-то сбросил вышку с кургана, но, к счастью, она осталась целой. Парни втащили ее наверх и установили на место. Обычно на бекетах ставили столбы, а тут кто-то не поленился соорудить целую вышку. Наверное, лазить не любил.

Бекетство началось. Каких-либо следов пребывания здесь казаков не обнаружили. Надо было заново обустроиваться. Но прежде всего необходимо было отыскать копань. Казаки умело скрывали копань от

противника и всегда рассказывали сменщикам, где она находится. Но последнее кровавое событие выбило казаков из отлаженной колеи. А в густой пожухлой траве это сделать не просто. И сколько они ни искали, найти не могли. А без воды им здесь долго не продержаться. Уже по коням чувствовалось, что им требуется водопой.

– Что делать будем? – тревожно спросил Митяй.

– Да... – неопределенно протянул Андрей, почесывая затылок.

– Может, на той стороне поискать? – Захар показал на северную сторону.

– Давай, ты, – он поглядел на Захара, – иди туда, я пойду на западную сторону, а ты, Митяй, – на восточную.

Но сколько они ни ходили – все было бесполезно. Время обеда давно прошло, а у них во рту не было и макового зернышка. Андрей почувствовал, что его желудок стал «присыхать» к позвоночнику.

– Эй! – крикнул он, – ясти хотите?

Парни только и ждали такого зова.

– Тогда пошли собирать будылью, – предложил Андрей.

Они это быстро сделали, так как таволги тут было предостаточно. Митяй хотел багатицу развести на кургане, но Андрей сказал, что знает место, где казаки его разводили. Оно было на восточной стороне, шагах в тридцати от кургана. Там же оказался и такан.

– Я тута был, а не видел, – почесывая голову, сказал Митяй.

– А я его заметил, когда сюда подъезжали, – похвастался Андрей, доставая мусат.

Они быстро сообразили саламату. Есть стали на кургане. Андрей из чувала достал миску и налил варево Дружбану.

– Ты не заслужил, – глядя на пса, сказал Митяй.

– Еще заслужит, – заступился Захар и подмигнул псу.

Пес, вылизав свою порцию, подошел к хозяину, видать, попросить еще еды. Но ему ничего не дали, и он побежал с кургана. Андрей от нечего делать – степь везде одинаково скучна – стал смотреть за псом, который скрылся в траве, и его ход можно было наблюдать только по верхушкам колебавшихся трав. Вскоре все замерло. Андрею показалось, что там трава была позеленее. Он, не сказав ни слова, пошел по следу собаки. Какова же была его радость, когда там он обнаружил копань, которую они так тщетно искали.

Он крикнул ребятам, и те стремглав примчались к нему. От радости они пустились в пляс. Когда немного успокоились, Андрей предложил поискать и колоду для пойки лошадей. Нашли и ее. Вода в копане стояла на одном уровне, сколько ее ни черпай. Но и выше она не поднималась.

На нижние перекладыны вышки они повесили чувалы с продовольствием. Митяй, глядя на них и поглаживая начавшие отрастать усы, проговорил довольным голосом:

– Еды нам хватит.

– Это смотря сколько будем жить здесь, – проговорил Захар, отыскивая на земле, чем бы швырнуть в скопца, который примостился на самой макушке вышки.

– Начаемся, что сменяют вовремя, – сказал Митяй и покосился на Андрея.

Тот лежал на теплушке, глядя в небо, где курганник, распластав могучие крылья, парил меж кучевых облаков.

– Глянь-ка, – проговорил Андрей, – только небо было чисто, а тут на тебе... облака. Как бы мари не нагнало и не задождило. Казаки, надо халабуту поставить.

Все промолчали. Андрей поднялся и пошел искать дрям. Тем не оставалось ничего другого, как присоединиться к нему. Быстро выросла куча. Теперь надо определить, где ставить. Митяй с Захаром предложили южный окан, подкрепив свое предложение словами, что там больше солнца.

– Нет, казаки, – Андрей неожиданно стал так называть парней, – то будет на виду.

Они поняли правильность слов Андрея, переглянулись и, взяв по охапке дряма, направились к таволге.

Место было почти непролазным, и, сделав узкий, почти незаметный проход, поставили халабуту в середине, вырубив для этого несколько кустов. Обойдя со всех сторон таволгу, они убедились, что сооружение заметить невозможно. Перетащив туда часть своего добра, Андрей установил очередность на дежурство. Себе взял самое трудное предрассветное время. Насыпав лошадям в торбы овса, они решили их стреножить и далеко не отпускать. А сторожить оставили Дружбана. Никого не надо было наставлять, чтобы на бекете не спали. Все хорошо помнили, чем это может кончиться. Захар спустился зачем-то с

кургана, не сказав никому ни слова. Он быстро вернулся и начал что-то ладить с теплушкой. К вечеру значительно похолодало.

– Захар, ты че там делаешь? – полюбопытствовал Митяй, видя, как тот что-то примерял к теплушке, склоняя голову в разные стороны.

– Колючки ставлю, – пояснил тот.

Митяй удивился и не поленился подняться и подойти к нему. Захар пояснил:

– Если вдруг задремлю и голова упадет на грудь, а там колючка.

Митяй позвал Андрея показать ему придуманную Захаром хитрость.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Андрей.

Захар показал и ему действие колючек.

– Значит, если назад или в бок – везде колючки? Здорово.

Андрей, положив рядом сагайдак, лук и саблю, растянулся на теплушке, прикрывшись шкурой. Рядом прилег и Митяй. Захар посмотрел на верх вышки.

– А поджигать-то нечего, – и ударил себя по лбу.

Он надрал сухой травы, связал ее в сноп и, завернув в дерюжку, поднял наверх.

А тем временем солнце закатилось за горизонт. Восток уже виделся черной дырой, больше полнеба охватило марево. Чтобы нечаянно не заснуть, Захар взял колючку еще и в руку. Он впервые был в бекете, понимал всю ответственность и гордился, что ему, такому молодому, казаки оказали доверие, и не спускал своих зорких глаз со степного покрова. Плывшие по небу облака часто закрывали луну, и он, напрягая зрение, старался не упустить ничего подозрительного в надвигавшейся темноте. И не заметил, как подошла ночь. Но все шло спокойно.

Так незаметно пробежало его время. Настал черед Митяя. Позевывая, ежась от прохлады, он потер себе уши, завистливо посмотрел на Захара, укладывавшегося на боковую, набросил на плечи теплушку, взял саблю, засунул ее за пояс и, воспользовавшись луной, сбегал за колючками.

– Так надежней, – произнес он, обходя курган.

Уверившись, что кругом все спокойно, он прислонился плечом к одной из ножек вышки и стал слушать. Было тихо. Только беспокойный кузнечик иногда нарушал тишину. Митяя постепенно

одолевал сон. Незаметно сомкнулись веки, и голова упала на грудь. Но что это? Сильная боль прожгла тело. Парень вздрогнул.

– Тьфу! – чертыхнулся он, поняв, что с ним случилось. – Нет, надо ходить. А Захар молодец!

Митяй часто посматривал на луну. Когда она окажется над «бурлаком» – так они обозначили одинокий куст – тогда придет Андреев черед.

И вот луна над «бурлаком».

– Наконец-то! – с облегчением вздохнул парень и со спокойной совестью пошел будить Андрея.

Но не успел он подойти, как тот вскочил.

– Ты не спал, что ли? – спросил Митяй.

Андрей не стал притворяться.

– Не спал, – признался он.

– Ааа! Все спокойно, – заваливаясь на боковую, сказал Митяй.

Потерев руками тело, Андрей нацепил саблю. Сагайдак и лук поставил у триноги, а сам пошел по кругу, старательно впиваясь в темноту глазами. Он долго, не спеша ходил. Совершив очередной круг, он, к своему удивлению, заметил, что на востоке будто кто-то добавил белил в загустевшую темноту. А затем вдруг блеснула золотистая полоска. Начался рассвет. Андрей присел и стал любоваться этой чудесной картиной – зарождением нового дня. День постепенно приближался. И чем ближе он подходил, тем шире был его шаг. О господи! Как это прекрасно – видеть зарождение нового дня!

День входил в свои права, солнце ушло далеко на запад, туда, где Андрей нашел свой второй дом. Невольно подумалось: «Что там сейчас?»

А туда прибыл рязанский боярин Степан Юрьевич Василев, сын знаменитого окольничего Великого князя Олега Ивановича, с грамотой от Ивана Ярославича. В ней князь просил заключить с ним взаимное соглашение, по которому донцы взяли бы на себя обязательство по охране его южных границ. А он обязался за это выплачивать пятьсот рублей серебром. Помимо этого поставлять пятьдесят возов муки, семьсот локтей дерюжки и двести локтей аксамита.

Семен Еремеев был мужиком обстоятельным, хорошим; удачливым воином. Но не знал, выгодно или нет для казаков это

предложение. А посоветоваться было не с кем. Не было таких у него людей: все в основном от сохи или разбоя. Частенько помощь ему оказывал пронский священник Порфирий, но что-то давненько он не навещивался. Все грозился прислать сюда постоянного человека. Да, видать, желающего не нашел.

Крутит, вертит в руках он княжескую грамоту, а что ответить – не знает. Боится прогадать. Но и упускать такое дело не хочется. Заманчиво выглядит. Взялся за усы, но не помогают и они. Начал кряхтеть, а потом ляпнул:

– Скажи, боярин, как твой князь дозрел до этого? – он потряс грамотой.

Боярин, мужик с брюшком, одет в черный бархатный кафтан, такие же порты, на ногах чупаки, чем-то напомнил атаману бабака. Степан Юрьевич засопел, провел рукой по усам. Прокашлившись, рассказал:

– Знакомый тебе купес Микита Бурок?

– Знаю, – вставил атаман.

– Так вот, он ехал к тебе, вез муку. Ну, говорит, подъехал, а у тебя ногайцы.

Атаман хитро прищурился:

– А откель он узнал, что ногайцы?

Боярин пожал плечами:

– Может, кого узнал. Он часто там бывал.

Атаман больше не стал спрашивать.

– Он вернулся и скорее к князю, – продолжал боярин, – тот посчитал, что хан шел на него, а вы... спасли. Вот он и решил меня быстрее к вам послать.

– Хорошо, боярин, – атаман ударил себя по ногам и поднялся, – мы тут помозгуем. Я пришлю к вам свойво казака. Скажу одно, для нас это антиресно, а сейчас хочу заберець дорогого гостя.

Атаман так его заберег, что четверо казаков еле донесли гостя до атаманова куреня. Тот как убитый проспал остаток ночи, целый день. Вечером, опорожнив полуведерный кубок браги, снова упал в спячку. И только на другой день, несмотря на уговоры остаться, наотрез отказался и засобирался домой. На прощанье атаман подарил ему волчью шубу, а для жены – роскошную жарьолку, чему боярин был

несказанно рад. Уже сев в колу, боярин полушутя погрозил атаману пальцем, проговорив:

– Смотри, не забудь нашего договору, пришли казака.

– Пришлю. Обязательно! – ответил атаман, махая на прощание рукой.

А Андрей и его друзья продолжали нести угоду. Не прошла она и без недоразумения. Как-то Захар, готовясь уже будить Митяя, вдруг услышал конский топот. Он, как учил есаул, брык на землю и стал всматриваться. Но темень непроглядная, что делать? А конский топот все ближе и ближе. Ждать некогда! Он метнулся к вышке и как кошка взобрался наверх. Несколько торопливых ударов мусатом – и к труту приставлен клочок сухой травы. Он вспыхнул, а за ним и сноп. У Захара отлегло от сердца. Успел! Надо спасти друзеков. Он кубарем скатился вниз и бросился трясти парней со словами:

– Татары! Татары!

Те соскочили, спросонья не зная, что делать. Одно понятно – наверху полыхает пламя! Беда! Остатки сна вылетели из головы.

– За мной! – скомандовал Андрей.

И они, похватав оружие, во все лопатки побежали прочь. По наказу есаула они должны были разбежаться в разные стороны и надежно спрятаться. Но этот наказ вылетел из головы, и они вместе устремились подальше от кургана. Отбежав приличное расстояние, остановились перевести дух. Прислушались. Все было тихо. Переглянулись меж собой. Потом Андрей сказал:

– Побудьте здесь.

– И мы с тобой! – в один голос произнесли те.

Андрей спорить не стал, и они, крадучись, возвращались назад.

На вышке багач, почти прогорев, погас. Ползком, подобравшись к кургану, они замерли, стараясь уловить любой звук. Но было тихо.

– А где же Дружбан? – осторожно спросил Митяй, – пошто он не лает?

Андрей свистнул. Тихо. Он еще раз свистнул, только погромче. Его слышали, ответив лаем. Вскоре примчался и пес.

– Тьфу, – чертыхнулся Андрей, поднимаясь с земли, – где же татары? – он посмотрел на Захара.

Тот ответил извиняющимся голосом:

- Я же слышал.
- Что ты слышал? – спросил Андрей.
- Конский топот.
- Пошли к лошадям! – о чем-то догадываясь, сказал Митяй.

Когда они подошли к ним, то ахнули. Рядом пасся косяк каких-то лошадей.

- Господи! – всплеснул руками Митяй, – да это ж тарпаны!

Они посмотрели друг на друга, как бы спрашивая: «Что же делать?»

А сигнал уже давно добежал до коша. Казаки готовились к бою. Ждали до утра. Никого. Терпение их покидало.

- Атаман, – слышались голоса, – чего ждем? И где басурмане?

Атаман и сам не знал, что случилось. «А, може, нехрист где притаился?»

- Эй! – крикнул он, – Хиста ко мне!

Хист тут как тут. Он словно ждал, что его позовут. С какой-то внутренней жадностью он спросил:

- Что надо, атаман?

Атаман пошевелил усами:

- Трошки поищи их.

- Понял, атаман.

И раздался конский топот. Хист долго не возвращался. Многие думали, что он попал в лапы вражины. Кое-кто неодобрительно посматривал на атамана: «Мол, так решил с ним рассчитаться за старое. Не дело это, не дело!» Но этим страстям разгореться не удалось. Хист, когда его уже не ожидали, вернулся на взмыленном коне.

– Атаман! – он подскакал к нему, – Никого нет! Кто-то зазря поднял сполох.

Он спрыгнул с коня, хлестнул его плетью, чтобы тот ускакал прочь.

Казаки окружили атамана, требуя послать казаков на разбор.

– Быть по-вашему! – сказал атаман и подозвал есаула. – Петро, ты и он, – атаман показал рукоятью плети на Хиста, – езжайте на разбор.

Есаул взял еще пару казаков, и они поскакали на восток.

Первый от коша бекет. Есаул подзывает старшего:

- Пошто сигналил?

– Оттель, – тот кивает на восток, – получил.

Есаул мчится дальше. К ночи они добрались до пограничного бекета. Там никаких гостей не ждали. Андрей с Митяем укладывались на боковую. Прибежал Захар.

– Опять скачут, – завопил он, показывая в родную сторонушку.

Андрей приподнялся. Он услышал приближающийся конский топот.

– Кого это несет? – проговорил он, тормоша Митяя. – Давай вставай! Гости! – с ехидством промолвил Андрей, поднимая с земли теплушку.

Ждали недолго. И на кургане нарисовался есаул и его люди. Они попрыгали с коней и привязали их к вышке.

– Здравы бывайте! – промолвил есаул и хлестнул плетью по своему сапогу.

Тон, которым произнес он эти слова, сразу показал парням, что его приезд ничего хорошего не сулит.

– Пошто сполох подняли? – спросил он, остановившись напротив Андрея, и опять стегнул себя по сапогу.

– Да его стегать надоть! – воскликнул Хист, поднимая плеть.

Но он не успел этого сделать. Подошедший Митяй успел перехватить его руку. Он так ее сжал, что у того разомкнулись пальцы, и витень выпал из рук.

– Только попробуй! – грозно произнес Митяй и с силой опустил его руку.

Тут же подскочил и Захар, положив руку на эфес сабли.

– Это я поджег, – с вызовом сказал он и встал перед есаулом.

Петру все ясно: «Они друг друга не выдадут и так просто в руки не дадутся. А если попытаться что-то сделать силой, то Андрей один так намолотит, что только держись. Да и волочь виновных на кош мне никто не говорил. Разобраться – вот наказ атамана. Это Хист спротив пошел. Да и он сам в этом виноват, потому что раньше всегда с молодняком отправлял бывалого казака».

– Ладно, – примирительно произнес есаул, – кажи, как оно случилось?

Захар все рассказал. Есаул выслушал его, посмотрел на Хиста и опять, по привычке, стеганул по сапогу.

– А на этот косяк можно поглядеть? – не без вызова спросил Хист.

– Можно, – Захар повернулся к Хисту, – если он не убер.

Тот с ехидством рассмеялся:

– Убер! Конечно убер! Его тама и не было.

– Был! – вставил слово и Андрей, поглядев не очень любезно на Хиста.

Есаул понял, что может случиться поношение, и решил тут же его предотвратить.

– Пошли узрим! – предложил он.

– Пошли! – поддержал Андрей.

И они тронулись в путь. Когда подошли, то, несмотря на наступившие сумерки, увидели солидный косяк тарпанов. Есаул даже тихонько присвистнул:

– Вот так удача! Будем гнать!

Он хорошо знал, как это делается. Надо только определить жожака и его заарканить. Но вот аркана-то ни у кого не оказалось. Кто думал, что их поджидала такая удача? Есаул решил поутру скакать в кош и вернуться со всем необходимым.

Утром, перед рассветом, как просил есаул, его поднял Андрей. Поежившись от утренней прохлады, разбудил своих. Не поев, они ускакали на кош. Перед расставанием Хист не очень дружелюбно посмотрел на Андрея. Когда вернувшийся есаул все рассказал атаману и казакам, те долго смеялись. А косяк-таки они пригнали к себе, чем окупилась вся тревожная ночь. Кто-то из казаков даже заметил при этом:

– Пуцай жгуть огнища, лишь бы пригнать таки косяки!

А для Андрея и его друзей время бекетства подходило к концу.

Степь за это время сильно пожухла, стала однообразной и неприветливой. Куда делась ее красота, которая так поразила когда-то Андрея? Будылье, которое покрыло землю, даже наводило тоску. Вопреки желанию ему на память часто приходила спасенная незнакомка. Он даже вспомнил о шкурке, которую он ей подарил. «Выкинула, поди!» – с какой-то внутренней жалостью подумал он.

О, если бы он знал, что этот небольшой клочок меха был для нее застывшим мгновением неожиданного счастья. Эта мимолетная встреча с незнакомым юношей теперь занимала в ее сердце особое место. С горечью она признавалась себе, что ее Александр, любовь к

которому заполняла всю ее, оказалась поколебленной. Она не могла понять, отчего это с ней случилось. И где сейчас тот юноша?

– Господи! – ее глаза остановились на образе, – спаси меня и помилуй! Не дай мне, грешнице, творить непослушание слову Божьему, а дай мне силы жить целомудренно, соблюдать ум, не оскверненный нечистыми мыслями. Прости меня и помилуй! – она упала на колени и неистово крестилась. Закончив молебен, княгиня поднялась и, почувствовав охватившую ее слабость, подошла к одру и упала на него. Слезы потекли из ее прекрасных глаз по белоснежным щекам. Она ощутила себя глубоко несчастным человеком. И тут у нее внутри что-то встрепенулось. Глаза мгновенно осушились. И она улыбнулась. «Его», – с нежной лаской подумала она. Перевернувшись на бок, сунула руку под подушку и вытащила небольшую шкурку. Проведя по ней рукой, улыбнулась и спрятала ее под сердцем.

ГЛАВА 19

А в Твери был полный переполох.

Все были охвачены одним: что привез князь, вернувшийся недавно из Орды. По Твери полетело известие, что князь вернулся грознее тучи. Горожане поняли, что хан не поддержал Александра. Старые люди хорошо знали, что за этим следуют грабежи татар, насилие. Куда податься? И они уходили к соседу в Москву, потому что тот князь умел ладить с Ордой.

Первыми пошли бояре. Как-то за полдником Анастасия спросила у мужа, почему стали отъезжать от них бояре.

– Откуда тебе известно? – спросил князь, не очень дружелюбно поглядывая на жену. – Все это Ивановы проделки! – брякнул он кулаком по столу.

– Мне кажется, что вы друзья, – съязвила Анастасия.

– Друзья? – князь поднялся. – Да ты знаешь, что по наущению этого «друга» хан направил ко мне своего соглядатая?

– Откуда мне знать? – княгиня пожала плечами. – Только вспомни, кто после дружеских объятий и клятв принял через несколько дней его зятя. Ты думаешь, Иван не узнал об этом?

– Ах, ты заступница! Уж ты...

Княгиня порывисто встала, глаза ее засверкали гневом.

– Князь, я не позволю!.. – она недоговорила, гордо вскинула голову и вышла из трапезной.

Оставшись один, он задумался. На память пришел последний прием ханом. Тот был высокомерен, без надобности вспыльчив. Узбек как бы хотел показать, что не ко времени его приезд. А раз уж ты приехал с голыми руками, то кому ты здесь нужен. Особенно разозлило князя, когда хан нахваливал Ивана, какой, мол, хороший московский князь. И подать вовремя платит, и слушается его во всем. И это он доказал делами, так и сказал: делами. «Да, – признался себе Александр, – Иван оказался мудрей меня. Он не гонится за великокняжеством, а потихоньку складывает деньги в мешок. Не зря его в народе зовут Калитой. Но я растрясу твою мошну, Иван! – сквозь

зубы проговорил он. – Я вступлю в договор с литовским князем. Кажется, он ищет со мной встречу».

– Эй! Кто там есть? – крикнул он.

Дверь трапезной приоткрылась, и показалась голова отрока с испуганными глазами.

– Иди-ка сюда.

Паренек осторожно подошел.

– Не бойсь, – чему-то рассмеявшись, сказал князь, – я не кусаюсь. Сбегай-ка, дружок, к боярину Захару Кошке, пусть идет ко мне.

Когда появился боярин, князь стоял у окна и смотрел, как разгружались возы с новым урожаем пшеницы и ржи. Полные, увесистые мешки радовали Александра. Он не слышал, как приоткрылась дверь и в трапезную тихо вошел боярин. Захар был худощав. Рыжеватая борода прятала его скуластое, в рябинках, лицо. Колпак надвинут на широкий лоб, из-под густых бровей смотрят умные, внимательные серые глаза. У него был осторожный, скользящий шаг и плавные, быстрые движения, вполне оправдывающие прозвище.

– Князь, – произнес он, – я здесь.

От неожиданности Александр вздрогнул. Чтобы как-то поправить положение, сказал:

– Да вот смотрю новый урожай.

– Говорят, хороший, – проговорил Кошка, пытливо поглядывая на князя.

– Да! – ответил князь, стукнул пальцами пару раз по стеклу и предложил боярину пройти к столу.

Александр сел напротив Захара. Он ничего не говорил, только смотрел на боярина. Тот провел ладонью по столу, точно хотел убедиться, есть ли на нем пыль. Потом спросил:

– Как съездил, князь?

Князь загодя ждал этого вопроса, но решить, говорить ему правду или нет, так и не смог. Он погладил ручку кресла, а потом ответил вопросом на вопрос:

– А как ты думаешь? – Такое странное начало разговора озадачило боярина. Играть в кошки-мышки он не хотел.

– Я думаю, Узбек только пообещал...

Тут боярин немного схитрил. По тому, как вели себя татары – а их набеги не прекращались, – Захару было ясно, что князь ничего не добился. Но, чтобы не затрагивать болезненную для князя тему, он дал такой ответ.

Постучав пальцами по столу, князь поднялся. Он понял, что боярин обо всем догадался, и играть победителя ему не пристало.

– Все плохо, – заговорил он, нервно ходя взад и вперед. – Узбек потребовал увеличения дани в два раза.

– В два раза? – удивился боярин.

– Да. В два раза, – князь остановился, глядя на боярина.

На лице Александра появилась нескрываемая печаль. Боярину жалко стало молодого князя. Да и было за что его пожалеть. Он был не в батюшку, который мог с кого угодно спустить шкуру. Князь был доброжелателен, внимателен к людям. Но вот только чьи-то козни, свирепость хана мешали ему раскрыть свою добродетель. Так считал боярин.

– Не все так плохо, князь, – интригуяще проговорил боярин.

Князь тотчас присел и вопросительно уставился на боярина. Тот расправил усы, почесал бороду.

– Говори, не томи, – не выдержал князь.

Боярин посмотрел на дверь и, приподнявшись, почти лег на стол, чтобы быть ближе к князю и зашептал:

– Когда ты был в отъезде, тайно ко мне приезжал псковский посадник, – боярин еще сильнее вытянулся на столе и прошептал князю на ухо имя того посадника.

– А слышал о нем, – сказал князь.

– Так вот, – боярин опять посмотрел на дверь, – он сказал, что Великий князь литовский Гедимин хочет помочь тебе, Пскову и Новгороду освободиться от влияния московского князя.

Сказав, боярин сполз назад в кресло. Князь задумался. Видя задумчивость князя, боярин спросил:

– Я разве, князь, это не отвечает твоим интересам?

Своим вопросом Захар попал в точку. Еще в ранней юности Александр видел, сколько сил тратил его дед, братья на то, чтобы подорвать могущество московских князей. Но тогда весы колебались то туда, то сюда. Сейчас Москва явно усиливается. Это его пугало. И когда осторожный зятек Иванов тайно прибыл к нему, они долго

обсуждали этот вопрос. Он хорошо помнит, что эта встреча была после приезда Ивана и Елены к нему в Тверь. Узнав, с какой целью сосед тайно прибыл к нему, он попытался было разуверить его, говоря, что Иван Данилович хочет мира и дружбы. Но Василий Давыдович горячо убеждал его не верить тестю.

– Он себе на уме, – говорил про него ярославский князь, – он спит и видит согнуть меня под себя. Хотя на свадьбе обещал мне дружескую, отцовскую помощь. Не верь ему. Он ради своего княжества пойдет на все.

Эти последние слова Василия Давыдовича запали ему в душу. Князь долго молчал. Боярин не тревожил, понимая, что он обдумывает свое решение. Князь тоже, прежде чем заговорить, посмотрел на дверь.

– Мне бы самому встретиться с Гедимином и все обсудить, – произнес он почти шепотом.

– Это было бы хорошо, – в тон ему ответил боярин, – но об этом кто-то должен с ним договориться.

Князь в знак согласия кивнул, а потом сказал:

– Вот ты и езжай, – и улыбнулся.

Чему-то улыбнулся и боярин.

– Ты че? – спросил Александр, наваливаясь на спинку кресла.

– Да, думаю, вот обрадуется мой дружок Васька Коверя, купчина знатный, – ответил боярин.

– Что я такого не слышал? – князь пытливо посмотрел на боярина.

– Да нет, он наш. Бежал от Ивана. Тот ведь, чтобы отличиться перед ханом, с них три шкуры дерет. Вот он и сбег.

Князь рассмеялся:

– Оказывается, не только к Ивану бегут, но и от него тоже.

Потом вдруг как-то подозрительно посмотрел на боярина:

– Ты че, с собой его хочешь взять?

– Нет. Это я с ним поеду!

Князь посмотрел по сторонам, потом спросил:

– А стоит ли? Вдруг он?..

– Нет, – уверенно ответил Захар, – с ним мне удобнее. Боярина Кошку все знают, а подручного купчишку кто?

– Ты, Захар, здорово это придумал. А как он здесь торгует?

Боярин ответил:

– Я же сказал, что купчина знатный. Разворотливый, на лету все ловит.

После лесного разговора Василия Кочева с Иваном Даниловичем боярин подобрал купчину Василия Коверя и, дав ему денег, посоветовал перебраться в Тверь. Мужик сметливый, он понял всю выгоду для своего дела и согласился. Он любил и умел торговать. Не боялся риска, был сметлив, ловок и смел. И больше всех приносил разных сведений Кочеве, с которым нечаянно свела его судьба. Когда князь велел Кочеве следить за тверским князем, жребий пал на Коверю. И он доверие оправдывал. Это он узнал о встрече Александра с зятем московского князя.

Боярин Кошка, оставив княжеские хоромы, прошел по главной улице, в конце которой была лавка Ковери. Он застал купца за покупкой зерна, которое привезли к нему местные смерды. Увидев боярина, купец – высокий, здоровый мужик с добродушным, мясистым лицом и хитрыми, глубоко посаженными глазками передал дело подручному, а сам вразвалку подошел к нему.

– Чем могу служить, – забасил он, – твоему боярскому величию?

– Нет ли желанья в Литве поторговать? – прищурился один глаз, спросил боярин.

– А чего ж не поторговать? Товар завсегда найдется, – весело ответил тот.

Боярин ухмыльнулся, довольный:

– Вот и хорошо. Давай собирайся. Через три дня отправишься с богом.

Купец оглянулся на лавку, словно прикидывал, что же с ней делать. Потом принялся чесать затылок.

– Ты это че? – насторожился боярин.

– Да вот раздум берет, на кого оставить торговлишку: то ли на Поликарпа, то ли на Бориску.

– Тебе видней. Сам-то че думаешь взять? – любопытствовал Захар.

– Медок есть золотой, шкуры, пару телег браги нашей, как они охочи до ней. Ткани льняной. Сот на триста-четыреста наберу!

Услышав такую сумму, боярин был удивлен. Это не мелочь. Из-за такой денги стоило ехать. Боярин был спокоен, поняв, что купцу,

кроме денег, ничего не надо.

– А меня как возьмешь, – полюбопытствовал он, – подручным аль погонялом?

Купец зыркнул на боярина. Ему было ясно, что тот едет к кому-то на встречу. Но к кому?

– Че задумался, купец? – недовольно спросил боярин.

– Задумалси, как тя, боярина, заставить бочки катать, – купец хохотнул и добавил: – хошь бы сказал, у кого будем, я бы стоящее приготовил.

Не то боярская гордость взыграла, не то еще что, но Захар вдруг выпалил:

– А что, если попадем к Великому князю литовскому?

– Ну и че! По мне хуш князь ихний, хуш барон. Все едино. Лишь бы у них деньга была. Для них возьму ковры бухарские.

– Молодец! – боярин потрепал его по плечу. – Вот возьми, – он достал кисет и вложил его в руку купца, – это тебе за мой проезд.

А через три дня, когда обоз с купцом Коверей выезжал из западных ворот, из восточных, смешавшись с горожанами, выехал неприметный всадник, каких десятки в день выезжали из города. Когда за спиной растаяли тверские крепостные стены, всадник припустил коня в галоп.

Иван Данилович, выйдя рано поутру из молельни, увидел ожидавшего его Кочеву. «Опять какая-то плохая весть», – подумал князь. Взяв боярина под руку, он провел его в гридницу. Там боярин обо всем рассказал.

– Так это что получается, – князь прищурил глаз, – мой друг Александр посылает боярина к...

– ...к Гедимину, – добавил боярин.

– К Гедимину, – задумчиво произнес князь. – А зачем? – задал он себе вопрос.

Но ответил боярин:

– Кошка должен...

– Договориться о встрече с ним своего князя, – закончил Иван Данилович. – Начинают плести заговор. Пошли, сядем, – предложил князь.

– Кого же они хотят еще привлечь? – поинтересовался боярин.

– Ясно, кого. Псков. Он с ним давно заигрывает, – ответил князь и добавил: – Думаю, новгородцы тоже не останутся в стороне. Они спят и видят, как выйти из-под московской руки.

– Это очень опасно, князь, – печально сказал Кочева.

– Да, – задумчиво подтвердил князь, прищурясь.

– Что ты думаешь, Данилыч, делать?

– А вот что! Посылай с десятков толковых воев. Надо расшевелить татар.

Боярин уловил идею и не мог удержаться от восхищения:

– Татары обрушатся на Александра, и тому будет не до встречи с Гедимином! Прекрасно! Ну и голова у тебя, князь!

Князь только посмотрел на него и сказал:

– Ладно, иди. У Миняя возьмешь денег. Им пригодятся.

Как только боярин оставил гридницу, князь приказал позвать к нему Савела. Когда появился немой, Иван Данилович сказал ему:

– Едешь в Тверь. Там скоро татары будут биться с тверичами. Ты будешь опекать княгиню Анастасию. Понял?

Тот кивнул.

– Но так, чтобы ни одна живая душа этого не заметила.

Он что-то промычал, по всей видимости, спросил. Князь его понял.

– Вернешься, когда я позову, – и бросил на стол тяжелый кисет. – это – тебе.

Савел молча взял его и спрятал за пояс. Князь кивнул, и он вышел.

Оставшись один, князь задумался. Разные дела и особенно невосполнимая утрата митрополита Петра особенно тяжело отразились на его душевном состоянии. Это выбило князя из нормальной жизненной колеи. Он упустил из вида дела на Западе. Хотя не так давно во время одной из встреч он говорил с Узбеком о европейских делах. Тогда уже было видно, что Гедимин нацелился на Восток. Он захватил Полоцкое и Витебское княжества, посадив туда своего сына Ольгерда. В вассальной зависимости оказались Минское, Лукомское и другие княжества. Стал называть себя королем литовцев и русских.

– Что же он здесь хочет, на востоке? Похоже, натравив на меня Тверь, Новгород и Псков, будет выжидать, пока мы выбьемся из сил. А

потом... Нет, батенька, нет! – вполголоса проговорил князь.

И тут он вспомнил своего спасителя, некогда киевского боярина Родиона Несторовича, переехавшего к нему в Москву.

– Давно я его не видел. Надо покликать. Пусть расскажет, он лучше знает, что этот Гедимин сделал там, на юге Руси.

Родион ездил на полюдьё и появился у князя только на другой день. Они обнялись. Боярин постарел, обрюзг. Только глаза горели прежней решимостью. Князь провел боярина к столу, уставленному разными яствами. Теплая, дружеская встреча, этот стол. Все подчеркивало, что зазнайства в князе и в помине нет. Выпив медка по хорошей братине, закусив малосольной осетриной, они разговорились. Боярин рассказал о своей жизни.

– Никто не притесняет? – участливо спросил князь.

– Боже упаси, князь.

– Пошто носа не кажешь?

– Князь Иван Данилович! Да если у меня нет к тебе никаких дел, чего зря беспокоить? А нужен буду я, ты знаешь, я всегда к твоим услугам. Ты сделал для меня столько, что я век буду тебе обязан.

– Ладно, ладно, – перебил его Иван Данилович, – расскажи-ка ты мне лучше, если знаешь, что там у вас Гедимин сделал?

Боярин, склонив голову, посмотрел на князя. «Этот его интерес к литовскому князю неспроста. Неуж тот и сюда рвется? Но что-то не слышал. А все же князь не зря про него спросил», – подумал Родион.

– Гедимин? Да он почти полностью захватил Западную Русь. В Вольни княжит его сын Любарт. Склонилось перед ним Друцкое, Турово-Пинское княжества. Подгрёб под себя Бересты, Каменец, Дрогичин.

– Вот как! – удивился Иван Данилович. – Кулак у него крепкий получается.

Князь только сейчас почувствовал размеры этой незаметно выросшей силы. Выждав какое-то время, боярин спросил:

– Что, князь, угрозой запахло?

Иван Данилович ответил не сразу. Он поднялся, прошелся по трапезной. Вернувшись на место, налил себе вина и сделал несколько глотков. Подойдя к боярину, заговорил:

– Пока нет. Но не скрою: на Западе появились первые тучки. Ждать, когда они дойдут до нашей многострадальной земли... это

преступление. Надо что-то делать. Как ты думаешь, какую силу мы можем привлечь на свою сторону?

Боярин задумался. Князь опять заходил от стены до стены. Боярин, развернув кресло, следил за ним. Когда тот поравнялся с ним, он сказал:

– Иван Данилович, есть на Западе сила, которая сильно досаждала литовцу.

– И что это за сила? – живо спросил князь.

– Орден. Тевтонский орден.

Князь прошелся, вернувшись, сказал:

– Орден? А я что-то слышал о нем.

– Так это ж твой дед его бивал, – заметил боярин.

– И правда! – смутился князь.

Боярин решил просветить князя.

– Знаешь, Данилыч, не всегда этот Орден воевал с Русью. Давно это было. Дай бог памяти. Русский князь Михаил Всеволодович вместе со своим дальним родичем князем Мазовецким в союзе с Орденом бивали литовцев. Тогда там отличился воевода козельский.

– Воевода козельский? – переспросил князь, что-то припоминая.

– Да, это тот воевода, который первый на Руси дал по зубам татарам.

– Да, да, да, – произнес князь, – мне рассказывал о нем отец. Да, это был несказанный по величине подвиг. Запомнил я, сколько дней...

– Не дней, недель, – поправил боярин, – семь недель держали они оборону.

– Семь недель! – воскликнул князь. – а ведь это был город не стольный! Вот люди! А кто они? Русские. Русские, боярин! Вот какие мы! Вот чей подвиг мы должны воспевать и брать в пример! И никогда об этом не забывать.

– Да, да! – горячо поддержал боярин.

А князь возбужденно продолжал:

– Давай-ка, боярин, выпьем за тех героев. Пусть их слава не меркнет в веках. Светлая им память.

Они выпили. Князь обтер усы. Потом задумался.

– О чем ты, князь? – спросил слегка захмелевший боярин. – Уж не думаешь ли ты, как с тевтонцами задружить?

– А ты знаешь, Родион, думаю! Если еще и с ними будем проливать кровь, долго Руси не встать на ноги.
Боярин изумленно посмотрел на князя.

ГЛАВА 20

Дьяконица Марфа еле подняла своего благоверного, который просил разбудить его пораньше, чтобы повести кобылу на водопой. Года два тому назад какой-то неистовый христианин подарил дьякону Дюдко жеребенка. Такое подношение очень понравилось, и дьякон сам взялся ухаживать за ним. Незаметно росла скотинка и превратилась в резвую кобылку.

Дюдко – мужик видный. Брюшко придавало ему солидность, а налитое здоровьем лицо, обросшее окладистой бородой, выглядело подкупающе наивным от его светлых, доверчивых глаз. Еле поднявшись, он сел на одре, протирая слипавшиеся очи и в то же время шаря ногами по полу в поисках разношенных чувяк. В сенцах набросил на широкие плечи старенькую епанчу, на голову натянул клобук и вышел во двор. Взнуздав лошаденку, дьякон повел ее на речку. Там уже толпился народ. Отдельно, в сторонке, стояла группка каких-то простолюдинов. Увидев дьякона, ведущего за собой лошадь, от этой группы отделился мужик и пошел к татарам, тоже невядалеке поивших лошадей. Загнанные в реку кони пили не торопясь, а их хозяева, стоя на берегу, о чем-то разговаривали друг с другом, изредка бросая косые взгляды на свою животину.

Русский мужик, подойдя к татарам, подозвал одного из них, и они отошли в сторонку. Достав из кармана серебряный рубль, он пояснил ему, что хочет купить кобылку, указав на дьяконову лошадь. Сказал при этом, что добавит еще рубль, когда тот ее приведет к нему. Татарин был сообразительным, деньги немалые, а отбирать что-то у русских – дело привычное.

Но все же идти одному на здоровенного русского мужика он побоялся и, рассказав о желании уруса приятелям, двинулся к дьякону с несколькими татарами, согласившимися ему помочь. Когда, подойдя к дьякону, они стали отбирать у него узду, тот, поняв, что хотят сделать татары, поднял невероятный шум, вопя о помощи.

Первыми прибежала помочь дьякону та группа, от которой и отходил покупатель. Переглянувшись меж собой, с криками: «Ваш Шевкала хочет сам княжить в Твери! Татарских князей рассадить по

русским городам! Братья христиане, они хотят привести нас в татарскую веру!» – ринулись на татар. Завязалась свалка. На помощь обеим сторонам бежали люди.

Вскоре гнев тверичей, копившийся за время грабительского пребывания Шевкала на их земле, выплеснулся в город. Поднялось почти все взрослое население. Сила была на стороне тверичан, и татары, упорно защищаясь, отступали шаг за шагом.

Когда до князя Александра дошли известия об этих событиях, он сказал:

– Не яз почах избивати, но он и да будет отместник бог крови отца моего Михаила и брата моего Дмитрия, зане прольша кровь праведную, егда мне сеже створить.

И поцеловав Анастасию, с мечом в руках повел дружину на вражину.

Шевкал, двоюродный брат Узбека, был настолько же отважным воином, насколько и опытным. Он сразу оценил силы тверичей и понял, что татарам не устоять. И он придумал пару хитростей. Подозвав одного сотского, он велел взять человек десять воинов, крадучись пробраться в княжьи хоромы и захватить жену князя. А сам решил отступить к старому княжьему дому, где когда-то жил Михаил, отец Александра. Шевкал посчитал, что он там сможет успешно обороняться. Была, правда, одна угроза: дом могли поджечь. Но он посчитал, что рука сына не поднимется на эту святыню.

Сотскому с его людьми удалось через огороды незаметно обойти сражающихся и напасть на княжьи хоромы. К ужасу княгини, защитников, кроме раненого конюха и пары отроков, почти не осталось.

И вдруг она услышала сзади нападавших какой-то шум. Он заставил татар отхлынуть. Княгиня поверх их голов увидела, как какой-то рослый воин в черном, разя их направо и налево, решительно пробивался к ней. И Анастасия молила Бога, чтобы он помог ему. Бог услышал ее молитву. Вскоре воин был рядом с ней. Он молча схватил княгиню за руку, и они выбежали во двор. Там никого не было. Он, не выпуская ее руки, ринулся на улицу. Татар и там не было видно. Зато было много русских с вилами, топорами, палками. Все бежали в одну сторону. Туда побежал и спаситель. Так они оказались у старого княжеского дома. Там они увидели Александра. Князь руководил

воинами, которые, окружив плотным кольцом хоромы, таскали солому. Как ошибся Шевкал!

Увидев жену в сопровождении незнакомого воина, он вначале обомлел, а затем его пронзила мысль: «Как я мог оставить ее без защиты!» – и со всех ног бросился к ней. Пока он сжимал ее в объятиях, радуясь, что она не оказалась в руках татар, спаситель исчез. И сколько потом князь ни искал его, чтобы знатно отблагодарить смельчака, тот как в воду канул.

А штурм продолжался. Копившееся в сердцах всех тверичан зло выплеснулось в огромный костер, в котором погиб Шевкал и его воины. Разгоряченные тверичи продолжали творить свой суд. Они истребили ордынских купцов и даже тех, кто давно торговал в Твери, уже осел, почти обрусев. Таким был приговор оскорбленного народа.

Когда все успокоилось, князь неожиданно спохватился. Или кто подсказал, что, если узнает о гибели родственника Узбек, князю да и княжеству не поздоровится. Срочно надо было себя обелить. И он попытался найти зачинщиков. Наказав их, он мог явиться перед ханом и просить себе снисхождения. Но главное – выиграть время.

Из всех зачинщиков нашелся только один Дюдко. Но как накажешь священника? К тому же он отстаивал свое добро. А вот кто первым поднял меч против татар, тот как в воду канул. Сколько ни бился, все безрезультатно. Князь был в полном недоумении. Не удалось князю и утаить от Узбека это происшествие. Воевода головой готов был поплатиться, что никто из тверичей из города не отлучался. Тогда кто все рассказал Узбеку, сорвав надежду Александра добиться помощи от Гедимины?

Воевода Александр Иванович, который был отправлен в Тверь во главе кметов, благополучно вернувшись, все рассказал Кочеве, а тот – князю. О своих дальнейших действиях Иван Данилович крепко задумался. Он знал, что Узбек не простит гибели Шевкала и пошлет отряды. Как ему лучше поступить: «самому ехать в Орду и просить у него войско для мести, тем самым показав ему свою верность? Но как его поймут князья, бояре, да и народ тоже. Не сочтут ли предателем? Что подумает Анастасия? Нет, это не годится». «Если я ему нужен, он сам позовет». И напряженно, нервно потекло время. «А вдруг хан загребет под одну гребенку и Московию?» – переживал князь.

В тот же день, когда слух о событиях в Твери дошел до Узбека, он отправил посланцев за Иваном Даниловичем. С каким облегчением воспринял князь этот вызов! Он почти не собирался, так торопился отправиться в путь. И всю дорогу сверлила мозг одна мысль: доверит хан ему вести его войско или нет?

ГЛАВА 21

Возвращались парни к себе на кош почерневшими от степного солнца, зато гордые от исполненного долга на самом опасном бекете. Хотя они не говорили об этом друг другу, но, скорее всего, каждый из них ожидал если не пышную встречу, то какое-то радостное проявление чувств. И каково же было разочарование, когда майдан встретил парней безжизненной тишиной. Только стайка веселых воробьев резвилась на прогоне, беспечным видом показывая, что они здесь хозяева.

– А где казаки? – невольно вырвалось у Андрея, который с нескрываемым любопытством глядел во все стороны.

– А! – догадался Митяй. – Все на Дону.

– А че они там делают? – подивился Захар.

– Как че? – обернулся к нему парень. – Готовятся идти добывать зипуны.

– Как добывать? – переспросил Андрей, не поняв ответа Митяя. Тот рассмеялся.

– Эх, вы! Горнецы! Добыть зипун – купца грабаздать.

Лицо Андрея сделалось брезгливым.

– Чей-то с тобой? – увидев друга таким, поинтересовался Митяй, подъезжая ближе. – ты че, первый раз слышишь? – заглядывая ему в глаза, спросил друг.

– Да... нет, – поежился Андрей.

– Ты, брат, казак, и соплю не пущай. Тут етого не кохають, – наставительно промолвил Митяй.

Андрей вспомнил майдан, столб, к которому привязали казака, и вчерашних его друзеков, которые на другой день со всей свирепостью хлестали друзека киями. И только тут до сознания Андрея дошла суть казачества. Да, с одной стороны, тут вольность, свобода, никто тебя не прижимает, ни к чему не понуждает, все равны. А с другой – кормиться-то надо. Добывают они себе рыбу да мясо. Но на одном этом долго не проживешь. Сеять ничего нельзя. Рядом вражина. Даже хором не построишь. Одежда нужна. Куда казаку деваться.

– Че, казак, задумался? – полушутливо спросил Митяй. – Може, домой потянуло? Аль купчину жаль?

Андрей бросил косяка на Митяя и, хлестнув коня, поскакал к куреню. Парни увязались за ним.

Подъезжая, Андрей увидел раскрытые настежь двери и подумал, что там никого нет. Так оно и было. Он, подойдя к своему месту, повесил почти пустой чувал, поменял теплушку на безрукавку. На цыпочках подошел к Митяю, который возился на одре, и ткнул его в бок пальцами. Тот, испугавшись от неожиданности, оглянулся. Увидев расплывшее в улыбке лицо друзека, не мог скрыть довольную улыбку.

– На Дон? – многозначительно спросил Митяй.

– На Дон!

Там появление парней вызвало довольно приятный шумок. Многие побросали занятия. К ним подошел Петро, обнялся с каждым, шутливо похлопал по спинам.

– С возвращением! – поздравил их есаул и сказал: – Ноне покель займитесь вон с теми казаками, – и показал на группу людей, которые возились около заплота.

Они учились приступом брать ограждения. Штурм был почти настоящим. Снизу ставили лестницы, кидали котву, цеплялись баграми и лезли вверх. Встречали их там тоже казаки, которые старались отразить «врагов». Парни, включившись в эту взрослую игру, так увлеклись, что сразу не расслышали ударов набата. После столь длительного отсутствия Андрей отметил про себя, что традиция, несмотря на изменение места, была непоколебима. Так же все начиналось с атамана: молитва, его первая ложка и... по кругу.

После обеда атаман объявил:

– Ночью продолжим учиваться.

Старые казаки заворчали:

– Ночи недосыпам, куска не доедам!

Атаман усмехнулся:

– Будем по ночам спать, неча станет едать!

Его шутка понравилась. Казаки, расходясь, ответили хохотом.

Подготовка продолжалась. Вольная жизнь кончилась. И вот наступил ответственный момент. На майдане собрались казаки. Начался молебен. После молебна казаки расходились по своим полкам.

Чтобы легче было обойти княжеские и татарские дозоры, отряд казаков разбили на три полка, которыми командовали есаулы Петр, Хист и Андрей. И казаки двинули в сторону Волги. Ехали только ночью, а днем, отогнав коней, прятались в тернах, чагарниках, буераках. В кровь драли себе кожу, кололи ноги, царапали лица. Но ни стоны, ни жалоб не было слышно. Костров не разводили, меж собой не говорили. Упорно продвигались вперед, по звездам выбирая дорогу. Подошло время, когда коней пришлось оставить. До реки осталась пара верст. Для охраны выделили с десятков казаков.

Они знали, что купцы рязанские, московские, тверские, ярославские спешили домой до того, как морозы скуют реку. Собирались купцы большими группами, чтобы в случае чего легче было отбиваться. Знали это и казаки. Для них верный помощник – неожиданность. Купцы, тоже зная об этом, боялись, посылали дозоры. Вот тут шла игра в прятки. Наткнется на них дозор – все мучения коту под хвост. Проедет мимо – считай, полдела сделано. Самое лучшее для казака, когда успокоенный хозяин и команда, оставив стражу, будут дрыхнуть без задних ног. Умело убрав пост, вырезают тихо всю команду вместе с хозяином, пробивают, перед тем как покинуть судно, днище. И так... до рассвета. Потом тихо убираются с награбленным добром.

Бывает и другое. Одинокие корабли берут приступом, когда они пристают к берегу. Ограбив, судно поджигают, предварительно расправившись с командой. Да, казацкая доля не делала выбора, чья это кровь: вражья или своя, родная, христианская, часто русская.

По запаху, влажности близость реки ощущалась все сильнее. Подошла самая ответственная пора. Казаки должны были «раствориться», сделаться невидимками, каждый найдя для себя схрон. Оставались атаман и его есаулы. Все команды подавались через крики зверей, птиц. Это казаки умели делать прекрасно.

Андрей видел реки, переплыть которые туда и обратно для него не стоило труда. Но то, что он увидел здесь, поразило его воображение. Как ему показалось, Волга с достоинством несла свои воды, как бы хвалясь мощностью и гордясь независимостью. Он залюбовался ее серебристой поверхностью. Она захватила его так, что он забыл обо всем на свете. Оторваться от захватившего видения заставил голос атамана.

– Нам пора в схрон. Иначе мы выглядим, как мошники среди голых ветвей.

Атаман оставил около себя Андрея, а Петру с Хистом велел спуститься вниз по течению. Такое атаманово решение дало повод Хисту ехидно заметить:

– Кохается Еремей с ним, как с жалкою.

Услышав это, Петр покосился на него, но ничего не сказал.

Для схрона атаман выбрал неглубокую, заросшую расщелину. С этого места Волга просматривалась хорошо. И потянулись однообразные дни ожидания. Если смотреть из землянки, то на уровне глаз была видна сухая трава. Один смотрит вперед, другой – назад. От рассвета до заката – не шевелясь. Опытные пластуны, которых нанимают купцы для разведки места стоянки, все пропадут на собственном брюхе. А глаза – не уступят скопецкому. Пошевели головой в безветрие – засечет. Тихонько спустится к берегу, даст сигнал. Все! Гребцы – к веслам. Купец решает, посылать за пластуном лодчонку или нет. Если по каким-то причинам пластун не вернется, купец выплатит положенное семье. Попробуй не сделай! По всей Волге будут об этом знать, а потом попробуй найми пластуна. Никто не пойдет. Еще свинью подложат: днище пробьют, аль часом подожгут.

Вот и лежит казак в дозоре, не шевелясь из-за пластунов. Комар на нос сядет, пчела по щекам лазит, но казак не пошевелится. Даже задует ветер, радости он не принесет. Все равно будет казак лежать как колода. А вдруг пластун рядом? Того не обманешь. Уж не радуют Андрея волжские просторы. И вода стала свинцовой, давит серостью. Эх! Хорошо было дома! Трава не такая пожухлая, а лес в красоту рядится. На такое не наглядишься. Скорее бы один конец! Но... бежит день, бежит другой, ничего не меняется. Еле терпит молодой казак. Шепотом хочется спросить у атамана: «Когда же?» Но знает: это строжайше запрещено.

И в этой тишине раздалось воронье карканье: «Карр, карр!» И неожиданно первый за столько дней человеческий шепот:

– Приготовьсь!

Отвыкший за столько дней о чем-то думать, Андрей не сразу понял смысл этого слова. «Приготовьсь!» – мысленно повторил он и сразу понял: появилось то, чего так долго ждали. Андрею на этот раз

не повезло. Настала его очередь смотреть в степь. А как хотелось оглянуться, увидеть то, чего столько времени ожидали.

Атаман выбрал место, где стал ждать «гостей». Обрывистый берег с широкой песчаной полосой делал высадившихся на него людей малодоступными для нападающих. Поэтому купцы и останавливались в подобных местах. Наступал самый ответственный момент. Наверх поднялись несколько человек и, разбившись на пары, начали следить за степью.

День подходил к концу. Андрею хорошо было видно, как на глазах, точно растаяв, исчезла солнечная кромка. Ночь вступала в свои права. Но это была удивительная ночь! Небо, усыпанное звездами, и полная луна поглядывали с высоты. Но как такая ночь была не нужна атаману!

– Господи! – шептали его губы, – да закрой луну марью, напусти наземь карачун.

Но небо, видать, сегодня было не на стороне казачества. Напрасно те ждали волчий вой. Не решался атаман идти на казачью гибель.

А перед рассветом на берегу вновь вспыхнули костры. Надо заправиться до следующего вечера. Вскоре послышались веселые всплески волн. Караван тронулся в путь. Им повезло. Когда последний парус скрылся за горизонтом, раздался буйволиный рев. То атаман собирал есаулов. Когда они подошли, Еремей объявил им:

– Сегодня можете спуститься к реке и устроить себе малую беседу. Я прогуляюсь до казаков. А завтра на зорьке – опять ждать.

Атаман вернулся на зорьке. Андрей был на своем месте. И вновь потекли дни и ночи ожидания. Небо, видя упорное казачье терпение, смилостивилось над ними. Подул багмут, подавая надежды. Но принес он марь и назойливый осенний дождь. Теперь лежать приходилось в сырости, что было весьма неприятно. Но ко всему привык казак.

И вновь прокаркала ворона. Добрый сигнал.

– Андрей, – шепнул атаман, – гляди в оба!

Он знал, что надо смотреть в оба. Да глаза закрываются, какую ночь не спать приходится. Губы кусает, но смотрит. Но никого так и не было видно.

А атаман увидел, как по реке блеснул огонек, за ним второй, третий... У Семена даже екнуло сердце: «Идут!» Теперь все упиралось в одно: остановятся или нет. «Похоже, берут к берегу. Точно!»

Причалив, они начали высадку, и берег наполнился голосами. Не остановил их и мелкий дождь. Слышно, как рубили дрова. Вспыхнули костры, которые позволили разглядеть жидкую цепочку лучников, обращенных к обрыву. «Бывалые», – отметил атаман. Но это его не смутило. Он хорошо знал, что несведущих встретить очень трудно.

Костры прогорели, оставляя жар. Не будь дождя, торговцы еще сидели бы на берегу, вспоминая разные байки. Но он погнал их на лодии, где можно укрыться. Пора... Воздух огласило волчье завывание. Это атаман подавал сигнал.

Степь пришла в движение. Будь дозор наверху, он заметил бы, как, словно тени, замелькали силуэты людей. К атаману подползли есаулы. Слов нет, одни жесты. Он с Андреем и его людьми поднимается вверх против течения. На месте остается Хист, а Петро спускается вниз. Хист недоволен таким решением. Его оставляют, как в засаде. Теперь жди рева буйвола... Но перечить нельзя ни в коем случае. Суд может быть мгновенным. Тут воля атамана сильнее закона, вступают в силу традиции. Против не попрешь: так решали деды, так решали отцы, так решаем и мы.

И даже сейчас, когда опасности не было, казаки пробирались со всей осторожностью. Перебежками, с осмотром местности. Наконец, атаман посчитал, что можно спускаться к реке. Первыми спускаются два опытных казака, юркие, как ящерицы. Вскоре протявкала заблудшая собачонка. Все, можно спускаться всем.

Атаман отсек треть отряда и указал им на воду. Оставшиеся знают, что им делать: готовить луки, подбираться берегом к кораблям и, если потребуется, уничтожать сопротивляющихся. Бррр! Холодная уже водица, но лезть в нее надо. Решение атамана. Заходить с реки, откуда меньше всего ожидают. В воду входят неслышно. Не дай бог, если будет слышен всплеск! Все дело может рухнуть.

Андрей плывет за атаманом. Вот и первая будара. Атаман берет ее на себя, оставляя несколько человек, в том числе и Андрея. Оставшиеся плывут дальше. Всем хорошо известно, что надо делать. Не впервой такое нападение. Атаман со своими людьми сбился под кормой. Речная волна покачивает судно. Прислушались. Наверху все вроде тихо. Атаман с ножом в зубах по грузовому вельбуду осторожно поднимается вверх. Андрей даже залюбовался его движениями. Он никогда не думал, что тот так ловко мог это делать. Прежде чем

заглянуть за корму, атаман опять прислушался. Подтянувшись, вытянул шею. Никого. Все спят, укрывшись дерюжкой. Только на прове страж с бердышом на коленях, сидя на мешке, клевал носом. Атаман, осторожно ступая на носках, не доходя несколько шагов, метнул нож в его широкую спину. Ойкнув, тот упал на палубу. Атаман присел, оглядываясь по сторонам. Никто даже не пошевелился. Промерзшие до мозга костей казаки слышали легкий совиный крик. То была команда. Пожилой казак уступил место есаулу. Оказавшись на палубе, Андрей не знал, что делать, и направился к какому-то сооружению с дверьми. Перед ней спал здоровенный мужик, издавая могучий храп. Он перешагнул его и открыл дверь в маленькое помещение. Лампадка тускло освещала его. У стены спал какой-то человек. Что заставило его поднять голову, трудно сказать. Увидев перед собой рослого незнакомца в мокрой одежде и с саблей в руках, он понял все. От испуга отпрянул к стене и взмолился:

– Не убивай! Я все отдам! У меня малые дети! – чуть не плача просил он.

– Давай! – приказал Андрей.

Тот привстал, что-то нажал на стенке, и внезапно открылась дверца. В тайнике стоял ларец. Купец протянул его Андрею. Парень оторвал у него подол рубахи, высыпал туда половину содержимого, завернул и швырнул в тайник, громко хлопнув дверцей.

– Потерпи! – сказал Андрей и косым ударом огрел его по лбу рукоятью сабли.

Брызнула кровь.

– Лежи как мертвый! – приказал он.

Купец рухнул на лежанку, орошая ее кровью. В этот миг ворвался с окровавленным ножом казак. Глаза его горели хищным огнем.

– Этот готов! – крикнул ему Андрей. – Я забрал его богатство! – и показал ларец.

Казак ринулся назад.

Когда Андрей вернулся на палубу с ларцом под мышкой, там вовсю кипела работа. Таскали мешки и передавали по цепочке казакам, которые складировали их на берегу. То же самое происходило и на соседних кораблях. На помощь пришел Хист со своими людьми. Они стали поднимать добычу наверх. Чего тут только не было: и какие-то

ящички, бочки, мешки, узлы, заморское оружие. Атаман изредка покрикивал:

– Смотрите, где стекло, осторожнее!

Подошел Андрей. Атаман, увидев под мышкой ларец, проговорил:

– А ну кажи!

Подняв крышку, восхитился:

– Твой дуван стоит всего этого! – и он кивнул на горы мешков, ящичков и прочего барахла.

Потом приказал:

– Бери казаков, и топите эти «кади».

– Зачем? – возразил Андрей. – Пусть, кто остался живой, плывет дальше. Потопим да поубиваем, кого потом будем... – он не досказал слово «грабить», но кто был рядом, поняли и рассмеялись.

Рассмеялся и атаман.

– А шут с ними! – бросил он. – Нам надоть скорее все собрать да пригнать маджары.

Пока на берегу казаки судили да рядили, на судах поспешно рубили канаты, ставили паруса и бартыжали их, чтобы скорее отойти от этого берега. Со страхом смотрели они на свинцовые воды реки в ожидании погони. Но нет, похоже, махаметы даровали им жизнь.

На первой бударе, израненные, окровавленные люди, переполненные неожиданным счастьем, что остались в живых, с тяжелым сердцем вспоминали своего купчину.

– Добрый был купец!

– Не обижал и не обсчитывал.

– Вряд ли найдем подобного.

И вдруг дверь скрипнула, и на палубу вышел человек. Был он в исподнем, голова в крови.

– Да это ж Федор Елферьев! – выдохнули они. – Ты... живой?

– Живой, братцы! Живой! Молодой казак спас. Век его не забуду!

Федор оглядел палубу и схватился за волосы.

– Вот гады! По миру пустили! – по его щекам покатила слеза.

– Не горюй, Федор! Добро – дело наживное. Ты смекалист, не пропадешь. Главное – жив, – неслось из окружившей его толпы.

– Ладно, – махнул он рукой, – бочка за спасение будет за мной.

ГЛАВА 22

Такое быстрое прибытие в Орду московского князя ошеломило Узбека. Он даже воскликнул:

– Ему что, его Бог крылья дал?

А обычно непроницаемое лицо на этот раз светилось неподдельной радостью:

– Вот князь, который предан мне больше других.

Он усадил его рядом и налил кумыса. Князь пил со вкусом, чем еще больше радовал владыку. Допив, князь заглянул в пиалу, еще раз поднес ее ко рту, выпил несколько капель.

– Еще? – любопытствовал хан.

Князь кивнул. Хан наполнил пиалу до краев. Когда гость закончил питье, хан сразу перешел к делу. Это говорило о том, что он был взбешен поступком Александра Тверского. Из потока сквернословия, обрушившегося на тверского князя, Иван Данилович уловил, что хан даст ему войско.

– Иногда ты говорил мне о неблагоприятных поступках тверского князя, я, признаюсь, не всегда верил тебе. Но сейчас я убедился в том, что твои слова исходили от чистого сердца. Я тебе даю пять туменов. Ты должен доставить мне живым или мертвым убийцу моего брата.

Князь поднялся и, прижав руку к сердцу, низко кланяясь, произнес:

– Хвала милостивому творцу порядка в своем царстве! Я готов исполнить твою ханскую волю, Мунке-Сал!

В искренность сказанных князем слов хан поверил, поэтому, повернувшись к темникам, стоявших группкой, сказал:

– Его воля – моя воля!

Из этих слов хана князь понял: Московия вне опасности, и Анастасия будет спасена.

Проводить войска в поход вместе с татарским полководцем Федорчуком приехал Узбек. Федорчук был тучный полумонгол, полурусский воин. Не простой человек. Иван Данилович понял, что хан подставляет ему своего полководца. Московский князь назначался ханом общим полководцем, он должен был, кроме своих войск,

привлечь дружины русских князей. Хан с князем объехали выстроенные тумены, которые приветствовали Узбека дикими воплями и криками:

– Ан – Насир! Ан – Насир!

Хотя Узбек ни с кем практически не воевал, в отличие от своих победоносных предков, их слава приписывалась и ему. Хану это было по душе. Выехав на холм, они еще раз обозрели нескончаемую людскую линию.

– Видишь, какое огромное войско я тебе даю! – повернувшись к князю, произнес Узбек.

– Да, Ан-Насир! И я готов выполнить твою волю. Только боюсь... – князь замолчал и посмотрел на хана. – Такое войско не спрячешь, – князь провел рукой, как бы показывая его громаду, – поэтому боюсь, что молва о нашем приближении обгонит нас, и Александр, как трусливый заяц, убежит на Запад, где его с восторгом примут литовцы. Что тогда мне делать, хан?

Узбек задумался. Он понял тайный смысл слов князя, догадался о том, что москвит что-то знает о тверском князе и его тайных сношениях с литовцами. Хан Запада боялся. Он хорошо знал, как тот остановил, а потом заставил убратся восвояси его предка, действительного Ан-Насира Бату. Там же потеряли и своего великого полководца Субудая-багатура. Такой исход Узбека не устраивал. Хан думал, князь ждал. Потом он пытливо посмотрел на москвиту. Князь спокойно выдержал его взгляд.

– Особенно не суйся, но... – он замолчал на секунду, – решай сам! – и взмахнул плетью.

Это было наивысшее доверие, что хорошо понял Иван Данилович. Им грех не воспользоваться. И теперь настала его очередь задуматься.

Князю ясно представилась картина, как яростно тверичи будут сопротивляться. «Почему за татарское дело должны гибнуть московитские воины? Этим подорвутся мои силы. Неплохо решил хан, чтобы и другие участвовали в этом походе. Хану никто не откажет. А своих воинов я поберегу», – решил князь. И полетели гонцы к князьям ярославскому, суздальскому, рязанскому, великому ростовскому...

Иван Данилович был прав. Молва летела точно на крыльях. Долетела она и до Твери.

Александр с Анастасией сидели в трапезной. Трудно сказать, сколько времени они бы еще беседовали, но раздался стук в дверь. Князь воскликнул:

– Войдите!

По его тону жена поняла, что Александр взволнован. Дверь открылась, и на пороге объявился воевода.

– Беда, князь, на нас идут татары! А ведет их... Иван Данилович! – выпалил он.

Александр нервно заходил по трапезной, возмущаясь:

– Предатель! Предатель... русского народа! Ханская подстилка!

Потом остановился напротив жены и язвительно посмотрел на нее, вспомнив давний разговор. Не стесняясь воеводы, он заговорил:

– Вот! Вот тебе подтверждение, что это он все подстроил! И сам побежал к хану, чтобы обрушить удар на русский народ! Предатель!

Анастасия опустила голову. Воевода все понял. Ему жалко было женщину, которая сделала ему столько добра.

– Князь, – проговорил он сурово, – как мне известно, хан вызвал его к себе и приказал возглавить войско.

Александр оставил жену и подскочил к воеводе:

– А что, у Узбека нет своих воевод?

– Есть, но дрянь дрянью, – уверенно проговорил воевода и спросил: – Что мне делать, князь?

И тут до князя дошло, что кричать теперь поздно, враг вот-вот подойдет к стенам. И голова князя заработала.

– Садись, – приказал он воеводе.

Поняв, что они займутся сейчас обсуждением военных дел, Анастасия поднялась и тихо вышла.

– Какое войско ведет этот?.. – спросил князь.

Воевода задумался, потом ответил:

– Думаю, немалое. Хан сильно...

– Прекрати, – занервничал князь.

Ему не хотелось слышать о совершенной ошибке. Хотя он не мог все приписать себе. Да, он был сильно недоволен татарским баскаком. Но, понимая, к чему может привести его сопротивление, покорно выполнял все требования татарина, требуя от всех такого же терпения. И на тебе, то событие с этим дьяконом. Он чувствовал, что оно было подстроено. Но доказательств найти не мог. Огонь многое уничтожил.

Воевода наклонил голову и пытливо уставился на князя.

– Так что, воевода, делать? – князь, видать, успокоился, голос его стал ровным, а вид – собранным.

– Думаю, тебе, князь, надо уходить, – ответил он.

Воевода ожидал, что от его слов Александр опять вспылит, но тот оставался спокойным.

– Уходить, – проговорил задумчиво князь, крутя подбородок, – а куда?

Воевода по-своему оценил его вопрос. Князь понял, что противостоять не сможет, не хватит сил. Но вдруг изменил решение:

– Никуда я из родного города не пойду. Готовься к осаде, – решительно сказал он.

Тот ничего не сказал и поднялся.

– Подожди, – князь показал, чтобы он сел, – пошли-ка своих людей в Ярославль, Рязань, Новгород. Пусть помогают. Мы еще покажем этому хану. Мы освободим русский народ от татарского ига, – говоря эти слова, князь загорелся, – готовь посла к Гедимину. Он придет на помощь, – с уверенностью произнес Александр. – Вот соберется сила! – он сжал кулак и грохнул им по столу.

В поставце задрожала посуда. Помолчав какое-то время, князь добавил:

– И все же постарайся узнать, что за сила движется на нас.

– Князь, я уже это сделал. Только боюсь, что с нашими посланцами не все получится.

– Ты считаешь, что Иван вышлет людей на перехват? – спросил князь.

– Не сомневаюсь. Иван опытный полководец, и ошибки не допустит.

По грозно сдвинутым бровям было заметно, что князю не понравились слова воеводы, но он промолчал. А воевода продолжал:

– Князь, все же советую подумать об отъезде. А я обдумаю пути, чтобы вам не угодить им в руки.

Князь странно посмотрел, потом махнул рукой:

– Ладно! На всякий случай!

В этот же вечер в шатер – подарок хана для похода – Иван Данилович собрал темников и сказал им:

– Мы вошли на Русскую Землю...

От этих слов татары переглянулись. Но князь не обратил на это никакого внимания и продолжил:

– Не сегодня, так завтра тверский князь узнает о нашем походе. Он попытается собрать своих сторонников. Нам надо перерезать им все пути. Особенно те, которые ведут в Псков, Новгород. Мы прольем много крови, если тверскому князю удастся получить помощь, – он посмотрел на татар.

По их лицам он понял, что те со всей ответственностью приняли его слова. А куда им деваться: так распорядился хан.

– Поэтому, – продолжил князь, – вы пошлете небольшие отряды, которые не должны пропустить ни одного тверского посланца. Московию не трогать. С ней разберусь я сам. Идите!

Темники покорно поднялись и, по привычке низко кланяясь, удалились к туменам. А поутру во все концы полетели татарские всадники.

Пройдя южными границами Рязанского княжества, которое татары слегка пограбили, забрав князя с его войском, Иван Данилович повел военную армаду на Любутск, Оболенск... и вскоре вступили на тверскую землю. Этот путь он выбрал еще и потому, что войска проходили вблизи границ Литовского княжества. Иван Данилович решил показать Гедимину всю мощь смыка двух царств. «Пусть мотает на ус», – усмехнулся он про себя, когда грохот конских копыт эхом отзывался в новом замке Дильнуся, и подумал: «Слабость – валит. Сила – ставит». Как показала дальнейшая жизнь, этот расчет оказался не пустым. Под Клином к ним присоединились другие князья. Ивану Даниловичу стоило огромных усилий удержать татар от грабежа. Собрав все силы в единый кулак, войска двинулись на Тверь. Но прежде чем это сделать, Иван Данилович вновь послал в Тверь Савела.

А в Твери не знали, на что решиться. Тверской епископ Алексей настаивал, чтобы князь не принимал боя, а оставил город в целях его спасения. В донос воеводы о подходящих к городу войсках, по прикидке которого их было около семидесяти тысяч, князь не поверил. Переодевшись в смерда, он и воевода поехали убедиться в правоте его слов. То, что он увидел, бросило его в дрожь. Ему стало ясно, что одному не устоять, а о помощи ничего не было известно. Неужели

оправдывались худшие предупреждения воеводы? Но что бы ни было, он – один. Соппротивление такой силе погубит не только Тверь, но и все княжество. Воевода был прав, говоря об отъезде. Он остановил коня. Воевода понял, что князь принял какое-то важное решение. Какое? Подъехав к нему, он остановил коня колено в колено. Князь, глядя в сторону, сказал:

– Да, епископ и ты правы. Мы уезжаем!

– Тогда скорей! – и они пришпорили коней.

Глубокой ночью семья князя, его братья, дружина покинули Тверь. Их путь лежал на север. Их повел воевода, который на немой вопрос князя ответил:

– Я думаю, князь, что другого пути у тебя нет!

Князь помолчал какое-то время. Потом, вероятно, решил все же выяснить, спросил:

– Идем на Торжок?

– Нет, князь, ты пойдешь на Бежецкий Верх. Боюсь, в Торжке да и в Вышнем Волочке тебя уже ждут.

– А ты?

– Князь, я воевода. Мой долг повелевает мне вернуться назад. Я не могу бросить вверенный мне город.

Воевода говорил спокойно. Князь понял, что тот все продумал заранее, и переубедить его не удастся. Да и нужно ли это делать? «Конечно, мой побег – постыдный поступок, – подумал он, – но я его делаю во имя тех людей, которых оставил. Сдаться я не могу, наложить на себя руки – великий грех. Осталось одно – бежать, спасая других».

– Прощай, мой друг, – сказал князь, повернувшись к воеводе, – я одобряю твое решение.

Они обнялись. Воевода попрощался с княгиней и увидел на ее лице горькое, неподдельное разочарование.

– Вы покидаете нас? – голос ее дрожал.

– Да, княгиня! Меня зовет мой долг.

– Я понимаю и надеюсь, что мы вновь встретимся, – и она протянула руку.

Благополучно добравшись до Бежецкого Верха, братья решили податься в Ладогу и позвали с собой Александра.

– Мне жаль с вами расставаться, но, думаю, в Ладоге я не найду спасения. А вам там будет спокойно. Я нужен хану. Думаю, за

новгородскими стенами, с Гедиминовой помощью я смогу остаться в живых. Прощайте, дорогие братья! Да хранит вас Бог!

Он обнялся по очереди с каждым из них и перекрестил на дорогу.

Между тем дружинники подметили, что за ними от самой Твери следует какой-то странный человек. Сказали об этом князю, тот приказал его схватить. Но он словно сквозь землю провалился, сколько его ни искали.

Впереди показались грозные новгородские стены. Князь вздохнул с облегчением, когда увидел, что навстречу ему шли именитые новгородские граждане. Князь гордо взглянул на жену.

ГЛАВА 23

Довольной, даже радостной возвращалась ватага атамана Семена Еремеева на кош. Еще бы! Заполучить такой дуван и не потерять ни одного казака – это многого стоит. Добрый у них атаман, ничего не скажешь. Одним словом, батяня.

У многих поет душа в предчувствии «обмыва копыт» по случаю такого дувана. Не ими заведен этот порядок, не им это рушить. Издревле тянется он. Так делали их отцы, деды и прадеды. Так делают они, блюдя старые обычаи. Так будут делать их дети и внуки.

А их уже ждали. Все было готово к их возвращению. Заготовлены и уже освежеваны быки, кабаны, бараны, саженные рыбины, горы всякой дичи дожидались победного казачества.

Но прежде чем начать этот многодневный загул, по сложившейся традиции, вначале все пошли в церковь, чтобы принести сердечную благодарность и дорогие подарки своей покровительнице Пресвятой Богородице. На коленях благодарили ее казаки. Только после этого начинали дуванить добытое богатство. Идет расклад. Батловка – для атамана. Кипы различной паволоки, женские наряды и одежда – купцам. Зерно, мука, сухофрукты – в схран. Вино, продукты, оружие, кое-что из одежды – на общее потребление. Золотые, серебряные монеты, украшения, разные дорогие поделки отдаются на жеребейгу. Не забываются и те, кому выпала доля следить за хозяйством. Дуванить – дело весьма сложное, главное, чтобы соблюдалась справедливость, поэтому от каждого куреня отряжались по два человека. Для их работы отводилась ровная площадка за заплотом. Кроме избранных, входить туда никто не имел права. Дуван по жеребейгу каждому выдавался в чувале в порядке живой очереди через оконце. Причем подающий не мог видеть получателя. Делители получали свою долю тоже в порядке очереди. Они по одному на время покидали рабочие места. Так, считали казаки, достигалась справедливость.

На этот раз, прежде чем начать жеребейгу, атаман собрал круг для решения, что делать с добром в шкатулке.

– Друзеки казаки! – начал он говорить, – в этой штучке, – он потряс шкатулкой, – столь добра, сколь не наберется во всем нашем валке.

Казаки загудели.

– Да, да! – подтвердил Семен, – но как жеребейчить это добро, ума не приложу.

– Кажи, атаман, – попросили казаки.

Он пустил ларец по кругу. Там были кольца, жарьолки, цепи. Все из золота, да с бриллиантами. Под стать им пояса, прочая мелочь. Насмотрелись казаки, налюбовались, и вернулся ларец в атамановы руки.

– Ты прав, атаман, – заговорили казаки, – поэтому кажи, твоя мысля кака?

Атаман задумался, почесал затылок.

– Моя? А что, еслиф... златницу устроить.

Вдруг круг загудел. Потом поднялись сразу Курбат, Зосим, есаул Петро. Стали успокаивать казаков. Когда стихло и можно было говорить, Курбат сказал:

– Казаки, атаман дело сказал. Златница у нас и раньше была. Я это хорошо помню. Да засуха ее забрала. Зато все казаки живы остались.

Казаки поняли курбатову мысль и завопили:

– Волим! Волим!

– А кто не волит? – спросил атаман.

Тихо. Ни одного голоса.

– Ну, друзеки, решили. Кого златником видеть хотите?

– Курбата! Курбата! – в один голос опять завопил круг.

Атаман подошел к нему и вручил ларец.

– Держи, друзек Курбат!

Тот принял это добро и поклонился на четыре стороны. Осталось последнее – получить каждому свою награду. К этому их призвал атаман. Казаки не спешили, шли важно. Молча становились друг за другом. Каждый, получивший чувал, в него не заглядывал. Безразлично перекидывал через плечо и шел в курень.

Раздача шла быстро. Когда закрылось окошко за последним очередником, ударил набат. Теперь он призывал не к оружию, а к застолью. Раскрепощенные, довольные казаки предавались ему словно дети, оказавшиеся без родительской опеки. Эти их посиделки за

штофом с хорошим заграничным вином, может быть, были самыми счастливыми моментами в их жизни. Там велись беседы, молодые слушали рассказы бывалых казаков. А уж как они были счастливы, если забредали к ним певцы-баяны!

Казаки расселись по местам. Терпеливо ждали, хоть руки так и тянулись ухватить то кусок манящей осетрины, то кусище жареного мяса да добрую чарку вина. Но никто даже вида не подает. Не дай бог, чтобы кто-то о нем плохо подумал. Поднимается атаман с кубком в руках. Казаки облегченно вздыхают: «Сейчас начнем».

– Друзеки казаки! – заговорил он громко, поглядывая в разные стороны. – после каждого похода мы, вот так собравшись, поминаем товарищей, которые остались в чужой стороне. В этот поход нам некого поминать, слава те, Господи, слава нашей Покровительнице, – атаман падает на колени.

Встают на колени и казаки и хором повторяют:

– Слава те, Пресвятая Богородица!

Три раза повторяют они эти слова, крестятся. Первым поднимается атаман, за ним казаки. Он продолжает:

– Но помянем тех казаков, кто отдал свои христианские жизни за нашу веру. Светлая им память.

Казаки осушают кубки. Атаман подставляет опустевший кубок. Когда его наполнили, он провозглашает:

– С благополучным возвращением, друзеки казаки! Это вашим терпением, умением мы имеем то, – он рукой показывает на горы всевозможной еды, – чего не увидишь и у князей. Дай Бог нам всем и дальше удачи! – он лихо пьет и швыряет кубок на землю.

После третьего или четвертого кубка послушание нарушается. За порядком следят есаулы. Куренных атаманов они еще не избирали, как это делали днепровцы.

Начинает накрапывать дождь. Но пока мало кто обращает на это внимания. Разве атаман да есаулы, которые знают, что больше пить нельзя. Всякое может случиться. Незаметно исчезает Андрей, за ним Митяй и Захар. Митяй пришел не с пустыми руками. Втихаря за пазуху натолкал и мяса, и рыбы, да и фруктов прихватил. Оголодали парни, когда в трущобах терпеливо купцов ждали. А в курени хорошо. Кто-то разжег печь, стало тепло и сухо. Еда пригодилась. Постепенно подходили и казаки.

Но для настоящего казака дождь не помеха.

Андрей проснулся задолго до рассвета, выглянул на улицу. Дождь. Андрей всех своих, за исключением таких, как Курбат, разделил на две группы. Молодежь должна состязаться с бывальыми казаками. Начали состязаться в стрельбе из лука. И сразу у бывалых прокол. Не то те не всерьез принялись за дело, не то действительно подрастеряли свое умение. Молодежь торжествовала. Казаков это заело.

– Есаул, а ну давай еще! – потребовали они.

Но есаул оказался крепким камешком.

– Нет, – отрезал он, – щас, казаки, займемся ездой. Посмотрим, у кого лучше получится! – Кто первый? – провозглашает есаул, держа в руках оброть.

Долго мнутя, не решаются ни молодые, ни те, кто постарше.

– Выпускай! – приказывает есаул.

Он ловко набрасывает оброть и оказывается на спине тарпана. И пошел тот выкидывать коленца. Но не зря он на пастбище синяки получал. Его не сбросить. Но тарпан норовит. А есаул сидит как вросший. Боятся за него казаки и дивятся его ловкости, силе.

Все. Осталось одно: сбросить всадника на скорости. Стрелой понесся он в степь. Долго ждали казаки возвращения есаула. Кое-кто предположил, что свернул себе шею есаул. Ан нет, едет! Покорно, аллюром, идет под ним тарпан. Победа! Куда отнесет теперь себя есаул: к молодежи ай к старикам?

Спрыгнул он, снял оброть и подал пожилому... Замялись те. Стоят молча. Нашелся наконец смельчак. Удачно набросил оброть, прыгнул на спину. Но стоило коню остаться на задних ногах, как кубарем, под смех казаков, полетел всадник под ноги тарпана. Очередь за молодняком. Несколько человек сразу протянули руки за обротями. Досталось одному. Но и тот не выдержал, когда лошадь внезапно сильно подбросила зад. Полетел, да еще руку сломал. Зов на едальню остановил состязание.

Это первый обед в курени. Андрей пошел на свое место, но Курбат остановил его и показал, что есаул должен сидеть во главе стола лицом на Восток. Рядом, по ходу солнца, Курбат. Едальня началась по всем канонам казацкого уклада. Казан вылизан, все миски пусты. Казаки поднимались с мест. Есаул тщательно смотрел, не

оставил ли кто невзначай оковалок хлеба. Это – страшный грех. У казака к хлебу святое отношение. Забывчивого на первый раз поправят, а на второй – розгами пробудят память.

А в кабаке у Асафа уже дым коромыслом. Запоздавших тянут к себе. Сегодня не найти казака, который бы жадовал. У каждого открытая душа, каждый рад гостю. Пусть Русь знает, как казак гуляет. С ног сбивается Асаф с помощниками, стараясь всем угодить.

Андрей правильно понял казачий норов. Сейчас их остановить – это встать на пути несущегося табуна тарпанов. И не показаться им нельзя. Увидели Андрея свои, чуть не весь курень подскочил, к себе потащил. Каждый норовит с ним выпить, его похвалить. Хитрить Андрей начал: делал вид, что пьет, а сам за спину выплескивал. Благо, все кругом пьяны. Рад курень, что есаул с ними. У других-то нет! Горды андреевцы! Лучше не трогай!

Андрей не чаял уж как выбраться. Митяю подмигнул: мол, придумай что-нибудь, чтобы отсюда выбраться. Но... Захватило того бесшабашное казацкое раздолье. Говорят, на ловца и зверь бежит. Хоть никого не ловил Андрей, но зверь в виде Петра прибежал и позвал его к атаману.

У атамана, когда пришли Петро и Андрей, были уже другие есаулы, Курбат, Зосим, еще три-четыре седовласых казака. На столе – фрукты, заморские графины из венецианского стекла с легким вином, кубки. Атаман внимательно посмотрел на Андрея. Есаул или не пил, или был настолько силен и крепок в питье, что по лицу нельзя было этого заметить.

– Садись, – атаман указал на ослон недалеко от себя.

Андрей уселся, положив руки на стол, пытливо посмотрел на атамана. Семен взял графин, налил Курбату, Зосиму, потом себе и пригласил других сделать то же. Когда все наполнили кубки, атаман, взяв свой кубок, сказал:

– Давайте, друзеки казаки, выпьем за нашу казацкую долю. Она нелегка! Ой, как нелегка! Но она принесла нам свободу.

Все подняли кубки и осушили одним махом. Казаки после выпивки обтерли усы, посматривая на атамана, затем взяли те фрукты, которые по старшинству взял он. Хоть вино и не бражка, а в голову ударяет. После нескольких кубков потекли воспоминания. Начал Зосим. Важно провел по усам, откашлялся, как бы говоря:

«Послушайте лучше меня, кому есть что вспомнить». И начал воспоминания. Но досказать Зосиму не дал набат, который донес до них стонущий звук.

– Это че? – завертел головой Петро.

Хист съехидничал:

– Да ето кто-то набузовался и шуткует.

Однако к нему подключился церковный колокол. Он-то и вывел их на улицу. Марь застлала небо, нагнав на землю карачун. Взор всех был устремлен на восток. Там, гасимые дождем, догорали тревожные огни. Враз отпали последние сомнения. Спотыкаясь, кляня нечистую силу, двинули они, почти бегом, на майдан.

Вопреки ожиданию там было только с десятков казаков, еле державшихся на ногах.

– Че делать будем, атаман? Казаки-то пьяны, – и показали пальцами на кабак.

Семен, когда бежал на майдан, обдумывал решение на ходу. И стал отдавать команды.

– Андрей! Раздобуть пару оседланных коней. Петро, ты с Курбатом гобиш златницу и все остальное. Ты, – он ткнул в грудь пальцем какого-то казака, – дуй к Асафу, чтоб немедля закрыл кабак. Вы все, – он провел взглядом по толпе, – разбегайтесь по куреням, подымайте казаков.

Андрей, не раздумывая, вскочил на коня. Они быстро догнали Петра, который с Курбатом бежал к куреню. Остановив его, атаман сказал:

– Останешься за меня! А мы, – он кивнул на Андрея, – поглядим че к чему, – и взмахнул плетью.

Они понеслись на восток. Радостным лаем сопровождал их Дружбан.

Ночь пробежала быстро. Стало светать, а ничего опасного они не заметили. Взмыленные кони просили отдышки. Атаман пока не решался останавливаться, и они перешли на иноходь. Рассвело. Степь просматривалась на многие версты. Но вид ее был пустынен. Изредка мелькала косуля или серый овчар, с ленцой трусивший по следу.

– Стоп! – скомандовал атаман, видя, что коней дальше гнать нельзя, и спрыгнул наземь.

Застреножив коней, пустили их пастись.

И вдруг что-то заставило Дружбана заволноваться. Шерсть на его хребте поднялась дыбом.

– Ты пошто, – Андрей пальцем погрозил псу, – людей пугаешь?

Пес продолжал стоять в тревожно-наступательной позе. Тут Андрей и сам почувствовал какое-то непонятное волнение. Оно чем-то напоминало начало бури, когда появляются ее первые признаки: легкий шум верхушек деревьев от усиливающегося ветра. Но все вокруг было спокойно. Не шелестела трава, незаметно было, что поднимается ветер.

– Ты че? – спросил, приподнявшись, атаман.

– Да чей-то не пойму, – ответил тот, – вроде буря начинается, а все тихо.

Прислушался и Еремей.

– Да, че-то не так, – он вскочил на ноги.

Повертел головой, словно определял, с какой стороны может появиться это нечто. Потом упал на землю и прижался к ней ухом. Машинально и Андрей повторил его действия. И он услышал стон земли, вроде по ней неслось несметное количество табунов. Он вскочил. У него невольно вырвался вопрос:

– Что это?

Вскочил на ноги и атаман, схватив Андрея за руку.

– Бегом на рядант! – крикнул он, увлекая за собой Андрея.

До возвышенности было с полверсты. Они оказались там очень быстро. Достаточно было одного взгляда, чтобы остолбенеть: на них двигалось огромное неизвестное войско!

– Ложись! – возбужденно прикрикнул атаман, нажимая на плечо Андрея.

Да, было от чего напугаться не только псу. Атаман заволновался:

– Что делать, если они придут сюда? На усталых конях нам не уйти!

На их счастье, войска пошли мимо холма, на котором прятались казаки.

– Так, – радостно произнес атаман, – они идут явно не к нам. Куда же? – он повернулся к Андрею.

Есаул пожал плечами.

– Уж не на Тверь ли? – предположил Еремей, добавив: – Привалит щас к нам казаков!

Кош встретил их тишиной, с открытыми настежь воротами. Только легкий ветер катил по майдану перекасти-поле. Они вошли в Асафьев кабак. Ни души: голые столы, разбросаны ослоны.

Вскоре по округе понесся знакомый: «Бум! Бум!» Пересекая болотину, он вяз в лесных дебрях, терялся в буераках, лощинах. Не все его могли услышать, а до кого он докатился, осторожничали: «А вдруг...» Нашлись нетерпеливые смельчаки. Они ползали по подморной леваде с пучком сухой травы на голове вместо привычных башлыков. И только заметив атамана посреди майдана, поднимались, давая сигнал другим. Отряхавшись, подходили к атаману и не очень любезно справлялись:

– Че, атаман, зазря шербонили?

– Как сказать, – отвечал тот, ответом поднимая интерес.

– Че то было? – не без интереса допытывались подошедшие казаки.

– Было, – вздохнул атаман, – татары пошли на Тверь.

Чувствовалось, что казаки были настроены на разговор. Считай, полсуток языки на замке держали, а тут такая тема. Но по сдвинутым бровям, застывшему взгляду, нахмуренному лицу казаки поняли, что атаман что-то задумал и ему не до беседы.

И они были правы. Еще по дороге в кош Андрей ляпнул одну мыслишку: «Коль татары пошли на Тверь таким войском, не пощекотать ли нам их?» Но ссориться с Золотой Ордой атаман боялся, а вдруг, возвращаясь с похода, завернут к ним? С такой силой казакам не совладеть. «А что, если... ногайцев пощипать? Хан Золотой Орды доволен будет», – подумал он. Об их стычках казаки хорошо знали.

Атаман сделал знак рукой, чтобы они подошли поближе. Когда казаки сплотились вокруг, он сказал:

– Друзеки казаки! Кака вера вам краше: басурманская аль христианская?

Казаки закрутили головами:

– Че за вопрос? В уме ты, атаман, аль тово...

– Ну! – повелительно произнес он.

– Христианская, – загудели те.

– А неволя чья?

Казаки начали понимать, куда клонит атаман.

– Басурманская! – почти в один голос ответили они.
– А кто в той неволе? – продолжал атаман.
– Да ж казаки, атаман!
– А плыть по Дону можно?
– Можно! Можно! – с радостью в голосе орет казачество.
– А лодии у нас худы?
– Худы! – смеются казаки.
– А сабли востры?
– Востры.
– А стрелы-то остались?
– Остались. Веди нас, атаман!
– Може, на Московию двинем, аль до Кафы пойдём? – атаман хитро прищурил глаза.
– До Кафы, атаман, до Кафы!
– Тогда готовимся, казаки!
Вверх полетели шапки.

Кафа – город старый, да богатый. Кого там только не встретишь: и турка, и грека, и еврея, и фрязя, не говоря уж о татарах. Они берегут этот город. Знают, кто хорошо пополняет ханскую казну. А деньги повелителю так нужны. Не может смириться ногаец, что Золотая Орда сильнее его, Русью повелевает.

Много там и рабов всяких. Лучший в тех местах невольничий рынок. Бывали казаки там и раньше. Богатства привозили, да христиан освобождали. Почему не попробовать и еще раз. Неуж только своих христиан грабить. Надо и неверных пощипать.

Казачество увлеченно занялось подготовкой к походу. В один из таких дней атаман пригласил Андрея к себе.

– Чем занимаешься, есаул? – спросил он, усаживая парня напротив себя.

Тот рассказал, как стаскивают лодии, проверяют их и, если надо, то конопатят, смолят.

– Это правильно, – сказал атаман, хитровато поглядывая на парня, – да надо знать, сколько челнов надо будет докупать. Но конопатить да смолить это уж ближе к весне. Ты, – он посмотрел на него очень внимательно, – турецкий язык учишь?

– Учю. Курбат хороший наставитель.

– И не только, – заметил атаман, – он весьма знающий казак. И тебя он... уважает.

Андрей даже застеснялся.

– Ну, ты как красна дева, – рассмеялся атаман и ударил, привстав, его по плечу. – Но я тебя пригласил не за этим. Хочу тебя спросить, как друзек друзека: ты... тайны умеешь хранить? – взгляд атамана так и прощупывал парня.

– Не знаю, атаман, – он посмотрел в его глаза, – мне пока их никто не доверял, чтобы себя проверить. Но я верю себе, что их из меня раскаленными клещами не вытянешь. Иначе какой я казак?

Лицо атамана посерьезничало, взгляд стал колючим, изучающим. И вдруг он улыбнулся.

– А знаешь, я тебе верю! И поэтому хочу тебе доверить свою главную тайну. Только не сегодня, не сейчас. А для этого мы с тобой поедem в одно из княжеств.

Атаман посчитал излишним предупреждать его о молчании. Может быть, действительно был в нем убежден, а может, хитрил, хотел выяснить. Кто его знает.

ГЛАВА 24

Иван Данилович был доволен, что получалось, как он задумал, считая при этом, что его совесть чиста. Александр стал искать союза с его зятем. Это бесило князя: «Ишь, какого... родственника заманивал в свои сети. Хотел, чтобы он выведывал мои тайны, чтобы укусить. Но ему этого показалось мало, и он искал поддержку у литовцев. Нет, голубчик, тебе это не пройдет». Нет! Вот он ведет войска. Они приступом возьмут Тверь и не оставят камня на камне! А что станет с ней? Неужели и она погибнет? Нет! Ему хотелось закричать.

– Прости, – шепчут его губы, – ты видишь, как медленно я веду войска, чтобы ты, милая, успела оставить свой город! Учти, я ведь тоже завишу от хана. Узнай он о моих замыслах, не сносить мне головы. Идите на север, этот путь свободен, оттуда вы попадете или в Новгород, или в Псков, – кто вас примет. По-другому я не могу поступить. Я даю вам такую возможность для спасения. И только ради тебя.

Зря князь так волновался. Александр оставил Тверь.

Когда они наконец подошли к Твери, ворота были открыты на удивление всего татаро-русского воинства. Татары ринулись грабить город. А поздно ночью в шатер Ивана Даниловича пробрался Василий Коверя. Он-то и рассказал князю о бегстве княжеской семьи. Князь и виду не подал, что это его обрадовало. Ведь он это и предполагал. И он хорошо знал, куда они бежали. Но, однако, Иван Данилович пригласил к себе темников, русских князей и приказал им искать тверского князя. Это задерживало выход войск и давало возможность Александру достичь один из городов, где он мог найти прибежище.

Некоторое время Иван Данилович не хотел въезжать в Тверь, но он не в силах был отказать Федорчуку, который не мог не насладиться павшим градом. Их путь проходил мимо княжеских хором, и он пригласил Федорчука заглянуть туда. Но толстому полковнику не хотелось слезать с коня, и он отказался. Заколебался было и сам князь, но какая-то сила потянула его туда.

Когда Иван Данилович вошел в хоромы, он не встретил там ни одной живой души. Вся обслуга в страхе за свою жизнь тоже

разбежалась. Удивительно, но не было видно и следов грабителей. Вероятно, принадлежность дома князю отпугивала не только русских разбойников, но и татарских махаметов. В окна, раскрытые настежь, влетал с улицы ветер, принося запах гари, крови.

И вот Иван Данилович дошел до трапезной, где он впервые увидел ее. Перед глазами воскресла картина той встречи. Встреча их взглядов. О господи! Напрасно она упрямится. Они полюбили друг друга! Но она боится себе признаться в этом. Но... он надеется, что это произойдет. И как она прекрасна! Князь тяжело вздохнул.

– Князю плохо? – услышал он за спиной знакомый голос.

Иван Данилович оглянулся. На пороге стоял его верный боярин Кочева. Князю не хотелось, чтобы тот понял его состояние, и грубоватым голосом он приказал:

– Поставь сюда воев, чтоб уберегли.

Боярин кивнул головой. В переходе раздались шаги. Кочева оглянулся и быстро отпрянул в сторону. В трапезную входили князь и темники. Видать, не могли удержаться любопытство и скопом пошли в княжеский терем. Иван Данилович подозвал пальцем Кочеву и шепнул ему на ухо:

– Стол накрой!

Боярин понятливо кивнул. Гости не без интереса рассматривали трапезную. Особенно поражены были татары. Они ходили вокруг стола, щупали сидения, щелкали языком. Понравился им посудный поставец, забитый золотой и серебряной посудой. Один из татар удивленно произнес по-русски:

– Какая богатый утвар!

– Да, – подтвердил Иван Данилович, – не стыдно подарить и Великому хану.

Эти слова отбросили татарина от поставца, словно его отшвырнула чья-то невидимая рука.

Иван Данилович подошел к грузному темнику и взял его за локоть. Это был Махмет, внучатый племянник хана Узбека. Он повел его к столу, по пути дав сигнал Александру Васильевичу, чтобы тот шел с ним. Князь усадил темника по правую руку, чем тот оказался весьма доволен, а суздальского князя – по левую и спокойно смотрел на возню при усадке за стол. Каждый хотел сидеть поближе к московскому князю. Но вот появился Кочева, которого сопровождало

несколько человек. Кто нес съестное, а кто кувшины с питием. Это внесло оживление и быстро уладило споры за места.

Князь встал и поднял кубок:

– Други, я бы хотел, чтобы мы все поблагодарили Всевышнего за такую легкую победу. – и он начал молитву: – благодарю Тя, Господи Боже мой... любящих Тя, Христосе Боже наш, и Тя поет вся тварь веки. Аминь!

– Аминь, – хором подхватили князя.

Татары только водили руками по щекам. Закончив молитву, Иван Данилович продолжил:

– Я знаю, как возрадуется Великий из Великих наш хан Узбек. Да пусть продлятся его годы, да будет радостен каждый его день! За Великого Узбека!

Выпили дружно.

После нескольких кубков неожиданно поднялся один из темников. Это был коренастый, широкоплечий монгол с брюшком, со злыми, темными глазами.

– Щася я сказал, чо ты князя упустила.

Иван Данилович повернулся к Махмету.

– Скажи, Махмет, кто повелел послать легкие конные отряды, чтобы схватить беглеца?

Махмет понял его хорошо и ответил одним словом:

– Ти! – и как бы в подтверждение ткнул его пальцем в грудь.

Иван Данилович не скрывал своего торжества. Но подвыпивший монгол не думал сдаваться.

– Моя думай, ни така. Моя думай, ти хитра!

Иван Данилович улыбнулся.

– Я не знаю, чем занимались твои люди, которых ты послал. Боюсь, вместо того, чтобы его ловить, собирали дань!

Рассмеялись темники, рассмеялись и русские князья. Когда просмеялись, князь серьезным голосом сказал:

– Как только узнаем, куда он ушел, пойдем туда и схватим, – и посмотрел на Махмета.

Тот закивал головой.

В душе князь знал, куда Александр мог бежать. Догадывался он и о том, что путь на запад у него пролегал только через север. По его прикидкам, Александр должен быть через пару дней на месте. А пока

Иван Данилович приказал сыскать воеводу, других близких к князю людей, чтобы те сказали, куда же направил стопы их князь. Но воевода, приказав открыть ворота, бесследно исчез, а остальные ничего не знали.

Когда Александр с женой благополучно прибыл к Новгороду, от процессии, которая его встречала и обрадовала князя, вперед выступил посадник Семен Климович. Он снял колпак и низко поклонился князю. Его редкие с сединой волосы обнажили почти голый продолговатый череп. Когда выпрямился, быстрым отработанным движением собрал их, прикрыв голову, и надел колпак.

– Прости, князь, меня, – начал он хриловатым голосом.

Александр сразу почувствовал что-то неладное. Тот продолжал:

– Не по своей воле говорю, а выражаю волю новгородцев. Не хотят они, князь, видеть тебя на княжении. Они не забыли, как просили твоей помощи после убийства Литвою нашего честного мужа Ивана Сыпа. Но ты отказал. А сейчас хочешь просить нашей помощи. Не хотят новгородцы за тебя свою кровь проливать. Перед тобой они ворота не откроют. Хочешь, бери силой.

Князь посмотрел на город. На стенах стояли готовые к битве воины. Через приоткрытые ворота видны были отряды. Александр оглянулся на свою дружину. Силы явно неравны.

– Кланяйся, Семен, от меня своим горожанам. Скажи им, что князь на них зла не держит. А не помог я тогда не из-за мести какой или умысла злого. С ханом у меня тогда не все ладно было.

Князь соскочил с коня, подошел к Семену, обнял его и поцеловал в щеку.

– Еще раз кланяюсь вам, новгородцы, пусть Бог будет к вам милостивым.

Он вскочил на коня и, хлестнув лошадь, взял с места в карьер. Путь его лежал на Псков.

– Это все он! – процедил Александр сквозь зубы.

Князь остановил коня, когда стены города скрылись за горизонтом. Бросив узду подскочившему вою, он, хмурясь, залез в карету. Анастасия поняла все и не стала донимать мужа расспросами. Обняв его, она тихим голосом проговорила:

– Мне ничего не страшно, когда ты со мной. – Милый, ты сказал, что новгородцы уговаривали тебя выступить с ними и Литвой против московского князя?

Князь, сильно расстроенный, не уловил ход мыслей жены и со злостью на лице согласно кивнул головой.

– Так, может, он узнал об этом?

Он ничего не ответил и закрыл глаза.

Анастасия только вздохнула и приоткрыла окно. Наступила ночь. Но как ни темно было, она поняла, что едут они по лесу.

А через несколько дней Псков гостеприимно открыл князю свои ворота. Радость псковичан по случаю прибытия тверского князя была неподдельной и растопила ожесточившееся сердце Александра.

Пока Иван Данилович ждал вестей, татары жгли города и села, пленили народ, опустошая русскую землю. Аппетит их разыграл, и они требовали от московского князя, чтобы он вел их на Новгород. Но князь отговаривался от них тем, что он не сделает ни одного шага, пока не узнает, где Александр, и не выполнит требование хана. Наконец известие было получено. Он вздохнул с облегчением: она была в безопасности. Теперь можно приступить к делам. Иван Данилович послал в Новгород гонца, который передал княжий совет – откупиться. Те собрали две тысячи рублей серебром и прислали Ивану Даниловичу. По этому случаю он вновь собрал и темников и князей. На нем он объявил о местонахождении тверского князя. Тотчас раздались воинственные крики:

– На Псков!

Татары были опьянены победами и жаждали их еще.

Князь долго слушал их крики. Князья молчали. Когда их пыл поостыл, Иван Данилович поднялся.

– Люди добрые, – начал он, – мне понятны ваши желания. Но если бы вы заглянули в мое сердце, то увидели бы, как оно кипит от негодования. Этот нашкодивший трусишка бежал постыдно. Но я думаю, мы не вправе принести Великому хану злую весть: этот князь призвал на помощь Литву, чтобы объединенными усилиями разгромить наши войска. Вы, – он обратился к татарским воеводам, – можете идти на Псков. Но только без меня! Пока хан не разрешит это сделать, я не сдвинусь с места.

– А Новгород? Новгород давай, – заорали татары.

Князь поднял руку и ударил в ладоши. Те стихли. В трапезную вошли четыре воина, внесли сундук и поставили его на стол. Князь подошел к нему, открыл крышку и, позвякивая металлом, что-то набрал в горсть. Подняв руку, он медленно стал разжимать пальцы. Все увидели, как новые блестящие монеты падали в сундук, издавая тонкое серебряное звучание.

– Это Великому хану от новгородцев! – торжественно объявил он.

Татарская сторона смолкла, точно им повязали рты. Больше говорить ему с ними было нечего, и князь объявил:

– Властью, данной мне Великим ханом, я объявляю наш поход законченным, и всем надлежит вернуться к себе.

Татары переглянулись. Трудно сказать, что подумали они. Но особенно печалиться им было нечего. Возвращались они не с пустыми руками, да и русских рабов для Кафы набрали изрядное количество.

Иван Данилович со своими полками шел, как положено хозяину, последним, строго следя за тем, чтобы татары по пути не вздумали грабануть Московскую землю. Они стороной обошли владения московского князя. Но когда князь с полками остался на родной земле, они, почувствовав свободу, наведались в «гости» к рязанскому князю.

А дома Ивана Даниловича ждал Федор Иванович Стародубский. Спасли старого князя монахи. Как только Федор пересек порог гридницы, Иван Данилович быстрым шагом подошел к нему и, взяв за руки, спросил:

– Жив?

– Как видишь, князь, – улыбнулся тот, – да только... – на его глазах навернулись слезы.

Князь прижал его к груди.

– Прости, Федор, – сказал он, – а я тебя... похоронил.

– Знаю, Иван Данилович, знаю. Это постарался мой братец. Ишь, добро мое захотел к рукам прибрать. Сына моего младшенького, опору мою, погубил, – князь Федор заплакал, вытирая руками слезы.

– Так он мне сказал, что Андрей задумал... убить своих братьев.

– Кто, Андрей? Да бог с тобой, князь! Андрей был у меня добрым сыном. У него и в голове такого не могло быть. А че утворил Василий, тебе расскажет Андреева тетка Варвара. Разреши ей войти, князь.

Иван Данилович кивнул отроку. Вскоре тот привел перекошобоченную старуху. Иван Данилович знал ее в своей юности. То была высокая, статная женщина с волевым, строгим взглядом. А тут... рухлядь, да и только.

– Не узнаешь, князь? – прозвучал ее голос. – Да я сама себя не узнаю. Такой меня сделал, – лицо ее исказилось болезненной гримасой, – братец. Так рубанул сабелькой, – она головой показала на изуродованное плечо, – что сделал калекой. Не добил меня, видать, подумал, что я кончилась. Все хотел узнать, где Андрюшенька.

По тону, с какой лаской в голосе произнесла она это имя, Иван Данилович понял, что это был ее любимый племянник. Как человек, чувствительный к горю других, он не мог взглядом не выразить сострадания. Это заметил князь Федор и не сдержался, чтобы не сказать горькие слова:

– Вот такого сынка он погубил!

Бабка, услышав это слово, вдруг преобразилась:

– Жив он, жив! Я не сказала супостату, где прятался Андрюшенька. Ты уж, князь, – она подошла к Ивану Даниловичу и взяла его за руку, – как он найдется, окажи ему милость, помоги! Поклянись, князь, что исполнишь мою просьбу! А я буду молиться за тебя, чтобы продлил Бог годы твоей жизни.

– Клянусь. Только в свое время по жалобе Василия я приказал сыскать твоего сына, – он посмотрел на Федора, – и сурово его наказать. А оно, вишь, как бывает. А где сейчас Василий? – спросил Иван Данилович, глядя на Федора.

– Да, как я вернулся, он сбег. Кто его знает, где он.

– Сам-то ты здорового хворал? – спросил Иван Данилович.

– Здорово. Думал, все, заберет меня к себе Господь. Ан нет, монахи выходили.

– Это хорошо. Живи, Федор Иванович. Может, и Андрей твой найдется.

– Дай-то Господь, – Федор Иванович перекрестился.

– Найдется! – уверенно сказала Варвара.

– Давайте прощаться, – князь поднялся, поочередно посмотрев на гостей. И как бы извиняясь, пояснил: – делов много. Опять в Орду окаянную ехать надо.

Неожиданно прозвучал голос Варвары:

– Умен ты, князь. Вижу, как Москва силу набирает. Умеешь ты ее оградить от ханских загребущих лап. Вот силы она наберется, и... – старуха сжала кулак и кому-то погрозила, добавив: – Вот найдется Андрюшенька, он хорошим тебе помощником будет!

Князь подошел к ней, обнял и поцеловал со словами:

– Спасибо за доброе слово. А попадется мне в руки Василий, ответит за все свои злодеяния.

На этом они расстались. После их ухода князь, остановившись посреди гридницы, задумался: «Интересные выверты бывают в этой жизни. Попадись мне раньше Андрей, все, палач бы сделал свое дело. Небо знает, что делать. Оно ведет нас», – и он быстрым шагом направился в молельную комнату.

А на другое утро, чуть свет, выхода князя из опочивальни ожидал Василий Кочева и купец Елферьев.

– А, Василий! – перешагнув порог, воскликнул князь и добавил: – Как увижу тебя в такую рань, так чую, что опять плохую весть принес. Ладно, пошли, – князь кивнул купцу, взял их под руки и повел в гридницу.

Усадив их напротив себя, он вопросительно посмотрел на Кочеву. Тот передал этот взгляд купцу. Елферьев откашлялся, погладил руками бороду.

– Князь, Иван Данилович, – начал он неторопливым, размеренным голосом.

Но князь перебил его:

– Че это у тебя на лбу, купец?

Тот провел по шраму рукой:

– А, отметина о моем спасении.

Глаза князя округлились:

– Как это так?

– А вот так, – и он рассказал о том случае, когда казаки напали на его судно.

Лицо князя насупилось. Он нервно поднялся и подошел к Василию:

– Боярин, пошто мало посылаешь дружинников?

Боярин посмотрел на князя. Его суровый взгляд заставил того подняться.

– Князь, чтоб охватить все их пути, надобно...

Иван Данилович не дал ему договорить. Он взял его за воротник и приблизил к себе:

– Ты что, не понимаешь? Торговый человек знать не хочет, что делаем мы с тобой, он должен видеть одно – свою защиту! Так?

Отпуская боярина, он повернулся к Елферьеву. Купец неожиданно засмутился, поглядывая на боярина. Князь рассмеялся:

– Боярина испугался? Не бойсь, не обидит! Но ты, – он грозно посмотрел на Кочеву, – не будь нюней. Всех разбойных людей... – он махнул рукой.

Этот взмах можно было расценить как безжалостное отсечение головы.

– Я так, князь, и делаю, – поправляя кафтан, обидчиво произнес боярин. – Надобно найти управу и на казаков. Кто его грабил, – он кивнул на купца, – думаешь, знает? Може, грабитель, а скорее всего, та вольница. Только с ней сладить посложней. Много их щас там. Пол-Твери, поди, сбежало.

Слова боярина насторожили князя. Он о казаках слышал и раньше, но не придавал этому значения. Замечания же боярина вдруг представили ему угрожающий рост этой вольницы. Он задумчиво сел в кресло.

– С Твери, говоришь, бегут? – глядя в сторону, проговорил он.

– Да, бегут, – повторил боярин.

Князь опять поднялся.

– Мир нужен вот так! – он провел по горлу рукой. – Тогда найдем управу и на казаков. Вернее, попробуем их взять к себе, пуццай стерегут нашу Московскую землю!

– Голова ты, князь! – вставил слово купец. – Быстрей решай только.

– Быстро, купец, не получится. Щас еду в Орду. Отчитаться надо перед Узбеком. Что он скажет. Александра-то я не изловил.

Боярин лукаво посмотрел на князя. Тот ответил ему повеселевшими глазами.

– Тут, – боярин кивнул на купца, – принес одну весточку. Не знаю, повредит она тебе или нет.

– Говори! – приказал князь купцу.

Тот опять прокашлялся и начал:

– Побывал я, князь, в Риге.

– Когда успел? – удивился такой вести князь.

Купец улыбнулся:

– Волка ноги кормят, – он опять покашлял и осторожно произнес: – один купец сказывал, что Александр-то остановился...

– В Пскове, – ответил князь за него.

– А ты откель знаешь? – удивился Елферьев.

– А где ему быть? Новгород, – князь призадумался, – вряд ли возьмет.

– Не взял, ты прав, – подтвердил и купец.

– Да! – оживился Иван Данилович.

Это известие приятно было слышать, ведь он угадал его.

– Но, – лицо купца стало серьезным, – Александра, сказывают, видели в Вильнусе. Не сидится на месте, видать, подмогу ищет.

– Да, я знаю, – сказал князь и перевел взгляд на боярина, – утрами ты всегда приносишь не очень хорошие новости. – Он прошелся по гриднице, потом подошел к боярину: – Василий, – князь положил руку на его плечо, – я уезжаю в Сарай через два дня, боюсь, что Узбек меня заждался. Скажи Миняю... – и он глазами досказал свою мысль.

Тот понимающе кивнул.

Иван Данилович был прав. Хан действительно ждал... только не самого князя, а вестей от него. Несколько дней тому назад он узнал, что его враг и соперник ногайский хан послал племянника к литовскому князю Гедимину. По спине хана побежали мурашки от одной мысли, что его главные силы где-то громили Тверское княжество, а тем временем ногаец, воспользовавшись этим, может соединиться с литовцами, которые год от года набирали силу, и напасть на него.

Иван Данилович торопился. Сообщение купца его сильно встревожило. Он даже поругивал себя, что дал возможность Александру так свободно уйти. «А если они договорятся с этим Гедимином? Нет, с этим что-то надо делать. Гедимин – весьма опасный враг. Что же делать? Но... пока это все же далекая опасность. А сейчас как встретит меня хан, когда я не выполнил его требование? О, Пресвятая Богородица, не оставь меня, смилуйся и помоги! Не для себя стараюсь», – переживал князь.

В Сарай Иван Данилович прибыл под вечер. Приказав обозу следовать на двор, сам поехал к ханскому шатру. Все тут оставалось по-прежнему. Подступы были ярко освещены, грозная стража стояла повсюду. Но он решил все же вначале заехать к старому знакомому Ахмылу, чтобы он рассказал, чем живет ханский дворец.

Ахмыл не спал. Два стражника, узнав князя, расступились перед входом. Войдя вовнутрь, князь увидел, что Ахмыл, сидя на шкурах, масляными глазками следил за танцами двух молодых, по-змеиному гибких танцовщиц. Шаги смельчака, позволившего себе без спроса войти в его шатер, напугали Ахмыла, и он схватил саблю. Но на его ноги упала, словно с неба, роскошная соболья шуба. Ее шерсть горела волшебным светом, а нежность приятным теплом окутала ноги. Ахмыл поднял глаза и узнал князя. Отбросив подарок и саблю, он вскочил, и они обнялись, как старые друзья.

Ахмыл хлопнул в ладоши, и появились вышколенные слуги. Он что-то сказал им, и вскоре кувшины с арзой, разные закуски появились перед хозяином и гостем. Но по напряженному лицу гостя хитрый монгол понял, что тому не терпится остаться вдвоем и что от него хочет его русский друг.

Он бесцеремонно прогнал танцовщиц, китайца и рассказал ему о ханской тревоге.

От Ахмыла князь шел пешком, обдумывая сказанное. И когда он входил во двор, то уже знал, как поведет себя при встрече с ханом. Он даже повеселел. И, прежде чем лечь спать, упал на колени перед иконой и попросил Пресвятую Богородицу не оставлять его и впредь своими милостями.

Утром, под вой труб и гром барабанов, появился Федорчук. Войска возвращались в столицу. Теперь Ивану Даниловичу можно было смело подходить к Узбеку. Он не ошибся. Такого еще не было. Хан обнял его и жирными губами несколько раз, по русскому обычаю, поцеловал в щеки. Взяв под руку, повел к трону. Такой торжественной встречи русского князя со времен Батыея еще не было. Князь успел взглянуть на Федорчука и подмигнуть ему. Мясистое лицо Федорчука расплылось в счастливой улыбке. Полководец понял, что князь его не выдаст. Ведь в том, что он не доставил Александра, был отчасти виновен и полководец. Узбек тотчас мог выместить на нем свою злобу.

Князь начал рассказ издалека. Хвалил татарского полководца и его воинов, потом перешел к Александру.

– Никто не мог предвидеть, что тверский князь окажется таким трусом, бросив на произвол судьбы свое княжество.

При этих словах Иван Данилович весьма выразительно посмотрел на Федорчука. Тот даже приподнялся и стал громко поддакивать. Но хан покосился на него, и тот сразу умолк.

– Мы шли по пятам, все ожидая его нападения, – продолжал Иван Данилович, – но когда представили, что князь мог бежать к Гедимину, мы подумали, – и он вновь посмотрел на Федорчука, который сильнее закивал головой, – что, если литовский князь прознает, что твои, хан, войска находятся так далеко от тебя, не появится ли у него желание... – князь замолчал и склонил в почтительном поклоне голову. – Великий и бесподобный, перед умом которого меркнут лучи яркого солнца, великий наследник Ан-Насира, твое спокойствие мы сочли дороже какого-то трусливого человечка, пусть даже и князя. Он никогда не уйдет, мое солнце, от наших рук. Да пошлет тебе небо тысячу лет, да будет прекрасным твое царствование. И мы решили вернуть твое войско. Теперь, мой повелитель, мое сердце спокойно.

Иван Данилович не сказал «я», а «мы». Хан понял, что речь шла о Федорчуке, и его лицо выражало само блаженство. Хан поднялся и, подойдя к князю, сказал:

– У многих русских князей я вижу в глазах только ненависть и страх. Твои же глаза светлы, как и твои помыслы. Ты заслуживаешь того, чтобы стать великим! Садык! – хан повернулся к главному визарю, – подготовь немедленно грамоту.

Но на этом ханская милость не кончилась. Хан неожиданно спросил:

– А кого ты хотел бы видеть на троне в Тверском княжестве?

Иван Данилович, не задумываясь, ответил:

– Константина Михайловича.

– Быть по сему! – хан вновь посмотрел на Садыка. – Только, – продолжил хан, – вам придется найти Александра.

Князь согласно кивнул. Но у него лихорадочно работала мысль: «Константина надо срочно вызвать в Орду. Тут, как говорится, куй железо...» И полетел княжий посланец с небольшой охраной на северо-запад, загоняя нещадно коней.

Хан не отказал себе в удовольствии пригласить великого московского князя на пир. Посадив гостя, на зависть родни, рядом с собой, он непрерывно угощал его хорзой. Это была великая честь. После пирушки, слегка покачиваясь, князь решил проветриться и до своего очага идти пешком. Не успел он сделать и нескольких шагов, как его догнал Ахмыл. Не мог татарин просто так отпустить обласканного самим ханом гостя. Они обнялись, и князь пригласил татарина к себе. Тот охотно согласился.

Не прошло и полмесяца, как Константин появился перед очами Ивана Даниловича. Тот ему обо всем рассказал. Не предполагал Константин, что дело может так кончиться. В душе он навсегда расстался с Тверским княжеством, боясь за свою жизнь. А тут такое! Упал он перед Иваном Даниловичем на колени и стал в благодарность целовать руки.

– Да ты что, князь. Ты ж моя родня. Я ведь не девка какая. Одного я от тебя хочу – жить в мире, – говорил князь, за плечи поднимая Константина.

Единственное, что смутило Константина, это то, что надобно изловить Александра. Таков приказ хана. Тверской князь пригорюнился. Иван Данилович, поняв, какие чувства разыгрались в душе честного князя, хитро ему подмигнул и добавил:

– Ловить, брат, не значит еще поймать!

Лицо Константина осветила улыбка.

ГЛАВА 25

Для Андрея лето пролетело в один миг, так же незаметно подкралась осень. Этот переход трудно было определить, потому что безжалостное солнце еще с середины лета беспощадно выжгло всю степь. О том, что подошла осенняя пора, он услышал от старых казаков, да и ночные холода подтверждали это.

А в казацком стане жизнь не менялась. Она, казалось, была такой же безмятежной, ленной, и никто ни о чем не хотел задумываться. Вяло шла подготовка к будущему походу. Только есаул Андрей требовательно, настойчиво, а порой и безжалостно, часами заставлял казаков сидеть в похолодевших водах Дона. Или выдумывал походы, в которых молодые казаки сутками, без еды и питья, сидели в засадах. А уж о сражениях на мечах или саблях, безумных скачках и говорить было нечего. Но, к удивлению многих, никто от Андрея бежать не собирался. Наоборот, просились к нему. Старые, авторитетные казаки, к каждому слову которых с внутренним благоговением все охотно прислушивались, одобрительно кивали головами при виде изнуренно бредущих к своему куреню андреевских воев.

Особенно доволен был атаман. Он часто ставил Андрея в пример, у кого, как ему виделось, подготовка шла ни шатко ни валко. Многие даже обижались ... про себя. Особенно не выносил этого Хист. Он так старался, что, казалось, вот-вот перепрыгнет Андрея. Но если у Андрея такая беспокойная жизнь была нормой, то у Хиста она проходила рывками.

Другие при замечании атамана обычно отговаривались тем, что, мол, молодой, только добрался до власти, скоро поостынет. Но напрасны были их ожидания. Андрей выдумывал все новые и новые испытания. Втайне от всех он со своими казаками соорудил... крепостную стену, и они учились брать ее штурмом. Когда об этом узнало казачество, оно решило: быть ему в будущем атаманом.

Атамана мучила и другая забота: зима. Какой она будет? Хватит ли припасов? Боялся он и татар. Воочию видел их силу. И все больше и больше приходил к мысли, что надо с кем-то завязывать союз. С

днепровцами? Те, конечно, смогут прийти на подмогу. Но какой силой? Их самих доставали, кроме ногайцев, еще ляхи.

Все чаще стал он вспоминать Степана Юрьевича Василева, рязанского боярина, перед которым он был в долгу: обещал приехать, а не приехал. Надобно заглянуть и к Миките Буроку. И он собрал совет. Тот единогласно решил: надобно ехать. Дружбу с князем завести стоит. Надобно и окончательную цену оговорить. Как-никак, помощь хорошая будет.

– Друзеки мои верные, кого назовете мне в помощь? – сказав, атаман оглядел казаков.

Всем было ясно, что случись беда, Семен захочет видеть преемника. И почему-то все, не спрашивая атамана, кого бы он хотел видеть, назвали Андрея.

– Быть, братья, по сему! – и Семен ударил кулаком по столу.

Когда все разошлись и остались Зосим с Курбатом, первый спросил:

– Скажи, атаман, а ты сам кого бы назвал?

Тот улыбнулся и ответил:

– Того же.

Рязань встречала неожиданных гостей звоном колоколов и огромными толпами народа, запрудивших улицы.

– Казаки! Казаки! – кто глядит со страхом, наслышавшись, что казак – это звероподобный человек, с ног до головы обросший волосами, кто кричит с радостью, а кто и с потаенной надеждой.

А они, подстегиваемые этими криками, ехали гордые, уверенные в себе. От них исходила сила, которая притягивала внимание народа. Впереди, на статном коне, держа в руках булаву – диковина, приковавшая взоры, – всадник. На голове у него черная роскошная папаха с клиновым тумаком, широкие шаровары на учкуре. На плечах – чекмень, расшитый серебром. На поясе с камнями – сабля, рукоять которой слепит глаза блеском изумрудов. Князь, да и только.

А рядом – молодец! Девки с бабами глаз не спускают. По посадке видно: высок, статен. Приятное лицо обрамлено не окрепшей еще бородой. Взор ясен, чист, так и притягивает женские взгляды. За первой парой два таких казака, как их кони только держат!

Вот и княжеские хоромы. Ворота широко открыты. На высоком крыльце их встречает сам князь Иван Иванович, сын Ивана

Ярославича. Ему нездоровится. Какой день тело огнем горит, а ему холодно. Поэтому в зипуне. Он невысок росточком. Голова не покрыта. Редкие льняные волосы еле прикрывают его продолговатый череп. Невыразительные глаза смотрят из-под белесых бровей. Пожатие горячей руки было вялым, и атаман сразу догадался, что князь болен.

– Прости, князь, – выпуская его руку, проговорил гость, – что не вовремя приехал. Даже не успел тебя предупредить.

Князь, достав из кармана тряпку, вытер потный лоб.

– Ты уж меня прости, атаман, что прихворнул немного. Давно тебя жду.

Семен кивнул. На его глазах князь несколько преобразился. Сразу было понятно, что он старается держаться. Куда ему деваться. Хоть неожиданные гости, но очень важные. Он взял атамана одной рукой под локоть, а другой жестом указал путь.

– Я не один, – атаман кивнул на Андрея, стоявшего сзади.

Князь пригласил и парня следовать за ними. И сразу повел их в трапезную. Там уже успели накрыть по русскому обычаю. За столом князь расхрабрился и пил со всеми наравне. Правда, тягаться с Семеном ему было не под силу. Андрей же хитрил, как обычно, и почти не пил. Вскоре князь захмелел и отключился, еле проговорив:

– Вы уж тут... без меня.

Слуги подхватили княжеское тело и вынесли его из трапезной.

За главного остался княжеский дворский – мужик со здоровой красной ряжкой. Да и по всему его виду было понятно, что бог не обидел человека здоровьем. Они еще долго с Семеном состязались, обнимаясь и целуясь. Все же Семен оказался покрепче. Слуги развели Семена и Андрея по опочивальням, позаботились и о других казаках.

На следующий день для всех полной неожиданностью было то, что раньше всех поднялся хозяин, и чувствовал он себя совсем здоровым. Тело не горело, пота не было.

Он позвал дворского и спросил:

– Как гость?

– Хорош! – заулыбался тот.

– Зови боярина Василева и приглашай гостей. Да приготовь чего-нибудь легкого.

– Рассолу?

– Можно и рассолу, ну и квасу... неси.

Только к обеду все собрались в гриднице. Это было вытянутое помещение с четырьмя окнами, длинным столом и с деревянными креслами с низкими спинками. Только у княжеского кресла спинка была высокая. Князь сидел в торце стола. По правую руку от него – боярин, дворский, писарь в черном одеянии, с длинным гусиным пером в руке. Перед ним стоял пузырек и лежала кипа бумаг. По левую сидел атаман и его есаул.

Князя трудно было узнать. Когда взгляды атамана и его встретились, оба приветливо улыбнулись. Затем князь сделал серьезное лицо и сказал:

– Атаман! Боярин, – он кивнул на Василева, – сделал тебе предложение. Что ты скажешь? Ты согласен с ценой?

Что было сказать атаману? Священника, который был силен в грамоте и мог сделать пояснение, он так и не дождался. Да в последнее время и подзабыл об этом атаман. Он заерзал на месте и посмотрел на Андрея. Взгляд атамана был каким-то растерянным. В голову атамана врезалось слово: цена. Цена... а на что? Видать, это сильно озадачило Семена.

Атаман не ожидал, что поднимется Андрей и скажет:

– Князь, пусть боярин повторит эти цифры.

Иван Иванович посмотрел на Василева и кивнул ему головой. Тот в свою очередь повернулся к писарю:

– Яков, повтори.

И он стал называть цифры. Семен смотрел на него широко раскрытыми глазами. Внимательно слушал и Андрей. Когда Яков кончил называть цифры, Андрей шепнул атаману: «Соглашаться нельзя. Мало дают. Разреши сказать мне». Семен кивнул. Андрей поднялся, поклонился князю, напротив сидевшим людям и начал с ходу:

– Ваши цены нас не устраивают. За зерно вы просите больше, чем оно стоит в Московии. А за то, что будем охранять, мало...

И пошли споры. Спорили, по сути, двое: Андрей и писарь. Редко встречал боярин. Атаман был крайне удивлен осведомленности Андрея. И... любовался им. Как ловко положил он на «лопатки» этого писарчука. До позднего вечера шел торг. Мало-помалу уступали обе стороны. Наконец, не выдержал князь. Он уже давно хотел есть. Спор

шел о плате за убитого казака. Писарь давал тридцать, Андрей называл пятьсот рублей.

– Ладно! – махнул рукой князь, – татарам отдаем больше. Быть по сему!

Писарчуку кое-что удалось отстоять. Но больше выиграли казаки.

Обед, соединенный с ужином, затянулся далеко за полночь. Семен попросил князя, чтобы он позвал на обед и купцов. Князь ласково посмотрел на атамана, догадавшись, что он у них что-то запросит. Так и случилось. А просил он у них одежду казацкую, оружие и полсотни ладей. Потом купцы меж собой шептались:

– В набег пойдут!

Они расставались друзьями. Договорились, что казаки не будут делать больше набегов на рязанские земли, а с нового года будут охранять границы княжества. Атаман был доволен больше всех. У него враз отпала забота, как прокормить казачество. Рязанского хлеба хватало на всех казаков. Тверской поход татар сделал свое дело.

Перед входом в опочивальню атаман, приоткрыв дверь, задержался и, не глядя на Андрея, произнес:

– Рядились да пьянствовали, а про казаков и забыли.

На что есаул ответил:

– Не печалься, атаман, я был у них. Князь не поскупился, устроил хорошо. В старостином доме. И питья, и еды хватает. Казаки довольны.

Атаман удивленно посмотрел на Андрея, спросив:

– Когда же ты успел? Все вроде рядом был.

– Да когда ты с боярином целовался да братался.

Атаман ухмыльнулся:

– Крепок ты, чертяга!

На следующее утро, когда солнце поднялось над куполом церкви, атаман прошелся перед отъездом к казакам. Братия еще похрапывала. Судя по столу, который ломился от выпивки и еды, Андрей был прав: князь не поскупился. Приход атамана поднял охрану на ноги.

– Что, атаман, в путь? – спросил один из них, натягивая сапоги.

– А вы бы хотели остаться? – с хитрецей поглядывая на казака, сияясь вспомнить, как его зовут, поинтересовался он.

– А это как ты, атаман, скажешь, – он натянул обувь и стал прохаживаться взад и вперед, пробуя, как сапоги пришились по ноге.

– Ладно, – подумав какое-то время, сказал атаман, – на денек, так и быть, задержитесь. Не пропадать же такому добру, – он кивнул на стол, – а мы с есаулом по дороге к одному старому другу завернем. Ты, Авдей, – он вспомнил его имя, – будешь за старшего. Нас не дожидайтесь. Мы вас, пожалуй, догоним.

Прощание с князем было теплым.

– Ну, атаман, – глаза князя светились радостью, – вылечил ты меня лучше всякого лекаря. Сознаюсь, жаль расставаться. Но раз решил ехать, пойдем провожу.

Когда они вышли во двор, Иван Иванович вопросительно посмотрел на атамана. Тот понял и пояснил:

– Ежели, князь, не будешь возражать, я оставлю до завтра у тебя своих казаков.

Лицо князя вмиг изменилось: из приветливого стало сухим, жестким.

– Зачем? – тревожно прозвучал его голос.

– Князь, ты не подумай чего плохого. Мы крест с тобой целовали в нашей верности. А мы, казаки, веру бережем пуще жизни своей. Мне надо заехать к старому товарищу. Он – не князь, их так принять не может. Но человек он гордый, от меня ничего не возьмет.

Лицо князя подобрело. Он прищурил глаза:

– А уж не в юбке ли твой товарищ?

Они оба рассмеялись.

– Есаула-то берешь?

– Да.

Подвели коней. Гости взлетели на них и взмахнули плетями.

Когда город остался позади, атаман придержал лошадь и подождал подъезжавшего Андрея.

– Есаул, – сказал Семен, – а почему ты не спрашиваешь, куда мы едем и почему вдвоем?

Ответ поразил Семена.

– Куда попало ты, атаман, не поедешь. А раз мы вдвоем, так тебе надо.

Атаман ничего не ответил, только его лицо восхищенно загорелось.

Они поехали рядом. Через какое-то время атаман заговорил:

– Помнишь, я тебе говорил о своей тайне?

– Помню, – коротко ответил парень.

Голос прозвучал просто, без ноток любопытства. Это очень понравилось Семену.

– Тогда слушай. Все мы приходим на Дон – кто от нищеты и разорения, кто от горя или безысходности. Был и я молод, твоих годов. Кровь горячая, силушка неумная, сердце... сердце верное. Встретил я девушку. Никогда не думал до этого, что так буду страдать. Но что скрасило мою беду, полюбила и она меня. Кажется, живи да радуйся. И отцы было сговорились. Все шло к свадьбе. Ан нет. Князь пожаловал. На полюдь приехал. Ну... к боярину и на двор. А там-то и повстречал его дочку. Князь-то недавно жену похоронил, собирался жениться. Да все, говорят, не по душе были. А тут как глянул, так как в капкан попал. Отцы-то в ноги князю упали: так, мол, и так, сговор уж есть. Князь как расвирепел и заорал: «Всех в рабство за долги продам!» А в нашем крае два года засуха была, и вынуждены были у князя в долг брать. Так что его угроза серьезной была. Куда отцам деваться, отступили.

Она первой узнала об этой вести. И передала через служанку, что будет ждать меня у заветного дуба. Не знаю, сохранился он или нет, но знатное было то дерево. Мы звали его боярином. Таких огромных я больше нигде не видел. А его могучие ветви издалика казались боярской шапкой. В жаркий день под ним всегда была прохлада. А осенней порой, когда листва золотила землю, шелестя под жестким, холодным ветром, мы прятались от него в дупле. Как хорошо нам было сидеть вдвоем. Родители, решившие о свадьбе, не очень заботились о нашем отсутствии. И мы все больше и больше проникались сознанием, что не можем жить друг без друга. Эта весть, сказанная ее убитым от горя голосом, навсегда осталась в моей памяти.

– Любимый, почему нам не побороться за нашу любовь. К тому же, – она опустила голову, – у нас... будет дитя.

Последние слова она сказала тихо. Но они в моих ушах прозвучали громче самого раскатистого грома.

– Дитя?

– Да.

– Бежим! – почти крикнул я.

Она зарыдала и упала ко мне на грудь. В этот момент в моей душе кипели такие страсти, что я был готов на все. Даже убить этого

ненавистного князя. И я ей сказал об этом. Она покачала головой:

– У него такая охрана. Я согласна... бежим!

– Тогда завтра, как стемнеет, я буду ждать тебя здесь с двумя лошадьми.

На этом мы расстались. Откуда я мог знать, что увижу ее только через несколько лет.

Следующий день я был как в лихорадке. Я понимал, что нам надо будет на что-то жить. И я решился... Выбрав удобный момент, открыл ларец отца, выгреб часть денег. У матери взял дорогие украшения. Все это позволило бы мне купить землю, поставить свой двор.

Стемнело. Осторожно вывел со двора заранее оседланных коней и устремился к дубу. Но она все не шла. Я не находил себе места, понимая, что что-то случилось. Но что? Сколько ни мучился, ответа не находил. Пришлось возвращаться домой. Но все помыслы мои были направлены на то, чтобы выкрасть ее из родительского дома. И бежать. И я стал обдумывать, как это лучше сделать.

За ужином я наблюдал за родителями с мыслью, что, может быть, не увижу их никогда. Мне жаль было расставаться с ними. Особенно с матерью, нежной, ласковой, все понимающей. Да и отец сколько сил отдал, чтобы сделать из меня настоящего воина, умеющего постоять за себя. Он научил и на медведя ходить с рогатиной. И вот я смотрю на его суровое лицо. Вдруг он поднялся, поглядел на мать, потом на меня. Мать отвернулась. Отец подошел ко мне, положил руку на мое плечо и сказал:

– Мужайся, сын мой. Вчера князь силой увез твою невесту.

У меня в глазах закачались стены, заплясал пол. Я еле добрался до одра. Пришла мать. Она села рядом и положила ладонь на мой лоб. Больше я ничего не помнил.

Незаметно подкралась ночь. Атаман, видимо, неплохо знал местность, потому что, свернув с дороги, привел Андрея к небольшой речушке на елане. Набрав будылья, развели багатицу.

– Доставай, есаул, чувал, посмотрим, чем порадует нас княжья поклада, – сказал атаман.

Князь не поскупился. И копченая стерлядка, сало, мясо, дичь. Да и питье отменное. Не забыты были и чарки. Атаман наполнил сосуды, а кувшин крепко заткнул затычкой и отставил его в сторону.

– По одной – можно, за победу. Остальное – дома.

Закусив, атаман сорвал две соломинки, одну сделал покороче и, сжав в руке, поднес к Андрею.

– Длинная спит, – сказал он.

Андрею досталась короткая. Атаман взял из чувала теплушку, ночи были холодные, надел ее.

– Когда луна встанет, – он показал на одинокую березу на поляне, – над ней, буди! – и завалился спать, положив рядом сагайдак.

Приученные многими походами, казаки умели сразу засыпать, а когда надо, проснуться.

На другой день, с рассветом, они были уже на конях. Отдохнувшие за ночь лошади легко несли всадников. К обеду еле заметная дорога привела на край болота. Они долго ехали по его кромке, прежде чем атаман свернул на него.

Через какое-то время Андрей почувствовал, что света на дороге стало больше, а лес поредел. «Наверное, должны встретить и какое-то жильё», – подумал Андрей. И не ошибся. Вскоре путь преградил высокий заплот. Проехав вдоль него, они увидели открытые ворота. От них шел широкий деревенский прогон, обросший пожухлой травой. По обе стороны, за плетнями, виднелось жильё. Дома, рубленные в лапу, говорили о том, что здесь жили крепкие хозяева. Появление чужаков было встречено собачьей стаей, которая грозно лаяла на незваных гостей. На их лай выскакивали мужики. Узнав атамана, радостно его приветствовали. Тем же отвечал им и он.

Путь их лежал через всю деревню. На другом ее конце они остановились у заплота. Атаман спрыгнул с коня и постучал висевшей у ворот колотушкой.

– Эй, кто там? – послышался сильный, басистый мужской голос.

– Свои, Макар, свои! – воскликнул атаман радостно-возбужденным голосом.

– Ты, что ль, Сямен?

– Я, я!

Изнутри загремел засов. Андрей с большим интересом смотрел на ворота, за которыми скрывалась тайна атамана. Какая? Зачем он, рискуя жизнью, тайно от других, притащил его сюда?

ГЛАВА 26

Весть о том, что московский князь Иван Данилович стал великим князем, словно на крыльях, долетела и до Пскова. Она, как удар молнии, поразила Александра, князя тверского, который нашел в этом городе любовь и уважение горожан. К обеду он вышел сам не свой. Анастасия, доживавшая последние дни, заметила резкое изменение в муже. Ее нежный взгляд заставил князя раскрыться. Узнав о случившемся, княгиня задумалась, а потом сказала ему:

– А хочешь, я поеду к Ивану, напомним его приезд к нам...

От ее слов князь аж позеленел:

– Только не это! Я лучше сам поеду к хану, но не позволю тебе унижаться перед ним!

– Ну уж нет! – возразила она. – Ехать тебе к хану после того, что случилось, ехать на верную гибель. Я тебя не отпущу!

– Что же мне делать? – в растерянности спросил он.

– У тебя, ты мне сказывал, хорошие отношения с великим литовским князем.

– Его нет на месте. Он где-то на юге.

Александр оказался прав. Гедимин с войсками шел на Киев. Киевский князь Станислав, узнав об этом, испугавшись, решил бежать в Брянск, к своей родне. Но киевляне, узнав о задумке князя, собравшись миром у крыльца его дома, сказали ему:

– Если ты, князь, задумаешь бросить нас, мы не выпустим тебя из города и будем судить как труса. Ты лучше позови на помощь русских князей. В народе сказывают, московский князь весьма силен стал. С ханом в мире живет. Проси его, он поможет.

– Больно далек он, – ответил князь народу, – не успеет прийти!

Не ведал народ, что хитрит князь, поверил.

– Тогда других зови! – не сдаются они.

Послал он своих людей к Олегу Переяславскому, дальним своим родственникам князьям брянским. Там, в Брянске, оказался волынский князь Лев, спасавшийся у них от Гедимины. И он присоединился к ним.

Объединенные силы двинулись навстречу великому литовскому князю. Над рекой Ирпень произошла знаменитая битва. Брянцы и

волынцы дрогнули и стали отступать. Олег и Лев погибли. К отступавшим брянцам присоединился и Станислав. Киевляне же, руководимые воеводой, стояли крепко. Своей отвагой они напугали Гедимина, и он позволил им без паники отступить к городу.

Гедимин, получив подкрепление, осадил Киев. Но город держался уверенно. После двухмесячной осады, когда Гедимин хотел было отойти от города, горожане, которые не видели ничьей помощи, да к тому же был сильно ранен их воевода, вдруг решили поддаться литовскому князю. Золотые ворота открылись, и Гедимин с триумфом, хотя с трудом верил в случившееся, въехал в город.

Александр был прав, говоря об отсутствии в Вильно Гедимина. Но княгиня не сдавалась.

– Александр, я тебя не узнаю. Ты что так пал духом? Нет литовца, есть другие, которые захотят тебе помочь. Собери посадника, кое-кого из бояр и купцов, те многое знают. Пару крикунов.

Перед советом Александр долго обдумывал свое положение. На помощь он мало надеялся, зная, что в жизни каждый ищет только свою выгоду. «Но кто теперь захочет ссориться с Великим московским князем, у которого хан – лучший друг. Ишь как он старался меня поймать, чтобы угодить хану. Теперь, после этого назначения, он уж постарается. А мне зачем людей губить? Нет, уж лучше я уеду...» С такой мыслью он и пошел на совет.

Не успел он заикнуться о своем решении, как встретил горячий, решительный отпор. Тогда стали думать, что делать. Выход предложил один из купцов, Строилович, узнавший, что великий магистр Монгейм фон Эбергард ищет союзников против Гедимина.

Совет закутил головами, а князь задумался. «Мысли призвать тевтонов у меня никогда не было. Не знаю, как их примут на Руси. Если и окажут помощь, то потребуют жирный кусок. Что же делать? Ехать к Узбеку на явную смерть? Что магистр попросит? Поторговаться можно. Только ехать мне самому нельзя. Узнает Гедимин – врагом будет. Они с магистром живут, как кошка с собакой. А вот если их примирить, да общими силами... Московия не устоит. Нет! Времени у меня мало. Но к Гедимину постараюсь попасть. Усиление Московии ему тоже опасно. Сколько он уж русской земли отхватил! Вот жизнь: по сути, он мне враг. А получается – друг. А свой русский – враг».

– Ты, князь, – подал голос посадник, – что-то долго думаешь. Решать надо быстро. Московия, поди, тоже обдумывает, как тя достать.

Князь посмотрел на него, постучал пальцами по столу и объявил:

– Строилович мысль подал правильную. Магистра знаешь, вот и езжай к нему, пощупай. – А я, – князь обвел глазами сидящих, – попробую встретиться с Гедимином. Пощупаю, може, он соединится с магистром. Ему ведь тоже Москвы сильной не надо.

На этом и порешили.

А тем временем Московия ждала своего великого князя с особой радостью и надеждой. Конники скакали во все стороны.

От границ Московии до самой ее столицы народ восторженно встречал своего князя. Глядя на это торжество, его сердце билось от радости: «Нет, не зря я стараюсь... Люди это видят и понимают и, главное, ценят. И что может быть дороже этого».

Московия встретила его колокольным звоном, ревушим от счастья народом, а священнослужители во главе с митрополитом Феогностом перед въездом в Кремль пели: «Помяни, Господи Иисусе Христе, Боже наш, милости и щедроты... Спаси, Господи, и помилуй великого господина и отца нашего князя Ивана...» Подъехавший князь спрыгнул с лошади, встал на колени и продолжил с ними молитву. Когда она закончилась, снова зазвенели колокола, завопил народ, вверх полетели шапки, голуби. И вновь от счастья забило сердце. Сладка же ты, любовь народная. Да порой коротка у ней жизнь.

После молитвы князь направился в церковь. Перед ракой митрополита Петра он встал на колени. Его губы зашептали:

– И вот я перед тобой! Как мне тебя не хватает! Но, мой духовный повелитель, как ты и предвидел, я первый шаг сделал. И благодарю тебя! Только твоя помощь помогла мне получить этот сан. Да, я знаю, что ты не вполне доволен. Потерпи, отец мой, будет и второй шаг.

Иван Данилович отправил гонцов в Тверь, Суздаль, Новгород, Рязань и другие княжества, чтобы сказать им о своей воле. Правда, это подкреплялось повелением хана, но оно как-то оказалось за рамками поведения Ивана Даниловича. Никто не смел ослушаться веления великого московского князя. Не успели князья прибыть в свои княжества после встречи московского князя, как вновь поскакали в столицу на совет. Московский князь был строг. Это они знали.

Впервые совет начинался не с угощения. Кроме князей, здесь были и бояре Василий Кочева, Родион Несторович, Лука Протасов, воеводы Александр Иванович, Федор Акинфович и купцы Федор Елферьев, Василий Коверя. Внезапно, без приглашения, на совет прибыл строптивый зять Василий Давыдович, князь ярославский. Увидев его, осторожно вошедшего со смиренно склоненной головой, Иван Данилович довольно сухо кивнул ему, хотя в душе он был рад. Ярославский князь подошел к столу и сел на крайнее сидельце.

Не успел было тот сесть, как поднялся Александр Васильевич и начал торжественно:

– Дорогой наш великий московский князь пр...

Но Иван Данилович вдруг резко осадил суздальца.

– Время славить прошло. У нас тьма дел, не будем заниматься похвальбой. Лучше давайте подумаем, как нам выполнить желание... Великого хана.

Все устали на Ивана Даниловича.

– Константин, – он кивнул на тверичанина, – слышал, как хан велел мне... просил меня, – поправился он, – доставить к нему Александра.

– Но это – война! – воскликнул Василий Константинович, ростовский князь.

– Вот нам надо вместе и подумать, что делать, как лучше поступить, – сказал Иван Данилович.

– А что думать! – рявкнул Иван Ярославич. – Соберем полки и... на штурм.

Присутствующие, как по команде, повернули головы на князя. Не удержался и Иван Данилович. Ему вмиг нарисовалась картина, что взламываются городские ворота, и разъяренные от запаха человеческой крови воины начинают беспощадное уничтожение всего на своем пути. Русский убивает русского! Безжалостно, свирепо, с какой-то дьявольской удачью. И вот добираются они до хором княжеских. Александра нет. А ее, ее! Защитить некому. Врывается туда русский палач, у которого руки по локоть в крови, хватает он бедную женщину за прекрасные косы и, грозя окровавленным ножом, тащит ее. О господи! А за ним озверевшая толпа в ожидании своей очереди. Нет! – стучит сердце Ивана Даниловича.

– Это ты, Иваныч, со зла на татар, которые пограбили твои земли, – московский князь старается быть спокойным, – мне думается, не всем война нужна!

Князья враз загалдели:

– Так! Так! Иван Данилович!

– Тогда обсудим, – сказал он.

Долго судили – рядили. Воевать действительно не хотели. Но и понимали, что оставлять без последствий требование хана – себе хуже. И порешили: войско собирать и отправить к Александру посла, чтобы тот от их имени предложил Александру добровольно ехать в Орду и там решить свою судьбу. Выбор остановился на боярине Луке Протасове.

Они уже собирались расходиться, как за дверью раздался какой-то шум. Иван Данилович кивнул Кочеве, чтобы тот выяснил. Боярин вышел и тут же вернулся. И не один. С ним был человек, с ног до головы забрызганный грязью. Не трудно было догадаться, что он издалека. Великий князь вопросительно посмотрел на боярина.

– Пусть скажет, – Кочева кивнул на неизвестного.

Тот сообщил:

– Князь, Гедимин взял Киев.

Это был ушат ледяной воды. Иван Данилович понял, что это известие если не разрушит, то может нанести существенный урон их решению. И он властным голосом заявил, поднимаясь:

– Не силой рати города берут, а трусостью защитников. Если мы будем вместе, – он сжал кулак и грохнул им по столу, – не нам бояться Гедимины, а ему нас. Идите. От договоренности не отступим ни на шаг.

Оказавшись во дворе, один из князей заметил:

– Так что берет нас Московия в один кулак!

Шедший впереди Александр Васильевич обернулся. Понять, кто это сказал, не смог. Но все равно сказал:

– По мне, лучше быть в кулаке Московии, чем в ярме гедиминовском.

Князья, хоть и не очень дружно, но поддержали суздальца.

Александр Михайлович в гриднице обсуждал дела с дворским. Прихваченная в Твери казна таяла. Надо было принимать меры. Дворский предложил князю обговорить это дело с посадником. Князь

согласился и приказал дворскому пригласить к нему городского главу. Не успел он произнести эти слова, как без стука дверь отворилась, и на пороге показался посадник. Вид его был озабочен, и князь понял, что случилась какая-то беда.

– Легок на помине, – не теряя самообладания, проговорил князь и пригласил к столу. – Вижу, не с доброй вестью ты к нам пожаловал.

– Не с доброй. У меня во дворе дожидается твоего приема московский боярин. – Боярин, – повторил он, – Лука Протасов по поручению Великого московского... – посадник недобро усмехнулся, продолжил: – князя. Велишь его принять?

Князь ответил не сразу. В задумчивости посмотрел в окно. Потом встал, прошелся по гриднице, вернулся, облокотившись руками о кресло, сказал, глядя на посадника:

– Голова, пригласи воеводу, купца Строиловича, если он не успел отбыть, бояр Савелия Ледовича и Белоута Василя. Да и сам не забудь прийти, – князь улыбнулся.

Протасов вошел в гридницу уверенно, как человек, чувствующий за собой силу. На нем была дорогая бобровая шуба, скорее не от холода, а от желания показать, кто он есть такой. Из-под нее выглядывал дорогой кафтан. На ногах – сафьяновые, зеленого цвета, сапоги. На голове – соболий башлык. В руках трубкой скручено послание с большой коричневой печатью, болтающейся на суровой нитке.

– Князь, – заговорил он уверенным голосом, глядя твердым взглядом на Александра, – мне велено тебе передать, что царь Узбек всем нам, – этим словом он дал сразу понять Александру, что Иван действовал не от себя, а от Орды и своего великого княжества, – повелел искать тебя, князь Александр, и прислать к нему в Орду. Ступай к нему сам, чтобы всем не пострадать от него из-за тебя одного, – боярин поперхнулся, кашлянул в кулак и продолжил: – лучше тебе за всех пострадать, иначе хан опустошит всю землю.

По его лбу, щекам потек пот. Но он стоял скалой, вперив глаза в князя. Александр опустил голову. Некоторые и даже Лука подумали, что князь смирился. Но он вдруг вскинул голову и заговорил. Голос его был хоть и мягок, но он не походил на сдавшегося человека, покоровшегося судьбе.

– Мне следует с терпением и любовью за всех страдать и не мстить за себя лукавым крамольникам, – князь посмотрел на псковичей, сидевших за столом, – но и вам, – он перевел взгляд на Луку, – недурно было бы друг за друга стоять, а татарам не выдавать, а всем вместе противиться им, защищать Русскую землю. Я поеду в Орду, – объявил он.

Но тут поднялся посадник, подошел к окну и раскрыл его.

– Князь хочет уехать! – крикнул в окно посадник.

С улицы послышался рев, а в переходе раздался топот, и в GRIDню ввалились люди. Впереди – крепыш с большой головой, короткой шеей – известный на всю округу кузнец Пашутка.

– Не пустим, князь, – забасил он.

– Не пустим, – поддержала толпа вошедших.

Тут были разные люди: купцы, бояре, извозчики, рыбаки...

– Умрем с тобой, господин наш хороший, на одном месте, – вопили они.

С улицы вторили им:

– Не ездь в Орду! Там ждет тебя смерть!

Пашутка, подняв руки, повернулся к толпе. Крики смолкли.

– Ну, – он подошел к князю, – что, князь, ответишь народу?

Князь недолго думал:

– Разве можно бросить такой народ!

– Ура! – ликовала толпа.

Этот крик выплеснулся на улицу.

Когда GRIDница опустела и князь остался один, к нему вошла Анастасия.

– Что случилось, милый?

Князь все ей поведал. Княгиня поцеловала мужа.

Возвратившийся Лука все рассказал Ивану Даниловичу. Князь задумался и велел вновь собирать совет. Решительность псковичан защищать Александра сулила князьям, собравшимся на совет, огромные потери. К тому же Ивану Даниловичу стало известно, что псковский купец Строилович спешно отправился к немцам. Великий князь поведал им и об этой новости. Василий Давыдович, стараясь не глядеть на тестя, как бы между прочим сказал:

– Узбека надо звать на помощь.

На что Иван Данилович, уставившись на оконную крестовину, ответил:

– Не пойдет хан на это дело. Ногайцы, прознав, могут соединиться с литовцами и пойти на Орду. Хан этого, чего скрывать, боится. Да и нам это невыгодно. Если Строилович договорится с немцами и те согласятся помогать псковичам, а Александр дружен с Гедимином...

Князь не договорил, но всем было ясно, что может за этим последовать.

– Что же делать? – вздохнул Александр Васильевич.

В это время ударил колокол. Глаза Великого князя вдруг заблестели:

– Есть выход! – радостно воскликнул он.

Все повернулись к нему в надежде услышать вариант разрешения трудного вопроса. Но князь ничего говорить не стал. Распустив их по домам, наказал, чтобы полки держали наготове.

А вечером князя увидели на митрополичьем дворе. Князь легко, прыгая через ступеньки, точно ему было двадцать лет, поднялся на высокое крыльцо. Ударив колотушкой в дверь, он терпеливо ждал. Загремел засов. Раскрыв дверь, служка обомлел, увидя перед собой великого князя.

– Владыка у себя? – спросил он.

Тот ответил:

– В своих покоях.

– Ступай, доложи.

К князю подошел не служка, а сам митрополит Феогност. Иван Данилович склонил перед ним голову и поцеловал руку. Митрополит пригласил князя в свою светелку. Разговор был долгим. Речь шла о том, чтобы Феогност припугнул князя Александра и весь Псков проклятием и отлучением от церкви, если тот не поедет в Орду. Митрополит вначале колебался делать это, объясняя, что церковь не должна вмешиваться в мирские дела.

– Да какие это мирские дела, – убеждал его князь, – не сделаем так, берем на душу огромный грех. Мы не можем не выполнить веление хана. Русь и так стонет от их господства. А тут еще новые набеги, новые жертвы, плен, рабство, голод. Ты припугнешь

Александра и псковичей. Князь уедет к литовцам, и нам не надо будет идти штурмовать Псков. Сколько спасем народа!

– Это я все понимаю, – отбивался митрополит, – но... как поймет патриарх?

– А как патриарх понимал митрополита Петра, Царство ему Небесное, который всеми доступными и недоступными ему методами боролся с пьянством, с отступниками-попами? А как он боролся, чтобы Московия стала средоточием сути единого русского государства? Не для этого ли он учредил здесь, в Московии, свое митрополитство? А что патриарх? Мне доподлинно известно, что он очень... его ценил.

Князь взглянул в глаза митрополита. Тот улыбнулся.

– Счастлива Русь, что ты у ней есть, – сказал митрополит, – на днях еду в Псков.

От митрополита князь летел на крыльях.

Великий магистр фон Монгейм встречу не стал откладывать, поняв, что псковитянин привез что-то важное. Строилович не думал ничего привирать и рассказал все, что произошло за последнее время вокруг Пскова и князя Александра. Когда он все выложил, то не преминул напомнить, что его предки вместе с магистром Волквином бились с литовцами, отдав свои жизни. Великий магистр улыбнулся тонкими змеиными губами и как бы невзначай заметил, что это был магистр меченосцев. Русский забасил:

– Да какая разница – тевтонцы или меченосцы, суть одна, вы – рыцари. Мы были с вами и умирали с вами. Теперь настал ваш черед помочь нам. Мы не хотим отпускать своего князя. Иван придет по повелению хана с войском за ним. Одним нам не устоять. Помогайте. Поможете вы, поможем и мы.

Серые глаза магистра пронзили купчину. Тот даже заерзал. Отведя взгляд, магистр поднялся, одернув сутану и пройдясь небольшой холеной ладонью по голове, осторожно отодвинул кресло и подошел к окну.

«Что мне сказать этому купчине? Боже упаси не принять его предложение. Обещать – не исполнять. Всегда можно найти причину невыполнения». Постояв еще какое-то время, сделав вид, что глубоко занят мыслями, он наконец повернулся к гостю. Подойдя к нему, сказал:

– Мы помним и достойно оцениваем вашу помощь в совместных походах, и сейчас говорю вам, что при определенных условиях вы можете рассчитывать на нашу помощь.

Купец, прежде чем подняться, спросил:

– А что ты, Великий магистр, понимаешь под словом «определенные условия»?

– Особые, если на нас не напал, скажем, какой-то польский князь или тот же Гедимин.

– Понятно. Но будем надеяться, что всего этого не случится и вы придете на помощь.

– Как и вы, – и магистр засмеялся тихим трескучим голосом.

Кто знал, что эта рискованная поездка будет напрасной?

Прибытие митрополита Феогноста в Псков было столь неожиданным, сколь на первых порах и радостным. Когда бы они еще удостоились видеть его святейшество. К собору невозможно было подступить. Когда митрополит вышел, тишина наступила такая, что люди, кажется, перестали дышать.

Владыка начал творить молитву. Но у него из головы не выходила мысль, как объявить людям требование церкви. Об этом он думал всю дорогу от Московии до Пскова. Собрать по одному от сотни или все же сказать всему народу. И он решил, глядя на этих фанатично преданных вере людей, обратиться к ним. Закончив молитву, он заговорил:

– Христиане! Вы хорошо помните слова: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас... Избави мя от кровей...» – А что делаете вы? – митрополит замолчал.

В церкви воцарилось мертвое молчание. Никто еще не понимал, куда клонит митрополит. Феогност продолжал:

– Почему вы хотите пролить кровь свою и других христиан? Это – великий грех, и церковь не может его допустить. Вам надо отпустить Александра. Иначе... иначе падет на вас немилость Божья, получите проклятие и отлучение от церкви!

Толпа на какое-то время замерла, потом раздались крики:

– Пусть едет! Пусть едет! Не надо нам отлучения!

И тут рядом с владыкой появился князь Александр. Он смиренно преклонил колено перед митрополитом, поцеловал его руку. Поклонившись на все четыре стороны, он произнес:

– Братия и друзья мои, не будь на вас проклятия ради меня. Еду вон из вашего города и снимаю с вас крестное целование, только целуйте крест, что не выдадите княгини моей. Не могу я сейчас взять ее с собой, ибо не знаю, где преклоню голову.

Псковичи со слезами на глазах целовали крест.

Через несколько дней до Московии долетела весть, что Александр выехал из Пскова на запад. А куда, пока точно никто не знал. Но Ивана Даниловича провести было трудно: «К литовцам!» – решил он и стал тайно готовиться в дальний путь. Перед этим послал верного Савела в Псков, шепнув ему что-то на ухо. Тот кивнул головой и, не прощаясь, вышел.

ГЛАВА 27

Ворота открывались медленно, со скрипом. Сразу было понятно, что ими пользуются нечасто. Наконец они распахнулись. Перед ними стоял огромный детина, на голову выше их. Он был бы еще выше, если бы сильно не сутулился. Его широкие плечи были вогнуты вперед, длинные руки висели словно плети. Голова заросшая, как болотная кочка. На лице виднелся только нос, да из-под косматых бровей смотрели настороженные глаза.

– Здорово, друзек! – весело приветствовал его атаман.

– Здоровы будьте, – угрюмо ответил тот, косясь на Андрея.

Они обнялись, похлопывая друг друга по спинам. Затем они отступили на шаг и с интересом рассматривали друг друга. Видать, давно не виделись.

– А ты, Семен, постарел, – прогудел хозяин басисто, – говорил те давно, чтобы бросал такую житуху. Аль атаманом стал? – вдруг спросил он.

– Стал, – вздохнув, ответил Семен.

– Ааа! – все же уважительно протянул он, – а ето кто? – он кивнул на Андрея.

– Мой есаул, – не без гордости ответил атаман.

Опять почтительное:

– Ааа! Пошли в избу, – Макар махнул ручищей в сторону жилья.

– Ну, как она? – зашагав, спросил Семен.

– Щас увидишь, – загадочно ответил хозяин.

Но не успели они зайти в дом, как дверь открылась и оттуда выпорхнула стройненькая, еще не набравшая крепости, девушка.

– Деда! – обрадованно воскликнула она голоском, точно прозвеневший серебряный колокольчик.

И бросилась атаману на шею, целуя его в щеки. Он подхватил ее на руки и понес в избу. Но она вдруг запротестовала, воскликнув:

– Отпусти, я немаленькая!

Дед поставил ее на землю, и она огромными голубыми глазищами взглянула на приотставшего Андрея. Он увидел на ее красивом личике смущенную улыбку, которая придала ему особый ореол очарования.

На мгновение взгляды их встретились. После чего она быстро, по-девичьи стыдливо опустив голову и схватив за чем-то деда за руку, потянула его в избу. А на пороге их встречала хозяйка. В противоположность мужу, она была невысокого роста, слегка полновата, с добрым, приятным лицом. Семену она поклонилась в пояс, пропев здравие. И голос прозвучал под стать ее лицу. Все это создавало атмосферу доброжелательности, простоты и радости.

Дом был просторный, похожий на что-то среднее между боярскими хоромами и крестьянским жильем. Хозяйка повела гостей в горницу. Они, входя, покрестились на икону в углу. В горнице было тепло. Хозяйка суетилась, усаживая гостей за стол. На столе появилась незатейливая крестьянская еда: тушеный с капустой гусь, пироги с сердцем, домашний сыр, сметана. Андрею особенно понравился недавно испеченный хлеб, от которого пахло таким ароматом, что он еле удерживался, чтобы не схватить ломоть.

– Прошу, гости дорогие, – проговорила она.

Но Макар не дал ей договорить, напомнив, что не всё на столе.

– Ой, господи! – воскликнула она и куда-то выбежала.

– Тьфу, – ударил себя по ляжкам Семен, – Андрей, неси наш чувал.

Андрей быстро сбегал и подал чувал атаману.

– Вкусите-ка княжьего подарка.

И достал копченую рыбу, мясо, разные сладости.

Вернулась хозяйка с кувшином в одной руке и чарками в другой. Макар одобрительно кашлянул и посмотрел повеселевшими глазами на Семена. Тот улыбнулся и подмигнул ему.

– А это что? – спросила она, глядя то на княжий дар, то на Семена.

– То те подарок от князя, – пробасил Макар.

Внучка сидела рядом с дедом и старалась не смотреть на Андрея. Парню почему-то захотелось узнать ее имя. Но все молчали. Видать, и гости и хозяева проголодались и ждали начала обеда. Макар разлил в чарки брагу, обойдя Дарью.

– Дядя Макар, – обидчиво произнесла она, – а мне бы медяночки.

Семен рассмеялся:

– Ну, Дашутка, молодец! Не даст себя в обиду! Ишь, дядя какой нехороший, мою внучку чуть не обидел, – и ласково посмотрел на нее.

Она прижалась к нему. Он обнял ее одной рукой. Глядя на них, хозяйка вздохнула:

– И вправду, Семен, приезжай быстрее насовсем. Вы же друг без друга не можете.

– Приеду, тетка Ефросинья.

– Ты только обещаешь, Семен. Куды ты бросишь своих отпетых?

Семен рассмеялся:

– Брошу, тетка, брошу. Вот как Андрей, – он посмотрел на парня, – дорастет до атамана, брошу все и приеду.

После слов деда Дарья с интересом взглянула на парня и... опять улыбнулась. На этот раз она улыбку не прятала. К концу обеда Дарьюшка несколько погрустнела.

– Это, тетка, – сказал Семен, – она на меня сердится, что я ей подарки не привез.

Он достал индийский авикуль, от которого трудно было отвести глаза.

– Да ето ж сколь стоит! – глядя на жемчуг, воскликнул Макар.

– Да сколько бы ни стоило, мне для нее ничего не жаль. Я и живу ради нее.

Уезжали они засветло. Дарьюшку Семен запретил будить.

– Поцелуй ее за меня, тетка, – сказал он, подавая Макару мешочек.

Андрей догадался, что в нем была часть атамановой башловки.

– Сбереги! – сказал атаман, беря одной рукой коня под уздцы, а другой обнял Макара.

Так они постояли какое-то время, потом Семен вскочил на лошадь.

Когда они выехали из ворот, атаман, повернувшись к Андрею, сказал:

– Запоминай дорогу. Дарьюшка для меня – все. Она – память о моем сыне, – с горестью в голосе проговорил он, – если со мной что... – голос его осекся, прокашлившись, атаман продолжил: – Я тебя прошу, как товарища прошу, не оставляй ее.

После этих слов атамана Андрея переполнили странные чувства: он доверил ему свое самое сокровенное: «Если со мной что, не оставляй ее». «Это как не оставлять? Скорее всего, помогать деньгами, оберегать ее от всякой нечисти», – подумал он. Дорогой ему даже

рисовалось, что на нее напали какие-то злые люди, а он как орел набросился на них. Что-то подобное не оставляло его всю дорогу. В чувство его привел голос атамана:

– Вот и подъезжаем!

Андрей огляделся – и точно: да это ж ров, а за ним вал, а там дальше частокол...

На майдане они расстались, каждый поехал к своему куреню. К Андрею бросились Митяй, Захар, другие ребята. Посыпались вопросы: «Где был? Что случилось? Почему не со всеми?» Андрей понимал, что эту тайну атамана никому рассказывать нельзя, и он придумал ответ:

– Да сейчас часто будем в Рязань ездить, вот атаман и хотел поискать дорогу покороче.

– Самая короткая дорога та, которую знаешь.

– И то правда, – подтвердил Захар, подавая ему какой-то узел со словами, – зима на носу.

Андрей взял его, подошел к оконцу, развязал и ахнул. В руках оказалось меховое изделие, красиво расшитое замысловатыми фигурками, да и сама вещь сработана добротнo.

– Ты где это взял? – спросил Андрей, не зная, что с ней делать: не то вернуть – подарок уж больно ценен – не то взять, не обижать парня?

– Сам сшил, – ответил Захар, смущаясь.

– Ну, ты и горазд. Смотри, – Андрей повернулся к Митяю.

– Да, вещица хороша, – он даже цокнул языком.

Андрей свернул подарок, подошел к лежаку, из-под него достал чувал, развязал. Долго копался, что-то отыскивая. Наконец нашел. Это была зализка. Тонкое, блестящее лезвие, отделанная перламутром рукоять говорили, что это дорогая вещь.

– Держи, – подал он Захару. – Как вы тут жили-то?

– Да ниче. В рейд ходили!

– В рейд? – удивленно спросил Андрей.

– Да. Прослышали, что ногаи табуны стали угонять. Ну, мы их и пощипали. Пару косяков привели. С полсотни мужиков. Люди-то к нам валом валють, – проговорил Митяй.

– Валят, – согласился Андрей, о чем-то задумываясь.

Митяй подметил и сказал:

– Хватит те таким хмурым быть, пора и обраду в жизни иметь-то. Нельзя так... А то как те назnamenовали, ты не узнать.

Андрей исподлобья посмотрел на Митяя.

– Да, да, не косись, – сказал он, – пошли лучше к Асафу, там много наших.

– А что, пошли, – и он кивнул Захару.

Кабак был забит до отказа. Они постояли на пороге, переминаясь с ноги на ногу.

Они хотели уже уходить, как их кто-то окликнул.

Им навстречу поднялся брудастый казак, с которым Андрей рыбачил.

– А нуть, – обратился он к своим, – сдвигайтесь, есаула надоть посадить.

Компания зашевелилась, на сидельце оказались свободные места.

– Ей, – громко крикнул брудастый Асафу, – а ну неси, – приказал он, показывая на Андрея и его ребят.

Вскоре на столе перед ними появилась солидная корчага, кубки и закуска.

– Выпьем за встречу, – и гундор начал наливать питье в кубки, – Я рад, что ты, Андрей, так быстро стал есаулом. А помнишь, как мы рыбачили, и ты мне жисть спас. Братцы, – он повернулся к своим казакам, – я ему, есаулу, жизнью обязан. За есаула!

Не успели они осушить кубки, как подошел, пошатываясь, Авдей.

– Есаул! Пошли к нам.

Андрей отказался:

– Не могу бросить друзеков.

– Не надоть. А вот скажи, – он взял Андрея за борт куцайки, – куды ето ты с атаманом... ездил?

Говорил он громко. Правда, кроме Андрея, его никто не слушал, за исключением разве Хиста, сидевшего за соседним столом. По глазам было видно, что этот вопрос его заинтересовал. В них появился хищный блеск. Авдей вернулся на место, Хист подвинул сиделец ближе к нему и начал его настойчиво расспрашивать. Но что мог сказать казак:

– Уехали, да и все. А меня оставили за старшого.

Но не таков был Хист, чтобы не сделать для себя выводов. «Просто так атаман не оставил бы свою команду, – решил он, – какое-

то важное дело заставило атамана это сделать. Но какое? И взял-то кого: Андрея. Видать, глаз на него положил. Есаулом сделал. Ну, ладно... поглядим!» – он чуть не вслух произнес последнее слово.

ГЛАВА 28

Елизар, мужик лет за сорок, запустил пятерню в кудлатые волосы, долго чесал макушку. А потом, поправив на плечах сползший полушубок, зябко поежился. В избе было сыро, прохладно. Идти во двор за дровами не хотелось. Было слышно, как в оконный пузырь стучали капли дождя.

Порадовавшись, что какому-нибудь путнику гораздо хуже, чем ему, зевнул, взял со стола лучину и, подойдя к бадье, освятил ее. Заглянув, он увидел на поверхности воды свою заросшую морду. Хмыкнув, сунул в воду лучину. Она, зашипев, погрузила избу в темноту. Бросив на глиняный пол лучину, пошел к лежаку. Жена, с головой укрывшись старой шубейкой, сладко посапывала. Скинув лапти, он пристроился рядом, силясь спрятать ноги под коротким тулупчиком. Подтянул колени к подбородку, стало тепло. Но насладиться этим теплом ему не дали. Раздались громкие удары в дверь, отчего щеколда запрыгала так, что могла вот-вот выскочить из скоб.

– Кого это черт принес, – ругнулся он, с трудом оставляя нагретое место. – Чего стучишь? – рявкнул он, открывая дверь.

И ахнул. Перед ним стояла группа людей. Темень не позволяла разглядеть их лиц.

– Пусти, хозяин, на постой. Мы тебе хорошо заплатим, – раздался чей-то властный голос.

– Так проходите. Чего уж тут? Ишь как льет. Собака и та под крышей.

Он посторонился, пропуская неведомых путников в избу. Их было около десятка, если не больше.

– Щас огонек высеку, – произнес хозяин, шаря по столу рукой.

Тот же властный голос остановил его.

– Не трудись, хозяин, это мы сделаем сами. Как кличут-то тебя? – поинтересовался он.

Хозяин ответил. Избу озарили вспышки огнива, и Елизар увидел перед собой коренастого крепкого человека. Он успел сбросить мокрую накидку и, встряхнув кудрявой головой, поправил волосы,

упавшие на глаза. По лицу с короткими разлетными бровями и длинным носом текли капли дождя, которые он не успел вытереть. Его большие, широко открытые глаза смотрели внимательно и не внушали страха. На столе вскоре появились свечи, и в избе стало светло. Елизар догадался, что этот гость – важная птица, потому что все относились к нему с почтительным вниманием.

А тем временем стол заставлялся едой. Стали распространяться аппетитные запахи, и Елизар облизывал губы. Главный сел на сиделец. Все остальные расселись на скамьи.

– Елизар! – позвал тот хозяина, – присаживайся, – и он движением руки сдвинул своих людей.

Того не надо было уговаривать.

Несмотря на то что дождь не утихал всю ночь, гости, едва начался рассвет, засобирались в путь. Перед расставанием к хозяину подошел главный и сказал:

– Елизар, держи, – он положил в его руку несколько монет.

Когда те, завернувшись в накидки, оставили избу, Елизар разжал кулак и чуть не очумел. В его руке было несколько золотых монет.

Небольшой отряд продолжал движение на запад. По всей видимости, какие-то особые обстоятельства заставили людей в такую мерзкую погоду спешить. Кони шли порой по грудь в жиже. Но путники упрямо пробивались вперед. Не было слышно ни одного унылого возгласа.

Князь и боярин ехали колено в колено.

– Что я думаю, князь, – начал разговор Кочева, – а може, мы сразу двинем на Заполье?

Князь сразу уловил мысль боярина: «Он не хочет, чтобы я заезжал в Псков. В Заполье, а из него на Варяжское море».

– Это почему? – покосился на него Иван Данилович.

– Боюсь я, князь, за тебя боюсь! Не дай бог, кто тебя там узнает. У Александра в городе много людей, которые жизнь за него готовы отдать, – боярин говорил, не спуская глаз с князя.

Князь, усмехнувшись, произнес:

– Двум смертям не бывать...

Дальше он говорить не стал. Но взгляд его сделался задумчивым. «О чем он, интересно, думает? – подумал боярин, и у него появилась надежда. – А вдруг повернет коня?»

Но князь коня не повернул. И думал он не о том, что его ожидает в городе. В его ушах звучал голос незнакомца: «Киев пал!» «Киев пал, что же дальше? Неужели Русь, не освободившись от старого «хозяина», получит нового? Нет! Я выполню задуманное». И тут же: «Меня же ждет... нет, не ждет! Я сам хочу увидеть *ее*! Да, я ни на что не надеюсь, но от *ее* вида, голоса я буду счастлив! До чего же может довести это чувство! А может, это и заставляет меня мчаться в неизвестное?» Как он встретится с княгиней? За столько дней пути он не думал о встрече с *ней*, считая, что *она* будет. И все. Сложности как-то выпали из головы: «А ведь боярин прав. Может, отказаться? Повернуть назад? Ведь и дальше путь опасен».

– Нет, боярин, – он нагнулся и дружески ударил его по плечу, – в Псков!

Бочонок браги боярину выставлять не пришлось. Приближение Пскова они узнали по колокольному звону. Все усердно закрестились:

– Слава богу! Добрались!

– Никак Мирожевский, – прислушиваясь, произнес боярин.

Князь повернул ухо в сторону, откуда доносились звуки, какое-то время прислушивался, потом сказал:

– Нет! Скорее Ивановский. Он басистее.

Боярин спорить не стал, а спросил:

– В город?

Князь покачал головой:

– Нет, поедem к Петру Кажану.

– Веди, князь!

Село Выбуты, где жил Петр, было меж реками Псковицей и Кебью, славилось мастерами не только по дереву, но и по иконописанию. Их знаменитая икона Святого Ильи, дарящая людям счастье, украшала Троицкий собор в Псковском кремле.

Петр, когда узнал, кто приехал к нему, в первое время потерял даже дар речи.

– И... э... князь? – выдавил он из себя, часто моргая глазами.

– Князь, великий князь! – ответил за него боярин. – принимай, Петро, гостей! – наигранно-веселым голосом произнес он.

– А... да щас. Эй, Марфа! – крикнул он, оглядываясь на избу. – Че вы стоите на улице? Входите в избу.

Изба имела вид добротного рубленого дома, какие часто были у зажиточных купцов. О его достатке говорили тесовая крыша, опрятный, ухоженный двор с хозяйскими постройками. Князю отвели большую угловую комнату, выдворив оттуда внуков и правнуков. К вечеру истопили баньку. Ивану Даниловичу она показалась настолько великолепной, будто ничего лучшего он до этого и не испытывал. Раскаленный обжигающий воздух, запах соломы и березовых распаренных веников довершали это великолепие.

– Ух! – выдохнул он от сердца. – Хороша, братцы, банька!

А на следующее утро Василий ускакал в Псков. Ему надо было найти немого, понять обстановку. Вернулся он на следующий день с Савелом и рассказал, что в городе князя нет. Где он, никто не знал. После беседы с Василием князь заперся с Савелом, после чего немой ускакал назад.

Погода побаловала псковичей только одни сутки. После этого дожди возобновились. Все, кто мог, спрятались под крышу. Стражники тоже постарались запрятаться подальше. Только изредка старший посылал одного из них взглянуть на дорогу. И каждый докладывал, что она пустынна.

– Да кого щас выгонишь, – говорили вои, забавляясь нехитрой «отгадай, в какой руке» игрой. Под щелбаны.

На этот раз молодой вой, поспешно вернувшись, каким-то драматическим голосом выкрикнул:

– Всадник!

– Один? – довольно спокойно уточнил старший.

– Один! – выдохнул тот.

– Ну и пусть едет, – подставляя лоб, проговорил он.

Всадник, закутанный с ног до головы, из-под капюшона видны большие, зоркие глаза, спокойно въехал в город. В одном из переулков он остановился перед закрытыми воротами. Спрыгнув с коня, подошел к ним и колотушкой ударил несколько раз. Не спрашивая, кто, за воротами загремел засов, и они отворились. Всадник за уздцы ввел во двор коня и отдал его высокому человеку, открывшему ворота. Они пошли рядом. Приезжий негромко спросил:

– Видел?

Тот кивнул.

– Когда? – продолжал приезжий задавать вопросы.

Тот показал палец.

– Завтра?

Тот опять ответил утвердительным кивком.

Завтра подошло быстро. Усталость, накопленная за долгие дни дороги, дала о себе знать. Князь завалился спать и проспал, не пробуждаясь, чуть ли не до следующего обеда. Его пробуждение долго ждали. Когда он появился, встречавший его у дверей человек, радостно промывчав, рукой показал на стол, который был обильно заставлен всевозможными кушаньями.

– О! – подивился гость, усаживаясь за стол.

Ел он с удовольствием, порой казавшимся жадностью. Наевшись, обтерев усы, он огляделся.

– Хорошие хоромы, – оценил он.

Едальня была большой комнатой с несколькими окнами, посередине стоял дубовый стол. Дубовые массивные кресла окружали его. В углу – посудник. На внутренней стене – дорогие ковры с замысловатыми рисунками.

– Купец? – спросил гость.

Тот понял вопрос и кивнул головой.

– Он уехал по делам? А жена с детишками к матери?

И опять кивок согласия.

– Да, – гость потянулся, подняв руки с зажатými кулаками, – пойду к себе, скоро собираться.

Княгиня не спала всю ночь, когда ей тайком сообщили, что прибыл Иван Данилович и очень хочет встретиться с ней. Вначале в ее душе пробудилась гордость, начавшая переходить в ненависть: «Это из-за него я осталась одна! – пронеслась в ее голове коварная мысль. – Он что, приехал торжествовать свою победу? Нет уж, не выйдет. Я не дам ему возможности видеться со мной. Я не приму непрошеного гостя!» С этой же мыслью утром она поднялась с ложа. Подойдя к зеркалу, гордо выпрямилась. Ей вдруг показалось, что она услышала чьи-то шаги. Сердце дрогнуло, а глаза скользнули по двери. Но было все спокойно. Тогда ее взор пробежал по стене и уперся в окно. За ним виднелась унылая картина. Низкие осенние тучи, помимо дождя, принесли тоску, серость и душевное беспокойство. «Да, не завидую тому, кто в такое время окажется на улице», – тихо проговорила она.

И вдруг поймала себя на мысли, что князь приехал сюда именно сейчас! Его не остановила даже мерзкая осенняя непогода. А это говорит о многом! И она почувствовала, как учащенно забилося сердце.

– А ведь он действительно меня... – она не договорила последнего слова, счастливая улыбка отразилась на ее лице, – как я могу не принять его, примчавшегося, рискуя жизнью, за столько верст. А ведь он уже не юноша.

И она с легким сердцем дала согласие на встречу, успокаивая свою совесть тем, что постарается как-то примирить его со своим мужем.

Когда немой и его гость вышли на улицу, она была пустынна. Хоромы, куда они шли, стояли буквально через два строения. Высокие ограды скрывали их от посторонних глаз. В этом доме их уже ждали. Ворота оказались незапертыми. Немой уверенно поднялся на крыльцо и открыл дверь, пропуская вперед хозяина. Светлица, где княгиня принимала таинственного гостя, освещалась несколькими свечами, их было недостаточно на такой размер комнаты, а поэтому там царил полумрак.

Князь вошел легкой, кошачьей походкой, словно боясь сапогами поднять излишний шум. Отличная баня, долгий, беззаботный сон, и князь выглядел молодец молодцом. Лицо его было свежо, глаза поблескивали задорным молодым огоньком. Взлетающие кверху брови придавали ему выражение целеустремленности и уверенности. Глядя на такого молодца, сердце, каким бы оно ожесточенным ни было, должно было растаять.

Княгиня стояла у противоположной стены, опираясь на кресло. На ней было черное платье, облегавшее стройный стан женщины, краса которой расцвела во всей своей покоряющей силе. Князь подошел к ней. С его губ сорвалось:

– Богиня!

Он опустился на одно колено, взял ее послушную руку и жадно припал к шелковистой коже. Казалось, через этот затянувшийся поцелуй он хотел впитать в себя всю ее женскую сущность.

– Встаньте, князь, – тихо сказала она.

Он послушно поднялся и спросил:

– Как ты живешь?

– У меня родился сын, – ответила она тоном, давшим понять, что кроме этого счастья ей пока ничего не нужно.

– Поздравляю. И... прими на память. – он достал из кармана золотой браслет с сияющим алмазом и надел ей на руку.

Ее и без того красивая рука приобрела особое изящество. И они оба наслаждались этим видом какое-то мгновение. Потом их словно что-то ударило. Он осторожно взял княгиню за талию и приблизил к себе. Губы их слились. Но... она вдруг оторвалась от него, упершись в его грудь руками.

– Нет, князь, нет. Ты меня прости за мою слабость.

Но чувства, овладевшие им, оказались сильнее всего. Он готов был броситься на нее. И опять ее тихий голос остановил его:

– Князь, не надо. Я не могу. Ты посмотри на нее... – она повернулась к иконе.

С нее укоризненно смотрела Пресвятая Богородица.

– Прости, княгиня. Но, – он ударил себя в грудь, – что я могу с собой сделать?

Она посмотрела на него. В ее глазах не было укора, а пряталась какая-то затаенная грусть.

– Садись, – она показала на кресло, стоявшее рядом с ее.

Он сел. Кресла стояли так близко, что руки их касались друг друга. Он осторожно положил свою на ее запястье. Рука княгини слегка дрогнула и... застыла на месте.

– Ты приехал ко мне специально? – склонив голову, спросила княгиня.

В ее голосе можно было уловить самодовольные нотки. Он отвел от нее взгляд, который застыл на сером от непогоды окне. Его молчание затянулось. О чем он думал? Она не получила ответа на свой вопрос.

– Киев пал, – вздохнув, ответил он и повернулся к ней.

Его лицо приобрело совсем другое выражение. Оно было сосредоточенным, чем-то весьма озабоченным. Княгиня поняла, и ее это задело.

– Что вы, мужчины, все воюете да воюете. Неужели нельзя жить мирно, любить семью, детей?

Иван Данилович усмехнулся, глаза его вновь загорелись задорным огнем.

– А все мы это делаем ради вас, наших нежных и горячо любимых, – ответил он полушутливым тоном.

– Что-то не верится, – с улыбкой она покачала головой.

И он, вторя ей, рассмеялся. Потом заговорил:

– Я готов жить в мире и дружбе, – голос его был серьезен, – и никогда не нарушать данного слова.

Княгиня поняла, что он имел в виду.

– Я не оправдываю Александра. Но зачем его преследовать сейчас? – сказала она.

Князь оттолкнулся руками от кресла, поднялся и быстро заходил в зад и вперед.

– Александр обидел не только меня – его обиду я могу и простить. Но... хан терпеть не будет. Зачем ему понадобилось убивать Шевкала?

Княгиня опустила голову и прошептала:

– Александр считает, что... ты подстроил все это.

На лице Ивана Даниловича заходили желваки:

– Если он так считает, почему не пошел на меня или хотя бы приехал. Что, слишком горд? А я, по-твоему, кто, когда примчался к вам по первому зову? Нет! Мне нужен мир! Мое сердце радуется, когда глаза видят занятого делом русского мужика. Но когда я вижу, что его хотят обидеть, в моей душе появляется такая ненависть, которая зовет меня на борьбу с этим злом.

Он остановился перед ней и повторил:

– Злом! Сегодня каждый князь тянет одеяло на себя, и многие не хотят понять, что оно не растягивается. А всем надо научиться жить под ним. Другого не дано. А это может свершиться, когда кто-то один будет следить, чтобы оно досталось, в зависимости от его участия, всем.

Князь вновь заходил. Ее глаза так и бегали за его движением. Он неожиданно вновь подошел к княгине и, опершись на ручки кресла, произнес:

– Разве хорошо вот так жить вдали друг от друга?

Не дождавсь ответа, опять заходил.

– Нет! – воскликнул он, – нет! Неужели Александр того не понимает? А если понимает, почему делает так?

Он опять остановился, глаза его почему-то смеялись.

– Не знаешь? – он вздохнул. – И я порой не знаю. Ну, будем прощаться, – резко прозвучали его слова.

Она ничего не сказала, но ее тяжелый вздох лучше слов ответил на его слова.

Князь подошел к ней, поцеловал руку, потом щечку.

– Прощевай, Анастасьюшка! – голос князя прозвучал печально.

– Александр уехал к Гедимину, – прошептала Анастасия.

Иван Данилович вдруг выпрямился, лицо посуровело. Он рывком обнял ее и крепко поцеловал в губы. Затем, быстро повернувшись, не оглядываясь, вышел из светелки.

В эту пору к Варяжскому морю лучше не подходить. Его темно-серые волны, как разъяренные звери, бросаются на берега. Стоявшие на якорях лайбы плясали, грозя сорваться и ускользнуть в море. Неослабевающий дождь дополнял унылую картину. Несколько морян столпились на берегу, с тревогой посматривая на разбушевавшуюся стихию.

Волны не давали подойти к кораблю. Но, выбрав удобный момент, морянин подвел лодку к борту. Купец и его люди перебрались на корабль. Морянин, закрепив лодку за корму, взялся за якорь. Купец и он подняли грузило. И рвавшуюся в море ладью подхватили обрадованные волны.

Ветер пузырем надул тканевый холст, и лайба, разрезая острым носом волны, понеслась, как на крыльях. Волны, словно одумавшись, глядя на эту нахалку, забили с удвоенной силой, грозясь смыть людей. Они легко поднимали суденышко на свой гребень, чтобы, как в пропасть, бросить его вниз. Сердце «уходило в пятки», порой замирая.

– Господи! Спаси! – несло вперемежку с воем стихии.

Но морянин, орудуя кормовым веслом, каждый раз выводил лайбу из опасности. Хороши были и его помощники. Кроме страха за жизнь, они заработали достаточно синяков и шишек, нахлебались и морской водицы.

– Держись! – кричал морянин, не давая упасть в воду кому-нибудь из зазевавшихся путников.

И когда нос лайбы зашуршал по береговой отмели, они даже не поверили, что этот кошмар закончился. На берегу купец с радостью в голосе произнес:

– Добрались, слава те, Господи! – и, упав на колени, стал креститься.

Великий магистр не поверил своим ушам, когда ему доложили, что московский купчина Василий Коверя просит встречи с ним. Недавно, во время встречи с псковским купчиной, он думал о том, что лучше было бы, если бы на его месте оказался москвит. И... на тебе. «Сразу принять – покажу заинтересованность. Нет, пусть думает, что мы в нем не очень нуждаемся».

– Передайте купцу, что я жду его завтра пополудню.

Перед въездом в крепость прибывших встретили два рыцаря, одетые в черные туники, белые плащи с черными крестами на левых плечах, со шлемами на головах, с поднятыми забралами. Поприветствовав гостей, они вежливо попросили их следовать за ними. К магистру пропустили только одного купца. Приближаясь к нему, купец старался повнимательнее рассмотреть магистра. Среднего роста, суховат. Заглубленные глаза смотрели внимательно. А весь его облик говорил, что он человек непростой. С таким ухо держи востро. Волевой. Такого на испуг не возьмешь.

То же, не скрывая своего интереса, делал и Великий магистр. К нему подходил плотный, крепкий человек. Высокий лоб закрывали кудряшки. Глаза зоркие, пронизательные. Поразили брови. Они напоминали орлиные крылья, поднятые вверх. Приблизившись, купец преклонил колени и склонил голову. Выпрямившись, произнес:

– Рад видеть Великого магистра, о котором столько наслышан. Прибыл я к вам по поручению своего господина, великого князя московского, – сказав, склонил голову.

– Много наслышан о вашем князе и его деяниях, – ответил магистр.

На удивление купца, он хорошо говорил по-русски. У него пронеслось в голове: «Это не случайно. Очень, видать, его интересуется Русь».

– Поэтому рад видеть его посланца. Надеюсь, он дал вам соответствующие полномочия.

Купец усмехнулся:

– Полномочия мои одни – провести с вами переговоры и потом все доложить князю.

– Хорошо, присядем, – и его рука с тонкими пальцами указала на кресло за длинным столом.

Магистр сел напротив. Купец покосился на стол и кресло с высокой спинкой. «Но он туда не сел. Значит, уделяет мне особое внимание. Начало вроде неплохое», – успел подумать гость.

– Что же интересует князя? – спросил магистр, наклонив большую голову. Руки положил на стол и стал гладить ладони.

«Не буду церемониться», – подумал купчина и начал:

– Моего князя, да и вас, синьор магистр, не может не волновать, что ваш ближайший сосед...

– Он имеет в виду Гедими́на? – вставил магистр.

Магистр не назвал княжеского титула соседа, и купец понял его отношение к нему. «Это хорошо!» – опять мелькнуло в голове.

– Вы, сир, совершенно правильно это подметили.

– Что же хочет ваш князь? – подперев подбородок рукой, опять спросил магистр.

– Объединить усилия в борьбе.

– Что ж... – желваки забегали на худых щеках магистра, – это естественное желание любого правителя, чтобы остановить захватчика. Да, в нашей истории было все. Не скрою. Были и победы, и поражения. Но... было и другое: совместные действия против общего врага.

Магистр как-то по-особому взглянул на гостя. И тут москвит вспомнил, как однажды в разговоре с боярином Родионом тот поведал ему о знаменитом козельском воеводе Сече, участвовавшем в совместном походе черниговского князя Михаила, польского князя Мазовецкого и магистра тевтонского ордена. Имя он запомнил.

– Было, – согласился москвит и рассказал ему то, что знал от Родиона.

Магистр слушал внимательно. С его лица не сходила улыбка. Когда москвит закончил повествование о героической обороне Козельска и о том, что никто не оказал воеводе помощь, улыбка сбежала с лица магистра.

– Да. Сегодня мы не всегда отдаем долги, – признался он, – но я должен сказать, что это дело имело продолжение.

Сказав, магистр замолчал, ожидая реакции купца.

– Какое? – живо спросил он.

Хозяин пожевал тонкие губы, потом начал:

– Как мне рассказали, воевода славно бился и погиб, защищая свою землю. Но у него оставался сын, который продолжал борьбу. А прибежище он получил у нас, – торжественно проговорил магистр. – Причем, как мне поведали, он был первым из русских, кого Великий магистр фон Зальц посвятил в рыцари.

Московит был удивлен. Магистр торжествовал.

– Скажу больше, – он самодовольно улыбнулся, – он готовился принять нашу католическую веру. Очевидно, он понял ее пр....

Но гость не дал ему договорить.

– Скажите, сир, а что с ним стало?

Тот, похоже, не ожидал такого бесцеремонного вопроса и на какое-то время смешался. Но, тотчас оправившись, с горечью ответил:

– Тогда в этих землях свирепствовали татарские орды, одна из которых и напала на него. В неравном сражении он погиб.

Воцарилось молчание. Было видно, что гость явно что-то обдумывает. Магистр, чтобы сбить его с толку, добавил:

– Ходили слухи, что он якобы перед этим убил батыева полководца. После чего татарское солнце закатилось.

– Вот видите, синьор магистр, – проговорил купец.

При этом магистр отметил, что купчина вновь вернулся к почтительному обращению: «Станный он человек. Ко мне обратился как к равному. Неужели он не тот, за которого себя выдает? Тогда кто он? Неуж сам... Но нет. Только сумасшедший может в такое время рискнуть добираться сюда». А тем временем купец продолжал речь:

– ...какие мы, русские люди. С нами надо дружить.

Магистр улыбнулся и посчитал, что наступил самый подходящий момент, чтобы внушить посланцу одну важную мысль, которую тот как бы сам подсказал.

– Конечно! – воскликнул он с жаром, которого купец никак не мог ожидать от этого на вид скептического человека. – Вы тогда поймете свое заблуждение...

Это слово насторожило купца. Он как-то весь собрался и довольно строго взглянул на магистра. На того, похоже, это не подействовало. Или он сделал вид, что не заметил.

– ...Мне думается, что дружба может быть крепкой, когда она объединяется общими делами, целью и... главное, верой.

Надо было видеть, как резко изменился купец. Магистр даже ругнул себя, что один на один остался с этим, по сути, незнакомым человеком. Гость заговорил в повышенном тоне:

– А вы, синьор магистр, считаете, что, изменив свою веру, человек может чего-то добиться? Вы не можете не понимать, что он берет грех на душу!

Тонкие губы магистра опять расплылись в улыбке:

– На то есть мы, – он ткнул пальцем себя в грудь, – чтобы отпускать эти грехи!

– А как быть с проклятием народа? И какими молитвами вы тогда отмолите себя от тех, кто оказался преданным?

– Я думаю, что Всевышний по достоинству оценит сей божий поступок.

Купец отодвинул кресло от стола, забросил ногу на ногу и уставился на магистра.

– Господин магистр, что вы говорите! Вспомните: «Я Господь твой, да не будет у тебя других богов пред лицом моим». Я ничего не буду об этом говорить моему князю. Он, я твердо знаю, от своего православного Бога не отступится.

Магистр вдруг почувствовал, что от купца исходит огромная внутренняя сила, способная подчинить его воле. И понял – все бесполезно. И разочарованно высказал это вслух. На что купец ответил усмешкой и заявил:

– Не обижайтесь, синьор магистр, и вспомните, какая была оказана помощь князю Даниилу Галицкому, который по настойчивым просьбам и богатым обещаниям принял королевский титул.

Услышав эти слова, магистр даже привстал. Переговорщика московский князь прислал непростого. Он не видел больше смысла увещевать посланца. Но надо было прибаваться к какому-то берегу.

– Ну что ж, – проговорил магистр, – можете передать своему князю, если будет настоятельная необходимость в нашей помощи, – он языком несколько раз облизал губы, – мы внимательно к ней отнесемся. Надеюсь, что, если и нам потребуется ваша...

В какой раз нетерпеливый купец перебил хозяина:

– Я думаю, он ответит тем же. Только помните, сир: какой мерой мерите, такой и вам будут мерить. Позвольте откланяться.

– Благословляю тебя, сын мой, – магистр сделал воздушный крест.

Сделав к двери несколько шагов, купец вдруг остановился:

– Простите, синьор магистр. Мой князь, пожалуй, захочет знать, что вы ответили псковскому купцу, которого к вам прислал князь Александр. Кстати, Александр сейчас находится у Гедимины.

Магистр смешался: «Он знает это!» Его ум быстро сработал:

– Нам, как вы понимаете, нужны взаимные узы.

– Понятно, – произнес настойчивый купец. – Если к вам поступят два предложения, кого вы выберете: Псков или далекую Москву?

– Лучше дело иметь с великим князем.

Купец поклонился и вышел. «Надо родниться с Гедимином. А этот магистр не очень надежен, да и цену хочет неприемлемую».

ГЛАВА 29

Зима пришла неожиданно. Ночью, когда казачество спало непробудным сном, набежал багмут, принеся с собой горы снега. К утру, поплясав над казацкими куренями, он умчался в неведомую даль, оставив после себя усиливавшийся мороз, который пробрался в жильё. Не привыкшие еще к нему казаки свертывались калачиком, стараясь согреться.

Но сколько было неподдельной детской радости, когда они вышли на улицу! Снежки полетели из стороны в сторону. И только звон медного листа да громкие крики кашеваров заставили их с горечью побросать это занятие. Раскрасневшиеся, разгоряченные, усаживались они за «столы». Умудренные опытом казаки, измеряя глубину снежного покрова ветками, сорванными с деревьев, убежденно говорили:

– Уйдем на юга!

Для незнающего человека было непонятно, кто уйдет. Но те имели в виду своего главного врага – татар.

Наступление зимы заставило кое-что вспомнить и атамана. По договору, заключенному в Рязани, приближался срок нести охрану южных границ. Надо было определяться с казаками для отправки их туда, а без есаулов проверить эту работу невозможно. Заглянув в курень Курбата, какой-то казак крикнул:

– Есаул, к атаману!

Есаулы уже рассаживались по местам. Атаман поднялся и окинул присутствующих. Были все.

– С первым днем зимы, друзеки!

– К аллаху бы ее! – пошутил кто-то.

– К аллаху или к кому другому, но она пришла, а у нас есть договоренность с рязанским князем. Хлеб-то мы его едим.

– Знамо дело! – бросил один из сидящих.

– Коль знамо, – подхватил атаман, – то каждый курень должен выделить по сорок человек.

Есаулы закрутили головами:

– Немного ли, атаман?

Атаман поправил усы.

– Много аль мало, подсчитаем. Линиев наблюдений надоть не менее семи, восьми. В каждой по четыре, не менее бекетов, по три казака в каждом, итого сколь?

Но сосчитать такую словесную арифметику они не смогли, сколь ни потели.

Атаман пожал плечами и посмотрел на Андрея. По Рязани знал, что он грамоте обучен.

– Андрей, сосчитал? – спросил атаман.

Парень покраснел, потом буркнул:

– Человек двести надоть!

– Во! – воскликнул атаман, – слышали?

Есаулы заерзали:

– А хто здесь останется?

– Так сколь щас пришло. Считай, тверцов до тыщи человек.

– Решили! – подвел итог атаман и спросил: – кто повезеть?

Больше рук поднялось за Петра. Он поднялся:

– Я не возражаю. Но, атаман, а кто к князю пойдеть? Убей мя, Семен, по мне, лучше с десятком татар биться, чем с князем говорить. Дай-ка мне кого попутевей, кто с ним говорить может, – сказав, посмотрел по сторонам и сел.

Воцарилась тишина. Предложений не было. Поднялся Курбат.

– Браты-казаки! Помните, когда вернулся атаман, че он сказал, кто спорил с евонным писарчуком?

Есаулы зашумели:

– Андрей.

Петро посмотрел на него, потом на атамана:

– Прав Курбат, атаман. Лучшего не найти!

На этом и порешили.

Есаулы начали подниматься, посчитав, что сбор закончен, но атаман осадил их.

– Еще хочу, браты-казаки, сказать, кое-кто посчитал, что глыбокий снег заставит басурман уйтить на юг. Боюсь, что те не правы. Надоть проверить все схроны, да чтоб там жратва была!

Это предложение есаулам очень понравилось:

– Прав атаман, всяко может быть! А береженого и Бог бережет!

Для Петра и Андрея настали горячие дни. Надо было лошадей по масти подобрать, оружие проверить, харчишко приготовить. И вот настал день смотра. Не узнать было казаков. Нарядные, строгие, решительные. А кони под ними! Краса!

А назавтра – поход. Вечером в андреев курень заглянул атаман и кивнул есаулу на выход. На улице хлопьями валил густой снег, быстро превратив их фигуры в снеговиков. Отойдя несколько шагов от куреня, атаман остановился.

– Я те, друзек, хочу попросить: не заглянешь ли ты к Дарьюшке? Узорочье хочу ей послать.

Парень не раздумывая ответил:

– Атаман, я рад быть твоим посыльщиком. Разреши, я ей от себя марафеты еще привезу.

Атаман улыбнулся:

– Вези. Возьми Митяя. На всякий. Только, покель ты будешь у Дарьи, он тя нехай ждеть на прогоне.

Андрей понял, что атаман не хочет, чтобы лишний глаз видел то жильё: «Осторожен атаман. Дорога ему внучка».

Не ближний путь от коша до Рязани. Полк двинулся и должен был, по договоренности с князем, расположиться на Червленном Яре в Поде на реке Воронеж, а сказать Ивану Ивановичу, что он туда отправился, надлежало Андрею. Он решил ехать вдвоем с Митяем. Да пристал Захар. Взяли и его.

Выехали с рассветом о двуконь. Не отъехали они и версты от коша, как под ноги коня Андрея шарахнулся непонятный черно-белый клубок. Конь поднялся на дыбы. Андрей схватился за саблю. Но радостный басистый лай заставил его улыбнуться:

– Дружбан!

Подъехали Митяй с Захаром. Все были удивлены. Тот пропадал где-то довольно давно. А тут на тебе...

– Ну и псина! – воскликнул Захар, удивленный, кажется, больше всех.

Погода способствовала продвижению. Снегопад кончился. С ним ушло и относительное тепло, установился бодрящий морозец.

Наконец перед их очами предстал Переяславь-Рязанский. За крепостной стеной виднелись купола церквей. Въезд в город строго охранялся. При виде трех вооруженных молодцев вои преградили им

путь. Несмотря на все утверждения Андрея, что он едет к князю и тот его давно ждет, сотский послал за Яковом, зная, что, когда были донцы, больше всех с ними занимался писарчук. Тот оказался на месте и немедля прибыл к воротам. Он еще издали узнал Андрея и помахал ему рукой. Видя это, все расступились. Когда горячность встречи прошла, Яков спросил:

– Ко мне аль сразу к молодому князю?

Андрей улыбнулся:

– А, давай к князю.

Яков провел Андрея в гридницу, где князя уже ждали. Присутствующие, не скрывая интереса, осматривали вошедшего – рослого молодого человека с лихо заломленной папахой. Серо-зеленые глаза смотрели внимательно. Лицо волевое, неглупое. Придерживая саблю, прошел мимо и сел в кресло. Бояре возобновили прерванный его появлением разговор.

– Так че те москвит поведал? – спросил один из них.

– А, – московский боярин начал, – ты знавал князей Стародубских? – боярин, машинально взглянув на донца, уставился на рязанца.

Тот кивнул и спросил:

– Это у них младший сыночек хотел порезать братьев и дядьку?

– Не, – московский боярин опять быстро взглянул на Андрея. – Это так говорили. А случилось-то вот что. К великому князю пришел отец младшего сыночка с сестрой и все рассказали, как было на самом деле. Дядька и старший сын его брата решили порешить других братьев. А младшенького кто-то успел предупредить, и он ушел. Тетка-то показала ему плечо, которое разрубил братец, и князь сказал, что, как споймает Ваську, строго осудит за напраслину.

– Ну и че?

– Да того в Сарае и порубали, туды ему и дорога, – москвич вдохнул порцию воздуха свинячим носом. Андрей слушал их разговор с замирающим сердцем. Ему даже вдруг захотелось вскочить и заорать во все горло: «Вот я!», но что-то сдержало его. Знал бы Андрей, как боярин ошибался, вскочил бы, не выдержал. Хан и тот не разобрался, Стародубский да Стародубский, и принял Федора за Василия.

В это время вошел князь. Иван Иванович быстрым взглядом окинул присутствующих. Посланца донских казаков он узнал сразу.

– А, Андрей! – не без радости воскликнул он, взяв парня за руку, пояснил: – это посланец свободного Дона!

Присутствующие заволновались. Видать, натерпелись от них лиха.

– Спокойно! – князь поднял руку, – это теперь наши, вроде братьями становимся. Так? – он посмотрел на Андрея.

– Полк прибыл на место, – сообщил казак.

Князь поглядел по сторонам и увидел Якова. Поманив его пальцем, сказал, когда тот подошел:

– Ты договор помнишь?

Тот кивнул.

– Тогда посылай им продукты и все остальное. Смотри не обидь. Они люди серьезные! Так, Андрей?

Есаул подтвердил.

По предложению князя он переночевал и на следующий день отправился назад. Только, на удивление сопровождающих, путь Андрей выбрал другой. Но он им ничего не говорил, а они не спрашивали.

После возвращения от рязанского князя Андрея как подменили. Митяй попытался его порасспрашивать, но тот так посмотрел на него, что пропала всякая охота это делать. Так они и ехали: каждый по себе. Андрея всю дорогу занимало услышанное. Что же ему делать: вернуться? А как же его новые друзья: Митяй, Курбат, Захар? Как посмотрит атаман? Живы ли, родители? Поди, земли поделили? Войну начинать? Друзей бросать... Не может он ответить на эти вопросы. А кони бегут, подгоняемые морозцем. Добежали почти до места. Здесь друзеки должны его подождать. Когда он объявил им об этом, они ничего не спросили. Уж больно угрюмым было его лицо.

Вот те ворота с высоким забором. На стук отвечает уже знакомый голос Макара.

– Я Андрей, атаманов есаул!

Загрел засов.

Андрей застал Ефросинью и Дарью за прядением. Увидев на пороге нежданного гостя, обе замерли. В их глазах – удивление и испуг. Они в один голос воскликнули:

– Что с дедой? Что с Семеном?

Андрей замахал руками:

– Все хорошо! Атаман жив и здоров. Меня просил заехать и передать гостинцы.

– Слава те, Господи! – они перекрестились.

– Раздевайсь! – приказала Ефросинья.

Но Андрей замотал головой и произнес:

– Не могу. Меня ждут. А я хочу передать...

Он снял с плеча чювал, развязал его и достал кису.

– Это те! – и протянул Дарье.

Глядя на нее, Андрей неожиданно смутился. Жест его был неуклюж, и руки их соприкоснулись. Он уловил нежность, теплоту ее кожи. В голову ударила мысль: «Что это?» – он уставился на Дарью с таким выражением, словно впервые видел что-то необыкновенное. Ее лицо зарделось. Они так и стояли друг перед другом, растерянные. Помогла Ефросинья.

– Че на пороге стоишь? Пути не будет.

Андрей машинально шагнул вперед, глядя по-прежнему на Дарью. Она засмузилась еще сильнее.

Ему показалось, что до сих пор не доводилось видеть таких глубоких, прекрасных глаз с дразнящей искоркой в них, алых припухших губ. А коса! Ниже пояса. Что-то заговорило и в ней. Если раньше вид парня ей ничего не говорил, то теперь на посланца деда она смотрела другими глазами. Она нетронутым девичьим сердцем вдруг почувствовала, что ей приятно с ним общаться, а его скромность, стеснительность подкупали ее. Наконец, Андрей пришел в себя, что-то вспомнил:

– А это тебе, – он достал сверток и подал ей.

Она развернула и обомлела. Там были пряники медовые, изюмные, сушеный абрикос, шербет. Многие из этого он сохранил еще от волжского похода.

– Проходи! – она взяла его за руку.

Не отнимая руки, он произнес с сожалением:

– Меня ждут, надо ехать.

– Аа, – протянула она, – приезжай еще, буду рада.

– Ладно. Как атаман скажет! – поправился он.

Все семейство вышло провожать Андрея во двор. Они были восхищены тем, как ловко он вскочил на коня. Поклонившись Макару,

Ефросинья, он задержал взгляд на Дарьюшке, отчего опять вогнал ее в краску.

– Прощевайте, – он стегнул коня и умчался прочь.

Ефросинья вдогонку перекрестила его и, вздохнув, произнесла:

– Какого хорошего парня подобрал сябе Семен.

Ждавшие его казаки о приближении Андрея поняли по сильному волнению Дружбана. Он то бросался вперед, то возвращался назад. И точно: вскоре показался Андрей. Когда он подъехал, ребята его не узнали. Лицо парня, до этого суровое и сосредоточенное, светилось радостью. Он спрыгнул с коня и расцеловал подпрыгивавшего Дружбана. Такая перемена удивила парней. Они переглянулись и улыбнулись друг другу. Весь остаток пути Андрей был весел, рассказывал свои детские шалости. Его точно подменили. По дороге на Дон они заскочили к казакам, охранявшим Рязанскую землю, убедились, что княжеский договор строго выполняется. Казаки хорошо разместились, был запас пропитания. Побывали на бекетах. И только после этого отправились домой.

Вернувшись, Андрей прежде всего зашел к атаману. Взглянув на подходящего есаула, по его сиявшему счастьем лицу, он понял, что тот съездил хорошо. Это подтвердили и слова есаула. Когда Андрей закончил отчет, атаман, как бы между прочим, спросил:

– Подарок-то понравился?

И тут Андрей выдал себя. Лицо его покраснело, на лбу моментально выступил пот.

– Понравился, – ответил он, – у них все... хорошо.

В его голосе атаман что-то уловил и посмотрел на парня.

За их отсутствие на коше ничего не изменилось. Жизнь шла в сложившемся ритме. Только несколько усилилась подготовка к предстоящему походу.

Однажды утром, не успел Андрей продрать глаза, как за ним пришел казак от атамана. Тот собирал у себя всю казацкую верхушку. Семен вновь повел разговор о подготовке к походу.

– Друзеки-казаки, – сказал он, – мы отправили справных казаков в рязанские земли. Многие из них должны были идти в поход. Но не вертать же их.

– Пуццай служат, – раздались голоса.

– И я так думаю, – произнес атаман, легко пройдясь по усам, – щас у нас набралось много нового люда. Вот из их и надоть набирать для похода.

Поднялся Зосим:

– Че отправил казаков в Рязань, то правильно сделал. Но новеньких надоть не только поучить, но справить для них поход. Че-то давненько за зипунами не хаживали, атаман.

Семен опустил голову. Прав был старый казак.

– Че скажу, друзеки-казаки, прав Зосим, прав. Надоть итить.

Круг согласно закивал головами. Поднялся Курбат:

– Нам, бывалым казакам, надоть в их головы вперять, че нет уз святей товарищества.

Загудел круг:

– Прав Курбат!

Так как каждый пришедший имел право выбирать себе курень, то к Андрею, прослышав про его дела, в основном повалили молодые парни. И столько, что впору хвататься за голову. И он решил разделить их на три группы, поставив во главе Митяя и молодого Захара, который успел многому научиться. Учеба была суровой, как и погода. Лежать, не двигаться на морозе или сидеть в плавне и дышать через соломинку, без пищи сидеть по нескольку дней. Не каждый выдержал. Кто-то ушел к рыбакам, кто-то к охотникам, кашеварам. Но кто остался, чувствовалось, что это будет крепкий костяк.

В середине зимы Андрей решил сделать набег на ногайские табуны. Семен дал согласие, только сказал есаулу: «Береги себя!» Его слова прозвучали так, что он словно чего-то не договаривал. Ногайцы хорошо знали повадки казаков и ждали их нападения. И тут кто кого перехитрит. Знал об этом и Курбат, посоветовав Андрею вначале обязательно проведать, а не лезть при виде табунов сломя голову. Совет этот ой как пригодился есаулу. Ему он следовал всю жизнь.

На третий или четвертый день пути, хотя шли они в основном только ночью, а в светлое время суток прятались по балкам, выставив вперед смотрящих, он позвал бывалых казаков:

– Друзеки-казаки! Как думаете, скоро аль нет мы их увидим? Не пора ль проведать?

Казаки посопели, покряхтели, переглянулись меж собой. По их взглядам можно было понять, что действия молодого есаула им по

душе.

– Да, можно и послати. Особливо пуццай смотрют балки, увалы, – посоветовали они.

Первый погляд Андрей решил сделать сам, хотя взятые в поход бывалые казаки это не одобрили.

– Есаул должен быть при отряде! – заявили они.

Но Андрей был упрям. В душе он боялся, что его первый самостоятельный поход из-за недогляда может быть провален. И не потому, что он им не доверял, просто ему казалось, что давно не участвовавшие в таких походах казаки могут проглядеть какую-нибудь мелочь, а она...

Схоронив отряд в одной из балок, он с несколькими казаками на белых конях и в белых плащах двинулся на разведку. Путь Андрей избрал странный. Он не повел отрядик на юг, а взял направление на восток. После дня пути, короткого отдыха он повернул на юг. На третий день он повернул на запад. Его выбор оказался правильным. Ногайцы ожидали их с севера. Двум казакам, бывалому и новичку, Андрей приказал вернуться их дорогой и привести весь отряд тем же путем.

Нападения с юга ногайцы не ожидали. Внезапность сделала свое дело. Застав ногайцев врасплох, казаки нещадно их порубали, не выпустив ни одной живой души, и, развернув их стада, погнали на север. Обдумывая отход, Андрей решил разделить отряд на две части, чтобы достойно встретить преследователей, если они окажутся. А что они будут, Андрей не сомневался. В пылу битвы кто-то из ногайцев мог и схорониться. После их ухода он поскачет к своим, а те организуют преследование.

Есаул взял большую часть отряда с собой. И эту часть отряда он разделил на две части: если нападут на одних, другие зайдут с тыла. Это решение есаула было разумным. Как думал Андрей, так оно и случилось. Ногайцы немедленно послали погоню. Тысяцкий, ведший отряд татар, не мог и подумать, что его ждет засада. Что ни делал тысяцкий, чтобы остановить бегство отряда, ничего не получалось. Страх был сильнее плетки тысяцкого. И тысяцкий попал в плен.

С триумфом вернулся Андрей из первого своего самостоятельного похода. Казацкий кош гулял по этому случаю несколько дней. Когда гулянье наконец закончилось, к казакам неожиданно пришла беда.

Поздно ночью в атаманову дверь кто-то постучал. Стук был таким громким, торопливым, что Семен, услышав его, подумал: «Беда какато!»

– Кто? – заорал он с лежанки.

– Я! – атаман узнал голос Авдея. – Беда, атаман! Черна болесть! Четверо уже померло. Ко мне не выходи! Мня трясеть, – предупредил он.

– Че надо-то? – атаман стоял у двери.

– Я уйду к себе. Прикажи подпереть дверь и сожи наш курень!

– Что-о! – удивленно заорал атаман.

– Я говорю: сожги нас! Спасай казачество! Да гасу не жалей. Прощай, атаман! Не поминай лихом!

До атамана донеслись его торопливые шаги. «Как же так?! – мелькнуло в голове атамана, – только вчера я с ним встречался и на те!..» Но он понял, что медлить нельзя. Иначе погибнет все казачество. Он поднял свою опору: Зосима, Курбата. Услышав сообщение атамана, они враз проговорили:

– Чего, атаман, стоишь. Спасай кош!

Курбат поднял Андрея и его людей. Объяснив казакам, в чем дело, Курбат оглядел растерянных казаков, опустив голову, понурым голосом сказал:

– Нас спасет только огонь. Они об этом знают. Просили подпереть дверь... Надоть, дети мои, вам жить, надоть, – он вздохнул и добавил: – С богом!

Работа закипела. Все поняли страшную угрозу. Вход пошло все: сено, дрова, будылье. Вскоре огонь столбом взметнулся в небо, понеслись крики о помощи, проклятия, стоны и нечеловеческий рев. Казаки стояли с непокрытыми головами. По их обветренным мужественным лицам текли слезы. Все вспоминали поступок Авдея. То был настоящий казак! Голоса под огнем стихали. Потом затихли совсем. И только потрескивавшее пламя говорило о страшном событии, только что случившемся на их глазах. Весь кош пришел к церкви, когда шла заукойная служба. Поступок Авдея многим открыл глаза на высокое звание «казак».

ГЛАВА 30

Великий литовский князь Гедимин принимал беглого русского князя Александра Михайловича в новом замке, в Вильно. Вид этого строения говорил о силе и могуществе литовского князя. Мощные стены с башнями и бойницами угрюмо смотрели на каждого, кто к ним приближался, и говорили о своей силе и непобедимости.

Подъезжая к замку, князь Александр тяжело вздохнул. Как не хотелось ему въезжать в широко раскрытые ворота! Князю показалось, что он въезжает в пасть какого-то страшного сказочного зверя.

Гедимин был в хорошем настроении. Еще бы! Южные русские земли стали принадлежать ему. Никогда еще Литовское княжество не было столь могучим! Прибытие этого русского сулило ему многое. У них уже были связи. Через псковичей он знал и о намерении князя в союзе с ним сокрушить мощь северных русских земель, особенно быстро возвышавшегося Московского княжества. Он внимательно следил за умным, деловым московским князем и находил, что их натуры идентичны. Тот, как и он, стремился сделать свое княжество могучим, никому неподвластным. Но Гедимин понимал, что если его Литовское княжество свободно от чьего-то влияния, то Московское, подвластное Орде, не может вести независимую политику. С одной стороны, это плохо. Но с другой... ему известно, каким влиянием пользуется московский князь в Орде. Связываться с таким князем было опасно. Орда еще не совсем потеряла силу. И их совместное выступление... Но об этом ему не хотелось думать.

А пока приема ждет один из тех, кто в будущем поможет опрокинуть удачливого московского князя. Поэтому Гедимин решил, что не стоит рвать отношения с тверским князем. Конечно, литовец знает, что Александр будет просить помочь избавиться от московского князя. Но время ли сейчас это делать? Победа на юге досталась дорогой ценой. Надо залечить раны. А тверскому князю можно только дать обещание.

Не очень удовлетворенным уходил от литовского князя Александр. Гедимин ему не отказал, обещал в будущем помощь. Но... когда придет это будущее? Ему негде жить. Правда, жилье тот ему

предоставил, отдав свой старый замок. Ну, что ж, пока и этого немало. Александр говорил еще и об угрозе тевтонских рыцарей ему, литовскому князю. Но, занятый своими мыслями, Гедимин не очень его слушал. А угроза, действительно, в какой-то мере была.

Великий магистр фон Эбергарт правильно уловил состояние доселе грозного для себя врага. Поход Гедимина на юг подорвал, безусловно, его силы. И сейчас, по мнению магистра, самое время нанести удар по давнему своему врагу, зарвавшемуся рижскому епископу, который не раз пользовался услугами язычников. Но все же он решил посоветоваться. Для этой беседы он пригласил к себе барона фон Штукланда, пожилого человека с отвислыми складками дряблых щек, большими выпуклыми глазами, прикрытыми тяжелыми, усталыми веками и мешками под ними. Солидный мясистый нос и под стать ему губы. На голове – редкие волосы ежиком, а большие залысины делали и без того его большой лоб громадным. На нем была толстая суконная куртка и какая-то тряпица, обмотанная вокруг шеи. У барона был безразличный взгляд, на губах – пренебрежительная улыбка. Они сели друг против друга. Гость наклонил, как бык, голову, словно готовясь принять неожиданный удар.

– Барон, – начал магистр, не обращая внимания на выражение безразличия на лице собеседника, – я пригласил тебя для того, чтобы обсудить одну щекотливую тему.

И он начал рассказывать о вызывающем поведении рижского епископа, его заигрывании с неверными.

– Сейчас самое время его наказать, – прошлепал губами барон, – только как поведет себя Московия?

Барон продолжал удивлять магистра своей прозорливостью.

– Орда, как слепая курица, высидела русского птенца. Только она ошибается, думая, что это куренок. Скоро он превратится в орла. Я вижу, – он смотрел куда-то вдаль, при этом лицо его преобразилось, – что если не при этом князе, то его последователях, если они продолжат политику нынешнего правителя, они сбросят татарское ярмо.

– А вы, барон, не преувеличиваете значимость этого русского князя, да и русских вообще? – магистр подтянул кресло поближе к столу и, склоняя голову, ждал ответа.

– Нет, – помедлив, ответил барон, – мой милый магистр, нельзя забывать историю, о чем она говорит, – он поднял глаза на магистра.

Взгляд его был тяжел. Магистр, похоже, оробел. Так с ним давно никто не разговаривал. Он уже пожалел, что пригласил его. Но он был нужным человеком. Помимо мудрости, о которой знали многие, он был родственником ливонского магистра. А задуманный фон Эбергартон поход на Ригу без поддержки ливонцев заранее был обречен на провал.

– Ну, – бесцеремонно произнес барон.

Магистру было ясно, что тот ждет ответа.

– Восток движет историю.

Не желая больше слушать барона, магистр поторопился сообщить:

– Барон, у меня несколько дней тому назад был посланец Московии.

Лицо барона опять преобразилось: теперь он походил на хищного зверя, приготовившегося к прыжку.

– Ну, – опять это требовательное «ну».

– Ну, – повторил его и магистр, – это был купец. Он зондировал почву о заключении соглашения о взаимной поддержке друг друга.

– И ты? – быстро спросил барон.

– Сказал, что готов это обсудить с князем, особенно если...

Но барон резко перебил его:

– Не надо никаких особых условий. Ты сначала замани его в свои сети, а потом... – Штукланд рассмеялся басистым голосом.

– И как этот купец?

– Признаюсь, он меня поразил.

– Чем?

– Он вел себя довольно свободно, отвечал очень разумно и по-княжески уверенно.

– А может!.. – удивленно воскликнул барон.

– Нет! Сто раз нет! Купец прибыл морем. А ты знаешь, каким оно бывает в это время. Ни один разумный человек не рискнет пускаться в плавание в такое время. Только воля князя могла заставить купчину совершить это рискованное путешествие.

Барон опять углубился в свои мысли. Крупными зубами пожевал губы, потом произнес:

– Думаю, ты прав.

– Но это не все, – заявил магистр. – До этого был такой же посланник от тверского князя.

Барон усмехнулся:

– Этого князя приютил у себя твой главный враг.

– Между прочим, и твой, – не удержался от реплики магистр.

Веки барона поднялись, а глаза посмотрели на магистра каким-то странным взглядом. В голове магистра пронеслось: «Как он, живя в медвежьем углу, все знает?»

Вернувшегося к себе Ивана Даниловича ждало неприятное известие: Елена сильно заболела. Он узнал об этом, поднимаясь по высокому крыльцу. Не раздеваясь, весь в грязи, бросился он к ней в опочивальню. Она лежала на спине, до подбородка накрытая одеялом. На голове – белый платок до самых глаз. Лицо бледное. Кажется, в нем не было ни кровинки.

– Алёна! – падая на колени, горячо воскликнул князь, – Алёна! – повторил он.

Веки ее дрогнули, глаза открылись. Но они были устремлены куда-то вверх. Она словно не слышала голоса мужа. Или не поверила, что он здесь. Иван Данилович еще раз нежно, ласково прошептал ее имя. Она повернула голову:

– Ты?

– Я, я, Алёнушка! – быстро ответил он, поднимаясь.

Она с трудом вытащила руку из-под одеяла. Он схватил ее и прижал к губам. Она была холодная, и по его коже пробежал морозец.

– Что с тобой? – заговорил он быстро, не отпуская руку.

– Вернулся? – прошептала она.

– Вернулся! – ответил князь и пояснил: – Ездил на тайную встречу к тевтонскому магистру. Боюсь, Александр готовит заговор.

Она улыбнулась, окинув мужа взглядом.

– Ты прямо с дороги?

– Да.

Она зашевелилась.

– Ты лежи, лежи! – успокаивал он ее.

Но его дорожный вид чудодейственно подействовал на ее состояние. «Нет, он любит меня!» – застучало ее сердце. С этого мгновения здоровье Елены пошло на поправку. Видя, как на глазах

розовеет лицо жены, Иван Данилович чувствовал и в себе прилив сил и с удвоенной энергией принялся разгребать накопившиеся дела. При этом впервые по-настоящему привлек к делам старшего сына Семена.

Заканчивалось строительство церкви Успения Богородицы. Иван Данилович с сыном немедленно поехали к Дионисию, иконных дел мастеру. Наяву убедились, что у того дела не стояли на месте. От него к попу Тимофею, тоже иконописцу. И у того дело шло своим чередом. Все упиралось в Парамшу, золотых дел мастера, который делал «иконы золотом кованы». Парамша начал было уверять, что один справится. Но Иван Данилович сел в кресло и начал допрашивать мастера:

– Сколь всего надо тебе сделать обрядов?

– Сорок два, – ответил Парамша.

– Так, – князь погладил колени, – а сделал?

– Семнадцать.

Семен внимательно наблюдал за обоими.

– А сколь ден затратил?

Парамша закатил глаза, потом ответил:

– Да поболее трех месяцев.

– Во, видишь, – князь поднялся, – сколь осталось?

Мастер почесал затылок:

– Э... пятнадцать что ль?

– Не плутуй! – князь шутливо помахал пальцем. – Не пятнадцать, а двадцать пять.

– Да ну! – удивился Парамша, что-то прикидывая, – и вправду, двадцать пять.

– Бери подмастерьев, – приказал князь.

Парамша неохотно согласился.

– Пошли, – Иван Данилович кивнул сыну на выход.

Освободившихся от строительства Успенского храма рабочих князь направил на подготовку закладки церкви Ионна Лествичника. Обновление и расширение кремлевских стен тоже требовало внимания. И вот он с сыном стоит на только что укрепленном очередном участке стены. С его высоты он любуется Москвой-рекой, занесенной снегом, берега которой облеплены разными речными судами. Кое-кто из рачительных хозяев уже готовил свои суденышки к предстоящему плаванью.

– Ну как, Семен? – повернулся князь к сыну. Глаза юноши сияли.

– Мне, батя, нравится.

– Вот стену доведем, пусть кто попробует нас взять!

– Ров надо заканчивать, – заметил княжич, глядя вниз.

Его слова – бальзам на душу князю: «Значит, думает, заботится. Хозяином будет».

Наверное, он еще долго бы любовался видом и мечтал, но его позвал Василий.

– Великий князь, прибыли послы псковские!

Иван Данилович даже вздрогнул: уж не ослышался ли он?

– Щас приду, – громко ответил князь, – веди их в хоромы!

Князь с сыном, не переодевшись, вошли в хоромы. Иван Данилович был одет в простое, подбитое мехом, корзно. На голове – татарка. Порты заправлены в катанки. Лицо румяное от морозца. Он энергичен, взор горящих глаз быстр и остер.

– Я вас приветствую, дорогие гости! – войдя, проговорил князь, скидывая корзно и шапку на руки подскочившего отрока.

Князь уселся в кресло, Семен встал рядом.

– Мой сын Семен, – представил его князь.

Гости поклонились ему. Псковичане все солидные мужи. Важны своей степенностью. В дорогих шубах, на головах – собольи шапки.

– Упреете, – бросил им князь и обратился к отрокам: – Примите-ка их наряды.

Посланцы неторопливо разделись, щурясь от солнышка, которое радостно светило в окно. Когда они уселись, князь бросил:

– Слушаю вас!

Гости посмотрели на солидного седовласого псковитянина.

– Говори, Савелий, – почти в один голос назвали его псковитяне.

Савелий Ледович, боярин, расправил пушистую бороду, поправил волосы пятерней и, прокашлявшись в кулак, проговорил:

– Великий князь! Тебе, князю великому, весь Псков кланяется от мала и до велика. Дозволь весть сказать, – боярин замолчал, встал и поклонился.

Князь кивнул:

– Говори!

– Князь Александр из Пскова поехал прочь!

Иван Данилович сделал вид, что слышит это впервые. Какое-то время он молчал, обдумывая, что делать дальше. Потом сказал:

– Все в руках Божьих! – и перекрестился. – Тому была воля нашего повелителя, Великого хана Узбека. Раз вы прибыли сюда просить мира, то я готов его заключить по старине, по отчине и по дедине!

Многочисленные кивания посланников показали их согласие на княжеские условия.

Этот мир нужен был и Ивану Даниловичу. Он продолжал опасаться Гедимины, обдумывая разные подходы заключения союза с этим победным князем. Одна задумка была, но Иван Данилович решил пока никому ничего не говорить. Если будет получаться, обговорит это дело с Узбеком, чтобы тот не заподозрил в нем заговорщика. Проживавший в Литве Александр тоже представлял большую угрозу. Он мог побудить Гедимины в поход на Московию, обещая поддержку тверичей.

А пока сам Александр был устроен совсем не по-княжески. Услышав от Гедимины, что он отдает ему свое бывшее жилье, князь поначалу обрадовался. Но когда он его увидел, волосы на его голове зашевелились. Да, стены были целы. Но вот остальное оказалось наполовину отсутствующим или разбитым. Видать, многое лучшее было взято для нового замка. Окон почти не было. Крыша во многих местах снята. А где и осталась, то мало спасала от дождливой погоды. Высказывать жалобу или показать обиду князь не мог, понимая, что он находится не в том положении. Пришлось заставить своих людей навести в помещении мало-мальский порядок. Настроение усугублялось и отсутствием любимой жены. Везти ее сюда после родов было нельзя. Это он отлично понимал, но и быть в долгой разлуке тоже не мог.

Выбрав удобное время, когда Гедимин уехал куда-то на запад якобы изучать немецкие укрепления, князь сорвался. Погода была прескверной. Бесперывно валил густой, мокрый снег. После продолжительного пребывания в пути в такую погоду путники, как бы ни кутались, чувствовали, как по их телу начинали бежать холодные струйки. Поэтому многие, зная, что их ожидает в пути, откладывали дела и сидели по домам, греясь у печей.

И было странно видеть одинокого всадника, который явно куда-то торопился. На нем был крестьянский чиненый-перечиненый тулупчик, на ногах – разношенные, с истертыми пятками сапоги. Высокий воротник поднят. На глаза надвинута мохнатая шапка. Настроение ему поднял внезапно раздавшийся звон колокола. «Значит, – подумал он, – Псков близко». Но из-за такого снегопада увидеть город издали не представлялось возможным.

Стража в воротах, прячась от снега, с сожалением посмотрела на въезжающего одинокого всадника и не стала его останавливать. Всадник спокойно проехал стражу. Видать, он хорошо знал город, потому что уверенно направился в один из переулков. Он остановил коня недалеко от одного боярского дома. Привязав коня к дереву и насыпав ему в торбу овса, оглянувшись по сторонам, направился к хоромам. Постучал колотушкой по воротам, но никто не ответил. Тогда он постучал еще раз и довольно громко. С крыльца послышался чей-то недовольный голос:

– Че надо?

В ответ вопрос:

– Боярин дома?

– Дома. Че доложить?

– Скажи, – он вновь посмотрел по сторонам, потом добавил: – князь Александр.

Боярин Василий Белоут не скрывал радости видеть изгнанника. Но в то же время в его глазах светился страх: «Не дай бог, кто прознает». Но он старался не подать вида. Александр, как на духу, рассказал ему о своих сердечных болях. Боярин же поведал о том, что псковитяне только что заключили мир с московским князем. Александр спросил:

– Он понудил?

Белоут покачал головой:

– Сами захотели. Литовцы заняты своими делами. Новгородцы, видя это, стремятся взять над нами верх. Посуди, князь, сам: кто нас рассудит? Был бы ты... – он не договорил.

– Что я сейчас? – с болью в сердце раздались слова князя. – Сам бегаю, как изгнанная собака. Вот вернуться мне хотя бы к вам. Здесь моя семья. А как княгиня? Не знаешь?

Боярин ответил охотно:

– Как не знаю? Знаю. Я к княгине не ходил, но посылал баб, чтобы те помогли.

Князь успокоился.

– Ты знаешь, я боюсь идти к ней. Вдруг этот... оставил своих соглядатаев.

– Боярин понял, что Александр имел в виду московского князя, и сказал:

– Я пошлю бабу. Она и приведет княгиню, вот только стемнеет.

Князь ответил ему благодарным взглядом.

Анастасия уложила младенца и, опершись руками о колыбель, с любовью и нежностью смотрела на дитя. Ее глаза увлажнились, а губы прошептали: «Как жаль, что ты не узнаешь настоящего отца». Не успела она произнести последнее слово, как в дверь постучали. Княгиня вздрогнула. Ей показалось, что ее могли услышать. Она еле слышно произнесла:

– Войдите.

Стук повторился, а с сердца упала пелена тяжести. Она поняла, что ее никто не мог услышать. Решительным шагом она направилась к двери. Открыв, увидела знакомую бабу от боярина Белоута. Он часто ее посылал то с подарками, то чтобы она оказала помощь по дому.

– Княгиня, – воскликнула баба, – боярин приглашает тебя к себе, – выпалив, она уставилась на нее, точно ожидая награды.

– Зачем я ему? – удивилась княгиня.

Баба, опасливо оглянувшись на дверь, на цыпочках подошла к Анастасии и зашептала ей на ухо:

– Тама какой-то гость! Вот боярин и кличет! – на ее лице отразились загадочность и испуг.

Поняв, что баба больше ничего не скажет, княгиня, подумав, сказала:

– Хорошо, я сейчас.

Княгиня быстро вышла. Чувствуя, что эта встреча носит какую-то тайну, оделась довольно просто. Шубейка ее служанки, на голове – платок до самых глаз, завязанный на груди. Баба, увидев княгиню такой, была удивлена и даже фыркнула. Но побежала вперед.

В хоромах боярина была тишина. Их шаги гулко раздавались в переходе. Около одной из дверей баба остановилась.

– Княгиня! Вам суды! – она показала на дверь и исчезла.

Княгиня, стоя перед дверью, чувствовала, как тревожно билось ее сердце. Рука нерешительно поднялась, и Анастасия осторожно толкнула дверь. Она со скрипом открылась. Прижимая руки к колотившемуся сердцу, княгиня переступила порог. В горнице было темно. Горела только одна свеча. Но и она позволила увидеть довольно странную фигуру: сгорбленную, настороженную. Анастасия сделала несколько шагов, пристально всматриваясь в человека. Сердце екнуло: «Неужели Александр?» Она назвала его имя. Фигура ожила и бросилась ей навстречу со словами:

– Анастасиюшка, дорогая, – он обнял ее и начал пылко целовать.

Княгиня в растерянности только лепетала:

– Сашенька, Сашенька, мы не дома!

Когда прошел первый порыв радости, он зажег несколько свечей. И Анастасия увидела мужа. Он сильно изменился. Оброс. В волосах появилась седина. А главное, постарел. Выглядел каким-то сгорбленным стариком. Да и одет был далеко не по-княжески.

Жена отступила на шаг.

– Александр, – с удивлением спросила она, – ты что, бежал?

Александр и ее окинул критическим взглядом:

– Да и ты... не лучше! А все он, – чуть не рыдая, воскликнул князь. – Это он нас лишил родины.

– Да кто «он»?

– Да твой Иван.

– Мой Иван? – в голосе ее послышалось возмущение. – Я не хочу с тобой говорить! Когда это кончится?

Князь почувствовал, что она может уйти, и упал перед ней на колени.

– Не уходи, умоляю тебя! Я приехал только ради тебя, рискуя жизнью. Только желание видеть тебя заставило меня одеть это тряпье.

Слова мужа смирили Анастасию. Княгиня села в кресло. Александр подполз к ней и положил голову на ее колени.

– Я столько тебя не видел! А ты стала еще прекрасней! Милая... – он поднялся.

Ночью метель внезапно прекратилась, и луна, улыбаясь во весь рот, заглянула к ним в окошко. Они лежали счастливые. Князь закинул руки за голову и мечтательно произнес:

– Господи, как хорошо! Помоги, чтобы я мог жить хотя бы в Пскове.

– Терпи, и Бог поможет, – в голосе Анастасии слышались мольба и уверенность.

– Да, да, – смиренно согласился он.

– А ты не будешь возражать, если я съезжу проведать матушку? Уж сколь лет я не видела ее. Как она там.

– Ты... туда? – брови князя приподнялись от удивления.

– Да, а что?

– Ты хочешь попасть в лапы?..

Еле сдерживая улыбку, Анастасия сказала:

– А ты мне оставил надежную охрану. Не правда ли?

Он понял, что деваться ему некуда.

– Ну что, съездить к матушке надо. Поди, заждалась старушка.

Князь Иван Данилович вышел из церкви, и на душе его стало легко. Вдруг перед ним неожиданно встал какой-то человек в монашеском одеянии.

– Что надо, мил человек? – сверля его глазами, но спокойным голосом спросил Иван Данилович.

– Я послан сказать тебе, князю, что в Саввино-Сторожевском монастыре ты очень ждут. А чтобы ты узнал кто, вот тебе! – и он подал туго свернутую ткань.

Сказав, человек нахлобучил на голову капюшон, повернулся и быстро направился к воротам.

Когда князь пришел к себе и развернул ткань, сердце его екнуло. Он узнал – это была ее накидка: «Она ждет меня!» Через какое-то время, не сказав никому ни слова, он с Савелом поскакал в сторону Звенигорода. И на следующий день они стояли перед высокими стенами монастыря. Наверное, никто не ожидал, что они так быстро появятся, и Савелу пришлось приложиться к воротам рукоятью меча. Удары были настолько сильны, что быстро раздался чей-то голос:

– Кто?

– Открывай, князь Московии! – крикнул Иван Данилович.

Ворота заскрипели и широко распахнулись, чтобы встретить дорогого гостя.

Анастасия приняла его в келье. Узкая, застеленная темным покрывалом кровать. Маленький столик со свечой и божественными книгами, ослон с высокой спинкой да узкий платяной поставец. Иконы в углу с лампадкой. Она стояла, опершись рукой о стол. Из высокого оконца прямо на нее падал утренний свет, и княгиня была похожа на фею, которая могла улететь с этим светом.

Князь подошел, опустился на колени и припал губами к ее руке. Он задержался с поцелуем, а она не поднимала его. Только по-особому смотрела на его кудрявую голову. Наконец, он поднялся. Не выпуская ее руку, спросил:

– Что случилось?

Она улыбнулась мягкой, очаровательной улыбкой.

– А ты не изменился. Ты все тот же юноша.

– А ты еще прекраснее стала, – с пылом воскликнул он.

Анастасия показала рукой на ослон и сказала:

– Садись, князь.

Князь только покачал головой и подставил его ей. Она присела на краешек, посмотрела на князя и опустила голову.

– Я... я прибыла сюда, чтобы умолить тебя, – она замолчала, голова ее склонилась еще ниже.

– Говори, я все сделаю!

Княгиня подняла голову. В ее глазах стояли слезы:

– Помоги... моему мужу вернуться в Псков.

Иван Данилович посмотрел на нее. Потом отвел взгляд, щелки глаз сузились.

– Хорошо! Пусть приезжает, с ханом я все решу.

Она встала и поцеловала князя в щеку.

– Спасибо.

На этом они расстались. Александр недолго ждал известия от хана о том, что он не возражает против возвращения князя в Псков.

ГЛАВА 31

Зима прошла свой пик. На южных склонах сугробов и утоптаных прогонах появились серебряные нити льдинок, а на ветках – сосульки. Еще маленькие, порой еле заметные. Но все говорило, что зима на исходе. Но она, словно пытаясь это оспорить, порой буйствовала сильнее прежнего.

Понимая, что время, когда казаки должны подниматься в поход, не за горами, атаман усилил проверку готовности дружины. Атаману показалось, что казаки не очень справляются со стрельбой из лука. Дело закрутилось. Оно и радовало: поход состоится. А то застоялись друзеки-казаки, за зипунами давненько не хаживали.

Но перед походом Семен решил навестить свое рязанское казачество, узнать, что там творится, заодно побывать и в Рязани, проверить, что сделали купцы по договору. Атаман объявил, что Андрей едет с ним. Никто не удивился этой новости, разве что Хист. Вспомнился ему давний Авдеев рассказ и очень захотелось узнать атаманову тайну.

После недельного бурана установились морозные дни. Хитрый Хист понимал, что это ему на руку: следы на снегу видны хорошо. Через пару дней после того, как атаман ушел с небольшим отрядом, Хист незаметно покинул кош, направившись прямо в Рязань. Он устроился на краю города в одной избушке, сказав, что отстал от отряда и ждет его появления. Рязанцы хорошо приняли казака, тем более что он еще и неплохо им заплатил. Хист не ошибся в расчетах. Через несколько дней появились казаки. Ему пришлось прятаться от своих «хозяев».

Атаман задерживаться в Рязани не стал. Побывав у молодого князя и высказав сочувствие по случаю кончины его отца, навестив купцов, он приказал собираться в обратную дорогу. Заметив, что казаки готовятся в обратный путь, Хист заранее покинул гостеприимную избу и, затаясь в ельнике у дороги, стал их поджидать. Вскоре увидел, что отряд вышел из города и двинул на юго-запад. Дав им удалиться, он оседлал промерзшего коня. Теперь следовало узнать: покинет ли атаман отряд.

Следуя за ними, Хист обнаружил, что на одной из развилок дорога была изрядно вытоптана. «Никак они здесь прощались, – подумал он, – значит... – Хист привстал на стременах. – так и есть!» – чуть не крикнул он. Впереди следы раздвоились. В одну сторону их было много, в другую шло всего два следа. И он поехал по нему. След и привел его на край какой-то деревни, занесенной снегом. Хист было сунулся туда, да собаки, почуяв чужого человека, подняли такой лай, что ему пришлось вернуться. Поняв, что перед ним разгадка атамановой тайны, он решил не рисковать. Не впервой ему, казаку, приходилось бывать на морозе и не спать. И Хист своего добился! Промерзнув до костей, утром, когда ленивое зимнее солнце заставило засверкать изумрудом притаившуюся под «пуховым» одеялом землю, Хист увидел, как две знакомые фигуры, нахлестывая коней, промчались в нескольких шагах от него.

Дав им удалиться, он не помчался вслед за ними, а направился в деревню. Увидев шедших навстречу двух деревенских мужиков, Хист спрыгнул с коня, чем немного напугал их.

– Вы че, мужики! – воскликнул Хист, видя, что те готовы ринуться назад, – я вас не трону, даже деньгу дам, еслив вы мне скажите, не видели ли вы двух моих друзеков. Я отстал от них.

Говоря, он достал кошелек, высыпал мелочь и подал им по десять копеек. Это были деньги! Лица мужиков подобрели.

– Видели! – враз заговорили они, – даже знам, че они переночевали у Макара и ноне отъехали.

– Какая жалость! – сокрушился Хист, – а я вот этому Макару должен отдать пять рублей.

Мужики переглянулись: это были огромные деньгищи. Они таких и не видывали.

– Ну, так и отдай. Вона его изба! – и один из них показал на хоромы, прятавшиеся за высокой изгородью.

Другой словоохотливо добавил:

– Все для Дарьюшки пригодится. Ен-то бережет ее, как княжну!

Мужик не пояснил, кто ее бережет, атаман, который сюда ездит, аль Макар. Ему, Хисту, было все равно. Главное, он знает, что есть какая-то Дарьюшка. Хотя, кто она, надо тоже знать.

– А кто така Дарьюшка? – как бы между прочим спросил казак.

– Так... внушка! – сказал словоохотливый мужик, незнакомый, видать, с человеческим вероломством.

«Так вон оно что! Так, так, атаман! – закрутилось в голове Хиста, – так вот ты куда едешь. О том, что Андрей к этому не причастен, я понял сразу. А вот зачем ты его сюда таскаешь, на этот вопрос я не могу пока себе ответить».

– Хороша? – спросил он, одаривая их еще по пятаку.

Деньга не только любой замок откроет, но и раскроет. Словоохотливый выпалил:

– Лучше любой княжны!

Хист улыбнулся, но промолчал, поняв, что хороша. Больше расспрашивать их было не о чем. Ему удалось открыть великую атаманову тайну. И он невольно, но не без радости, подумал: «Теперь, атаман, ты у меня... – и он сжал кулак, – можно и возвращаться».

– Ладноть, мужики, бывайте, – он вскочил на коня, – к Макару загляну в следующий раз. Надоть друзяков догонять!

И Хист весело стегнул коня. «Надо спешить, чтобы их обогнать!» – решил он.

По возвращении в кош атаман ничего подозрительного не заметил. Жизнь в коше шла своим чередом. Отряд сопровождения еще не вернулся, но атаман, по прикидкам, ожидал его под вечер. Хист, правда, зачем-то крутился около куреня атамана. Собрав есаулов, Семен приказал им направить людей в Рязань забрать у купцов готовые чайки, оружие, одежду. Старшим назначил есаула Гудыма. Чтобы их купцы не обманули, дал им и писарчука. Отправляя отряд, он наказал есаулу прикупить смолы и пакли. Подготовка к походу подтянула казаков.

И вот зашумели ручьи. Земля огласилась птичьими песнями. На оголившиеся берега потянулись чайки, задымили костры, воздух пропитался гарью. Конопатили, смолили ладьи, готовили припасы. На солнце просушивали вяленую рыбу и мясо. Годных к походу оказалось тридцать чаек. Надо было отобрать тысяча восемьсот человек. Это дело решалось на сходе. Окончательный выбор решал жребий. Это устраивало всех. Это и была одна из форм казацкой свободы. Утрясали несколько дней. И выбор был сделан. Казаки получали шаровары, бешметы, суконные кафтаны, меховые шапки, оружие. Челны для проверки спущены на воду. Старые казаки предложили избрать

наказного атамана. Мало ли что могло случиться. И опять круг. Атаман поднялся на телегу.

– Друзеки-казаки! – сказав, осмотрел толпу. – Через несколько дней мы покинем эти берега. Что нас ждет, знает только бог! Всяко может случиться и со мной. Вражьи стрелы не разбирают, кто перед ними. Поэтому мы должны, как делают наши братья-днепровцы, выбрать наказного атамана!

Толпа непонятно загудела. Атаман стоял молча, поглядывая вокруг. На телегу кряхтя поднялся Курбат и поднял руки, призывая к тишине. Когда все угомонились, Курбат заговорил:

– Браты казаки! Я знаю, что доверяете мне!

Толпа одобрительно загудела. Стараясь ее перекрычать, он продолжил:

– И Зосиму.

И опять одобрительный гул. Курбат вновь дождался, когда все стихнет, и сказал:

– Тута нужен молодой, чтоб кровь в жилах кипела!

– Правильно!

– Так вот, мы предлагаем... Андрея!

– Молод! Молод!

Начался спор. Майдан распался на две части. Страсти закипали! Атаман вынужден был вмешаться.

– Молод, говорите? – спросил он, бросая взгляды по сторонам. – А вы не забыли, что этот молодой кош нам спас? – опять спрашивает атаман.

– Лады! – круг принял предложение атамана и начал расходиться.

Пошли весенние дожди, сгоняя последний снег. Вода поднялась. Самое время выступить в поход. По этому случаю к ним прибыл отец Порфирий. В своей проповеди он много говорил о спасении христиан от рук неверных. Молил Бога помочь казакам в их правом деле. Все молились неистово, прося у Пресвятой Богородицы защиты и удачи. После окончания молебна и прощания с батюшкой есаулы подняли свои насеки. На атаманской чайке взвился бунчук – знак к отплытию. Атаман с булавой в руках взошел на ладью. Вслед за ним каждый курень занял свою ладью.

– С Богом! – крестится Семен.

Ритм ходу задавала атаманская чайка. Гребцы на ней опытные, знающие свое дело. Прощальные взоры на родные места, и они исчезают за первым же поворотом реки. Начало припекать солнышко. Сброшена одежда, широкие спины казаков подставлены ласковым лучам. Лодии стараются идти в кильваторе атаманской чайки. А вот и первая неудача. Чья-то ладья, стремясь обойти соседа, сильно взяла надесно и села на мель. Под смех проплывавших мимо казаки прыгали в воду и выталкивали ладью на глубину. Пока возились, мимо пронеслась последняя чайка. Теперь плюй на руки и гребь с удвоенной силой.

Атаманская чайка летит и летит вперед. Думали казаки, что ночью отоспят, ан нет. Поступила команда: парам спать через одну. Понятно желание атамана. Подходили к местам, где господствовала татарская сила.

И вот опять рассвет, и опять все на веслах. Нет, несладка казацкая доля. Выносливы атамановы гребцы, вновь разгоняют скорости. Жмут казаки из последних сил. Страсть как хочется пить. Так бы морду за борт и пил, пил. Да нельзя. Есаулы следят строго. Сказано – эту воду пить упаси бог. От нее все болезни. Заболеешь, церемониться не будут. Скинут за борт – и делай что хошь.

На вторые сутки похода есаул Андрей проснулся, когда первые лучи восходящего светила уже проложили сверкающий след по водяной глади. Ныло все тело. Больно было даже повернуться. И ему так захотелось отшвырнуть это опостылевшее весло, встать на борт и нырнуть в свинцовые неприветливые воды, да так, чтобы, только уткнувшись в берег, выйти на него и растянуться на траве. И катись они дальше, все эти походы! Но вдруг он поймал себя на мысли, что раскис как какая-нибудь девчонка. И вдруг заметил, что его ладья изрядно отстала.

– Эй, казаки, – раздался его зычный голос, – а ну налегли.

И полетела ладья, только держись.

На четвертый день стало полегче. Плохо только со жратвой – вяленая рыба аль кусок тоже вяленого мяса да пара глотков воды. На день! Если кто из молодых начинал скулить:

– Че еду-то бережете?

Есаул на него зыркал:

– Дойдем до берега, отожрешь. А щас гребь!

Раньше атаман молчал, куда путь будут держать. Мало ли что случится. Всякое бывает. Наскочит татарин, возьмет в полон. А тайну он вытаскивать умеет. Мы туда, а там – мы вас ждем. А вот когда на чайки сели, атаман и открыл тайну. Теперь уж дальше берегов никуда она не уйдет.

Когда совсем полегчало, втянулись, пришла команда:

– Весла на колени.

Что случилось? Смотрят, а кругом одна вода. Не заметили, как в море вошли. В низовье Дон так разлился, что и берегов не было видно.

Ладья от атамана пришла: есаулов собирают да бывалых казаков думу думать. Там Андрей и узнал, что Кафа рядом.

– Тимофей, – атаман смотрит на казака, – говори, как Кафу будем брать.

– Ну, – смотрит он по сторонам, – срубим дерево и ночью ворота... того.

– Мать твою, – возмутился атаман, – да пока ты дерево рубишь, они те башку отрубят!

Покраснел Тимоха, рубахой пот вытирает. Хотел было сказать слово Зосим, да атаман перебил:

– Прости, казак, но давай другого послушаем. Кто у нас предлагал еще наказного атамана? – сказал, а сам хитро глаза прищурил.

– Ну я! – подал голос Курбат, – и щас предлагаю Андрея.

Атаман продолжал играть взятую роль.

– Че, братья казаки, послушаем молодого.

– Атаман, дозвожь сделать так. Я со своим куренем высажусь на пустынном берегу и тайно зайду с суши. Обычно врага ждут с моря. Так вот. Дай нам, атаман, три дня. В ночь на четвертый вы подплываете, зажигаете на ладьях огни, словно готовитесь идтить на них. Здесь они видят вражину, а с другой стороны ее нет! Че они сделают! – сказав, он посмотрел на казаков, потом на атамана.

Тот улыбался, видать, понял, куда гнет Андрей. Но молчит. Молчат, улыбаясь, Курбат и Зосим, только пожимают плечами да переглядываются друг с другом.

– Говори! – сказал кто-то из них.

– Я думаю, они снимут оттуда воинов и поставят их туда, где увидели угрозу.

Простота ответа не то удивила, не то убедила казаков. Они зашумели, начали вскакивать, чуть не перевернули ладью.

– Принимаем!

Курбат вызвался идти с молодежью. Он посоветовал, где лучше пристать. Эти места ему были знакомы.

На третий день пути показались крепостные стены Кафы. Залегли андреевцы, в землю вросли. С утра до вечера, не шелохнувшись, пролежали. Начало темнеть. Наверное, Бог пожалел молодых казаков: тучи на небе появились, луну прикрыли. Поползли к воротам. Они были закрыты. Че делать? Лестниц-то нет. Кошку бросать, а вдруг там воины? Шум поднимают.

Лежат Андрей, Митяй, Захар, другие казаки, думают. И тут мысль Митяй подал:

– Слышь, Захар, може, помяукаешь?

Андрей вспомнил, как его раз разыграли. Захар оказался умельцем подделывать кошачье мяуканье. Мог разыграть и их драку. Это у него здорово получалось.

– Ты, Митяй, прав, – схватился за его мысль есаул. – Захар, попробуем?

– Че пробовать, есаул, сделаю, – весело ответил казак, – а вы уж, если удастся и ворота отопрут, не зевайте!

– Не зевнем, – шутит Андрей и серьезно добавил: – делаем так: половина идет со мной, другая – ждет моего сигнала. За старшего остается Митяй. Если удастся завладеть воротами, я те, Митяй, дам сигнал.

Тот весь в напряге, еще бы, дело ответственное.

– Начинай жечь все эти курени, – он показал на домишки, облепившие подходы к городу. – И больше шума! Встретите христиан, освобождайте. Кто пойдет с тобой, бери. Ну, други, за мной! – есаул первым, согнувшись, побежал к крепости.

Стражник Халил перед тем, как запереть ворота, внимательно осмотрел дорогу и ближайшую местность: нет ли чего подозрительного. Но все было, как обычно. Напрягшись, он закрыл одну створку, затем вторую. Вставив засов, подергал ворота и, бросив в угол старый халат, растянулся на нем.

Все бы ничего, но вдруг среди ночи за воротами стало твориться что-то невообразимое. Наверное, коты подняли невероятный шум.

Халил осторожно отодвинул засов и налег на створку. Просунув в щель голову, пытался рассмотреть, где кошачий клубок. Но не успел этого сделать, как получил оглушительный удар в лоб.

– Сигнал Митяю! – бросил Андрей, осторожно расширяя проход.

На чайке атаман выжидал, когда тучи сильнее покроют небо. Да незаметно и задремал. Один из казаков увидел дальний свет:

– Эй, атаман, похоже, те сигналият. Глянь!

Атаман открыл глаза.

– Неуж ворота взяли?! – вырвалось у него. И, повернувшись к казаку, крикнул: – Давай сигнал!

И все же возню у ворот кто-то из стражей услышал. До Андрея донеслись чьи-то голоса. Осторожно высунувшись изподворотни, он увидел человека с факелом в руках, спускавшегося по ступенькам со стены. Зализка блеснула в руке есаула, и страж, словно запнувшись, полетел кубарем вниз.

И вдруг сверху раздался душераздирающий крик:

– Аaaa!

Оглянувшись, Андрей увидел, как начало пылать предместье. То Митяевы казаки, поднимая невероятный шум, принялись за дело. Страж же увидел и другое: загорелось море.

– Давай! – крикнул Андрей казакам.

И те с факелами ринулись поджигать строения. Воинов объял ужас. Им казалось, что несметная сила проникла уже в город, а там пожар разгорался все сильнее. Поднялась паника. На ладьях заметили огни пожара.

– Вперед! – воскликнул атаман, обнажая саблю.

Стрелой полетели челны, вылетая на прибрежный песок. У распахнутых ворот шло сражение. Славно рубится андреев курень. Но столько врагов им не одолеть. Да вовремя подоспела помощь. И пошла гулять казацкая удадь. Атаман где-то успел выломать оглоблю и глушил ею кафанцев десятками, как саранчу. Не отставал и Марко. Яростно рубился молодой есаул. Несколько воинов окружили его. Одному нож впивается в горло, у другого голова летит к ногам хозяина, третий было развернулся, чтобы бежать, да не успел.

А Хист? Вертится как уж. Ловок, хитер. Легко увертывается от увесистых ударов. Выбрал момент, пока кафанец замахивался, да вогнал ему сабельку под кольчугу в брюхо. Здоровяк рухнул на землю.

А Хист вновь бросается в гущу сражения. Не отстает от бывалых казаков и новое пополнение. Вот тверичанин Косоног бьется с двумя. Одного оглушил пудовым кулачищем, а второго разрубил пополам.

А тут еще с тылу Митяй с казаками подоспел. Совсем плохи дела у кафанцев. И, бросая город на произвол судьбы, кинулись защитнички кто куда. Все! Город в руках казаков. Настал их черед. Такого случая они ждут годами, чтобы потом десятилетиями, если останутся в живых, его вспоминать. По опыту казаки знали, что в их распоряжении три дня. Один день – вражина бежит, спасаясь, на второй – собирается с силами, на третий – готовится напасть. Тут уж надо уносить ноги и все то, что попало под руку.

Под руку же попало многое. Поход «за зипунами» был весьма удачен. Лишь бы сохранить добытое. Странное дело: горело полгорода, но ни единого богатого дома пожар не коснулся.

Но... такого крика Андрей еще не слышал. Это была девичья мольба о спасении, которая неслась из раскрытого окна богатого дома. В голову ударило, а если... нет. Тигром ворвался он в хоромы и увидел, как какой-то казак рвал на девушке одежду. Звериный его оскал говорил о многом. Глаза девушки и Андрея встретились. Сколько в них было отчаяния, мольбы! Андрей схватил казака за шиворот и дернул к себе:

– Оставь!

Но казак возмутился, что кто-то осмелился ему, казаку, встать на пути. В его руке блеснул нож. Еще мгновение и... Но девушка повисла на руке палача. Развернулся Андрей, перехватил его руку и так крутанул, что нож упал на пол. А от удара омахом тот вылетел в окно. Есаул, конечно, этого не хотел. Но так получилось. За спиной казака оказалось это злосчастное окно, из которого Андрей услышал вопли.

Девушка что-то горячо лопотала, но Андрей, не понимая слов, взял ее за руку и вывел в сад. Она поняла, что спасена. И с чувством благодарности и признательности посмотрела на него. Но прежде чем скрыться, девушка встала на цыпочки и поцеловала спасителя в щеку. Когда Андрей вышел из-под тенистых деревьев, увидел, что казак пришел в себя и опять ринулся в здание. Андрей усмехнулся и пошел прочь.

По дороге ему попался еще один богатый дом. И он направился к нему, не с пустыми же руками ему, есаулу, возвращаться к казакам. Не

успел он пересечь порог, как на него напали двое вооруженных людей. Нападение было настолько быстрым и неожиданным, что Андрей не успел выдернуть даже саблю. Спасла его реакция. Он успел отпрыгнуть назад и хлопнуть дверью. Но она тотчас отлетела от удара противников. Все же эти секунды позволили ему выдернуть из ножен саблю, и завязалось настоящее сражение. Противники хорошо владели оружием, и Андрею приходилось частенько защищаться. Но недаром когда-то Курбат настойчиво добивался, чтобы Андрей умел видеть «поле сражения», а, если потребуется, метнуть зализку и левой рукой. Так и пришлось сделать. Второго он завалил сразу. А вот первый даже ранил Андрея в плечо. Ранение было не опасным, но оно придало есаулу ярости. Резкий выпад, неожиданный удар снизу – и брюхо вспорото. Тот еще пытался махать саблей, но силы оставили его, и он рухнул.

Когда Андрей, держась за кровившее плечо, перешагнул тела защитников, вошел в помещение, он понял: там было что защищать. Выглянув в окно, он неожиданно увидел своих ребят и позвал их. Они, тяжело дыша от бега, ворвались к нему. Но тотчас остановились, когда увидели рану Андрея.

– Ничего, – ответил есаул, – заживет. А вы возьмите...

Он подошел к странному предмету, напоминавшему русский сундук, саблей сорвал замок и открыл крышку. Там было добра столько, что оно окупало весь поход.

Все это свозилось, сносилось на чайки. А потом день был отдан потехе. Вино лилось рекой. А какой закус был! Многим такого и не снилось. Все кладовые были в распоряжении казацких добытчиков. Чего только не было в этих закромах: и заморские фрукты, и сладости, и вина. Да нет ничего лучше для казака, как запеченный на углях хороший кусок мяса. И запылали багатицы на городских улицах. Пей, гуляй, казак! Ты заработал!

Но атаману донесли, что на дальних холмах появились конные разъезды. Дураку и то ясно, что кафанцы будут собирать силы, вести разведку. Пора уходить. Легко отдать приказ, но как его выполнить? Пришлось атаману чуть не самому собирать есаулов. Пьянка шла невиданная. Дорвался казак до дурнины!

Атаман заметил, что молодые казаки очень осторожно пользуются этой «свободой». То ли еще не привыкли, то ли совесть деревенская

сдерживает, трудно сказать. Но это было так. Поэтому Семен приказал Андрею собрать свой курень и занять ближайшие холмы, наказав, если увидит, что сила идет огромная, немедля уходить в город и запереть ворота. Зосим, Курбат, есаулы бросились собирать казаков.

Грозовая туча надвигалась на город. Теперь противник уже не прятался, а угрожающе маячил на дальних холмах. Приехал Андрей, с беспокойством рассказал, как те собирают силы. Похоже, позвали на помощь татар.

– Как у ты с народом? – спросил атаман.

– Три сотни моих да с сотню христианских полоняников, – ответил Андрей.

Атаман удивился:

– Когда успел?

– Да они сами прибежали, как только проведали, что мы пришли. Стражу перебили и к нам, – пояснил есаул.

Андрей вернулся на холм, обстановка там поменялась. Вражьи силы подошли ближе, и их явно прибавилось. Особенно много их скопилось на флангах. Андрей понял вражеский замысел: хотят их отрезать от города. Ночью он приказал развести небольшие костры, сняться и потихому отступить в город.

Подъехал атаман и забрался на стену.

– Вовремя ты, братец, ушел, – проговорил он, поглядывая на холмы. – Да и нам пора. Похоже, запоздали! – он увидел, как конница в несколько полков двинулась по направлению к заливу. Почуввав реальную угрозу, казаки быстро трезвели.

Конники, шедшие с двух сторон к заливу, смыкаться не стали. Атаман с несколькими есаулами наблюдал за ними с крепостной стены.

– Почему они не сходятся? – спросил Петро.

Семен пожал плечами.

– Думаю, – заметил Андрей, – они побаиваются оказаться меж двух огней.

– Прав ты, Андрюха, – и Зосим покачал головой.

– И нам пора восвояси, – сказал атаман и предложил: – пошли к своим.

Казаки толпились поблизости.

– Че надумали про наказного атамана? – спросил Семен, – как ты, Тимофей, готов взять бунчук?

– Не, – стал открещиваться он, – пуцай Андрюха берет. У него котелок лучше варит.

– Против есть?

– Не, – раздалось несколько голосов.

– Есть!

На круг вышел Хист и не один. С казаком.

– Пуцай он, – Хист показал на казака, – расскажет, как есаул защищал неверных.

Пошел глухой гул. Обвинение было серьезным.

– Говори! – зарокотала толпа.

Казак сбивчиво рассказал о происшествии и как есаул выкинул его в окно.

– Ну че, казаки, скажете? – спросил атаман, глядя по сторонам.

Казаки стояли с опущенными головами, не зная, что и сказать.

– А че говорить! – опять воскликнул Хист. – Где ето видано, чтоб казак готов был убить христьянина, спасая жизнь басурманки. А? Казаки?

Казаки молчали. Тогда Хист пустил в ход последний довод:

– Аль мы, казаки, станем первыми, кто нарушит наш войсковой обычай и нашу казацкую традицию: сам погибай, а товарища выручай. Иль мы теперь будем, казаки, говорить: убей товарища, но спаси басурманина?

– Судить надоть!

Трудно сказать, чем бы закончилось дело, если бы не крик Захара, прибежавшего со стены:

– Они ломают ворота!

Все враз очнулись:

– До выборов или судов ноне? Спасаться надоть, – заволновалось казачество.

Атаман поднял обе руки. Круг затих.

– Не тот казак, который по дурости жисть отдает, а тот казак, который умно ее спасает. Так я говорю, други казаки?

– Так, так, батяня! – поддержало казачество.

– Верно! – ответили и освобожденные христяне.

– Тогда так! Андрей, дуй за своими! А вы, – атаман поглядел по сторонам, – расходитесь по куреням, готовьтесь к бою!

Андрей во весь дух припустился к своим. Они уже сгрудились, готовые к бою, у ворот, которые жалобно стонали от ударов врага.

– Уходим! – раздался могучий голос есаула.

– Все уходим? – спросил его рослый, незнакомый мужик с саблей в руках.

– Все уходим, – ответил Андрей.

– Прости, – заговорил рослый, – ты, кажется, есаул?

Андрей кивнул.

– Так вот, есаул, мы, – он кивнул на христиан, стоявших за его спиной, – мы остаемся. Все равно на ваших ладьях всем нам места не хватит. Вы дали нам свободу, которую мы не чаяли уже видеть. И умереть мы хотим свободными. Мы благодарны вам, – он низко поклонился, – что вы нас освободили. Наш долг – ответить вам тем же. Так, православные? – он повернулся к своим товарищам.

– Так! – в один голос ответили они.

– Прощай, есаул! Будешь на Волыни, поклонись от меня той земле! Уходите! Не поминайте лихом.

Вернувшись, Андрей застал атамана, есаулов и старое казачество на стене и увидел, что против них собралась невидимая сила. Вот-вот враг ворвется и в ворота. Конница по-прежнему не сомкнулась.

– Да, – проговорил Петро, – не думал, что здесь сложу голову.

– Не плачь ты раньше времени, – зло бросил Зосим, – не то бывало.

– А я не плачу и смерти не боюсь. Я просто так.

– Атаман, а что, если мы... – Андрей приложил палец ко лбу.

Все на него посмотрели, как на спасителя. Он произнес только одно слово:

– Баб...

Его все поняли и готовы были нести на руках. Есаулы кубарем скатились со стены и бросились к своим куреням.

Вскоре воздух Кафы огласился женскими воплями, а на стене вспыхнула багатица – сигнал ладьям подходить ближе к берегу. Женщин разбили на две группы и, вытянув их в длину, раскрыли ворота. Казаки шли между женщин, готовые немедленно принять бой.

Татар это не остановило, и они уже готовы были ринуться в бой. Но кафские владыки, увидев в этих рядах матерей, жен и детей, встали на их пути. Между ними чуть не вспыхнуло сражение. Тысяцкий татарин, понимая, что сила на стороне горожан, увел своих людей.

Казаки спокойно достигли чаек. Но стоило последнему казаку прыгнуть в ладью, как на них обрушились тучи стрел. И только умелая работа гребцов спасла многих казаков от смерти. Но, как понимали все, молитва дошла до Пресвятой Богородицы. Она простерла над ними свою длань спасения.

И опять взгляд казачества на Андрея сменился. То они готовы были его судить, то чуть ли не молились на своего спасителя. Такова казацкая жизнь: то ты атаман, а то могут потянуть тебя на круг, и никто не гарантирует, что ты вернешься с него живым.

ГЛАВА 32

В убогой келье сидели чернец Ананий и великий князь Иван Данилович. Между ними велся неторопливый разговор. Скорее, это была исповедь князя. На небольшом почерневшем столе лежали листы рукописи. Это Сийское Евангелие, которое писал чернец по просьбе князя. Листы отложены в сторону.

– Не знаю, может, я заблуждаюсь или возомнил о себе, да прости меня Господь, – князь перекрестился, – но меня не покидает ощущение, что господь избрал меня на этот трудный путь. Ты сам подумай, брат Ананий, Господь прибрал моих братьев: Юрия, Александра, Бориса, Царствие им Небесное. А мне отец говорил, что он очень хочет, чтобы я остался на княжении. Не ведаю, может, для него это был грех. Но я думаю, что все его помыслы были о земле русской. Когда-то митрополит всея Руси Петр сказал, что видит во мне продолжателя великого римского императора Константина. Это он дал жизнь великой христианской вере. Чувствую, что митрополит не ошибся, ибо я укрепляю нашу веру всеми силами. Ты видишь, дорогой брат, что Московия стала третьим и, думаю, последним престолом Богородицы в Русской земле.

– Да, Великий князь, – заговорил чернец, – Успенский собор, который недавно освятил митрополит всея Руси Феогност, дает вам право говорить это. Я считаю, что вы свято блюдете библейскую традицию: милосердие. Это одна из главных добродетелей правителя. К тому же вы благочестивы.

Чернец замолчал. Его аскетическое лицо, которое, казалось, не умело улыбаться, изменилось. Оказывается, он умеет лукаво смотреть и произносить далеко не святые речи:

– К тому же вы обладаете даром деловой хватки. Не бойтесь порой содрать и три шкуры.

Князь засмеялся.

– Ответь мне, брат, может ли человек питаться одним святым духом?

Чернец улыбнулся. Князь понял его ответ и продолжил:

– Вот мы построили Успенский собор, сейчас заложили церковь Иоанна Лествичника. А разве не просится на перестройку Спасский монастырь, а с ним и строительство Спасского собора? В мыслях у меня и перестройка Архангельского собора.

Чернец внимательно слушал князя. На его просветлевшем лице – нескрываемое удовлетворение. А князь пояснил:

– А княжество должно за это платить. А люди хотят есть, одеться, построить жилье... – князь замолчал, он больше не хотел говорить простые житейские истины.

Да и по выражению лица чернеца ему было ясно, что он все это понимает. Поэтому чернец решил перевести разговор в другую плоскость, воспользоваться тем, что князь настроен на беседу.

– Скажите, Великий князь, а вам... приходилось кого-нибудь лишать жизни? Я не имею в виду сражения.

Лицо князя не изменилось. Он ответил просто:

– Приходилось.

И пояснил:

– Ивана Ярославича, рязанского князя. Он добивался в Орде части Московской земли. По сути, захват Московии. Хан мне рассказал. Он почему-то не доверял ему и, дав мне войско, понудил к этому. Но я не каюсь, – поспешил он добавить, – такие переделы ведут только к войнам, ненужной гибели людей. Да видит бог, я это сделал во имя людей.

Иван Данилович вдруг ясно вспомнил, как это было. Помимо всего, Иван Ярославич с войском решил встретить посланцев хана на своей границе. Если бы по Руси пошел слух, что против татар поднялся один рязанский князь, а его могли подхватить и другие, что бы было? Да разорили бы татары Русь окончательно. Пришлось послать Савела.

Глухая ночь, спит рязанское войско в страшном ожидании предстоящего боя. Дремлет и княжеская стража. Никто не заметил, как подошел человек в черном. В его руках блеснул нож. Тихо, навечно заснул один стражник, затем другой. Спит князь крепко. Не почувствовал, как из-под головы вытащили подушку. Забился было, да поздно. И силенок не хватило. Силен был тот, кто насел на него сверху. Утром, когда прознали, содрогнулись. Его сын, тоже Иван, очень

напугался и увел войско. Дорога была открыта. Этот грех, если это грех, Иван Данилович брал на свою душу.

Князь не выдержал и зевнул, пожаловавшись чернецу:

– Устал я, брат Ананий. Пойду к себе.

Князь тяжело поднялся. Поднялся и Ананий. Он был чуть выше князя, более строен. У него умные серые глаза, а на лице была печать благочестия. Он проводил князя до выхода и благословил на дорогу.

Князь хотел пройти прямо к себе в опочивальню и завалиться спать. Да не тут-то было. Его давно ожидал ханский баскак. Как пояснил тот, новый рязанский князь Коротопол выставил вооруженных людей на границе, и они не пропускают ханских посланников. Зевая, прикрывая рот ладонью, князь обещал во всем разобраться. Видя, что князь утомлен, баскак не стал ему докучать и быстро удалился. Проводив баскака, Иван Данилович еле дотащил ноги до опочивальни, не раздеваясь, упал лицом вниз на кровать.

Проснулся князь, когда солнце играло с церковным куполом. Оно посылало ему лучи, а тот отвечал зайчиками. Иван Данилович какое-то время лежал, глядя в потолок. Потом, закрыв глаза, начал вспоминать вчерашний день. Он помнил, что ему надо сделать нечто важное, а что... выпало из головы. Тогда он стал припоминать, чем вчера занимался: «так, был в монастыре, у Анания, читали рукописи, потом пошел к себе. Хотел спать. Но ему не дал... не дал баскак! Так, баскак, а он сказал, что выставили рязанцы охрану на границе. Новое дело. Где же они взяли воинов? Василий пусть едет и немедля разберется!» Он потянулся и рывком, как в молодости, соскочил на пол. Вспомнил и другое: «Я лег, не раздеваясь. Кто же меня раздел? Никак, Елена позаботилась. Надо к ней зайти, а то не виделась давно».

Неожиданный приход князя ее удивил: «Давненько он ко мне не заглядывал. Все в делах, да в делах. Даже осунулся. Но это хорошо, лишь бы не...»

– Проходи, Ванюша, – ласково проговорила она, отсылая прочь девок, которые расчесывали ее пышные волосы, – ты все по делам, да по делам, – начала жаловаться княгиня, – тебе неведомо, что заболел Иван.

Иван был вторым сыном. Обличьем весь в отца, а вот характером мягок, стеснительный, неуверенный в себе. То ли дело старший! Гордец, правда. Но это со временем может пройти.

– И как он? – спросил муж.

Жена не почувствовала в его голосе тревоги.

– Да Марфа делает всякие примочки, поит отваром. Стал подниматься. Вчера есть попросил.

– Раз есть захотел, значит, пошел на поправку. А как ты?

Такое внимание и удивило, и обрадовало княгиню.

– Да того дня грудь болела. Думала, богу душу отдам. Да он смилостивился, отпустило.

– Я скажу лекарю, немец к те придет.

– Не надоть, Ванюша. Я... хожу.

– Не, мать, – последнее время он так ее называл, ей даже нравилось, – пусть посмотрит. Ладно, я пошел. А то мне Ваську надо в Рязань посылать.

– Че ты все Васька да Васька. Он у ты и налоги собирает, и... – она почему-то не договорила и замялась.

Князь бросил на нее строгий взгляд и удалился.

Кочева пришел с худыми вестями:

– Новгород опять заигрывает с Литвой. Как пришел в Псков этот Алексашко, так опять начинается.

Но князь грозно зыркнул на него очами:

– Ты бы лучше следил за этим коротышкой.

Боярин догадался, о ком шла речь.

– А че он?

– Да баскак мне вчерась вечером сказал, что он поставил на границе каких-то стражей, и те никого не пропускают. Хан недоволен.

– Кого это Иваныч нашел? – задумчиво проговорил Кочева.

Князь вздохнул, наверное, вспомнил слова супруги.

– Придется, Василий, съездить. Хана надо успокоить.

– Понятно!

Василий хорошо знал Ивана Даниловича, знал, что тот очень умно играет роль покорного слуги, а сам потихоньку силенку копит. «Молодец!» – одобрял боярин князя и охотно выполнял все его поручения.

– Но это еще не все! – сказал Кочева не то что с испугом, но осторожно поглядывая на князя.

– Че еще у тебя? – неохотно спросил он и, не дав ему ответить, быстро поинтересовался: – скажи, как псковичане встретили

Александра?

– Ну, – замялся боярин.

– Рады были. Знаю. А что им не радоваться? Он им во всем потакает, боится, как бы не поперли. Они позвали, они и выгонят. Это им не впервой. Не их князь. А нам с тобой, Василий, нечего бояться. Мы тут родились, тут и помрем. Ладно, Новгородом займись. Скажи, что Гедимин?

– Гедимин... – произнес боярин медленно, как бы вспоминая, что о нем можно сказать, – ушел он из Киева. Оставил наместником не то Довмина, не то Миндова. Говорят, гольшанский князь.

– Скажи, сколько дочерей у него? – князь посмотрел на боярина с любопытством.

– Вроде две или три.

– Боярин, ты должен точно знать, что Гедимин делает, что у него творится в семье, куда войско думает направить, какому богу собирается молиться. Понял? – Потом, словно вспомнив, спросил: – Ты че хотел сказать?

– Да ладно. Етого хватит.

Князь не стал настаивать, посчитал, что главное сказано, и спросил:

– Так когда к коротышке собираешься ехать?

– Завтра, князь, – ответил Василий безразличным тоном.

– Это хорошо. Ступай, боярин. Миняя пришли.

Василий пошел.

– За Александром тоже присмотри! – крикнул князь ему вдогонку.

Боярин опять кивнул.

Оставшись один, Иван Данилович, прищурив глаз, как от солнечного луча, уставился в стену. Сообщение боярина, что Новгород заигрывает с Литвой, породило у него какую-то мысль. Она развивалась, захватывая его. Боярин сделал намек, и князь понял его. «Так, так. Значит, появление в Пскове Александра новгородцы расценили как мою слабость и стали искать сильного защитника. Ладно, поглядим, что будет дальше». Но у него даже не возникла мысль обвинить себя в том, что его согласие на возвращение Александра в Псков так осложнило дело. И тут он признался себе, что его отношение к княгине облагораживает душу, являясь прекрасной путеводной звездой на его трудной дороге. Это далекий свет на лесной

дороге, который манит и зовет к себе. Как хорошо носить в душе эту тайну, тешить себя мысленно о возможных встречах, чувствовать себя сильным и лучшим по сравнению с тем, кто с ней рядом. Делать то, что не может он. И наслаждаться своим превосходством. Нет, он не кается...

Ход его мысли прервал стук в дверь. Князь крикнул:

– Да!

Вошел отрок.

– Великий князь, – поклонившись, обратился он, – купец Василий Коверя просится к вам.

– Пусть войдет! – каким-то обрадованным голосом ответил князь.

Купец был не один, а с холопом, который держал в руках холщовый мешок.

– Оставь, – повернулся к нему купец и показал на дверь.

Купец подошел к князю, они обнялись.

– Давненько мы не виделись, где это ты пропадал?

– Да все по делам, Великий князь, по делам. Был щас и у немцев.

– Занесло тебя. Садись! Сказывай, как живет та сторона.

Купец неторопливо сел, поправил кафтан, расставил ноги и, опершись на колени, заговорил:

– Да живут они, я бы сказал, неплохо. Но у нас лучше.

– Для кого как, – не согласился князь.

– Я говорю о торговом люде. Тама с нас стараются содрать последнюю шкуру. То откупаемся, то отбиваемся. А как попал на свою землю – красота. Тишина. Недаром со всех сторон купечество к нам прет.

– Прямо уж так и прет, – не то покрасовался князь, не то воистину так считал.

– Прет, князь, прет! Сколь пришло из Твери, Ярославля. Да и с других мест. Скоро своих вытеснят!

– Тебя, попробуй, вытесни!

Они посмеялись, потом купец заговорил серьезно:

– Прослышал я, что литовец на них войной хочет пойтить. Немец меж собой живет плохо. Тевтонский магистр враждует с рижским епископом.

– Слышал, – сказал князь.

И в голове забродили мысли: «Значит, Гедимин этим хочет воспользоваться».

– Че, расстроил тя, князь? – спросил после долгого молчания купец.

– Не, – ответил князь, – наоборот, ты подал одну мысль. Литовцу нужна подмога, щас он будет сговорчивым.

– Так-то оно так, – проговорил купец, – но стоит ли нам ввязываться? – купец пристально посмотрел на князя.

– Кто те сказал, что мы будем ввязываться? Покажем ему, что мы добрые соседи и не собираемся ударить ему в спину.

Глаза купца заблестели:

– Не секрет, как ты хошь его сделать?

– Женю я Семена на его дочке.

– О князь, ты голова!

Они еще поговорили о разных вещах. Перед уходом купец подошел к стене, где лежал мешок, развязал и достал оттуда меч отличной немецкой работы и арбалет.

– Князь, – обратился купчина, – дозвожь мне вручить те этот меч. А наши кузнецы пусть-ка посмотрят да покумекают на эту штуковину, – и подал меч.

Князь положил его на стол. Достал меч из ножен. Тонкое, удлиненное лезвие загорелось на зимнем солнце. Меч был хорошо отточен и отливал белизной. Рукоять удобная, хорошо защищала владельца. Князь махнул им в воздухе, и меч со свистом его разрезал.

– Хорош! – одобрил он, вкладывая меч в ножны. – А это что за изделие? – положив меч, князь взял арбалет. Внимательно его оглядел. – А ты знаешь, Василий, – он повернулся к нему, – мне знакома эта штуковина. Помню, когда я княжил в Новгороде, видел там подобные вещицы, их называли самострелами. Конечно, эта лучше.

Иван Данилович попробовал натянуть тетиву. Не получилось. Купец показал. Когда тетива была натянута, князь заметил:

– Стрельнуть бы, Василий.

Купец улыбнулся и полез в мешок, извлекая из него пучок стрел. Иван Данилович заложил одну из них и направил на дверь. Спустив тетиву, стрела вонзилась в дверь, пронзив ее. Они посмотрели друг на друга. Один изумленным взглядом, другой – с самодовольной улыбкой.

– Хорош самострел, – князь вновь рассматривает его, – но... сложен. Да и железо здесь непростое, – он поцарапал ногтем, – но... покажу, – и положил его рядом с мечом. – Василий, знаешь, что я думаю... – и замолчал.

Купец смотрел на него и, опережая князя, сказал:

– Ты думаешь меня послать к литовцу.

Князь рассмеялся:

– Хитер же ты, купчина.

Рассмеялся и купец, потом серьезно сказал:

– Сделаю, князь. Для тебя все сделаю.

Через несколько дней вернулся из Рязани Кочевя и рассказал, что придумал местный князь Иван Иванович. Выслушав его, Иван Данилович не сдержал восхищения:

– Ишь, что придумал коротышка. Молодец. Разбойный люд заставил на себя служить. И хорошо служат?

Боярин ответил:

– Говорит, хорошо. Если чувствуют, что не хватает своих сил, вовремя предупреждают князя. Но... в общем-то не дают татарам грабить рязанцев.

– Так, так... – только и произнес в задумчивости Иван Данилович.

Боярин же подумал: «Ну и князь! Уже думает, как бы их использовать».

– Ладно, – пробурчал себе под нос Иван Данилович, – вот что, Василий, мне рассказали, что немцы грызутся меж собой, тевтонцы на рижан, а Гедимин хочет этим воспользоваться, – на слове «этим» он сделал ударение.

– Обычное дело, князь, – боярин прищурился, отчего в уголках глаз у него собрались многочисленные морщины, – как и мы. Хошь Ростов и числится Великим, а... – Кочевя дальше не стал говорить, а захихикал.

– Ладно, иди! – сказал князь Кочевя.

Сообщение о том, что Новгород «заигрывает» с Литвой, не осталось князем незамеченным. Не прошло и месяца, как Иван Данилович велел воеводам Александру Ивановичу и Федору Акинфовичу готовить войско к походу.

Между тем с выполнением княжеского поручения вернулся из Литвы Василий Коверя. По виду, с каким он вошел к князю,

улыбающийся и довольный, Ивану Даниловичу стало ясно, что его поездка была удачной. Князь произнес:

– Вижу, добрую весть принес!

– Засылай сватов! – радостно объявил он.

Князь обнял Василия.

После ухода купца Иван Данилович позвал к себе жену и Семена. Они явились. Тонем, не допускающим возражений, объявил им о своем решении. На глазах у княгини появились слезы, как-никак первенец. Семен хотел было взбрыкнуть, но строгий взгляд отца остановил княжича. Вообще-то, эта весть не была для него неожиданной. Отец, таская его везде за собой, говорил с ним об этом и о том, почему так надо сделать. Князь старался заложить в сыне-наследнике такую же любовь к Московской земле, какую сам к ней питал.

Теперь можно показать и новгородцам, кто хозяин в Северной Руси. Для начала он запросил у них серебра закамского, – старинной печорской дани. Но те, не зная, на что они нарвутся, отказали. Тогда великий князь двинул войско и захватил Торжок, Бежецкий Верх. Но этого князю показалось мало. Новгород упирался платить эту дань.

Подкрепив войска низовскими князьями, он начал опустошать новгородские волости. Новгородцы, испугавшись, прислали к нему послов с владыкою Василием. Но переговоры ничего не дали. Тогда новгородцы явились к Гедимину с целью упросить его послать кого-нибудь из сыновей на княжение в их город. Гедимин сразу ответа не дал. Он очень не хотел расстраивать свадьбу. Породниться с великим московским князем он считал для себя неожиданной удачей. Поэтому Гедимин тайно снарядил посла в Московию, чтобы тот предупредил Ивана Даниловича, что он отправит сына Нариманта-Глеба в Новгород, но тот только полюбуется и поклонится храму Святой Софии.

Чтобы задобрить прибывшего в город сына Гедимина, новгородцы предлагали ему земли. Но сделка не состоялась. Наримант знал волю отца. Новгородцы были в страхе и вновь послали послов низко кланяться московскому князю. На этот раз послы были с честью приняты, и по их настоятельной просьбе великий князь приехал в Новгород. Союза: Новгород, Псков и Литва не получилось.

Иван Данилович в душе торжествовал победу, представлял перекошенное от злости лицо Александра. Представлял и княгиню. Она, наверное, обязательно подумает о нем, о ее тайном и верном поклоннике.

Зима в Московии в этом году была даже не суровой, а лютой, бесснежной. Морозы железом сковали землю. Иван Данилович закрыл глаза на то, как жители рубили леса. Он строго-настрого запретил хватать тех, кто рубил лес для отопления. Другое дело – на продажу. Тут нередко дело доходило и до разбора.

Ступая по этой мерзлоте, Иван Данилович невольно думал о том времени, когда весна вернет людям надежду на спасение. Но каким будет лето? А тут еще одно горе. Ясным морозным днем вдруг на землю стала надвигаться... ночь. Какая-то неведомая сила, точно платком, окутывала светило, оставляя все уменьшающий серп. Бабы заголосили:

– Конец пришел.

Все ринулись в церковь. Батюшки растерянно читали молитвы. А на улице совсем стемнело.

– К беде! – понеслось среди народа.

Князь был знаком с таким явлением, но не прислушаться к голосу народа он не мог. Пожар, теперь вот неослабевающие морозы. Не много ли? И он опять в молельной комнате. И там его осенила одна мысль.

Князь собрал у себя со всей Московии стариков, кто мог предсказывать погоду. Таких оказалось не менее двух десятков. По их виду можно было понять, что приглашение к князю они сочли за великую честь. Одеты все были опрятно. Новые рубахи, порты, лапти. У многих седые головы. Князь вошел к ним с поклоном. В ответ они тоже поклонились. Он сел не в кресло, а рядом с ними.

– Ну, отцы, как зимуем? – заговорил князь, пробегая взглядом по присутствующим.

Отцы загудели, мол, такой зимы не помнят.

– Да, – Иван Данилович глядит в окно, щурясь от солнечных лучей, – светит, а не греет. А че будет летом? – повернувшись к ним, спросил князь.

Они говорили степенно, весомо. Как понял князь, большинство было за то, что предстоящее лето будет жарким, сухим. Такое

сообщение встревожило князя. Засушливое лето – это зимний голод. «Вот тебе и затмение», – подумал князь. После этой встречи он приказал Миняю потихоньку скупать зерно.

Измученные морозом люди с несказанной радостью встретили повесенному засиявшее солнце. Елена как-то задержалась после обеда, подошла к окну. Из него хорошо было видно, как на крепостной стене появились первые сосульки. И начала звенеть капель. Да и сама едальня преобразилась. Она посветлела, стала выглядеть понаряднее.

– Ванюша! – позвала она муженька, – ты посмотри: весна пришла. А я уж думала – не увижу.

– Ты че это, мать, говоришь? – он подошел и обнял ее за плечи. – Да мы с тобой еще не одну весну встретим.

Она вздохнула, сняла его руки со своих плеч и, опять вздохнув, направилась к себе.

Этот день у Ивана Даниловича был не очень загружен, и он решил после обеда прилечь. Сон долго не шел к нему, в голову лезли разные мысли. Он не заметил, как задремал. Разбудил его дикий крик девки:

– Матушка, матушка!

Что-то кольнуло в груди. Князь вскочил и долго не мог ногами попасть в домашние бахилы. Плюнув, босиком ринулся в ее опочивальню. Елена лежала на спине с закрытыми глазами и со сложенными на груди руками. Он подскочил к ней, схватил за руку. И почувствовал холод. Упав на колени, князь завопил:

– Не уходи, не оставляй меня...

После похорон жены князь несколько дней не выходил из опочивальни, запрещал кому-либо входить к нему. Боярин Василий, каждый день наведавшийся в княжьи хоромы, искал повод встретиться с ним. Но князь пресекал все попытки. Тогда Кочева бросился к только что вернувшемуся митрополиту. Выслушав боярина, Феогност, не переодеваясь, в дорожном одеянии направился к князю. Он не просился к нему в опочивальню, а густым голосом запел в переходе молитву:

– Помяни, Господи, душу усопшей рабыни твоей Елены и прости ей все согрешения, вольные и невольные...

В это время отворилась дверь опочивальни, и на пороге появился князь. Его трудно было узнать. Волосы и борода всклокочены, глаза горят, а скулы выпирали под кожей.

– Владыка! – трагическим голосом проговорил князь, подойдя, преклонил колени и поцеловал ему руку.

– Крепись, сын мой, молись! – и митрополит запел. – Даруй ей Царствие...

После молитвы, которую они допели вдвоем, князю, узнавшему, что тот пришел к нему прямо с дороги, ничего не оставалось, как пройти с митрополитом в трапезную и угощать его. Рассказ митрополита о поездке вернул князя к жизни, а слова «крепись, сын мой, да воззри на народ, который ждет твоих решений», пробудили желание заниматься мирскими делами.

Незаметно подкралось и лето. Старики оказались правы: оно было жарким и сухим. Помимо того, что оно губило урожай, оно еще пугало пожарами. И они случились. Московия загорелась сразу в нескольких местах. Причем почти одновременно. Князь узнал о московском пожаре, находясь за городом в летнем дворце на Неглинке за Троицкой слободой. Он увидел столб черного дыма, поднимавшийся вверх. Гонца из кремля князь встретил по дороге.

На Московию страшно было смотреть. Казалось, был сплошной костер. К Замоскворечью, где дома прижимались друг к другу, невозможно было подойти. Горело и в кремле. Но там спасало то, что дома стояли не так кучно. Около месяца Московия занималась тем, что разбирала завалы, хоронила обгоревшие трупы. Когда наконец кончилось это страшное пожарище, князь оказал помощь погорельцам, отпустив около тысячи рублей. Это заставило раскошелиться бояр, купцов и других знатных московских жителей.

После того как Московия в основном отстроилась, великий князь собрал приближенных думать думать: почему случился такой пожар? И выяснилось, что перед этим видели незнакомых людей. Ниточка потянулась и дошла до Пскова. Иван Данилович схватился было за меч, да одумался. Но проучить недругов все же решил: «Пусть познает и он, что это такое». Псков полыхал не слабее, чем Московия. Так княжества обменялись уколами.

Но на этом проделки Александра против Москвы не кончились. Для Александра поводом продолжить тайную войну послужила внезапная кончина владыки Новгорода и Пскова. Тверского князя осенила идея – иметь своего владыку. Тайно от всех Александр умчался к Гедимину и уговорил его поддержать псковского

представителя, монаха Арсения. Тот согласился, даже направил послов к Феогносту, который в то время находился на Волыни. Туда прибыл и ставленник Ивана Даниловича, владыка Василий.

Митрополит отверг предложение Александра и Гедимины, зная желание московского князя. Владыка Василий им был посвящен в тайну. Как потом говорили: «Псковичи хотели поставить Арсения на владычество, но осрамылись, пошли прочь от митрополита». Эти слова задели за живое тверского князя. Даже понимая, на чьей стороне митрополит, Александр решил отыграться на московских купцах. Они стали жаловаться на участвовавшие грабежи на Псковской земле.

Великий князь был взбешен. Купцов он не только стерег, но и берег. Иван Данилович направил в Новгород послов с предложением напасть на Псков. Новгородцы, напуганные недавними деяниями на их земле московского князя, сразу согласились принять участие в походе против соседа. Подняты были и низовые князья. К походу все было готово, и все ждали сигнала к выступлению.

Неурожай мог привести к массовому голоду на Московии. Великий князь зорко следил за ценами на зерно. Недаром он еще зимой заставил Миняя закупить зерна побольше. Сейчас, стоило только торговцам поднять цену, как князь выбрасывал на рынок часть своих запасов. Такими мерами он поддерживал более или менее доступные цены. Время было трудное, но голода не было.

Князь лично бывал на рынках, чтобы самому знать, что происходит. В этот день, вернувшись, он занялся с Миняем подготовкой дани для отправки хану. А после этого надо было с воеводами обсудить пути движения, куда отправлять обозы с кормлением. Устав от дел, он пошел спать.

И вдруг увидел сон: с неба спускается Анастасия с малым дитем на руках, осуждающе смотрит на него и протягивает дите со словами: «Ты хочешь его убить? Так убей, если ты такой кровожадный. А за ним и меня жизни лиши!» Встает на колени и подставляет голову. Мол, руби, чего стоишь? Проснулся Иван Данилович весь в поту, а в глазах – она! «Тьфу, наваждение какое!» Хотел Марфу кликать, чтобы она сон объяснила, да удержался. Долго сидел на лежаке с одеялом, наброшенным на ноги. Потом отбросил его, кликнул отрока и приказал позвать воеводу. Запыхавшийся, прибежал Федор Акинфович.

– Объяви: похода не будет! – сдавленным голосом произнес князь.

Воевода хорошо слышал эти слова, но не поверил своим ушам. Переспрашивать не стал. Уж больно страшно выглядел князь. Иван Данилович быстро прошел мимо растерянного воеводы и направился в молельную комнату.

Слух о том, что московский князь собирает войско, чтобы идти на Псков, докатился и до Александра. Когда тверскому князю сообщили об этом, он даже побледнел. В этот же день за обедом он напал на жену со старыми обвинениями. Анастасия не выдержала:

– Да он... – она чуть не проговорила, почему ее муженька вернули в Псков. – Разве ты не даешь повода? Ты думаешь, я не знаю, что ты посылал поджигателей?

– Это неправда! – вскричал Александр и выбежал из едальни.

Наутро его уже не было в городе.

Вернувшись через несколько дней, он выглядел усталым, разочарованным человеком. Не обмолвившись ни с кем даже словом, сразу прошел к себе. Жена поняла: он ездил в Литву, но там его не поддержали. Ей стало жалко мужа. Она вошла в его опочивальню. Александр стоял у окна и тупо глядел куда-то. Анастасия подошла к нему. Но он как стоял истуканом, так и остался стоять, даже не повернулся к жене. Княгиня хотела уйти, но что-то ее удержало. Она обняла мужа за плечи и положила голову на его спину.

– Милый, – ласково сказала Анастасия.

Князь резко повернулся:

– Ты... ты меня простила? – спросил он, стараясь заглянуть ей в глаза.

– Я давно забыла твои слова и думаю, что больше их не услышу!

– Клянусь! – торопливо произнес он.

– Пойми, Александр, Московия сильнее нас. И если ты больше не будешь давать ей, – она нарочно не произнесла имя ее князя, – повода, мы спокойно будем жить здесь. А в будущем ты сможешь вернуться и в Тверь, нам надо думать о детях.

Муж ее хорошо понял. «Как я сам об этом не подумал? Если я умру здесь, то что будет с моими детьми? Псков не может быть наследственным княжеством для моих сыновей. А если я не вернусь в Тверь, то все знают, что я убежал из княжества и умер на чужбине, и

мои дети лишатся права на наследство! Какая Анастасия умница! Ну что ж, пока смиримся».

Прошел не один год. Москва просто забыла о Пскове. Что случилось с Александром, Иван Данилович не знал. Но он понял, что тот отстал от него. «Наверное, прослышал, что я хотел идти на него, вот и притих», – подумал князь. Теперь все помыслы московского князя были заняты Новгородом. Его наместник, Лука Протасьев, посылал ему довольно безрадостные вести. Посадник Федор Данилович довел город до усобицы и едва не до кровопролития. Еще этот посадник, минуя его, наместника, готовился к войне со Швецией.

Иван Данилович решил этим воспользоваться и, чтобы его проучить, отправил свою рать на Двину за Волок. Заволоцкие владения давали новгородцам хороший доход, это не могло не привлекать внимания московского князя. Но новый посадник сумел дать отпор. Московские войска потерпели поражение. Иван Данилович понял, что Новгородом надо заниматься не наскоком.

ГЛАВА 33

Поздней осенью, когда лес, потеряв наряд, походил на толпу рабов, на Дону объявились днепровские посланцы. Было их с полсотни человек во главе с щепетным наказным атаманом. Приезд друзекон всколыхнул всех дончан. Они все накочетились. Нежданных гостей встретили со всей широтой казацкой души. На погулку небо послало казакам летний день. С вечера поднявшийся ветер прогнал тяжелые серые тучи. Омытые звезды сияли во всю свою небесную радость. Гуляли уже третьи сутки. Вставали по нужде, а кто и этого не мог. Спали здесь же.

Видать, небо не выдержало: дождь послало. Но он не очень напугал казаков. По куреням расползлись, к Асафу набились. Еле-еле к концу недели собрал атаман есаулов. Раду надо было провести с днепровцами. Ведь за делом приехали! И рассказал наказной атаман на раде, что задумали они идти аж до самой Африки, куда раньше, сказывали, хаживал ваттаман Андрюха Критский. Сошлись брови на переносице донского атамана: «Куда это сябры хватили?» Понял, что помощи ждуют. И не ошибся!

Днепровский наказной атаман был средних лет, но выглядел моложе своих годков. Чем-то он напоминал Хиста – такой же жилистый, с быстрыми карими глазами. Наверное, он уловил мысль атамана и, глядя на него, сказал:

– Надеюсь, что донцы откликнутся на нашу просьбу. И помогут своим сябрам хорошими абреками. Мы слышали, что вы совершили удачный поход на Кафу.

Сказав, он посмотрел на есаулов. Но никто не думал опережать атамана с ответом. Днепровец понял ошибку и уперся взглядом в атамана.

– Африка, – начал было атаман.

– Нехай Африка, все едино – басурмане.

Днепровец покачал головой в знак согласия.

– Мы завсегда с сябром, – произнес Семен, – сколь от нас надоть?

– Мы для вас оставили десяток чаек.

– Наберем! – уверенно ответил Семен и, глядя на есаулов, добавил: – че считать. Каждому по чайке. Завтра с казаками на майдан.

Они поняли: там будет решаться, кто получит булаву.

На майдане собрались не только те, кому выпал жребий ехать к днепровцам, но и другие казаки. Когда увидели приближающегося Семена с гостем, расступились. Атаман легко запрыгнул на воз, за ним – гость. Атаман, как положено, поклонился на четыре стороны и начал говорить:

– Друзеки-казаки! – он провел взглядом по толпе. – Мы решили на малой раде идтить вместе с днепровцами добывать зипуны. А вы, казаки, решайте, кто атаманом пойдет.

– Хист!

– Андрей!

– Петро! – раздались голоса.

И поднялась буря.

– Да кто твой Хист? – здоровенный казак ударяет того, кто крикнул Хиста.

Тот еле удержался на ногах и потянулся за саблей.

– Трошки успокойся, – подскочили к нему два казака и схватили за руки.

На повозку запрыгнул казак. Бешмет нараспашку, волосатая грудь открыта.

– Ты че, идешь? – ткнул он пальцем в казака, который назвал Хиста.

Тот потупил взор.

– А че орешь? Мы, кто идеть, будем выбирать! Так, казаки?

– Так! – дружно раздалось из толпы.

– Пущай Андрей. Он хошь и молод, но зубец! Так, казаки?

– Так!

– Казаки! – возвысил голос Семен, – выбор сделан. Наказным едет Андрей.

– Ура!

Через несколько дней сябры тронулись в обратный путь, оставив пару человек проводниками, когда донской полк двинется к днепровцам. Андрей уехал с ними, чтобы все подготовить для донцов, когда они придут. Помощниками он взял Митяя, Захара и еще несколько человек.

На Днепре посланцев с Дона встретили радушно. Донцов, кроме Андрея, сразу отправили в Токомаковку. Поселили Андрея в курень наказного атамана. Днепровские курени почти не отличались от донских: такие же стены, плетенные из хвороста и обмазанные глиной, покрытые конскими шкурами. Там они и познакомились поближе. Он назвал себя Горкушей Семьюненко из Галича и пояснил:

– В старину это был известный боярский род. Мой дед не хотел идти под руку князя Даниила и перекинулся к венграм, став, вместе с боярином Судиславом, советником венгерского королевича, который занял Галич. Но Даниил Романович собрал войско с целью вернуть град. Чтобы Даниил не смог перейти Днестр, дед зажег мост. Но небо было против. Дождь затушил пожар, Даниил перешел реку и взял город. Деда князь повесил, но род не тронул. Как мне рассказала моя бабка Семьюненко, при родах умерла моя мать. Отец женился вторично. Пошли дети. Мачеха, конечно, ко мне относилась плохо. Ее дети это понимали и поддерживали мать. Обида кипела в моей душе. Но я ждал, что отец увидит, поймет и заступится за меня. Но... увы. И однажды я не выдержал. Мачехин старший сын забрал моего коня. Я сорвался и... Мне пришлось бежать. Мой дядька Максим в молодости, бежав от Бурундая, попал на Днепр к казакам. Он хвалил этих людей, рассказывая об их свободной жизни. Куда мне было деваться?

Андрей внимательно слушал его повествование, и оно чем-то напоминало его юность. Когда Горкуша кончил рассказывать, Андрей спросил:

– А почему вернулся твой дядька?

– К семье, к детям, – пояснил Горкуша.

Пришлось и Андрею рассказать о себе.

– Да мы с тобой, брат, друзеки по несчастью. Я по такому делу зову тебя в корчму.

Они вышли на улицу. Был бодрящий морозец, снег сверкал изумрудным блеском, похрустывая под сапогами. Белая скатерть накрыла все, даже церковь. На ее кресте шапкой налип снег.

– Хорошо-то как, – сказал Андрей, втягивая носом морозный воздух, – точно как у меня дома.

– А ты сам-то откель? – спросил Горкуша.

– Из Стародуба на Клязьме, – ответил Андрей, – у нас там кругом леса. Не то что у вас. Ни одного деревца! – и как бы ища

подтверждение, оглянулся вокруг.

– Пошли-ка лучше в корчму. Я ты потом везде протащу. Время у нас будет, – проговорил Горкуша, отвечая на поклон проходивших мимо подвыпивших казаков.

Днепровская корчма почти не имела отличия от донского кабака. И тут управлял свой Асаф. Она была забита до отказа, и стоял знакомый гул. Андрею даже вначале представилось, что он входит в свой кабак. Стоило им пересечь порог, как днепровцев будто прорвало. Каждый стол не просил, нет! Он требовал, чтобы гость обязательно посидел с ними. Где можно познать щедрость души казацкой, как не в корчме? Днепровец денег считать не любит. Это сразу заметил Андрей. Все для дорогого гостя. Хоть последнюю рубаху.

Вернулись они только под утро, поддерживая друг друга. Атаманы всегда воздерживались от выпивки. Но только не по такому случаю. Атаманы спали беспробудно аж до следующего утра. Встали бодрыми, кровь так и играла в жилах. Андрей, сбросив одежду, выскочил на улицу, окунулся в снег. Вернулся, гогоча, с облепившим тело тающим снегом.

Оделся и подсел на лежак к Горкуше.

– Что делать будем, атаман?

Тот встал, взял с сидельца суконник, надел, пошевелил плечами.

– Може, в корчму? – неуверенно спросил хозяин.

Андрей сморщился:

– Лучи куда-нибудь съездить. Хочу к своим.

– Съездить, говоришь? – каким-то задумчивым голосом, словно прикидывая, куда податься, спросил Горкуша. – Тогда в Токомаковку, – уверенно сказал он, накидывая на плечи чекмень, – там ведь и твои друзеки.

– Далеко? – зачем-то спросил Андрей.

– Да не. Верст восемьдесят.

На улице было ветрено. Багмут принес легкий снежок и потепление.

– Заглянем к кошевому и едем, – произнес Горкуша.

Кошевой встретил их с распростертыми объятиями. Андрея поразили его усы. Он обратил внимание еще раньше, что у днепровцев усы – так усы. Многим из казаков забрасывать их приходилось за плечи. У себя на Дону он таких не видел. Есть свисающие до груди, но

чтобы до пупа, упаси бог. А вот у кошевого усы были такие. Он, похоже, этим сильно гордился. «Хотя, – подумал Андрей, – если здесь поискать, найдутся и длиннее».

Кошевой выслушал Горкушу и дал согласие на поездку. Выйдя от него, днепровец предложил:

– Зайдем к кашеварам, возьмем на дорогу жратвы.

Узнав, куда они уезжают, те дали им несколько оковалок хлеба, мяса и пару картышей.

Под навесом атаманы забрали конскую сбрую. За заплотом выбрали лошадей и, оседлав их, не мешкая, тронулись в путь. Натренированные кони осторожно спустились с крутого берега на лед. Впереди поехал Горкуша, предупредив Андрея, чтобы тот не сбивался с его следа.

– А то угодишь в промоину, – пояснил он.

Пройдя русло Днепра, они по тропе поднялись на обрывистый берег. Дальше кони пошли рядом, и Горкуша начал рассказывать о месте, куда они ехали. Начал издали:

– Я слышал от древних стариков, что казачество зародилось на Буге. Это верст четыреста отсюда. Первым казаком был волинец Семен. И было это, как они говорили, очень давно.

– А че сюда пришли? – спросил Андрей.

– Купсов там мало, – рассмеялся Горкуша.

Вскоре прогон отклонился от Днепра. Он проходил по месту, заросшему таволгой. Нередко его пересекали овраги. Лесов почти не было видно. Только на горизонте маячили отдельные исполины.

– Ну, так вот, – продолжал Горкуша, – в Токомаковке есть речушка. Вроде небольшая, а зазули видимо-невидимо. А какие там терны, чагарники, буераки. Вот казак и стал там оседать. Да и от коша недалече. У нас казаки живут и в Седневке, это от Чернигова верст тридцать. Живут в Каневе, в Переволочной. Так что разбросаны по всему, считай, Днепру.

Он замолчал.

– Да у нас тоже, – заговорил Андрей, – казаки расселены по Дону. Есть под Раздорами. Правда, я тама никогда не был. Знаю, что есть курени по рекам: Непрядве, Могге, Ведуге. Но мы в основном обитаем в верховьях.

– Верховые казаки, – смеется Горкуша.

– Похоже, – соглашается донец с днепровцем.

В Токомаковку, обнесенную высокой надолбой, они въезжали поздно вечером. Кош уже спал. Ворота были открыты. Стражи не было видно, но не успели они пересечь линию ворот, как точно из-под земли появился караульщик.

– Кто такие? – слышался его грозный голос.

– Горкуша, – ответил днепровец.

Страж подошел и, привстав на цыпочки, заглянул в лицо.

– И вправду атаман! – удивленно воскликнул он.

Ночевали в атамановом курени, который стоял на майдане.

Утром, когда они еще спали, к ним ввалились казаки. Узнав о приезде атамана, да еще и посланца, они уже с утра готовы были устроить беседу. На что Андрей возразил:

– Вначале мне надобно встретиться с моими друзеками, а потом...

Митяя и Захара он нашел за работой. Донцы с днепровцами строили курени. Рядом горой лежали колья, хворост, конские шкуры. Под огромными казанами дымились багатицы. Грели воду для замеса глины. По всему было видно, работа спорилась. Андрея заинтересовала одна новинка. Для забивки колеяв днепровцы применяли простую, но хитрую вещь. Из трех длинных шестов, связанных вверху, они установили треногу, подвесив к ней колесо с желобом. По нему скользила волосная веревка. На одном конце был подвешен огромный дубовый чурбан, на другом трое казаков поднимали его над колом, а потом бросали в свободное падение.

Донцы, увидев своего атамана, побросали работу и бросились к Андрею. Встречи на «чужой» земле всегда особая радость. Так было и здесь. Хоть и расстались они на пару дней, но им казалось, что не виделись месяц. Ну а под вечер... И только через несколько дней Андрею удалось увернуться от приглашений, чтобы сходить в церковь и оглядеть кош.

Что удивило Андрея: жизнь здесь кипела. Дымились кузни, клочотали казаны со смолой, травя народ запахом. Стучали топоры, лязгало железо, трещало дерево. Ржали кони, лаяли собаки. Кто ругался, кто просто кричал, а кто пел. Берег забит ладьями. Кто смолил, кто поклевал. Неопытный глаз и тот бы определил, что казаки к чему-то готовятся. Андрею стало ясно, что здесь, в стороне, эта

подготовка останется в тайне. Он засучил рукава и встал в общий строй.

Прошло несколько дней, Андрей втянулся в работу, и она его радовала. Он опечалился, когда солнечным утром к нему подъехал Горкуша.

– Как дела? – крикнул он, не слезая с коня.

Андрей показал большой палец. Атаман кивнул, мол, рад и объявил:

– Завтра воскресенье. Будем биться на кулаке. Как, донцы?

Андрей посмотрел на Митяя с Захаром. Те с азартом заявили:

– Постоим за себя.

– Слышал? – спросил Андрей, глядя на Горкушу.

Тот кивнул и поинтересовался:

– Сколь у тебя голов?

Андрей ответил и спросил:

– Кто судить, рядить будет?

Горкуша задумался, потом ответил:

– Один казак-днепровец, другой – донец и батюшка. Ладношко?

Андрей кивнул. Горкуша стегнул коня и ускакал.

– Митяй, – обратился он к другу, – собери наших.

После того как Андрей объявил о вызове, донцы загорелись жаждой боя. Началась даже похвальба:

– Мы им покажем!

Но жесткий взгляд Андрея остановил похвальбу.

– Как я понял, – сказал он, – вы принимаете вызов.

Те загорланили:

– Принимаем!

– Хорошо, но смотрите, чести донской не посрамите.

– Атаман! – послышался чей-то голос. – А ты с нами?

– Куды я без вас!

Донцы рассмеялись, довольные.

С утра майдан был в плотном кольце казаков. Еще бы! Донцы будут биться с ними. Казаки приволокли повозку, взгромоздили на нее три сидельца. Выбранные казаки заняли места. Посредине – батюшка. Хоть не по чину ему это дело. Но у казаков свой подход, и батюшка не мог этого не учитывать. Да и он человек. Наверное, в душе ему это нравилось. Рослый, с окладистой бородой, он поднялся над казаками,

держа рукой крест, который висел у него поверх сутаны. Он обвел взглядом майдан, потом поочередно приготовившихся к бою донцов и днепровцев. И пробасил:

– Готовы?

– Готовы! – дружно ответили обе стороны.

– Сходитесь!

Медленно сближались казаки. Ряды ломаются. Вот первые удары. Кто-то сбит с ног. Кто-то вытирает кровавые сопли. Все смешалось, словно в казане. Начали выползать из боя покалеченные. Но ни стоны, ни жалобы. Кто снегом лечится, кто горилки просит. Но растет ожесточение. Начинают выделяться бойцы, вокруг которых образовались группы бойцов. Одну из них ведет Андрей. Недаром он старался, учась то у Алима, то у Курбата. Старые казаки знали, чему и как надо учить. Когда надо пускать в ход силу, когда ловкость и ум. Вот перед ним верзила-днепровец. От его ударов мало кто из донцов возвращался в строй. Он, как атаманова чайка, прокладывает путь к победе. Но стоп... Залитые яростью боя глаза днепровца не разбирали, кто перед ним. Еще утром это был друзек, а сейчас – враг. Свистит его кулачище. Не увернись Андрей, ползать бы ему на коленях. Вроде вокруг битва затихла. Всем интересно: устоит атаман или нет. Зорко смотрит Андрей, пока бережет силы. Но тот, уверенный в себе, точно озверевший бык, рвется вперед. Отступает Андрей. Поднимается рев:

– Бей донца! Бей!

Поощренный криками, днепровец забывает о своей защите. Наверное, ему представлялось, что еще один удар, и враг будет повержен. Не торопись, казак! Противник молод, ловок, да и силен. Но где там об этом думать! Мысль о другом: пусть видят его днепровцы, как он повергнет вражину, и виллужить он не собирается.

Но все мажет казак! И получил сильный удар в брюшину. У днепровца перехватило дыхание. Он на мгновение приостановился и заработал другой удар в челюсть. Голова пошла кругом. Но крепок днепровец, крепок! Другой бы свалился. А он стоит как скала. Скала-то скала, да подмытая. Посланец перешел в наступление. Его молниеносные удары лишили днепровца возможности защищаться. Но нет! Собрав последние силы, с яростным криком бросился он на Андрея. Крепок еще у него удар. Андрей едва устоял на ногах. Да и у него из глаз посыпались искры. Спасла молодость! Тряхнул он

головой, все встало на место. Но ослаб днепровец, ослаб. Дышит тяжело. Лицо залито кровью. «Бить его надо, бить!» – бьется в голове Андрея. Нужен только момент. Видно, как изготовился для удара днепровский гигант. Его кулак рассекает воздух. Правда, нет уже в ударе днепровца той скорости, с которой он выбрасывал вначале руку. Андрей успевает увернуться и увидеть незащищенную челюсть. Все силы вложены в удар! Он оказался для днепровца роковым. Отброшенный на несколько шагов, он некоторое время удерживался на ногах. Но подломились ноги, и казак упал на колени.

Затихли днепровцы. Вдруг подскакивает Горкуша. У него лицо в крови, но глаза смотрят весело. Андрей по инерции и с ним готов биться. Да тот не дал ему этого сделать.

– Молодец, донец! – орет он, обнимая. – Ты Савву завалил! Лучшего бойца!

Потом поворачивается к днепровцам:

– Ну, что, казаки, поздравим атамана!

Куда делась кипевшая в них ярость боя! Вверх полетели папахи. Обнявшись, казаки повалили в корчму. На Андрея днепровцы смотрели удивленно-почтительным взглядом. Еще бы! Уложил Савву! А вот и сам он лезет целоваться к Андрею. Как тут не выпить за дружбу? И опять не помнят атаманы, как добрались до куреня.

На другой день отпаивались холодным ирьяном. Под вечер к ним зашел батюшка поздравить гостя с такой победой. Чувствовалось, что святой отец, не носи он крест, был бы кулачным бойцом. И, судя по его плечам, неплохим. Поговорили о том о сем. Угостили батюшку вином и гуляшом из глухаря, чем он был весьма доволен. Уходя, батюшка спросил у Горкуши, едет ли он в главный кош. Приближался Новый год, а с ним и выборы кошевого.

– Ух! – вырвалось у Горкуши, – совсем из головы вылетело. Завтра же надо ехать. Ты поедешь? – спросил он у Андрея.

Андрею очень интересно было посмотреть на этот обряд, и он согласно кивнул.

Наступил Новый год. Андрею почему-то не спалось. Переживал за нового друзeka. Еще дорогой тот высказал сомнение в избрании старого кошевого. А вместе с ним уходил и он, Горкуша, также судья, писарь, есаулы.

– Сам посуди, – говорил Горкуша Андрею, – за год его атаманства мы ни разу по-настоящему не ходили за зипунами. Перед выборами он споашился, придумал поход в Африку. Ну скажи, кому такой атаман надобен?

И вот этот день настал. Все же Андрей заметил, что как ни хорохорился дружок, а спрятать своего переживания он не мог. Андрей подошел к его лежанке. Горкуша не то спал, не то просто лежал на боку, лицом к стене, притворяясь, что спит. Андрей осторожно сел на его ложе. Тот сразу повернулся.

– Не спится что-то, – сказал Андрей, объясняя свое появление.

– И мне тоже, – признался Горкуша, поднимаясь и усаживаясь рядом.

Андрей, глядя на него, сказал:

– Ты не сумничай, трошки поддадут, да и оставят.

Днепровец захохотал:

– С чего это ты взял, что я сумничаю?

И тут послышался звон литавры. Горкуша поднялся, потянулся. Зашевелились и в коше.

– Пора собираться, – сказал он, – скоро позовут.

Горкуша не ошибся. Политаврщик опять забил в литавру. Когда они вышли, казаки тонкой струйкой сходились на майдане.

– Я пойду к кошевому, – сказал Горкуша и направился к его кошу.

Оставшись один, Андрей не торопясь побрел дальше. Он остановился, когда понял, что отсюда будет лучше смотреть.

Послышались три удара в литавру. Вышли из курени: кошевой с палицей, наказной, судья с войсковой печатью в кисе, писарь с чернильницей, есаул с малой палицей. Все они прошли на середину, сняли папахи и поклонились на четыре стороны. После этого кошевой прокашлялся и заговорил:

– Ныне, молодцы, у нас Новый год, по древнему нашему обычаю, раздел рекам и урочищам учинять надобно.

– Правильно гутаришь!

– Давай, делить будем! – заорали казаки.

– Пуцай батьки подходят! – кричит кошевой.

Куренные выходят из толпы и степенно, не торопясь, подходят к писарю. У него в большом гамане лежат жребии. Делят реки. Затем урочища.

После этого наступил для кошевого самый щекотливый момент. Ему опять надо обращаться к кругу.

– Казаки молодцы! – он старается говорить бодро, уверенно. – Новый год настал, – повторил он, – ныне, може быть, будем нового старшину выбирать? – он смотрит на казачество. – А нас, старых, – он показывает на свою группу, – низвергать, по вашим обычаям?

Круг молчит. Не находится храбрец сказать слово. Но это молчание уже о многом говорит. Кошевой понимает, что сейчас его низвергнут.

Наконец круг зашевелился. Вразвалку вышел рослый казак. На кошевого он не смотрит. На нем потертый лоснящийся, да вдобавок с дырками, суконник.

– Браты казаки! – голос громкий, сильный, – до чего довел нас кошевой? Смотрите, как мы пообтерхались! – он трясет бортами своей одежки. – Пуцай ложить булаву! – и он резко взмахнул рукой, как бы обрубая кошевому путь.

– Ложь, ложь! – закричал круг.

Все. Приговор сделан. Хорошо, что еще живым отпускают. Кошевой снимает папаху, подходит к знамени, кладет ее около него, а на папаху – свое кошевьё. Потом кланяется на четыре стороны и говорит:

– Казаки-друзеки! Я благодарен вам, что терпели меня, хорошо служили. И пусть наша покровительница Пресвятая Богородица всегда помогает вам. Да храни вас бог!

И он ушел в курень. А за ним и его группа. Андрей с сожалением посмотрел на удалявшегося друга. Тот, словно почувствовав чужой взгляд, оглянулся. Глаза их встретились. Горкуша отвернулся, как показалось дончаку, сторбился и заторопился вслед за бывшим кошевым.

А на майдане начинался самый ответственный момент: выбор нового кошевого. Майдан нельзя узнать. Он превратился из сплошной людской массы в группки, где с жаром обсуждали нового преемника. Площадь волновалась все сильнее и сильнее. Она напоминала волнующееся море. В этом гуле Андрей улавливал голоса:

– Синеока! – слышится на одной стороне.

– Плата! – кричат другие.

– К бесу Синеока! Плата!

– Синеока!

Образовалось две стены. Замелькали кулаки, засверкали сабли.

И вдруг этот рев, эту бурю пронзил чей-то крик:

– Вельможная громада!

Рев стих. Закрутились головы.

– Послушайте меня, бывалого казака!

– Слушаем, бывалый.

– Что, хлопцы, краше? Лапти киевские или чеботы-сафьянцы?

– Чеботы! – орет толпа.

– А какая вера? Христианская, басурманская?

– Турецкая! – гогочет казачество.

– А неволя какая, хлопцы? – все допытывается бывалый.

– Турецкая, батьку! – смех сотрясает майдан.

– А кто в турецкой неволе?

– Да казаки ж, батьку!

– А для чего тогда у нас чайки?

– Чайки у нас на татарву да на туретчину.

– Так че стоим, хлопцы?

– Веди нас, батьку!

Вверх летят шапки. Бывалый может взять булаву. Но он наотрез отказался.

– Не, хлопцы! Выбирайте другого! Не хочу быть атаманом! Хочу быть простым казаком.

На середину майдана выскочили сразу несколько казаков.

– Браты! – орут они. – Чего смотрим! В мешок гада, да в воду!

– Бери булаву! Или...

Рядом стоявшие казаки выталкивают его к знамени, где лежит кошевые. Все смотрят на него. Казак немолод. Лицо в шрамах, что говорит о его боевой жизни, широк в плечах, грудаст, силушку небо у него еще не отняло. Он поднимает булаву. И тут начинается.

– Это ты сам морду свою изувечил, чтоб боевым казаться?

– Это ты казацкую саблю на скляницу променял?

А тут кто-то подскочил со словами:

– Помни, кто дал тебе эту власть, – бьет его по шее, – мы те дали эту власть, мы можем ее и забрать!

Выдержав эти оскорбления и видя, что толпа как-то присмирела, он начал говорить:

– Я принял войсковой клейнод, потому что на это воля божья! – он поднимает глаза кверху и крестится, а потом кланяется на все четыре стороны со словами: – благодарствую!

Опять туча шапок летит в воздух. Только их поймали, слышится чей-то визгливый голос:

– На «могилу» батьку, на «могилу» нового кошевого!

И тут пошло:

– Возы давайте! Землю на «могилу» копайте!

Оказывается, возы готовы. Знали, видать, казаки, что понадобятся. Заранее приготовили. Их выкатывают на середину, опрокидывают вверх колесами.

– Пущай так до горы ногами Орду ставит.

Вышли несколько казаков и стали саблями копать землю. Носили ее в шапках и бросали на возы, при этом приговаривали:

– Пускай будет висока «могила», чтоб с ветром говорила.

Со всех сторон кричат:

– Сыпьте, сыпьте! Пусть растет казацкая слава.

«Могила» готова. Казаки вытряхивают остатки земли из шапок, надевают их и начинают ногами землю утрамбовывать. Затем выходят на круг. Обращаются к новому атаману:

– Иди, батьку, закон брать!

Подходят еще несколько казаков.

– Здоров був, новый батьку! Дай тебе, Боже, лебединый век и журавлиный крик!

Он кланяется им. Те продолжают:

– Чтоб тебя было видно, коли с ворогом будем биться!

Тем временем кухари в куренях подметали мусор и складывали его в большую плетеную корзину. Затем они взяли ее и понесли на майдан. Увидев стоявшего нового атамана, подходят к нему и высыпают мусор ему на голову, приговаривая:

– На счастье, на здоровье, на нового батьку! Дай тебе, Боже, журавлиный крик да лебединый век!

Площадь орет:

– На счастье, на здоровье, на нового батьку!

Казаки подскакивают к новому атаману, мажут его лицо грязью, обсыпают вновь мусором, дергают за чуб.

– Чтоб не гордовался над нашим братом казаком.

– Чтоб был добр!

– Чтоб вот так бил врагов, как мы тя бьем!

На этом посвящение заканчивается. Атаман идет к себе переодеваться и выходит к казакам с булавой в руках. Теперь он – власть. Все смолкают.

ГЛАВА 34

Иван Данилович возвращался из затянувшейся поездки в приподнятом настроении. Еще бы! Везде, где бы он ни побывал, а объехал он всю Восточную Русь, добрался даже до отдаленного Галича, его принимали достойно, как и подобает принимать великого князя. Встречали на главных площадях князя, бояре, священники. Не говоря уже о народе, который везде набивался битком. Князя преподносили ему хлеб-соль, бояре кланялись, а народ вопил:

– Калита! Калита!

И приходилось ему каждый раз радовать их своим мешком.

Теперь он возвращался к себе, в дорогую его сердцу Московию. Он видел, как налаживались дела у людей от спокойной, уверенной жизни. Однако самому ему нездоровилось. Раньше он не знал усталости, не испытывал никакой неуверенности, всегда был бодр, неутомим, но в последнее время чувствовал себя не очень хорошо. Появлялась усталость, порой даже изнеможение. В былые годы он мог днями и ночами не покидать седло, а теперь не выдерживал длительных поездок верхом. Как-то проговорился об этом пронырливому Коверу. Тот «накрутил на ус» эту исповедь князя. Не прошло и полгода, как он приехал к князю в прекрасной немецкой карете. Переставив на сани, ее можно было использовать и зимой. А для этого немецкие умельцы соорудили железную печурку, где два-три полена нагоняли такого жара, что хоть скидывай одежонку. Широкое сиденье позволяло и прикорнуть, сделав дорогу неутомительной. Теперь князь и представить себе не мог, как бы он обходился без нее. Купца Иван Данилович достойно наградил, велел Миняю отсчитать двести рублей. Услышав эту сумму, вылупленные глаза Миняя вылупились еще сильнее. Князь даже напугался: «Не вывалились бы они совсем». Не выдержал, сказал:

– Тебе, Миняй, что, жалко моих денег?

Тот ничего не ответил, только почесал орлиный нос. А князь был доволен. И чем больше он в ней ездил, тем больше ему это нравилось. Особенно он оценил достоинство кареты во время этой последней, такой долгой поездки.

Тряска часто укладывала его на боковую или заставляла «клевать носом». И вот во время очередной дремоты в окошко неожиданно раздался голос воеводы Федора Акинфовича:

– Великий князь! Впереди появился чей-то вооруженный отряд!

Князь открыл и протер глаза, потом повернулся к окну:

– Пошли кого-нибудь, пусть узнает.

Князь хорошо понимал, что бояться ему нечего. Сопровождавшая его дружина выглядела не только красиво в новом одеянии, но и весьма внушительно. Это был один из весомых аргументов силы и мощи московского князя.

Вернувшийся воин доложил воеводе, а тот князю:

– Едет княгиня тверская в Кострому на могилу недавно преставившейся сестры.

Услышав два магических слова «княгиня тверская», князь весь преобразился.

– Крикни Ваньку! – приказал он воеводе.

Тотчас дверь кареты открылась и просунулась голова с русыми, постриженными под горшок, волосами. Юный голос спросил:

– Чего изволите, князь?

– Быстро мою одежду!

Стоял июль месяц, сенокосная пора. Но в этих местах коса еще не касалась набравшей силу травы. Поэтому она, разбавленная цветами, благоухала до опьянения. Князь переоделся в лучший свой наряд.

– Они тоже остановились! – доложил воевода.

Князь приказал двигаться дальше.

И вот кареты поравнялись. Из каждой с любопытством и внутренней тревогой смотрели глаза. Одни увидели знакомые до боли козлиную бородку, некогда темно-русые, ныне поседевшие и не такие кудрявые волосы, длинный правильный нос, разметавшиеся в разные стороны брови. И глаза – умные, все понимающие. Но главное – в них явно отражалось душевное состояние человека. Другие увидели прекрасное, доброе, немного поблекшее, но не потерявшее прежней неотразимой привлекательности лицо. И ее глаза, нет, – глазищи. В них и радость неожиданной встречи, и боязнь неизвестности, и гложащая печаль.

– Анастасия! Какая неожиданная встреча! – воскликнул князь, по-юношески легко выпрыгивая из кареты.

– Князь, ты?! – в голосе удивление и радость встречи.

– Я, я! Анастасия! Не хочешь ли покинуть карету? Смотри, какая кругом красота!

Без всякого жеманства она протянула руку.

И он опять ощутил ее нежную, шелковистую кожу. И опять что-то пронзило его тело.

– Воевода, – она пальчиком подозвала верного служителя, – пусть поищут, – она посмотрела в сторону дружины, – водоем и искупаются.

Когда они удалились, Анастасия посмотрела на князя таким выразительным взглядом, что он смутился, точно безусый юноша. Что она этим хотела сказать, князь не понял. Потом он долго обдумывал этот момент, но ответа так и не находил. Князь не отпускал ее руки, пока они не вышли на поляну, расцветшую, как заморский ковер.

– Божий храм! – восхитилась княгиня.

– Хороша наша земля! – подтвердил князь. – Вот и люблю ее беззаветно.

– А молодую жену? – проговорив, она не повернулась к князю, делая вид, что спросила просто так. – Я слышала, что князь сыграл свадьбу.

– Сыграл, – обыденным голосом ответил князь.

У княгини на лице неожиданно заиграл румянец. «Что-то она разволновалась», – подумал он, и ему от этой догадки стало приятно на душе.

– Как твой сын? – спросил Иван Данилович.

Она поняла, что ему не хочется говорить о личном. «Наверное, не очень удачная женитьба», – подумала она с внутренним удовлетворением.

– Сын? Уж просится у отца, – это слово она произнесла с ударением, – чтобы взял его на охоту.

– Как бежит время! Ведь помню, кажется, совсем недавно ты мне говорила, что у тебя родился сын. И на тебе, уже просится на охоту.

– Да, – вздохнула она тягостно, – время летит быстро.

Князь уловил в ее голосе нотки печали. И он задал ей вопрос, который потом сам не раз вспоминал:

– Что за горесть в твоих словах? Радоваться дитю надобно.

– Это тебе, князь, можно радоваться, а нам... – она опять тяжело вздохнула.

– Что так? – он почувствовал, что какой-то дамоклов меч висит над ее семейством.

– Что... – на ее глазах появились слезы. Она отвернулась.

Князь всем своим существом почувствовал, как дорога ему эта женщина, и он не мог выдержать ее слез.

– Скажи мне, Анастасия, и я, может быть, смогу помочь.

Она повернулась к нему.

– Иван Данилович, дорогой, – этого слова она ему никогда не говорила, ради него он готов был для нее сделать невыполнимое, – сколько же можно мне помогать?

– Столько, сколько смогу! – произнес он с юношеским задором. – В чем дело?

Она снова вздохнула. И он понял, что внутри нее идет борьба: говорить или нет. Он ласково взял ее руки и прижал к своему сердцу.

– Ты слышишь, как оно бьется? А это потому, что оно не хочет, чтобы твое прекрасное лицо омрачили слезы горести! Говори.

– Александр не имеет прав на Псков. Что он оставит детям?

Князь понял все. И ему вспомнились эпизоды борьбы после того, как он помог ему вернуться в Псков. И вот теперь... Тверь. Сейчас он живет спокойно. Константин не замышляет против него подлость. А Александр?

– Милая, я могу помочь, но ведь он...

– Если он что-либо задумает, ты будешь знать. Но прошу, умоляю, ради моих детей, помоги!

Князь посмотрел на ее мокрое от слез лицо и промолвил:

– Хорошо! Я дам тебе знать, когда ему можно будет ехать к хану. Встретившись с ним, пусть скажет, что делал ему много зла, а сейчас готов умереть, а если он дарует жизнь... дальше сам поймет.

Она подошла к нему и, обняв за плечи, поцеловала в губы, повернулась и, не оглядываясь, пошла к карете.

Князь вдруг быстро начал рвать цветы, догнал ее и, положив ворох перед ее ногами, сказал:

– А венок?

Княгиня послушно опустилась на траву и быстро стала его плести. Когда венок был готов, Анастасия возложила ему на голову, сказав:

– Ты как древний победитель! – и, отступив, полюбовалась преображенным князем.

– Какой я победитель! – снимая его, он не то спросил, не то опровергал ее слова.

– Победитель... победитель женского сердца. Разве этого мало?

И она торопливо спряталась в карете.

– Поехали! – послышался ее надрывный голос.

Прошло несколько месяцев ожидания. И она решила, что Иван ничего не стал делать для нее. Тяжесть легла на сердце княгини. Однажды, выйдя из церкви после заутрени, Анастасия увидела одинокую фигуру, которая показалась ей знакомой. Подойдя ближе, поняла, что не ошиблась. Это был верный слуга московского князя Савел. Немтырь подошел, быстро оглянулся. Убедившись, что поблизости никого нет, с улыбкой закивал головой. И она поняла: «Он решил!» Княгиня поднялась на цыпочки и со словом: «Спасибо», поцеловала его в щеку. Он потом провел по этому месту ладонью, посмотрел на нее. Точно ее поцелуй должен был что-то оставить.

За обедом, как бы невзначай, Анастасия спросила у мужа:

– Как дальше будут жить наши дети?

– А, – с надрывом произнес он и, ожесточенно ударив себя в грудь, ответил, – он сидит у меня здесь! Только что делать, не знаю.

Княгиня с осуждением посмотрела на мужа, потом посоветовала:

– Я думаю, тебе пора ехать в Орду.

– В Орду? И сложить там голову?

– Мне кажется, – проговорила она, катая ладонью по столу крошки хлеба, – сейчас тебя хан не тронет. Если бы хотел, давно бы это сделал.

Александр посмотрел на нее глазами, словно впервые видел.

– Да, да, хотел бы, давно сделал, – повторила она, – ты же здесь не первый день!

Князь задумался, почувствовав в ее словах разумное начало.

– А что, если действительно?.. – сказав это, внезапно замолчал.

Его застывший взгляд говорил о том, что Александр что-то обдумывает.

– Если, – заговорил он, – послать Федора?

Княгиня бросила свое занятие и живо посмотрела на мужа.

– А что, правильно. Сын ни в чем не виноват, хан это отлично знает.

Через несколько дней княжич выехал в Орду. Ответ не заставил себя ждать. Сын сообщал, что хан благосклонно его принял и готов решать просьбу отца. Вскоре перед очами хана предстал и Александр. Хан не тянул с приемом прибывшего князя. Представ перед ним, Александр, как научила жена, сказал:

– Высокопочтимый и лучезарный, я сделал тебе много зла, но теперь пришел принять от тебя смерть или жизнь, будучи готов на все, что бог возвестит тебе.

Хан улыбнулся. Смиренность ему нравилась, и сказал:

– Иди и правь в своей Твери!

Когда князь удалился, Узбек изрек окружающим:

– Князь Александр, смиренный мудростью, избавил себя от смерти.

Возвращение своего князя бояре и купечество встретили глухим ропотом. Время поменяло их взгляды. Правление Константина, младшего брата князя, несло тверичанам мир, спокойствие. А от возвращения Александра они ничего хорошего не ждали. Но высказать что-то против боялись. И не так боялись Александра, как Узбека. Тот мог и не простить тех, кто ослушался бы его решения. И они потихоньку стали покидать эту землю, перебираясь в Московию, где их встречали с распростертыми объятиями. А за ними потянулись и смерды. И каждый находил здесь и уверенность, и спокойствие, и, самое главное, устойчивую возможность заниматься своим делом. Слава о Калите распространялась во все концы русской земли.

Александр понимал, что напрямую обвинить Калиту в переманивании людей он не мог. Но и терпеть подобное тоже. И он стал обдумывать, что сделать, чтобы как-то досадить этому москвиту. А если сможет, то и подорвать его растущую известность. Но пока в голову ничего путного не приходило.

Как-то к нему зашел псковский купец Строилович, прибывший по делам в Тверь. Они разговорились, вспомнили, как тот ездил к немцам. В конце разговора купец обратил внимание на то, что князь часто во время разговора задумывался. И Строилович понял, что у князя не все в порядке. И решил сказать ему об этом.

– Князь, – заговорил он, – тебя в Пскове все жалеют. Но я вижу, что не очень-то рады.

Александр поднялся, нервно заходил. Остановившись перед купцом, опершись на ручки кресла, тихо прошептал:

– Этот москвит не дает мне житья. Переманивает моих людей, да и вообще, – он выпрямился и махнул рукой, – не знаю, что и делать.

– Я недавно был в Литве...

Князь сразу понял, куда хочет склонить его купец, и перебил Строиловича:

– А, Литва, – он опять махнул рукой, – Иван хитер. Женит сына на его дочери.

Купец хихикнул:

– Там, кроме Гедимина, который часто побаливает, всем заправляет его сыночек Ольгерд. Я знаю, что он зуб точит на москвита.

– А Орда? – спросил князь.

Не то забывшись, не то ему надоело в своем доме шептаться, показывать гостю трусость, князь заговорил во весь голос:

– Сейчас Узбек стоит за этого лукавого и облыжного человека горой. Так что, пока хан торчит за его спиной, к нему не подобрешься.

Купец хитровато сощурил глазки:

– Что Орда! Если вы объедините силы, никакая Орда не устоит! Я думаю, тебя, Александр, могут поддержать и другие князья. Наверное, многие.

Тверич кивнул.

– Вот видишь! Я догадываюсь, что есть те, кто мечтает освободиться от ханской власти, да и от Московии тоже.

На лице Александра разгладились старившие его морщинки, и оно даже просветлело.

– Ты прав, купчина! Есть такие!

Купец увидел, что ему удалось убедить Александра.

– Решайся, князь! – призвал Строилович.

И князь решился.

Княгиня, проходившая мимо, услышала возбужденный разговор мужа и невольно остановилась. То, что она услышала, повергло ее в ужас. Перед ней предстало лицо Ивана Даниловича. «О Господи! Да что он подумает обо мне? Ведь он так мне верил!»

В ночь в Москву тайно помчался всадник. Вскоре ему удалось передать Калите, когда тот выходил из церкви, записку. В ней было всего несколько строк, написанных торопливым почерком: «Князь посылает купца Строиловича к Ольгерду, предлагая ему совместно напасть на Орду, а затем на Московию. Будет подговаривать и других князей». Подписи не было. Но не надо было быть провидцем, чтобы не понять, от кого она. Прочитав, князь поцеловал бумажку, провел ею перед носом, стараясь уловить запах дорогой руки.

Вечером в сторону Твери поскакал Савел с приказом от князя перехватить купца и тайно привезти его в Москву. Иван Данилович решил больше с Александром не церемониться. Для этого нужен был свидетель. Посылая верного слугу, князь спросил:

– Может, тебе нужна подмога?

Но Савел решительно замотал головой.

Купец ехал домой в самом прекрасном расположении духа. Еще бы! Ольгерд откликнется, в этом он был уверен, и они начнут собирать войско. А войску нужно будет иметь и хлеб, и оружие, и одежду, и лошадей. Все это будет им продавать он, Строилович. Утомленные кони «запросили» привал. Пока охрана разжигала костер, хозяин пошел по нужде в ближайший лесок. Ушел и как в воду канул. Охрана долго его ждала. Потом, встревоженная, бросилась на поиски. Нашли только капли крови да следы борьбы. Куда он делся, понять было невозможно. Стража долго бегала вокруг, кричала. Но все было бесполезно.

Пленника, содержавшегося в темнице, разбудил лязг цепей и скрип двери. Когда она открылась, в лицо ударил свет. Он загородил глаза ладонью. Пока сидел, отвык от света. Пообвыкнув, увидел, что перед ним стояли два человека. Пленник поднялся с кучи соломы и встал перед вошедшими. Вскоре вошел третий с сидельцем в руках. Один из двоих сел на него и начал его расспрашивать:

– Купец Строилович?

– Да.

– Где был?

– В Твери.

– С князем Александром встречался?

У купца пронеслось: «Кто-то выдал!»

– Да.
– О чем говорили?
– О торговле. Больше ни о чем.
– Слушай, купец, – говоривший поднялся и взял его за ворот, – если тебе дорога жизнь, говори правду.
– Какую правду? – спросил купец.
– Ту, с чем ты должен был ехать к Ольгерду.
«О боже! И это знает, – промелькнуло в его сознании, – но что делать?» И он решил пока тайну не выдавать. Почему так решил, и сам не смог бы себе ответить.

– Да... не. Ни к какому Ольгерду меня не посылали.

Пленник старался, но не мог рассмотреть лица того, кто его допрашивал, так как свет был сзади.

– Купец, если ты мне не скажешь правды, останешься здесь навсегда. И никто не придет к тебе на помощь. Так что решай! – он повернулся и направился к выходу.

Стоявший со свечой человек словно невзначай осветил противоположный угол. Купец как-то машинально взглянул туда и... о Господи! – там лежал человеческий скелет. Его сознание словно кто-то пронзил спицей. Купец дико заорал:

– Я все скажу!

Неизвестный вернулся, взял купца одной рукой за грудь, подтянул к себе и со словами:

– И не только мне, но и хану, – оттолкнул его от себя, повернулся и пошел прочь.

Хан неожиданно появившегося московского великого князя принял незамедлительно. Он знал, что Иван Данилович зря бы не примчался. Князь рассказал ему о том, что ему поведал псковский купец. Хан внимательно слушал, а в голове роились разные мысли: «Неужели этот князь задумал моими руками убрать тверского владыку? Так зачем он о нем просил? Или, может быть, хочет убедить меня в своей верности и доказать, что он только один такой? Зачем? Выпросить у меня льготы?»

А вот его слова о том, что Александр хочет привлечь других князей, напугали хана. Ему в какой раз представилось, что на него надвигаются полчища ногайцев вперемежку с литовцами, урусами. И

впервые хан в отношении к Ивану Даниловичу допустил грубость. Он схватил его за грудки:

– Ты... ты не врешь? – прошипел он. – Где твой купец?

– Здесь.

Это слово прозвучало, как удар молнии.

– Здесь?!

– Здесь! – подтвердил князь, поправляя одежду.

Вечером, когда хан неожиданно позвал к себе Ивана Даниловича на ужин, князь не мог узнать повелителя. Это было воплощение доброты, заботы и даже какого-то заискивания. Главная ханша тоже была учтива, внимательна. Когда наступила пора прощания, хан поднялся вместе с гостем.

– Ты прости меня, князь, – понутив голову, произнес хан. Потом оживился: – Как именуют вашего митрополита? – спросил он, прищурив раскосые глаза.

– Митрополит всея Руси.

– Вот ты и будешь князем, великим князем, – поправился он, – всея Руси. А это, – он снял с себя золотую тюрбетейку и надел на голову гостю, – мое посвящение тебя в это звание.

(Впоследствии эта тюрбетейка послужила основой для создания шапки Мономаха.)

Оставив своих сыновей, Семена и Ивана, в Орде, великий князь всея Руси отправился домой. Но слава, как на крыльях, неслась впереди князя. Встречала его Москва торжественным, радостным звоном. Народ был в восторге. Он понимал, что такое величие несет ему самое главное – мир и покой.

А тверского князя хан незамедлительно вызвал к себе. Посланный проведать обстановку старший сын Федор сообщил, что дела плохи. Прощание князя с женой было холодным. Приехавшего в Орду Александра гневный хан приказал казнить вместе с сыном.

ГЛАВА 35

Никто не заметил прихода весны. Долго днепровцы обмывали нового атамана. Не успели остыть, как пришел донецкий полк. Днепровцам пришлось выворачивать карманы. Неизвестно, сколько бы еще длилось это угощение, если бы не строгий окрик нового атамана:

– Думаете ли вы, друзеки-казаки, в поход идти? Лед-то на Днестре прошел.

– Думаем, батьку, думаем!

И взялись казаки за дело. Застучали топоры, загремели кувалды. Запылали багатицы, пошел запах смолы.

Наступило время, когда казак надевает походную одежку: шаровары, бешмет, чекмень, шапку. Грузит сушеное мясо, рыбу, сухари, водку да воду. Идет последняя проверка якорей, весел, веревок. Откуда-то появились бабы. Они молчат, украдкой вытирая слезы. Вдали появляется атаман в сопровождении есаулов, батек. Казаки разбегаются к чайкам. Подходит атаман. Зорко оглядывает берег. Он поднимает булаву. На атаманской чайке взвивается хоругвь. Папахи сброшены, начинается молитва. Молебен закончен, казаки крестятся, надевают шапки и выталкивают чайки на воду. Атаман поворачивается к берегу:

– Прощай, кош-мати, да хранит тебя Пресвятая Богородица!

Смотрит налево и направо, на челны и со словами:

– Пусть будет, что будет. А будет, что Бог даст! С Богом! – дает команду в путь.

Берег взрывается криками, ревом. Да и на челнах не молчат. Какая-то баба орет:

– Мойво Петра берегите!

А Петро с чайки:

– Сафон, коня мойво береги!

Чайки заскользили бесшумно. Больше не слышно голосов. Не поют и песен. Каждый думает про себя, а что бог готовит ему? Суждено или нет увидеть вновь ему эту землю?

Вот и первый ночлег. Чайки забиваются глубоко в плавни. Выставлены посты. Им особо тяжело, хотя и тем, кто остался в чайках,

не легче. Костра не разведи, слово не скажи. Да и шевелиться особенно нельзя. И приходится терпеть разную тварь. А на берегу попробуй задрями. Не дай бог, атаман или кто-то другой проверит и обнаружит. Все, прощайся казак с жизнью. Только слышно порой, как кричит на берегу дергач. Но это не дергач, то казак извещает, что у него все тихо.

А Днепр в это время особенно могуч. Быстро катятся его грязно-серые волны, легко унося чайки. Тают в пелене тумана заросшие обрывистые берега. Пока не видно круглых татарских голов. Бог даст, пронесет.

Приближение моря казаки почувствовали по трудно уловимой солоноватости воздуха. И вот чайки вырываются на простор. Только слева еле видна узкая полоска земли. Это – Крым. А все остальное – безбрежное море. Оно пугает молодых казаков. Но они, поглядывая на тех, кто не впервые пересекает его, стараются не выдавать своего волнения.

Хоть Андрей был «обветрен» морем, но все равно сердце сжимается: «Боже, спаси!» Но море пока спокойное. Легкий ветерок приносит прохладу. Такие же легкие волны режут остроносые чайки, слегка их покачивая.

Проходит день, другой... Кажется, жизнь здесь остановилась и ничего другого она преподнести не может.

Все бы ничего, да что-то старые, бывалые казаки заволновались, подозрительно посматривая на небо. Невесть откуда появлялись облака. Усиливался ветерок, прибавлялась волна. Тревожно закричали чайки, спешно куда-то улетаая. Даже новичок понимал, что что-то надвигалось.

С кошевой чайки казак подал сигнал: «Проверить крепление груза». Батьки еще раз досматривают крепеж. Кое-где поправляют. А ветер все крепчал, нагоняя на небо марь. Ну, держись, казак! Волны потяжелели. Удары их стали хлеще. Бросают сильнее. И вот уж казацкие чайки то взбирались на гребень, то летели вниз, точно в бездну.

Настала пора, когда волны добрались до самих казаков: мочат шаровары, ласкают усы, а порой накрывают их с головой. Тут уж бросай весло, сдирай папахи да черпай быстро воду, чтобы не пойти на дно. И держись, казак, чтоб не смыло тебя за борт. Строй похода

нарушился. Волны растаскивали челны с завидной легкостью. Стали доноситься отчаянные крики.

Пока на чайке Андрея вроде все держалось. Но... это пока. Мало опытных казаков. Зорко посматривал атаман, успевая со всеми черпать воду. Держись, казак, крепче ногами за сиделец. Но вдруг кому-то понадобилось приподняться. Что ты сделал, казак? Волна, точно хищник, подкарауливающий жертву, напала на него, подхватила и понесла в свои объятия. Бог мой! Да это же Захар!

Не успел никто опомниться, как атаман, сбросив одежду, сверкнул белым жилистым телом.

– Атаман! Куда ты?

Несколько взмахов, и Андрей около барахтающегося Захара. Схватив казака за волосы, он с усилием потащил его к плясавшему челну.

– Принимай, казаки!

Они хватают парня за протянутые руки. Но что с атаманом? Куда он делся? И тут все увидели, что на его месте пляшет обломок чьей-то мачты!

– Атаман!!! – несется над бушующим морем.

Но не слышно, не видно его. Тут ведь недолго и всем погибнуть. Казаки схватились за весла.

Удар пришелся по голове. Последний миг, который Андрей помнил, это когда Захара втягивали в чайку. Очередная волна, обрушившаяся на казака, привела его в чувство. Вынырнув, он лихорадочно искал своих. «Но где, где лодия? Не видать! Не уж... бросили? Или...» Напрягая силы, атаман боролся с волной. И вдруг его рука ударилась обо что-то твердое. Забывая про боль, он обхватил какой-то обломок, похожий на бревно. Не он ли грохнул его по голове? Все может быть. Обняв обломок, Андрей прижался к нему грудью.

– Помоги, Пресвятая Богородица! – шептали его губы.

Обломок хорошо держал казака на воде. Когда накрывала волна, он, пытаясь вырваться из ее крепких объятий, как поплавок, с усилием тянул носу вверх. Андрей готов был целовать обломок.

Но все на земле имеет начало и конец. Кончилась и буря. Море утихло и легко покачивало казака на волне. «Куда плыть? Где берег?» – волновался Андрей. Небо очистилось. На нем как ни в чем не бывало

сверкали звезды. Серп луны, прокладывая по спокойной глади серебряную дорожку, с интересом поглядывал с высоты.

– Будь что будет, а будет, что Бог даст! – прошептал Андрей, поглаживая своего спасителя.

Он надеялся, что казаки его не бросят, а будут искать. Но проходил день, второй... Без еды, без воды Андрей чувствовал, что теряет силы. Все чаще и чаще ему приходило на память его детство. Праздники с обильной едой...

Он очнулся от каких-то голосов. Первым его желанием было ощупать, где его спасительное бревно.

– Живой! – донесся, словно с высоты, до него чей-то голос.

Но это была не русская речь, а тот язык, которому его старательно учил Курбат.

– Что будем делать? – пробасил другой.

До сознания Андрея дошло, что тут не один человек. И он не в море, а на земле. Он даже этому не поверил! Опять бред с детскими воспоминаниями. Но нет, всем своим существом он ощутил, что кто-то над ним стоит. Андрей открыл глаза и увидел, что его окружили какие-то странные вооруженные всадники.

– Давайте отведем его на рынок и продадим. За него много дадут. Смотрите, он молод и здоров. Деньги поделим. А?

– Надо узнать, кто он такой, – солидно заметил бородатый, с животиком, всадник.

– Да че узнавать, – ершился молодой, – по обличию – русский!

– Русский? – кто-то из них даже спрыгнул с лошади и осторожно подошел к нему.

– Эй, ти, скази, кто ти, руський? – спросил он, шевеля парня носком сапога.

Андрей ответил по-турецки:

– Да, я русский.

Ему удалось удивить воинов. Причем, это удивление, как он почувствовал, было доброжелательным. Подошедший продолжал допрос.

– Как ти сюда попала?

– Да смыло во время бури с купеческого корабля, – нашелся он.

Те переглянулись меж собой.

– Вставай! – приказал тот, кто подошел к нему.

Андрей с трудом поднялся.

– Ити мозис? – видать, турок понял, что тот изнеможден.

Андрей сделал несколько шагов.

– Посли! – опять приказал он, видя, что парень может передвигаться.

– Эй, – раздался голос, – срам-то его надо прикрыть.

– Что решим? – спросил кто-то.

– Сыми рубаху, отдай ему! – послышался властный голос бородатого.

Видать, объявился старший.

– Ты что, Адыр, надумал с ним сделать? – спросил тот, поглядывая на бородатого, кто подходил к Андрею.

– Пару дней покормим, да на рынок, – ответил Адыр, поглаживая бороду, – деньгу, как говорили, поделим.

Дурсун был одним из богатейших, если не самым богатым купцом Ближнего Востока. Его знали от Бухары и до Каира. От Буды и Пешта до Бурсы. От Кафы и до Константинополя. И везде у него были прекрасные дворцы. Знаться с ним многие правители считали за честь. У него была любимая дочь Зухра, которая, поехав погостить к тетке в Кафу, чуть не стала добычей какого-то кровожадного казака. Благо, нашелся один из них, сердечный человек, который спас его дочь. Узнав об этом, купец хотел этого казака озолотить, но где его найти! Конечно, прослышав о разгроме Кафы, купец немедленно примчался туда. И это не стоило ему труда, имея лучшие быстроходные и легкие суда.

А здесь, дома, дочь опять чуть не стала жертвой. И кого? Ядовитой змеи. Как она попала к ним в сад, одному аллаху известно. Змея подползла совсем близко к Зухре. Та, увидев готовую на нее напасть тварь, оцепенела и издала жалобный крик. Служанка бросилась на помощь и в горячке схватила змею. Ее укус оказался смертельным. Зухра сильно переживала потерю верной служанки, и любящий отец, видя ее горе, объявил, что они поедут на рынок, и дочь сама выберет новую служанку.

И вот восемь рослых нубийцев, на плечах у которых покоится нарядный балдахин, в котором сидит важный купец с дочерью,

направляются на невольничий рынок. Впереди слуги с плетью очищают проход. Позади – грозная стража и слуги.

Чтобы попасть на женскую половину, вначале надо обязательно пройти через мужскую часть. Каких рабов тут не увидишь! Чернокожих, узкоглазых, высоких, низких, толстых, тонких. Много людей европейской внешности. Лениво скользят купеческие глаза по этому людскому морю. Здесь купец себе рабов не покупает. Считает, что дорого за них просят. При случае в Африке он возьмет этого «добра» в несколько раз дешевле. Только любовь к дочери заставила такого скупердя поехать на рынок. И глаза Зухры почти не смотрят на этих несчастных людей. Ей они не нужны.

Вот кучка покупателей обступила какого-то рослого парня. Ощупывают, открывают рот.

Что-то заставило ее всмотреться в лицо этого парня. Оно показалось ей знакомым.

– Стойте! – крикнула она слугам.

Те послушно остановились. Она еще какое-то время смотрела на этого раба и, повернувшись к отцу, с горящими от счастья глазами объявила, тыча пальцем в сторону парня:

– Это он! Это он! Мой спаситель!

– А ты, дочь, не ошибаешься? – отведя шелковую занавеску, Дурсун старался что-то разглядеть.

– Нет, отец, нет! Он! Его продают!

Хоть дочь и не сказала о своем желании, но по тому, как она произнесла последнее слово, отец понял, что надо этого раба выкупать.

Наверное, Дурсун бы так не разбогател, если бы необдуманно разбрасывался деньгам. Купец высунулся наружу, подозвал слугу и что-то шепнул ему на ухо. Тот кивнул, что понял, и побежал исполнять поручение. Бесцеремонно растолкав покупателей, подскочив к рабу, слуга осекся, увидев русского. Языка его он не знал, но на всякий случай спросил на своем:

– Ты в Кафе в прошлом году был?

– Был. И рубил вашего брата, – с вызовом сказал казак.

– Ты кого спас?

Этот вопрос был столь неожиданным, что парень в первое мгновение даже растерялся. Но потом угрюмо ответил:

– Ну, спас какую-то девку. А что?

Слуга не ответил, повернулся и побежал назад.

– Он, мой господин, – объявил слуга.

Хозяин посмотрел на дочь. Лицо той сияло от счастья. И купец бросил:

– Купи!

Адыр, продававший раба, быстро смекнул и назвал цену, от которой те, кто подошли первыми, быстро ретировались. Слуга, знаток цен и своего хозяина, все же решил вернуться к купцу. Но не успел он открыть рот, как хозяин, сверкнув глазами, повторил глухо и зло:

– Купи!

Слуга отсчитал деньги и взял раба за руку. Тот, окинув базар, оценивал, сможет он убежать или нет. Но понял, что никуда не деться – слишком много народа. Надо выбрать удобный момент. А когда слуга подвел его к хозяйскому балдахину, казак увидел стражу, понял, что пока о побеге нельзя и думать. Но возможность, он в этом был уверен, идет к нему в руки.

– Ты не узнаешь меня? – спросила девушка, показывая белоснежные зубы.

От отца не скрылось, с какой радостной, счастливой улыбкой она смотрела на своего спасителя. «А... он ведь очень красивый мужчина», – отметил купец. И он понял, что парень понравился дочери с первого взгляда. Такой поворот дела не входил в его намерения.

Когда дочь, уходя, бросила на раба лукавый взгляд, купец, отбросив в сторону всю щепетильность, подошел к нему и начал разговор:

– Я тебе благодарен за спасение самого дорогого существа для меня. Не скрою, по ее настоянию я выкупил тебя. Она просила, чтобы я дал тебе свободу, что я охотно и делаю. Ты – свободная птица, куда хочешь, туда и летишь. Скажи мне: что бы ты хотел?

Казак, не раздумывая, ответил:

– Догнать товарищей.

Купец опустил голову и улыбнулся: «Какой непрактичный человек! Неужели он не понимает, что я дам ему столько, сколько он запросит. А получается, что ему от меня ничего не надо!»

– Хорошо, – произнес он, – ты догонишь своих... А как тебя звать? – спросил хозяин.

– Андрей, – ответил он.

– Так вот, Андрей, ты должен поговорить с моей дочерью, убедить ее, чтобы она тебя отпустила. Если она согласится, я дам тебе самый быстрый корабль.

Андрей не ожидал, что ему придется уговаривать свою освободительницу. Она ни в какую не хотела его отпускать. До его сознания стало доходить, что это неспроста. И стоило ему согласиться... Нет, об этом не хотелось и думать! Ему дороже его товарищи и... После долгого и тяжелого разговора Андрею удалось убедить девушку отпустить его. Но при расставании она ему призналась, что он вошел в ее сердце и для него оно будет всегда открыто. Они тепло попрощались.

Купец Андрея не обманул. Действительно, он дал ему трехмачтовую будару. Зухра долго стояла на борту, и в ее больших, черных с искоркой глазах были видны неподдельные слезы. Отец, стоявший рядом, в хмурости прятал радость.

Корабль довольно долго рыскал по морю, прежде чем смотрящий прокричал:

– Вижу ладьи!

Андрей быстро вскарабкался к нему на мачты и увидел впереди многочисленные точки. Так выглядели чайки на расстоянии.

– Это они! – радостно закричал Андрей.

Капитан приказал добавить парусов. И судно понеслось точно на крыльях.

– Атаман, – слышался голос, – нас вроде догоняет чья-то будара.

Головы казаков, слышавшие этот голос, повернулись как по команде. Да, их явно преследовали! Тотчас с кошевой чайки последовал приказ атамана. Сигнальщик крутил двумя папахами круги. Знак того, чтобы заходить на преследователя с обеих сторон.

Андрей увидел этот казацкий маневр, понял, что хотят казаки. Но было бы нечестно с его стороны способствовать захвату будары. Капитан и его люди искренне хотели помочь ему найти своих друзей. Он и сказал об опасности капитану, попросив у него лодку. А Андрей дал им совет развернуться и быстрее уходить. Капитан был старый моряк, знал, чем может кончиться эта встреча с казаками, приказал

спустить лодку. «Лучше ею пожертвовать, чем всем кораблем», – подумал он. Они попрощались, и Андрей поплыл навстречу друзьям.

Неожиданная встреча была ошеломляющей. Наказной атаман оказался жив! Это просто чудо. В таком кипящем море ой как трудно спастись. Однако это случается. Помимо этого, ему дали корабль. За какие заслуги? Когда прошли первые минуты горячей встречи, этот вопрос встал сам собой. Андрей, не таясь, все рассказал. Многие казаки с одобрением слушали его. Но не все. Нашлись днепровцы, которые осудили Андрея: он заступился за басурманку и обидел казака. Начался спор. Послышались голоса:

– На реи его!

Это была не шутка. А такие голоса – не одиноки. Многие посчитали, что такой поступок унижает казацкое достоинство. И атаман решил провести раду.

Вот так. Из огня да в полымя. Эта весть докатилась и до донских сябров. Похоже, они растерялись. Пытливо и вопросительно смотрели друг на друга: «Что, мол, делать?» Первым поднялся Митяй.

– Казаки! – почти крикнул Митяй, перебивая шум волн.

Донские чайки подгрести к ладье.

– Друзеки! – продолжает Митяй, когда те приблизились. – Че они там думают! Да мы нашего атамана в обиду не дадим.

– Не дадим! – громовыми голосами поддержали донцы.

Их глас доносится и до кошевой чайки, вокруг которой собрались днепровцы. Донцы дружно «пришвартовываются» рядом с днепровцами.

Как можно громче атаман вновь, видя донцов, объясняет причину проведения рады. Только он кончил, поднялись дончаки:

– Защита дивчины – высшая честь для казака.

– Она с ножом не налетала.

– Мы своего атамана в обиду не дадим! – сказано было твердо.

Чего не ожидал днепровский атаман – донцов поддержали многие днепровцы. Эти праведники казацкой чести оказались в меньшинстве. Атаман, подняв руки, провозгласил:

– Быть, казаки, по сему! Вперед!

Горячо встречали донцы возвращение атамана, дивясь между собой такому его появлению. Уже находясь в своей ладье, Андрей узнал, что в бурю у них пропала одна чайка, а у днепровцев, по

слухам, три. А еще сказали, что долго их искали, но увы. На что Андрей сказал:

– Пути Господни неисповедимы, може, еще и встретимся, – и сел за весло.

О приближении Африки говорили все чаще встречавшиеся корабли. Вот один, большой, неуклюжий НЕФ так и прет на них. Да напрасно! Как пчелы матку, окружили они корабль. С треском врезались их кошки в борта корабля.

Стража перебита, дело за поиском добычи. И она находится быстро. Золото! Вез его, видать, купчина в Европу, чтобы им торговать. Не повезло. Корабль вскоре пустили на дно с оставшимися людьми.

Наконец раздалось долгожданное:

– Земля! Земля впереди!

ГЛАВА 36

Уже какой день после отъезда Андрея его Дружбан как неприкаянный слонялся по кошу. Его вид говорил, что кобель сильно переживает разлуку с хозяином.

Проходя мимо этого куреня, атаман каждый раз видел пса. Тот напоминал ему об Андрее. Вроде недолго он с ним общался, а вот не стало казака, так словно чего-то важного он лишился.

Поход днепровцев заставил задуматься и Семена. Не пора ли и ему организовать новый поход за зипунами? Сорока на хвосте принесла весть, что у сябров сменился атаман. Обвинили его в бездействии. Чего доброго, и у него могут подняться казаки. Собрал старшину и подбросил им задумку. На этот раз он решил организовать поход на присмиривших ногайских татар.

– Награбили добра, – говорил он, – вот и ленятся двигаться. Мы их заставим!

Малая рада одобрила и с этим вышла к казакам. Никто не стал и обсуждать. Стоило атаману высказать свою идею, как шапки полетели вверх. Атаман с выходом не тянул, и скоро, к радости казаков, они выступили.

Хан Темир, умный и хитрый, был взбешен, когда его тысяцкие пожаловались ему, что казаки крепко-накрепко закрыли им дорогу на Русь. Его троюродный дядя хан Узбек был болен, и он решил воспользоваться этим и наказать казаков. Оставшийся за Узбека старший сын Инсанбек был вялым, безвольным человеком. Это развязывало хану Темиру руки. Он хорошо понимал, что нападение на тех, кто стережет границы Рязанского княжества, особенно ничего не даст.

– Надо уничтожить логовище, чтобы у них не было возможности посылать новых казаков, – говорил он своим приближенным.

И стал готовить войско.

Перед очередным выступлением, как обычно, атаман выслал казаков поглядеть, не прячется ли где вражина. Хитрец Темир, поведя на донцов войско, решил напасть на них не с востока, как обычно делали до него, а с юга, сказав себе: «Пусть думают на ногайцев».

Мысль эта ему показалась очень удачной: «Даже если не все получится и те соберутся с силами, пусть мстят не нам».

Татарин вел войско не сломя голову. Он тоже выслал разъезд, который оказался зорче казаков. Их заметили. Скрытно вернувшись к хану, они доложили ему об увиденном. Темир прикусил губу:

– Их не трогать, – приказал он, – а нам подальше убраться. Пусть думают, что степь пуста!

Темир догадался, что казачий разъезд здесь не зря. За ним идет войско. И, судя по всему, они идут на ногайцев. В другой раз хан увел бы войско, но не в этот. Разбив казаков здесь, он легко добьет их там. Душа его возликовала: «Враг сам идет в мои руки. И я их достойно встречу!» По радостному лицу хана темники поняли: он хочет приготовить казакам ловушку! И не ошиблись. Хан приказал войскам спрятаться по изволокам, падинам. И даже в мезге. А на пути казаков быстро возвели стойбище.

И вот очередной казачий разъезд неожиданно наткнулся на татарскую стоянку. После зимы степь только начала оживать. Изумрудом покрывалась земля, а воздух наполнился нескончаемыми птичьими трелями. Легко бежали застоявшиеся кони. Седоки, радуясь нежным солнечным лучам, подставляли им полуголые тела. На лицах – радость от такого дня и беспечность от уверенности, что они здесь одни. Эх, казак, ты же в степи! А в ней хозяин степной человек, который не хуже тебя: и терпелив, и вынослив, да и схорониться может – мимо проедешь и не заметишь. Да куда там! Хочется ли об этом думать! Смотри, какое радостное, доброе солнышко!

В степи, по всей видимости, никого не ждут. Уж больно мирно выглядит она. Дымят костры, рядом пасутся табуны. И недосуг им, что на далеком кургане татарский хан с тургаудами поджидают их, казаков. Зоркие, хоть и узкие глаза хана хорошо видят, как казаки втягиваются в его ловушку. Придерживает хан нетерпеливую лошадь, с улыбкой поглаживая ее шею, а сам думает: «Ну, входите, входите!»

Но осторожен атаман казаков. Дозоры выслал на ближайшие холмы. Но не увидели те противника. Все предусмотрел хан, только одного он не мог предвидеть. Увязался с казаками Дружбан. Как ни пытались его вернуть, ничего не помогало.

На четвертый день пути псина вдруг повела себя беспокойно. Дружбан часто останавливался, словно к чему-то прислушиваясь.

Неслышно тянул воздух широкими ноздрями.

– Никак что-то чует псина! – стали замечать казаки.

– Да что может быть! Разъезды-то ничего не видели, – говаривали другие.

И вдруг пес сорвался, точно его ужалила оса.

– Куды это ен? – слышались голоса.

– Да сучку почуял!

Сучкой этой оказался... татарин, которого, перекусив шею, волок пес. Атаман вмиг сообразил, что к чему.

– Казаки! – заорал он, – в обло!

Произошло замешательство. Казаки плятятся по сторонам:

– Степь пустынна. Че ето с атаманом?

А он орет:

– Мать вашу! В обло!

Начался перестрой. И тут засвистели безжалостные татарские стрелы. Казаки попадали на землю, прячась за коней. Атаман закрутил головой. Ему пришла мысль. Но кому сказать? «Эх, жаль, что отпустил Андрея!» – сожалел он. Тут под руку попался Хист. Атаман дал ему сигнал, чтобы подкрался ближе. Этот ловкач в момент оказался рядом.

– Бери пару полков и скачи назад. Татарин за тобой не погонится. Он не готов к скачке. Да и подумает, что ты струсил. Обойдешь и надесно. Когда солнце подойдет к тому кургану, – он показал на далекий холм, – пойдём на слом. Смотри, не напутляй!

– Не, – ответил Хист и по-змеиному пополз к казакам.

Хан, увидев, как улепetyвает часть казаков, приказал их не преследовать, чтобы этих не упустить. Темир был доволен тем, что большая часть отряда осталась. И он решил, уничтожив их, добраться и до остальных.

Трижды татары ходили в атаку. Пешие они гораздо слабее, чем на юрких коняшках. Казаки легко отбивали их атаки. Поняв это, хан приказал седлать коней. Атаман видел, как перестраивалось татарское войско. Это уже пахивало опасностью. Но и солнце все ближе и ближе приближалось к заветному кургану. И вот оно повисло над ним. Вот-вот он услышит казацкое «ура» и сам пойдет на слом.

– Готовсь, казаки! – несется его команда.

Но что это? Нет Хиста, нет казаков! «Уж не отпадчина ли это?» – проносится в голове атамана. Эх, в какой раз он вспоминает Андрея.

Видно, как на соседних возвышенностях собираются конники. Татары готовятся к атаке. Сейчас в самый раз ударить им с тыла. Но нет Хиста. Горе!

– Казаки! – поднялся атаман, – силы наши неравны! Хист с полками где-то затерялся. Нам надеяться не на что. Я здесь остаюсь и задержу их. Кто со мной? Остальным – в кош. Татары пойдут туда! Не губить же нам казацкое дело!

С ним захотели остаться все. Но он, отобрав две сотни, остальным приказал уходить.

И горстка людей пошла на слом против тысяч. Рубка завязалась отчаянная. Даже татары, у которых очерствели сердца за долгие годы непрерывных битв, и то содрогнулись от решительных действий этих казаков. Дважды они обращали татар в бегство. Взбешенный хан бросал против них все новые и новые силы. Но казаки срывали все его намерения. Теперь уж не до погони. С этими бы справиться.

Рубка продолжалась. Навалена гора татарских тел. Но и казацкий отряд таял на глазах. Уже с десятков человек бились рядом с атаманом. Пал еще один, еще... И вот он один! И вдруг атаман услышал долгожданное казацкое: «Ура!» Он увидел в последний миг, как дрогнули и побежали татары. Падая, с его губ сорвалось:

– Отпадчик!

Его слышали. Услышал раненый казак. Услышал и... потерял сознание.

ГЛАВА 37

– Земля! – понеслось от чайки к чайке.

По этому случаю старшину собрали на атамановой ладье. Нужно было провести круг. Место Андрею досталось вдали от кошевого. Тот это заметил и сказал:

– Иди ближе! – затем обратился к рядом сидевшему казаку. – Есаул, уступи место.

Есаул послушно встал и пересел на место Андрея.

– Друзеки! – проговорил кошевой, – перед нами земля. Я понимаю, что казак соскучился по суше. Но... чужой край. Давай думу думать, как поступить.

– Че думать, кошевой! Поступим, как поступали наши батьки и деды.

– Я че-то не помню, чтоб они сюды хаживали, – кошевой поправил саблю, лежавшую на коленях, – знаю, бывали в Синопе, Трапезунте, добирались до Царьграда. А чтоб сюды... ни.

– Кака разница. Вышли и пошли вой на вой, – не сдается тот же голос.

Кошевой усмехнулся:

– На кого и куды?

Тот опять посмотрел на соседей. Один из них дернул его за рукав:

– Садись!

– Казаки! Че воды в рот набрали?

– Дык разведать надобедь, – предложил жилистый батька, надвигая папаху на глаза.

– Надобедь, – соглашается кошевой и спросил: – Кто пойдеть? У вас есть, кто язык енный знаить?

Батьки поглядели друг на друга, пожали плечами.

Кошевой не вытерпел:

– Я не доглядел, виноват. Но а вы-то че? Почти год перед етим готовились.

Опустили батьки головы. Поднялся Андрей.

– Друзеки-казаки! – он поклонился, – дозвольте слово молвить. Нам надоть отойти, чтоб с берегу не видели нас.

Батьки закивали.

– Мне подберем лохуны, – продолжил Андрей, – ночью высадите на берег, я все разузнаю и ночью подам сигнал, зажгу багатицу, меня заберете.

– Язык-то знаешь? – спросил кошевой и тепло посмотрел на него.

Андрей в ответ только кивнул.

Гребцов на чайку подобрали таких, кто умел неслышно работать веслом. Андрею из-за его роста еле-еле подобрали одежонку. В гаман насыпали деньгу. Андрей заткнул его за широкий пояс. Воткнул туда и нож. И чайка понеслась к суше. Приблизившись к берегу, Андрей поднял руку. Гребцы осушили весла и стали тщательно всматриваться в темноту. Не заметив ничего подозрительного, Андрей махнул: мол, давай к берегу!

Острый нос зашуршал о песок. Все выскочили из ладьи и, рассыпавшись по берегу, прилегли, еще раз тщательно все оглядывая. Но берег был пустынен, ничего подозрительного не было видно.

– Ну, с Богом! – сказал один из гребцов.

Они обнялись. Гребцы вернулись на ладью, а Андрей пошел от берега. Сбросив затертую суму, он достал из нее подстилку и лег под каким-то кустом.

В темноте Андрей с трудом мог разглядеть землю, но она показалась ему ничем не отличимой от родной. А вот воздух сильно отличался. Несмотря на ночь, Андрей словно попал в неостывшую печь. Такая была жара. И все же, растянувшись на земле, он почувствовал такое неопишное счастье, что ему захотелось даже вскочить и закричать во всю мощь своих легких:

– Какое счастье иметь землю под ногами!

Но сдержался. Все же многодневная усталость брала свое.

Проснулся Андрей, когда наступил день. И вдруг пришло воспоминание, когда его на берегу окружили всадники. Он приоткрыл глаза. Перед ним никого не было видно. Привстав, огляделся кругом. Вдали увидел каменистую гряду, а рядом шествовал какой-то обоз.

Повозки выглядели странно. У них были большие колеса и тащили их как будто быки. Повозки были загружены доверху, и он понял, что они направляются в какой-то город. И Андрей решил идти за ними следом.

– Пресвятая Богородица, не оставляй меня своей милостью! – перекрестившись, он поднял суму, засунул туда подстилку и зашагал по дороге вслед за обозом. Почувствовав голод, достал кусок вяленого мяса, сухарь. На ходу поглотав их и запив глотком воды, он зашагал бодрее. Он был счастлив от пребывания на земле.

Через какое-то время обоз остановился. Люди разожгли костер и что-то начали готовить. Ему пришлось их ждать. Андрей сел у дороги, снял чуйки. В них было тяжело идти. Сильно потели ноги. Он встал и сделал несколько шагов. Земля была горячей. Но, пообвыкнув, понял, что идти так гораздо легче.

И вот караван поднялся и двинулся в путь. Как завидовал он погоняльщикам, сидевшим наверху. Неожиданно обоз остановился. Люди спрыгнули с повозок и, что-то громко обсуждая, собрались вокруг одной из них. Андрей решил этим воспользоваться и подошел к ним. Оказалось, что погонщик уснул, и колесо свалилось с оси у этой повозки. Чтобы его надеть, надо было разгрузить повозку. Видать, браться за эту работу мужчинам не очень хотелось. Каждый из них подходил к повозке, пытался поднять, но не мог даже оторвать от земли. Андрей, видя их возню, подошел поближе, поплевал на руки и поднял ее. Те остолбенели.

– Эй, – крикнул он по-турецки, – одевайте!

Погоняльщики схватились и быстро надели колесо. Так они подружились.

На следующий день они прибыли в город. Погоняльщики довели Андрея до рынка, где он якобы должен был искать своих, от которых отстал. При расставании старший караванщик сказал Андрею:

– Не найдешь, приходи к нам. Место найдется, – и показал дом, где они остановятся.

Андрей вошел на рынок. Его удивлению не было предела. Такого разнообразия продуктов ему не приходилось видеть. Много он видел в первый раз.

Кончились продукты, пошли разные изделия и товары. О господи! Чего только здесь нет! Вот ряд с золотыми украшениями. Забрать – на всех хватит. Пройдя этот ряд, почувствовал запах конюшни. Оказывается, он попал на конский базар. До казачества Андрей не умел ценить коня. А вот они научили. Да, ничего не скажешь! Отменные тут кони! Вот красавец! Тонконогий, с небольшой головой и

умными глазами. А масть! Ветер, не конь. Не удержался казак, подошел.

– Сколько стоит? – спросил Андрей, похлопывая конягу по гибкой спине.

Хозяин покосился на не очень богато одетого турка и ответил:

– Тысяча акче! Будешь братъ, уступлю.

– Ладно, скажу хозяину, – ответил Андрей.

Тот презрительно на него покосился, но ничего не сказал.

Все было здесь так интересно, что не хотелось уходить. Но Андрей не забывал и о своем долге. Он решил осмотреть крепостные сооружения, узнать, где темница. «Рабы могут помочь. А если есть христиане, помогут освободить», – подумал он. Восточную часть крепостной стены он видел, въезжали с другой стороны. Заметил, что ворота окованы железом, не враз поддадутся. «А как со стороны моря? Расспрашивать нельзя, вызову подозрение. И так хорошо, что принимают за турка», – думал он.

И со стороны моря крепость оказалась неприступной. Высокая стена, много стражи. Да и ворота такие же крепкие, как и восточные. Выглянув за ворота, увидел, что земля застроена лачугами. Они были крыты какими-то высохшими растениями. «Гореть будут, как снопы», – подумал он, познав казацкий прием. Потом пошел в сторону моря, которое плескалось в полуверсте от рынка.

Возвращался казак, когда стемнело. Андрей заметил, что здесь ночь наступает гораздо быстрее. Он ускорил шаг, чтобы засветло попасть в приглашенный дом. Когда Андрей вошел, все погонщики успели устроиться и готовились ко сну.

– Эй, – раздался чей-то голос.

Андрей посмотрел в ту сторону. Поднялась жилистая рука. Он подошел и увидел: это был погонщик, у которого в повозке спало колесо.

– Ложись! – и он раскатал подстилку, лежавшую рядом. – А я знал, что ты придешь, – сказал он и спросил: – Есть хочешь?

Андрей отрицательно покачал головой и произнес:

– Пить.

– Вон там ключ, – показал он на угол двора.

Подойдя к нему, Андрей увидел в земле вырытую ямку. В нее была вставлена трубка, из которой тонкой струйкой бежала вода.

Подставив ладони, Андрей терпеливо ждал, пока она наберется. Вода была холодной. Парень давно не испытывал такой благодати. Напившись от души, он улегся рядом с погонщиком.

– Меня зовут Мамед, – зашептал сосед на ухо, – а тебя?

Андрей растерялся. Ни одного заграничного имени он не знал. И тут на ум пришло имя купца, у которого он спас дочь. Слышал, как его называли стражники.

– Дурсун, – ответил он.

– Хорошее имя, – сказал Мамед, – богатым будешь.

На другой день, с утра, Мамед куда-то отлучился. Вернулся он с двумя мисами в руках, наполненных пахучим принчем с небольшими кусками мяса. Еда была вкусной, хотя красный турецкий перец обжигал рот.

Мамед после еды спросил у Андрея, знает ли он этот город. Получив отрицательный ответ, вызвался его провожать.

– Все равно, – сказал он, – пока мой хозяин не продаст товар, не купит другой, чтобы продать дома, мы не поедem. А это дней пять, не меньше. Так что я могу с тобой походить.

Андрей улыбнулся и предложил:

– Пошли лошадей смотреть.

– Пойдем!

Подходя к рынку, Андрей, смущаясь, спросил:

– А тысяча акче – это много или мало?

Но Мамед не успел ответить, как воздух огласил чей-то душераздирающий крик:

– Спасите! Грабют!

Кто-то кричал на чистом русском языке. Неведомая сила бросила Андрея на крик. Мамед еле поспевал за ним. Когда они подбежали, то увидели, как два стражника куда-то утащили мужика.

– Товар, мой товар! – плачущий голос так и резал Андрея.

– Не трогайте его! – требовательно произнес казак.

Стражники от такой наглости опешили.

– Ты кто такой? – нашелся один из них.

– За что вы его волокете?

– Не платит тамгу.

– Сколько он должен?

Стражник назвал какую-то цифру. Андрей не понял и посмотрел на Мамеда.

– Тридцать акче, – пояснил он.

Андрею пришлось доставать гаман. Посмотрев на мешочек, наполненный деньгами, стражи как-то подобрели и уже заискивающе посматривали на этого богатея. Парень протянул руку с деньгами Мамеду, тот выбрал монету и подал им. Стражники не только отпустили виновника, но и низко поклонились Андрею.

– Ты кто будешь? – спросил Андрей по-русски.

У того глаза полезли на лоб.

– Русский? Ты тоже русский?

– Да, да. Так кто ты?

– Купец, из Рязани. Бурок. Только не Микита, а Яков.

– Ниче тя занесло! – воскликнул Андрей.

– О! тута товару... море! Дешев!

– За морем телушка – полушка, да рубль перевод! – сказал Андрей, усмехаясь.

– Все окупится, все!

– Деньга-то есть?

Купец засмутился, оглянулся по сторонам:

– Есть!

– Так че ты не отдал?

– Хе, – улыбнулся купец, – покажь, че есть, не отстануть. Я их натуру знаю.

– Чем торгуешь-то?

– Да мед продал, воск, меха остались.

– Меха? – удивился Андрей, – да тута жара.

– А берут, берут, – проговорил купец, – и хорошо, ой хорошо платют. Так че я денька через два поплыву назад.

Андрею вдруг представилось, как его ладью окружают чайки.

– Ты вот че, – нагнулся к его уху Андрей, – еслиф ты встретят казаки...

– Казаки?! – в ужасе воскликнул купец, – не дай бог! Я их знаю! Братец сказывал.

– Так че я хочу сказать те. Встретят, кажи им, мол, Андрей, атаман, не велел тебя трогать. Понял?

Купец испуганно кивнул.

– Ладно, земляк, я пошел. Дай бог тебе добраться до родной земли. Встанешь на нее ногой, упади на колени, поцелуй за меня, – попросил Андрей.

– Ладно, ладно! – торопливо оглядывая свой товар, закивал он.

Когда они отошли, Мамед спросил:

– На каком языке ты с ним говорил?

– На своем, – односложно ответил Андрей.

Больше Мамед к нему с этим вопросом не приставал. Они шли по узким улицам, и Андрей дивился, что все дома были каменные. Улицы и те выложены камнем.

Низенькая оградка, за ней двухэтажный домик. Во дворе несколько деревьев. Стены дома увиты чем-то наподобие хмеля. Висят какие-то ягоды.

– Вот, – тронул его за плечо Мамед, показав рукой на приземистое каменное здание с плоской крышей и без окон, прошептал: – темница! Пошли скорее отсюда.

Андрей запомнил место.

– Тут рабы, которых привозят на продажу? – спросил Андрей.

– Не, – ответил Мамед, – они в другом месте.

– После покажешь.

– Слышь, Дурсун, – обратился к нему Мамед. – Ты спросил про коня, стоит он, мол, тысячу акче, много это или нет? Много! Пошли, я сторгую тебе и за триста. Вижу, ты не торговец. Тебя, наверное, держат колеса у повозок ставить, – сказал и сам рассмеялся своей шутке.

Рассмеялся и Андрей.

– Пошли, – сказал он.

И они направились в сторону конского базара.

– Вот, – подвел он Мамеда к понравившейся лошади.

Тот оценил ее цепким взглядом. Хозяин забеспокоился. Он понял, что пришел знаток. Мамед не стал, как это делают многие, заглядывать животному в рот. А начал ощупывать колени.

– Слабы, конь долгой скачки не выдержит, – определил он.

– Ты что говоришь, – подскочил хозяин, – да он...

– Не мешай, – деловито заметил Мамед, щупая уже ребра, – жестковатые, – бросил он, – могут быстро сломаться.

– Да что ты... – замахнулся владелец.

Но Мамед был не из пугливых и попер на него:

– Ты что привел больную лошадь, да еще не даешь ее осмотреть. Люди! Смотрите, какой пройдоха.

– Че орешь? – заволновался хозяин, поглядывая по сторонам. – Хочешь купить?

– Да. Сколько просишь?

Хозяин покосился на Андрея. Вспомнил, сколько запросил у него, и цену сбавил.

– Семьсот! – сказал он.

– Нет! Триста, – стал ощупывать хребет.

– Ладно! Пятьсот!

– Нет, триста! У него позвонки расходятся.

Продавец даже не знал, что делать. По его лицу было видно, что он сильно растерялся. А покупатель уже осматривал конские зубы.

– Вишь, чернота, – поворачивая к нему лошадиную морду, говорил Мамед, – зубы скоро будут выпадать.

– Ладно! – ругая себя, что сам как следует не осмотрел конягу, насупившись, сказал продавец. – Берите за триста.

– Давай! – Мамед повернулся к Андрею.

Парень достал гаманок, отсыпал на руку часть деньги и протянул ее Мамеду. Тот взял три золотых монетки и подал хозяину. Он растерянно смотрел то на деньгу, то на Мамеда, то на Андрея.

Мамед понял.

– Немало, – сказал он, – золотые.

Хозяин вздохнул и сунул их в карман.

– Бери! – Мамед подмигнул Андрею.

Парень взял узду, и они пошли прочь. Отойдя, Мамед рассмеялся. Засмеялся и Андрей.

– Знаешь, – произнес Андрей и предложил: – ты мне сохранил много деньги, пошли, выберем и тебе коня.

Назад они вернулись на лошадях. Старший погонщик, узнав, в чем дело, посмотрел на Андрея таким заискивающим взглядом, что, кажется, намекни тот, и он упадет на колени. В казачестве такого никогда не увидишь. Там, есть или нет у тебя деньги в кармане, все считаются равными. Ложась спать, Андрею на ум почему-то пришел давний разговор с Курбатом. Он рассказывал, как казаки узнавали, что творится в городе, много ли дружины. Надо идти в кабак. За скляницей любой развяжет язык. А еще женщины многое знают.

На следующий день они с Мамедом зашли побаловаться местным винцом. Пришлось впервые подержать на коленях и красотку, подарив ей связку. В знак благодарности она рассказала не только о богатеях, но и о бее, и где его златница. Домой друзья возвращались, поддерживая друг друга.

Андрею оставалось выяснить только одно: где лучше схоронить чайки. И он организовал прогулку на лошадях, выбрав для этого восточный, от города, берег. Но ничего подходящего не нашел. Назавтра, чтобы не вызвать подозрение, они опять пошли слоняться на базар. Проходя один из рядов, вдруг услышали необычайный гром при ясном голубом небе.

Андрей загорелся:

– Пошли посмотрим.

Около продавца этой диковины толпился народ. В руках у него была непонятная трубка, куда он засыпал что-то похожее на песок, только черный. Потом заталкивал туда гальку. Направлял на доску и подносил огонь. Следовал громкий раскат. Гальки пробивали доску. Вещица почти ничего не стоила: двадцать акче. Андрей купил эту трубку и бочонок черного песка.

Под предлогом позаниматься с покупкой они поехали на западное побережье. Потом Андрей предложил «размять» коней. Мамед охотно согласился. При погружении бочонок выскользнул из рук погонщика. Просыпалась часть песка. Виноватый Мамед стал сгребать его в кучку. Увидев, что черный песок смешался немного с настоящим песком, Андрей сказал:

– Оставь его. Забросай камнями!

Мамед исполнил. Немного отъехав, Андрей почему-то захотел эту кучку поджечь. Он вернулся, достал мусат, высек огонь и, не захотев слазить с коня, бросил трут на кучку. Едва тряпица коснулась черного песка, как раздался гром, и камни со свистом разлетелись. Один, маленький, ударил ему в руку и поранил до крови. Да еще конь, напуганный таким шумом, едва не сбросил Андрея. Мамед оторвал от своей рубахи клоч материи и обвязал рану. Рана ныла, и им пришлось вернуться и искать лекаря. Обработывая рану, лекарь удивленно поглядывал на пациента, который сидел с невозмутимым лицом и задумчивым взглядом. Андрей подумал, что делать с черным песком, который может так расшвырять камни, но пока не мог найти ответа.

Думал и о том, что пора возвращаться. За это время он успел выяснить многое: какова охрана, где у бея дружина, где осужденные и где рабы. Не мог решить лишь, как разбить ворота. Больших, мощных деревьев в округе не росло. Или они ему не попались на глаза. А бить худым бревнышком – что заливать кубком пылающий курень. И вдруг его осенило, а что, если...

Вечером страшный грохот разбудил хозяина. На месте двери зияла пустота. А та, разбитая на куски, разлетелась по опочивальне. Утром, разобравшись, кто виноват, хозяин в ярости всех выгнал. И только хорошая деньга, данная ему Андреем, успокоила хозяина. На такие деньги можно было не только восстановить дверь, но и построить новое жилье. И он смиловивился и разрешил постояльцам вернуться. Но они его отходчивостью уже не могли воспользоваться и оставили ее до следующего раза. Хозяин Мамеда приказал грузиться и возвращаться домой. Андрею жалко было расставаться с Мамедом, тот пришелся ему по душе, но...

Андрею оставалось определить место, где схоронить чайки, – и налет готов. Прощальная прогулка на лошадях с Мамедом. Андрей подметил затон, подходящий для чаек. Глухое место, рядом ни души. Он радостно вздохнул. «Сегодня ночью зажгу багатицу. Меня, поди, заждались», – решил Андрей.

Попрощавшись с Мамедом и дождавшись, когда караван скроется за очередным поворотом, он направился на рынок и купил у удивленного араба пару бочонков с его необычным песком. Ночью парень надежно спрятал эти бочонки у затона. Все! Можно зажигать!

И вот Андрей среди своих. Вновь старшины на чайке кошевого. Предложения Андрея поразили присутствующих. Даже кошевой громко крикнул и развел руками:

– Зубец! Одно слово!

Андрей нарочно умолчал только об одном: о взятии ворот. Один из старшин этого не упустил. Ответ всех поразил, хотя был неясен.

– Откроем! – вот и все.

Бей этого города имел привычку проверять в ночное время стражников, взбираться на крепостную стену, осматривать примыкающую к городу местность. Покажись ему что-то подозрительным, как вмиг летели туда воины.

И в эту ночь страдавший от бессонницы бей приказал слуге подать коня и вызвать стражу. Оседлав лошадь, он посмотрел на небо.

От дворца бея дорога вела на север и упиралась в морские ворота. Бей считал это место самым опасным. Он боялся пиратов, которые нападали на прибрежные города. Но всегда их действия были одинаковы. Они врываются в порт на кораблях, высаживались, штурмовали стены и врываются в город. Вдоволь награбив, пираты, как приливные волны, откатывались на суда и уходили в море.

Подъехав к воротам, бей нашел стражу бодрствующей. Старший бегом подбежал к подъехавшему бею и доложил:

– Достопочтенный владыка! У меня все спокойно.

Бей покачался в седле и, тяжело занеся ногу, спрыгнул на землю. Вдали виднелись темные силуэты кораблей, забивших гавань. Это радовало бея. Чем теснее там от разных судов, тем больше денег сыплется в его карман. Спокойно, по морской глади, убегала вдаль лунная дорожка, как бы говоря об отсутствии тревоги и беспокойства. «Вот так бы всегда!» – подумал правитель и пошел к лестнице.

Выслушав полагавшееся по его чину приветствие, бей опять поднялся на стену. Дорога, отшлифованная многочисленными телегами, сновавшими взад и вперед, давала свинцовый отблеск под лунным светом и была пустынна. Скользя взглядом по облепившему ее жилью, он не заметил ничего тревожного. Жители мирно почивали. Бей даже позавидовал им: ничто не нарушало их сон.

Вдруг под воротами послышалась какая-то возня. Бей перевесился через стену. Его зоркий глаз смог разглядеть пару человек, которые возились внизу.

– Что они делают? – спросил бей, обращаясь к старшему.

– Да путники ждут, когда утром мы откроем ворота.

– Ааа! – понятливо протянул бей.

Но вновь склонился через стену и увидел какой-то огонек. Это была точка, которая медленно ползла к воротам.

– Озоруют они там у тебя, – выпрямляясь, сказал бей и направился к лестнице.

Держась за поручень, он успел спуститься до половины. Это и спасло его.

Раздался непонятный грохот, какая-то сила сбросила бея с лестницы, швырнув в росший недалеко кустарник. Ударившись обо

что-то головой, бей потерял сознание. И он не смог услышать слова:

– За работу, дитки, до брони!

То был глас кошевого.

И ответ казаков:

– За веру и Сечь-матку!

Спокойно стоявшие до этого домишки запылали многочисленными огнями. Раздался чей-то первый вопль. Его подхватили сотни и сотни голосов. А какая-то сила врывалась, словно поток, через разбитые ворота в город. И была эта сила страшна своим видом. Люди в мохнатых шапках, с блестящими от пожаров саблями рубили все живое, что попадалось на их пути. Одну группу вел молодой атаман. Его люди разбрасывали факелы, и город охватывал пал. Крики, вой, стоны, проклятия. Атаман уверенно вел своих людей. Вот и темница.

– Сбивай замки! Выходите, вы свободны! – провозгласил он. – Кто хочет, пошли с нами!

А вот и рабница. Там сидят те, кто ждет очереди быть проданным. Над ямой, где сгрудились рабы, появился огонь.

– Христиане есть? – слышится сверху незнакомая русская речь.

– Есть!

В этом крике слышалась вдруг родившаяся надежда. Вниз летит веревка:

– Давай наверх.

Поднимается рослый, плечистый парень. На нем остатки некогда богатой одежды. Но спрашивать, кто он такой, некогда. Только вопрос:

– Желаете с нами?

И ответ:

– Да!

Ему тут же суют саблю в руки, и отряд двинулся дальше.

Рабы полезли вслед за христианином, чтобы влиться в ряды неожиданных освободителей. Только они не испытывали пьянящего запаха крови и не рубили своих несостоявшихся господ, а побросали их в яму, откуда только что выбрались сами.

Очнувшийся бей сразу почувствовал что-то неладное. Пересиливая боль от ушибов, он приподнялся. И перед его глазами предстала страшная картина. Город был объят пламенем, и бегали

какие-то страшные вооруженные люди. Поняв, что на город совершенно нападение довольно сильного врага, бей лихорадочно стал думать, как ему выбраться из города. Он с трудом поднялся и понял, что ему далеко не уйти. Болела нога, ломило спину. На счастье, лошадь оказалась поблизости.

Бей с трудом взобрался на коня и окружным путем поскакал к месту проживания воинов. Его появление в разодранной одежде, с многочисленными ссадинами вызвало у них настоящий шок.

– Чего смотрите? – завопил бей. – Враг в городе! За мной!

И вот почти восьмитысячный отряд несется по узким улочкам. Но что за враг, откуда он взялся – неизвестность мучила каждого воина. И вот они встретились. Таких воинов они еще не видели. Это какое-то исчадие ада. Огромные, в мохнатых шапках, а усищи, как плети. Эти «чудища» так яростно, так злобно напали на них, закупорив улочку, что передние ряды тотчас дрогнули и пытались остановить коней. А задние, не зная, что происходит впереди, напирали на них. Образовалась истинная мясорубка. Воины давили друг друга. Слуги едва спасли спешившегося бея, вытащив его из свалки.

Придя в себя, он заорал, чтоб те обходили противника. Пока они разбирались, на помощь врагу подскочили еще воины и стали избивать бейских дружинников. Видя, что его воины не смогут оказать сопротивление, покусывая от злости губы, бей бросил «поле боя» и, воспользовавшись тайным ходом, выбрался из города.

Побоище длилось до утра. Остатки бейских воинов, поняв, что терпят полное поражение, бросились врассыпную. Мало кому удалось выбраться живым.

Андрей направил своих людей на рынок, туда, где торговали золотыми изделиями. Раскрыв горластые чувалы, они со смехом: «Собираем тамгу!» кидали туда золотые изделия. Обобрав рынок, ринулись за «тамгой» в богатые кварталы. Набив чувалы, немедленно отправляли их на чайки. Настала пора и душу потешить. Выкатывались бочки с вином. Тут же на улицах запылали багатицы, резали скот, жарили на углях мясо, кохали «подруг».

Андрей с внутренним отвращением смотрел на происходящее, стараясь быть подальше от всего этого. Не бросали Андрея и его друзеки. К ним прибился освобожденный из ямы русский. Рубясь и спасая друг друга от пик и сабель бейских воинов, они успели узнать

имя этого пленника. Звали его довольно странно: Роберт. Но он доказал, что был хорошим воином, и чувствовалось, что может стать и хорошим другом. Роберт сказал Андрею, что есть бейский дворец, где наверняка много разных богатств.

Дворец был почти пуст. Узнав о страшном враге, все разбежались. Попался только один старик, которого оставили за сторожа. Его спросили, где хозяин, он сделал вид, что не понимает. Но когда старика «тряхнули», признался, что бей ускакал за войском.

– Что, у него есть еще войско? – спросил Андрей.

– Есть, – ответил старик, – и много!

Это заставило Андрея насторожиться. Потеха затягивалась и могла плохо кончиться. Роберт оказался прав, богатства во дворце было много. Встревоженный сообщением, Андрей разыскал кошевого. Тот вопреки обычаю: атаман всегда трезв, не выдержал, предался плотским утехам. Правильно говорят: добиться атаманства нетрудно, трудно им быть. Андрей нашел его в обществе двух прелестных созданий. Прогнав их, Андрей пытался внушить кошевому, что пора прекращать разгул и надо думать о возвращении. Рассказал и об удравшем бее, который приведет сюда новых воинов.

– Ты, – он пьяно ткнул в грудь Андрея, – меня, днепровца, учишь? Да я...

Он потянулся за саблей и упал. Андрей кивнул Митяю: «Возьмем». Они выволокли его к колодцу и принялись обливать ледяной водой. Не сразу кошевой пришел в себя. Наконец, когда хмель вылетел, ему напомнили, кто он и почему надо прекращать разгул и думать о возвращении. Только теперь до него дошло, что бей бежал из города и может вернуться с войском. Кошевой вдруг напал на Андрея: почему он позволил бею бежать. Андрей спокойно выслушал. Окинув его презрительным взглядом, кивнув друзьям, бросил:

– Пошли!

До кошевого, вероятно, дошло, что сказал он не то, и догнал Андрея:

– Прости! – и протянул руку.

И они, собрав батьков и есаулов, принялись отрезвлять казаков.

Бежавший бей быстро собрал в бейлике около тридцати тысяч воинов. И вся эта громада двинулась на город. Лазутчики доносили

хану, чем занимаются пришельцы. На его лице впервые за все это время появилась язвительная улыбка:

– Пускай потешаются. За это они горько поплатятся!

Донцы оказались более дисциплинированными. Наверное, поведение атамана Андрея как-то сказывалось и на них. Андрей послал нескольких казаков разведать обстановку. Когда вернулись, их сообщение стало ушатом ледяной воды. Войска бея окружили город и заняли порт! Вскоре поступило еще одно сообщение: бей приказал вывести корабли в море. Те, которые по каким-то причинам не могли этого сделать, поджигали воины неверных.

Андрей поспешил к кошевому. Тот хмуро слушал донца, пожевывая кончик уса. Закончил Андрей словами:

– Надо срочно собрать раду.

Кошевой сразу согласился. Казаки, услышав, что они окружены, повскакивали с мест.

Когда порыв боевого настроения понемногу иссяк, начались более трезвые предложения. Они сводились к одному:

– Надо пробиваться к чайкам!

Но тут возникло сомнение: а вдруг бей разыскал их, захватил или уничтожил, поэтому надо узнать, на месте они или нет.

– Кто пойдет? – кошевой обвел присутствующих.

– Пойду я, – поднялся Андрей.

Под вечер в яму, куда бывшие пленные загнали богатых горожан, толкнули еще одного, турка. Когда стемнело, он шепотом рассказал им, что бей подошел к городу.

– Что толку, – уныло заметил один из них, – пока он его возьмет, вражина нас по одному и перебьет.

– Бежать надо, бежать! – прошептал турок.

Рискнули выйти несколько человек. Остальные были так напуганы казаками, что посчитали лучше остаться на месте.

– Что дальше делать? – спросили они, когда собрались у стен полусгоревшего дома.

– Надо пробираться к воротам, – прошептал турок и пополз в ту сторону.

Через какое-то время они оказались за воротами. От счастья спасенные не знали, как и благодарить турка. Когда они гурьбой подошли к передовому краю бейского войска, их встретил воин. Узнав,

кто такие, от радости стал их обнимать. Дошел до турка, и ему сказали, что это их спаситель. По приказу этого воина их отвели в безопасное место, дали еды и подстилки. Как только «друзья» по несчастью заснули, турок исчез со своего места. Когда они проснулись, он уже был на месте. Кто-то из них завел разговор, что зря с ними не пошли остальные. Тогда турок предложил себя, чтобы вывести оставшихся.

– Только пусть пропустят назад, – сказал он.

Это решили быстро. Правда, с ним пошел один из воинов. Они подползли почти вплотную к воротам, турок рукой позвал воина, чтобы тот был рядом.

– Смотри налево, – сказал турок, – а я буду смотреть направо.

Сопровождавший понял, что там может быть опасность. И он не заметил, как турок развернулся. В его руках блеснул нож...

Как только Андрей объявился у кошевого, все, как по команде, собрались у него.

Андрей сказал:

– Чайки на месте, казаки ждут!

Не успел Андрей закончить, как кошевой спросил:

– Войско-то много?

– Много, – ответил Андрей.

Кошевой вздохнул.

– Выхода все равно нет. Будем пробиваться. Дождемся карачуна и вперед!

Все поддержали кошевого. Андрей покачал головой.

– Че не так? – осторожно спросил кошевой.

– Надо бея обмануть!

Все переглянулись. Кошевой вопросительно посмотрел на него.

Андрей пояснил:

– Сделаем вид, что пробиваемся к гавани.

У всех округлились глаза:

– Верно. Он же туда оттянет войска.

Начать атаку решили под утро, в самый сон. Кошевой назначил старшим над казаками, отступающим к морю, одного из батьков, наказав:

– Как только бей перебросит на тебя дополнительные войска, отступайте в город и уходите вслед за нами.

Ну а до начала атаки, когда взовьется в небо хоругвь кошевого, казаки, сняв шапки, молятся. Потом атаман крикнул знакомые слова:

– За работу, дитки, до брони!

И казаки ответили:

– За веру и Сечь!

И вот за работу взялись лучшие казацкие пластуны. Вгрызаясь в землю, как кроты, извиваясь, как змеи, заползали они к вражеским сторожевикам.

Славно поработали пластуны. Теперь дело и за другими. А тут уж без шума не обошлось. Сладко спит бей в шатре. Но и до его ушей донесся шум битвы. «Эти зверочеловеки рвутся в порт! – понял он и вскочил: – Не зря я послал туда столько воинов!» Но оттуда скачет всадник. Соскочив с коня, валится в ноги бея:

– Всемиловый! – не поднимая головы, произносит: – Вели еще направить туда воинов.

Заскрипел зубами бей.

– Собака! – заорал он и выхватил саблю.

Занеся ее над всадником, вдруг остановился. «А он при чем!» – подумал бей и опустил руку. На западных воротах все спокойно. С восточных снимать нельзя. И он снял с западных.

Как только со стены увидели, что задуманное удалось, так и раздался глас кошевого. Призвал Андрей к бою и донцов. Рядом стоявший Роберт, выхватывая саблю, заорал:

– Бей сарацин!

И рубка началась. Многих вырезали пластуны. Но разве всех можно! Много, ой много их еще осталось. Они, как муравьи, липли к казаку. Рубит басурман Андрей, едва успевая поворачиваться. Рядом, не уступая атаману, бьются Митяй, Захар, новичок. Его еще не успели принять в казаки. Но видя, как он бьется, не надо будет спрашивать, владеет ли он саблей, отважен ли в бою. Вот хитрый сарацин сзади прыгает на спину атамана, занеся нож. Но опережает его Роберт. И разваленный сарацин валится на землю.

А вот и Роберт в опасности. Свистит над его головой кривая сарацинская сабля. Да Митяй успевает отбить ее, а Захар прикончить ловкого сарацина. А там Савва орудует котичем, машет им, что ветряная мельница. Снопамы ложатся сарацины от его ударов. А кто пытался убежать, крючком его доставал. Не уступал донцам и

кошевой. Старый рубака знает дело. Ну а какой казак не хочет заслужить похвалы кошевого. Настанет и мир. Как сладко прозвучат в кабаке потом слова кошевого.

Бьется казачество не на жизнь, а насмерть. Но весело, с прибаутками. А если доводилось и умирать, смерть никого не страшила! И разве мог кто устоять против такой силы! Дрогнули сарацины, открывая путь к спасению ненавистному врагу. Но недаром все знали бея еще и как провидца. Оставил он конницу в запасе. И умно оценил сложившуюся ситуацию. Те, кто наступал на порт, вдруг отошли к городу, а здесь... «О! Аллах! Да как же я не додумался раньше! Там, в том знакомом мне заливчике, спрятали свои корабли эти странные пришельцы. Нет! Я их не пущу туда!» – свирепел бей.

Радуется казак, видя, что прогон открыт для спасительного броска. Еще один напряг, и они спасены! Но что это? Застонала, задрожала земля, словно ураган надвигался. То неслась сарацинская конница. Топот все ближе. Нет, не успевает казак до спасительного затона. Сила ломит силу! Но силу можно задержать!

– Казаки! – раздался зычный голос Андрея.

Но чья-то рука легла на его плечо, не дав сказать. Он оглянулся – кошевой. Улыбается атаман.

– Здесь я решаю! – поднял он палец. – Ты, атаман, – он слегка ударил его в грудь, – доведешь казаков до родной Сечи! Так, казаки?

Казаки в знак согласия сурово склонили головы. Кошевой выхватил саблю:

– Семи смертям не бывать, а одной не миновать! За други своя! – и бросился навстречу коннице.

На слом пошла горстка казаков. Как скала встал на пути Савва. Отчаянно рубился кошевой. Сдержали они сарацинов. Спаслись казаки! Попробуй теперь в море достань их. Рассвирепел бей. Жестоко приказал казнить тех, кто попал им в руки.

На высоком прибрежном холме устроил он казнь. Вот тащат под руки окровавленного кошевого. Голова его упала на грудь. А вот ведут, обвязав веревками, два десятка сарацин Савву. Стоят вкопанные столбы. Около одного из них, готовое вспыхнуть, кострище. Привязывают казака к столбу. Кошевой с трудом поднимает голову. И глаза его наливаются слезами радости. Плывут его казаки, плывут.

– Дай бог им хорошей дороги! Прощайте, друзеки! – шепчет он.
Вспыхивает огонь. Но не чувствует казак боли! Не покажет врагу он свою слабость.

Савву ждет виселица. Но протестует казак, орет:

– Хочу умереть на железной спице. Так умирал мой дед, так умирал мой отец!

Собрал силы кошевой и крикнул:

– Прощайте, друзеки!

Крик его перекрыл шум моря. Ни петля, ни топор палача не заставят казака заплакать. А вид гибнущего товарища и свое бессилие заставят.

– Прощай, батьку!

Только на следующий год, когда весна очистила Днепр ото льда, вернулись казаки из похода. Зиму они прожили у братьев-болгар, попросив у них пристанище. На Сечи уж не ждали их возвращения и говорили, что сгинули казаки на чужой земле. Сколько радости, слез, объятий... Узнали и о гибели кошевого, Саввы и других, запели об их самопожертвовании, об их героизме. Слушала эти песни и детвора, и откладывалась в их сердцах гордость за своих предшественников, любовь к своей вере и крепости дружбы.

Родных так не провожают, как провожали днепровцы донцов. Клялись друг другу в вечном побратимстве, заверяли в дружбе и преданности. Провожали днепровцы друзеков-донцов аж до самого Белого города.

ГЛАВА 38

Степь была в расцвете красоты. Ее изумрудный ковер пестрел всеми цветами радуги. Неведомая рука постаралась от всей души.

– Друзеки! – воскликнул один из казаков Андрея. – Гляньте-ка! Красотища-то кака! Нет! Лучше нашей земли ничего нету.

Многие вторили ему и вдыхали воздух родной земли. Вот, наконец, меж холмов блеснула серебряная гладь долгожданного Дона.

– Дон! – глаза блестели от счастья.

Когда они оказались на земле, все повалились на колени, крестились и целовали родную землю.

– Дома! – неся могучий крик над рекой. – Дома! Друзеки! Даже не верится.

Дон встретил своих посланцев с растерянной радостью и с каким-то едва уловимым оттенком печали. Это чувствовалось в их словах, взглядах и даже во внешнем виде коша. Казаки были удивлены, с каким дуваном вернулись посланцы. Такого не могли припомнить и старые казаки. Не помнили они, чтобы о подобном походе рассказывали их отцы и деды.

Оттенок печали выяснился, когда Андрей, утолив казачий интерес, сказал, что поторопится к атаману.

– Соскучился по Семену, – произнес он, намереваясь идти к его куреню.

– Не ходи, – сказал один из казаков каким-то печальным голосом.

Андрей вмиг почувствовал что-то неладное.

– Болеет? – с тревогой спросил Андрей.

Казак отрицательно покачал головой.

– Что! Что случилось? – подскочил к нему Андрей.

– Гм... погиб наш Семен.

– Погиб?!

– Погиб! – подтвердили другие.

– Как это случилось? – Андрей вцепился глазами в казака.

Тот отвернулся. Другие только махнули руками и стали расходиться. Андрей переглянулся с Митяем, Захаром, посмотрел на

Роберта, словно искал у них объяснение. Роберт почувствовал, что какая-то беда ожидала Андрея и его людей.

– Друг мой, – сказал Роберт, положив руку ему на плечо, – вижу, что-то случилось.

– Да, – тяжело вздохнул Андрей, – погиб атаман.

– Хороший был атаман? – спросил Роберт.

Андрей только кивнул головой. Потом, спохватившись, поймал за локоть не успевшего уйти казака и спросил:

– Кто же сейчас атаманствует?

Казак посмотрел на него и отвернулся, бросив:

– Хист, – и пошел за остальными.

– Хист?

Что-то внутри подсказывало, что не надо пока к нему ходить. Они пошли к себе в курень. Андрей показал Роберту лежак. Новый друг оглядел жилье, чему-то ухмыльнулся и, бросив чужой чужал под лежак, вернулся к Андрею. Тот уже лег, глаза его уставились вверх. Роберт осторожно присел рядом.

– А, это ты, – и отвернулся.

«Что это с ним?» – подумал Роберт и пошел к другим друзьям. Митяй был старше Захара, и Роберт обратился к нему:

– Митяй, я вижу, как наш атаман переживает. Надо что-то придумать, чтобы увести от тяжелых мыслей.

Митяй улыбнулся:

– Он не баба, а казак.

– Казак тоже человек, – запротестовал Роберт и предложил пойти в кабак.

– Ты прав, – согласился Митяй и махнул Захару рукой.

Втроем они подошли к Андрею:

– Атаман, – сказал Митяй, – хватить слюни распускать. Пошли в кабак, трошки развеемся. Да и с казаками посидим. Узнаем, че к чему.

Наверное, последний довод сыграл главную роль. Андрей поднялся.

– Пошли.

В кабаке шел «дым коромыслом». Прибывшие с похода казаки щедро угощали. Видать, они успели что-то рассказать, потому что вошедшего Андрея встречали как героя. Устроили ему и его друзьям почетное место в центре.

– Ну, рассказывайте! – потребовали казаки.

И пошел долгий рассказ о ласковых и бурных морях, захвативших в свои объятия не одного казака. Их тут же помянули. Зашла очередь и о жарком южном солнце, о городе с каменными домами и узкими кривыми улицами, о богатом бейском дворце... Особенно все были в восторге от рассказа Митяя, как их атаман ходил в разведку.

– Здорово придумал! – в восторге заорали казаки.

– Не я, – сказал Андрей, – ен! – и показал на Роберта.

– А ты блестяще исполнил. Это гораздо труднее, – заявил Роберт.

Раздались голоса:

– Роберт – казак?

Кто-то крикнул:

– Казак!

– Нет, – вставил Роберт, – меня еще не приняли.

– Так мы щас, – заорали казаки. – В Бога веруешь?

– Верую!

– И в Богородицу веруешь?

– Верую!

– А ну перекрестись!

Роберт крестится. Не то свечи тускло светили, не то вино слепило глаза, но не заметили они, что крестился он не справа налево, а наоборот. А может, не придали значения. Главное: в Бога верует и признает Богородицу.

– А как он в бою был? – несется чей-то дотошный голос.

– Как абрек!

– Казак! – орет кабатчина.

Поднимаются чарки за принятого казака.

Дошла очередь в рассказе и о днепровском кошевом и его подвиге. Его помянули. Вспомнили и своего атамана, его героический поступок. Помянули и его. И тут казаков словно прорвало:

– Предали его! Предали! – раздались полупьяные голоса.

– Как предали? Кто был отпадчиком? – поднялся Андрей.

И тут наступила тишина. Страшное это слово у казаков. Оно требует доказательств. Но где они? А так брякать языком – и головы лишишься. У казачества с этим пощады нет. Нечего напраслину возводить! О чем-то догадывался Андрей, но расспрашивать пока не

стал. Нарушил он эту гнетущую тишину, начав рассказ о гибели Саввы. И этого казака помянули. Потом вспоминали своих...

Несколько кабацких дней сгладили в душе Андрея боль потери, но не стерли ее из его сердца. И он поклялся себе, что все узнает. Казаки говорят: если гора не идет к казаку, казак идет к горе. Пришел все же атаман к Андрею в курень. Зашел, усмехнулся, а потом:

– Здорово, казак.

– Здорово!

– Гляжу, – атаман подошел к лежаку, рукоятью нагайки поправил шкуру и сел напротив Андрея, – загордился ты, есаул, все мимо проходишь. Чевой-то не заходишь?

Андрей окинул его с головы до ног. Лицо у того округлилось. Появился второй подбородок. Да и одет хоть по-казацки, но тщательно. Все шито из дорогого материала.

– Да все никак со временем не управлюсь. Только думаю зайти, а тут казаки зовут в кабак. Не пойдешь, скажут, нос задираешь...

– Скажут. – Хист улыбнулся, потом спросил тоном, как будто его это и не интересует: – Как дуван?

– Казаки довольны, – односложно ответил Андрей.

– Ну и хорошо, – Хист поднялся, – заходи.

– Зайду. Подожди, Хист, – поднялся и Андрей, – скажи, как погиб Семен?

Лицо Хиста мгновенно изменилось. Только что светившееся на нем самодовольство улетучилось. Андрею даже показалось, что он впал в замешательство. Но быстро нашелся.

– Сам виноват, – он ударил плетью по сапогу, – меня не дождался. Казаков до коша отправил. Героем стать... захотел.

– Во как, – Андрей посмотрел на атамана.

Хист отвел взгляд в сторону.

– Да, жаль, конечно. Но что делать. Каждого казака его ждет. Ты че думаешь делать? – спросил он, взглянув на Андрея.

– Да мыслю к рязанским казакам съездить, как-никак я устраивал их.

Глаза Хиста сузились:

– Ты покель не наказной...

– Казак – птица вольная, – ответил Андрей и, взяв бешмет, надел его.

Хист понял, что Андрей закончил встречу, и направился к двери. С порога обернулся и спросил:

– Откелева твой новый дружок?

У Андрея не было времени расспросить Роберта о его прошлой жизни. То сражение на суше, то на море. Битва с пиратами, которые позарились на их богатство. Жизнь в Болгарии тоже была несладкой. Там им разрешили жить с условием, что они помогут отбить нападение то венгров, то чехов. Одним словом, только успевай оглядываться. Что было ответить атаману?

– Он христианин, – сказал Андрей, надевая шапку.

Хмыкнул Хист и, хлопнув дверью, вышел. Андрей видел, как атаман отвязал коня и ловко запрыгнул в седло. Коняга была редкой игреневого масти. Не очень ласковыми глазами проводил Андрей атамана. А из головы не выходила растерянная физиономия Хиста. Потом в ушах Андрея зазвучал голос Семена: «Если со мной чево-то случится, не бросай Дарьюшку». В одну из ночей она даже ему приснилась. И с той поры он думал о ней. Ему представлялось ее веселое радостное лицо при их встрече, а потом... «О Господи, да как я ей это скажу!» И сердце сжималось от боли. Он все оттягивал отъезд. Но приход Хиста подтолкнул его к этому шагу. Вечером Андрей объявил друзьям о своем намерении и спросил:

– Кто желает со мной ехать?

Они дружно согласились составить ему компанию. Другого он и не ожидал. Перед отъездом, правда, Митяй спросил:

– Андрей, а ты атаману сказал?

Тот уклончиво ответил:

– Он знает.

Несколько дней относительно спокойного пути, и они у сторожевиков. Сколько защитники Рязанской земли порассказывали своим неожиданным гостям:

– Редкий день не брались мы за сабли! Зато нас полюбили рязанцы! – с восхищением хвастались они.

Пожив там несколько дней, поучаствовав в нескольких сражениях, рассказав о своем походе, они тронулись в обратный путь. По пути в кош Андрей неожиданно свернул с дороги на едва заметный прогон. Он решил больше не прятать Дарьюшку от друзей и всем заехать к ней домой. «Всякое может и со мной случиться», – подумал он. Вот и

поворот, за которым открывалась деревушка. Раньше уже отсюда был слышен собачий лай, а сейчас тишина встречала их.

В предчувствии беды у Андрея забилось сердце. Он пришпорил коня и ворвался через висевшие на петлях ворота на деревенскую улицу. Что это? Вместо домов виднелись только черные остовы да торчали кое-где печные трубы. «Неужели?!» – он хлестнул коня. Доскакав до конца улицы, где был дом Макара, Андрей увидел на его месте одни головешки. Толкнув ногой обгоревшую створку ворот, он прошел во двор. Подъехали приотставшие друзья. Непонимающе смотрят то на Андрея, то на головешки. В бессилии опустил Андрей на какую-то чурку и схватился за голову. «Что же здесь случилось? Что ему делать? Где Дарьюшка?»

Андрей сидел, не шевелясь. Друзья его не трогали. Сколько бы так он просидел, одному богу известно, если бы ни чей-то скрипучий голос:

– Вот что натворили нехристи!

Андрей оглянулся. За его спиной стояла старуха, опираясь на клюку. У нее было морщинистое лицо, но удивительно молодые глаза.

– Мать, – Андрей поднялся, – что здесь случилось?

И та все рассказала:

– Какой-то русский привел сюда татар. Это я видела собственными глазами. Он ехал впереди и что-то рассказывал татарину. Этот русский уже здесь бывал. Я его видела раньше, он искал Макаров двор.

– А ты откуда знаешь? – спросил Андрей.

– До него туды приехал Семен с парнем. Потом те уехали, а явился ентот. Поймал двух сельчан и сказал, что отстал от друзей и где они, не знает. Те и показали Макаров двор. Я все видела своими зенками. Ты, ты тогда был. Я тя узнала.

Эти слова убедили Андрея в правдивости ее рассказа.

– Че дальше было? – спросил Андрей.

– Че. Они-то напали на Макара. Мужики побежали ему на помощь. Да тех-то сколь было! Не чета нашим. Ну и... Макар погиб. Девку забрали. Всех покروшили да пожгли.

– Ты-то как спаслась? – поинтересовался Андрей.

– Я? Да в навоз зарылась!

– Его запомнила?

– А как ж... Он-то и убил Макара. Не могли татары деда одолеть, ведь мужик-то он был здоров. А русский был ловким, гибким, как змея. А одет-то во все дорогое. Большой, видать, человек, хушь и молод. Да и коняка его игреневого масти.

– Не черняв ли он был? – Андрей впился в нее глазами.

– Черняв. А че? Ты его знашь?

«Господи, да это же!...» – пронеслось у Андрея в голове.

– Мать, ты не ошибаешься? – вместо ответа спросил он.

Старуха даже обиделась:

– Я хоть и стара, но на глаза не жалуюсь.

– Куда они уехали?

Старуха пожала плечами. Потом вдруг зашептала:

– Етого русского я видела и раньше, – зачем-то повторила она, – вслед за Семеном уехал.

«Следил!» – догадался Андрей. Теперь ему было ясно, где искать Дарьюшку. И кого ему опасаться сильнее, чем любого нехристя. Но друзьям он пока решил ничего не рассказывать, даже попросил, когда придут на кош, про эту встречу никому не говорить.

Всю обратную дорогу Андрей был задумчив. У него из головы не выходило: «Неужели у него поднялась рука на эту беззащитную девушку. На этого... ангела. Что он с ней сделал? Если были татары, значит... значит, он ее продал им! Надо ехать туда». Он вспомнил о подарке царевича и его словах: «Если понадобится моя помощь...» И он решил ехать в Орду. Но тут опять новое беспокойство: сохранился ли подарок царевича. «Если нет? Еду все равно! Я освобожу ее, выполню просьбу и надежду атамана! Да будет земля ему пухом», – решил Андрей.

Как только они вернулись в кош, Андрей стремительно бросился в курень. Он лихорадочно доставал из-под лежака вещи. Так, шаровары. В них нет. В кафтане – тоже нет. Сердце застучало. Андрей никогда не думал, что подарок ему так понадобится. В бешмете – нет! А в этом? Последняя надежда. Губы невольно прошептали: «Пресвятая Богородица! Помоги!» Рука в карман – нет. В другом – слава те, Пресвятая Богородица! Вот он! Его окружили друзья.

– Нашел, что искал? – участливо спросил Митяй.

– Нашел, друзеки, нашел!

– И зачем он те?

– Зачем он мне? – повторил Андрей вопрос верного друга. – Садитесь, – отодвигаясь к стене, сказал он друзекам.

Когда те уселись, Андрей все им рассказал. Даже о подозреваемом. Митяй соскочил:

– Я подыму казаков! Дак мы ему...

– Успокойся! – осадил его Андрей. – Кто докажет его вину?

Митяй призадумался:

– А ты верно сказываешь. Вот ее привезем, пуцдай она казакам и расскажет!

Андрей кивнул и спросил:

– Я могу надеяться на вашу помощь?

Парни даже взорвались:

– Ты че спрашиваешь! Ты че... друзек нам аль нет?

– Друзек, друзек, – он засмеялся.

– Ну, ты... – не успокаивались они.

Может быть, чтобы как-то их успокоить и перевести разговор на другую тему, Андрей, глядя на Роберта, попросил:

– Расскажи о себе, если можешь.

– А отчего нет? Могу. – Родился я в такой прекрасной стране, как Франция.

– А че, Русь хуже? – не удержался Митяй.

– Та Русь, которую я познал, думаю, не хуже. – Отец мой, – продолжал он, – граф Роберт Буа.

– Граф? А че ето тако? – поинтересовался Митяй.

А Захар удивился:

– Ты Роберт и отец Роберт. Как ето?

– А у нас в семье старшие сыновья с издавна все Роберты.

– Вот так штука! – воскликнул Митяй.

– А граф – это как у вас атаман. Только не выбирается.

– Вроде наших князей, – разьяснил Андрей.

– Ааа! – Так вот, но на деле отец – не Буа, – продолжал Роберт.

Друзья переглянулись:

– А кто?

– Он – русский и звали его Андреем!

– Вот те на! А как он туды попал?

И Роберт рассказал об удивительных происшествиях отца, которого судьба кидала в рабство, потом вытягивала его в свободную,

наполненную приключениями жизнь. И он стал Робертом Буа. Отец втайне мечтал уехать к себе на Русь. Но Франция далеко от Руси. Непросто это сделать. Потом он женился. Пошли дети. Его взяли на военную службу, и он стал маршалом Франции. Недавно отец погиб, спасая короля.

– Царство ему Небесное, – они, крестясь, встали, – да будет земля ему пухом.

Когда друзеки уселись, Роберт опять заговорил:

– Отец завещал королю, чтобы тот старался завести больше друзей, а иметь меньше врагов.

– Умный был у ты отец, – заметил Андрей.

Остальные поддержали его кивком.

– Да, но я не сказал главного! – проговорил Роберт и замолчал. – Мой отец был внуком великого воеводы из Козельска. Вот че рассказал мне отец, – вновь заговорил Роберт, – этот воевода почти два месяца не сдавался татарам. Воевода ожидал помощи, но так и не дождался, тогда придумал, как спасти козельских детей. Поручил это своему сыну, а моему деду. Воевода вышел из города с отрядом, в жестокой схватке отогнал татар. Мой дед этим воспользовался и проскользнул с детьми в лес, где и спрятались. А воевода и все козельцы погибли.

Воцарилась тишина. Друзья, видать, «переваривали» услышанное.

– О Козельске я слышу впервые, – сказал Андрей, – а ведь там были настоящие герои. Столько не сдаваться! А когда поняли, что другого выхода нет, сами погибли, а детей спасли! Вот что мы должны помнить. И давайте дадим слово, что съездим в етот город.

– Съездим! – поддержали друзеки, а громче всех Роберт.

– Ну а ты домой-то хочешь? – спросил Андрей у нового друга.

Роберт вздохнул и ответил:

– А кто не хочет!

– Я те помогу! – пообещал Андрей и пояснил: – У меня есть купсы, которые ходют далеко. Вот пуцай ты и свезут на родину. Я дам им за ето денег.

– Мы че? – Митяй посмотрел на Захара.

Тот поддержал:

– Все дадим.

– А пока, – сказал Митяй, – надо найти Дарьюшку. Семен для меня был вторым отцом.

И друзья начали тайно готовиться к отъезду.

А вечерами атаман старался заманить к себе кого-нибудь из друзей Андрея. Щедро угощал и пытался узнать, где еще они были помимо охранных казаков. У всех был один ответ:

– Нигде.

Но Хист им почему-то не верил. Хотя не было никакого повода, атаман поручил своим близким следить за этой четверкой, особенно за Андреем.

ГЛАВА 39

Сарай-Берке трудно было узнать. Обычно в этом городе жизнь была ключом. Целыми вереницами на рынки спешили купцы, везя различные товары.

Сейчас же согнанные с необъятной территории Орды шаманы день и ночь били в бубни, стараясь отогнать злую смерть. Хан тяжело заболел. Он таял на глазах. В предчувствии неминуемого конца он думал о будущем своего ханства. Хан хорошо знал, что Турция все чаще называлась Османией. Начало этому положил отказ старшего брата Алладина от трона в пользу младшего братца, который сумел так поставить дело, что из бея превратился в султана. «А у меня?»

У хана было два сына: старший Инсанбек и младший Чанибек, которые могли быть наследниками. Сам хан склонялся к тому, чтобы им стал младший сын. Старший – и хан это хорошо понимал – был недалеким человеком и подвержен внушению со стороны своих приближенных, у которых главная забота – подгрести под себя побольше добра. А о ханстве у них нет забот. Младший же больше походил на своих предков. Но у хана уже не было сил передать младшему власть. Внешне все окружение по-прежнему оказывало ему причитающиеся почести, но внутренне они уже повернулись к Инсанбеку. Узбек стал бояться за Чанибека. И не зря.

Инсанбеку его советники все уши прожужжали, что брат хочет захватить трон. На вопрос, что ему делать, они отвечали:

– Бросить брата в яму, а потом казнить.

Хлопоты советников имели успех. Как только из главного шатра вышел шаман и ударом в бубен возвестил о смерти Великого, Инсанбек, у которого еще не успели выступить слезы, приказал схватить младшего брата и бросить в яму. Сразу же приказать убить брата даже по монгольским меркам ему показалось кощунственным, хотя советники очень на этом настаивали. Инсанбек решил это сделать через несколько дней после похорон. А пока приказал удвоить стражу.

В эти роковые для Орды дни и появилась в Сарай-Берке четверка урусов. Еще ничего не зная о случившемся, они спрашивали у попавших навстречу жителей, где проживает их царевич. Услышав,

кого ищут урусы, они тут же доложили советникам нового хана. Те, раздвув, что на помощь Чанибеку идут русские войска и уже прибыли в город их соглядатаи, потребовали от Инсанбека схватить и казнить их вместе с царевичем. На что хан дал свое великоханское согласие.

Ничего не подозревавших друзей внезапно схватили и бросили в яму. Когда их, связанных, вели по дороге, встретился им знакомый купец Бурок. Тот Бурок, которого Андрей спас в Африке. Купец узнал его и подскочил было к Андрею, но острые копья преградили дорогу. Одарив стражников по золотой монетке, ему удалось перебраться парой слов со своим спасителем. Когда Андрей сказал, кого они искали, но их схватили, купцу все стало ясно. О ханской борьбе он был осведомлен. Бурок подмигнул Андрею и приказал слуге проследить, куда их поведут.

Сам он, не теряя времени, выбрал подарок и направил стопы к главной ханше. За долгие годы посещения Сарай-Берке он стал желанным гостем на женской половине ханского шатра. И сегодня стража спокойно пропустила русского купца. Он застал ханшу стоявшей на коленях перед серебряным бурханом. По обе стороны этого языческого божества, уже по русскому обычаю, горели свечи. По ее мясистому лицу катились скупые слезы.

Купец на цыпочках вошел к ней, она медленно повернула голову. Узнав вошедшего, указала ему место и продолжала стоять перед божеством. Она еще долго стояла, затем, кряхтя, тяжело поднялась и, переваливаясь с боку на бок, подошла к купцу. Он с печальной миной выразил ей соболезнование. Она, опустившись невдалеке, приняла его слова за чистую монету. Когда же он надел на ее толстое запястье золотой с бриллиантами браслет, она с благодарностью посмотрела на гостя.

– Ты зачем пришла? – спросила она.

Купец рассказал про встречу с урусами, про свое спасение одним из них. Выслушав его, ничего не сказав, повернула голову в сторону, о чем-то размышляя. Купец даже подумал: «Ушел хан, ушла и власть». Ханша, словно уловив его мысли, повернулась к нему всем своим грузным телом и подсказала:

– Сходи к Федорчуку.

Купец слышал о нем, что это был лучший военачальник. Он несколько раз поклонился и заспешил к Федорчуку.

Зная, какое влияние имел купец при ханском дворе, Федорчук принял его. Военачальник был в расстроенных чувствах. Этот полурусский-полутатарин сильно боялся за свое будущее. Если ушедший хан высоко ценил его военные способности, то, как подмечал он, старший сын был к ним абсолютно безразличным. Вот если бы к власти пришел младший! Но того успели бросить в яму. Сам поднять войска он боялся. А вдруг не пойдут? Тогда привяжут к лошадиному хвосту и будут гнать животное, пока не слезет с него шкура. А потом бросят на съедение бирюкам. Страшно подумать.

Выслушав купца, он ничего обещать не стал. Зачем ему рисковать жизнью и ради кого – каких-то русских? Тяжко вздохнул купец, прощаясь.

– погоди, – вдруг сказал он и, подзвав купца к себе, прошептал: – приведи царевича, исполню твою волю.

Вышел от него купец опечаленный. «Приведи царевича. Но ведь там такая охрана!» – возмущался он. Но слова Федорчука заставили задуматься.

Купец подошел к шатру, под которым была яма, куда бросили ханского сына. Охрана стояла большая. Долго купец думал, как же помочь урусам. И пришла ему в голову мысль. Не к себе свернул купчина, а к рынку. Там он нашел тонкую крепкую волосяную веревку, маленькую цепкую «кошку». Купил зелье, от которого непробудно спишь, – арзу. Еле донес, аж весь вспотел.

Дома приказал замесить тесто и испек лично два больших каравай. Насыпав в кисет золотишка, взял каравай под мышки и, расспросив слугу, куда кинули казаков, пошел к тому шатру. Его встретил грозный татарский начальник. Хотел было прогнать русскую собаку, да узнал в нем купца, которого уважали многие татарские ханы. «Еще скандала не оберешься», – подумал он и спросил:

– Что те надо, купец?

– Ничего, всемогущий. Держи! – и подал кисет.

Заглянул тот в него, и его широкое лицо расплылось в улыбке.

– Слушаю, – сказал он.

– Дозволь, всемогущий, наших русских хлебом напоследок угостить.

Татарин понял, кого он имел в виду.

– Пусть поедят. Они, конечно, заслужили, чтобы их бросить в яму. Пуцай тама ждудт, что Великий решит. Но все же, – купец с жалким видом замялся, – все же они земляки. Смилуйся, всемогущий. Один из них когда-то мне жизнь спас, пусть поедят перед смертью.

– Ладно, – великодушно согласился татарин, – пошли!

Подойдя к шатру, остановился и, подозрительно посмотрев, спросил:

– Больше ничего нет?

Купец приподнял караваи:

– Обыщи.

– Ладно, – и что-то сказал по-татарски.

Купец вошел в шатер. Там было темно.

– Эй, – высунул он голову, – посвети.

Татарин взял факел у одного из стражи и подал его купцу. Недоставало, чтобы он служил этой русской собаке.

Брошенные в яму друзья гадали: за что им такая участь? Но не могли понять. И всех мучил вопрос: «Че делать? Как отсель выбраться?» Пока они раздумывали, яма вдруг осветилась. И сверху послышался странный голос, похожий на причитания бабок-плакальщиц:

– Что же вы, родимые, наделали? Да кого вы спрашивали? Его новый хан бросил в яму. Так ему и надо. А то, ишь, трона захотел! А вы покушайте, покушайте. Охрана у выхода толпится. Мня пропустила. А тот преступник сидит рядом. Там тоже много охраны у входа. Так ему и надо.

Не успел голос стихнуть, как послышался другой:

– Хватит. Уходи!

– Ладно, ладно! Иду. Держите, – и он бросил казакам караваи.

Есть друзьям хотелось. Поймав хлеб, они тут же его разломали.

Но что это там? Жаль, свету нет.

– Друзеки! – обрадовался Андрей, – «кошка» с веревкой!

– Тише ты! – зашептал Митяй.

– И вправду, радость надо умерить, – согласился Андрей.

– А у меня нож! – прошептал Захар.

Друзья оживились.

– А он нас еще и предупредил, – сказал Андрей, распутывая веревку.

- О чем? – спросил Роберт.
- Да о том, что стража только у входа!
- А щас день или ночь? – спросил Захар.
- Узнаем, – сказал Андрей и заорал: – Воды! Воды!

В яме на мгновение чуть просветлело, а потом факел осветил ее. Сверху раздался грозный голос:

– Будете орать, глотки перережем!

И вновь наступила темень.

– Вот татарва недорезанная! – ругнулся Митяй и добавил. – Еще светло.

– Да, – подтвердил Андрей, – еще светло. Потерпим!

– Наш-то царевич тожить в яме! – удивился Захар.

– Да, где-то рядом, – ответил Андрей.

– Найдем! – уверенно сказал Митяй.

Время тянулось томительно долго.

– Пора? – спрашивал кто-то из друзей.

– Нет, потерпим, – решил Андрей.

Хотя самому не терпелось скорее подняться наверх. Он понял, что надо будет еще освободить царевича. Так подсказывал им тот добровольный спаситель.

– Пора! – наконец произнес Андрей и попросил: – Помоги, Пресвятая Богородица, – и перекрестился.

Перекрестились и друзеки.

«Кошка» зацепилась только после третьего броска. С ножом в зубах Андрей поднялся наверх. Осторожно, на ощупь стал обследовать стену шатра. Вот и выход. Слышно похрапывание. Чуть приоткрыв, он увидел, что на дворе ночь. Ползком он добрался до противоположной стороны и убрал деревянные распоры. Нож сделал свое дело. Выход был готов. Опять осторожно вернулся к яме и шепнул:

– Поднимайтесь.

Вскоре друзья оказались наверху. Ползком выбрались наружу. Богородица была на их стороне, покрыв небо спасительными тучами. Не успели они отползти и десяток шагов, как услышали чей-то шепот:

– Сюды, ко мне.

Они поползли на голос. В темноте узнать человека было невозможно. Но что им оставалось делать: только слушаться его.

– Надоть вытащить царевича, – прошептал тот же голос, – без него вы пропадете.

– А где он? – тихо спросил Андрей.

– Пошли! – человек приподнялся и, согнувшись, пошел вперед.

Вскоре увидели перед собой темный силуэт шатра.

– Здесья! – пояснил тот и спросил: – А веревку-то взяли?

– Нет, – растерянно ответил Захар, последним поднимавшийся из ямы.

– Че делать? – заволновался незнакомец.

– Я схожу за ней, – ответил Захар, чувствуя свою вину, и решительно направился назад.

Вернулся Захар быстро.

– Держи! – и подал ее Андрею.

– Они там спят, я им дал арзы с порошком, – сказал незнакомец и тихонько засмеялся.

Андрей быстро сделал проход в шатре и с веревкой пролез туда.

– Эй, – тихо позвал он сверху, – Чанибек. Я Андрей. Помнишь?

Как не помнить! Царевич в яме прощался с жизнью. И невольно она пробежала перед ним. Вспомнил, как оказался в плену у казаков, как те с почетом проводили его. Чужие люди, а не лишили жизни, а тут свой, брат... Дальше ему не хотелось думать. Но зло поднималось в его груди. Как с ним обошлись! Хуже, чем с собакой. Схватили, поволокли, бросили... И он скрипел зубами.

– Ты? Андрей?

– Я! Я! Лови веревку.

Чанибек услышал, как что-то мягко стукнулось невдалеке. Он нащупал веревку. Царевич ловко поднялся наверх. Андрей взял его за руку:

– Пошли!

Они выбрались из шатра и вскоре оказались среди друзей Андрея.

– Царевич, – зашептал незнакомец, – я был у Федорчука. Он готов, если ты ему скажешь, выполнить твою волю.

– Пошли! – решительно произнес Чанибек.

Разбуженный полководец, не разобравшись, в чем дело, завопил:

– Хан! Высокочтимый! Я ни в чем не виноват. Я не помогал Чанибеку!

– Я Чанибек! – в какой-то ярости воскликнул царевич.

Федорчук протер глаза.

– Прости! – он упал перед ним на колени, – я выполню твою волю!

– Схвати Инсанбека!

– Слушаюсь, мой повелитель! – голос уже властный, уверенный.

До тумена было недалеко. Воины, увидев решительно настроенного начальника, не раздумывая подчинились его воле. А когда рядом с ним появился царевич, они встретили его словами:

– Всемогущий повелитель. Джихангир!

Давно они не произносили этого сладкого для их ушей слова. Тумен, как ураган, налетел на ханскую ставку. Они выволокли отчаянно бившегося хана.

– Собака! – закричал на него Чанибек. – Смерть тебе!

Светало, и Андрей узнал своего спасителя.

– А я-то гадал, чей это голос. А это ты, Бурок! Ну, свела нас судьба!

В это же утро Чанибек собрал курултай, который утвердил царевича на ханство без лишних разговоров. Отпустив курултай одним властным движением руки, новый хан приказал позвать к нему своего спасителя. Когда Андрей появился на пороге ханского шатра, он пошел к нему навстречу. Они обнялись, как старые друзья.

– Ты зачем здесь? – спросил хан.

Андрей разжал кулак. В нем был подарок царевича.

– Ага, тебе нужна моя помощь?

Казак кивнул.

– Хорошо! А это, – он указал на перстень, – оставь себе! Эта твоя просьба будет не в счет. Так говори, что тебе надо.

Андрей все рассказал.

– Найду! – заверил хан и хлопнул в ладоши.

Дарья сидела, забившись в угол. Она никогда не забудет тот день, когда на нее обрушилось внезапное несчастье. Она взяла шерстяные носки. Решила сделать подарок деду и... Андрею. Но что-то давненько не было их. У деда дел много, но Андрей, Андрюшенька, мог бы приехать. Она помнила его глаза, которые говорили многое. Он скоро приедет, и она должна... В это время на дворе раздался какой-то шум. Она выскочила на крыльцо. О Господи, там дядя Макар сражался с

какими-то странными людьми. Узкоглазые, широкие лица, головы покрыты мохнатыми шапками. Дядя Макар с бельдюгой в руках успешно отражал их наступление. Уже несколько нападавших валялось на земле. И тут она увидела на частокоче человека. Он показался ей высоким и не походил на нападавших. Да, был, несомненно, русским. Узкое лицо его можно было назвать даже красивым, но злодейская улыбка делала этого человека отталкивающим. Дарья посчитала, что он пришел на помощь дяде Макару, и даже крикнула:

– Скорее, помоги!

Может, ее крик сбил с толку дядю, он оглянулся на ее голос, и это дало возможность подойти русскому сзади. Но вместо помощи он всадил дяде в спину нож. Макар еще держался на ногах и повернулся к нему, пытаясь ударить бельдюгой. Но тот ловко увернулся и успел рубануть дядю саблей. Подбежали, как она догадалась, татары и стали добивать Макара. Она сбежала с крыльца, пытаясь его защитить. Но этот русский ударил ее по голове, и она упала. Больше ничего не помнила. Не знала, что случилось с теткой Ефросиньей и вообще... Когда она очнулась и открыла глаза, то ей показалось, что это страшный сон. Она на лошади в окружении незнакомых людей, но узнала их: «Да они же нападали на дядю Макара! Где он? Где я? Куда меня везут? Что им от меня надо? А где тот предатель, который вонзил нож в спину дяде Макару?»

Дарья попробовала крикнуть, но сзади сидел какой-то человек, который грубо ее одернул. Она поняла, к кому попала в руки, и дико закричала, теряя сознание. Ее куда-то привезли, поместили в жилище без окон, дверей, приставили к ней двух девушек. Они не понимали по-русски, она не знала их язык. Но все же ей удалось с одной из них договориться об обмене золотого кольца с бриллиантом – дедов подарок – на нож. Дарья твердо решила, что ни за какого басурманина она замуж не пойдет. Тем более, никогда не станет чьей-то наложницей. Лучше смерть!

Получив нож, она успокоилась, настроение ее поднялось. Она уже была не беззащитна и при малейшем насилии готова была уйти из жизни. Но у нее теплилась надежда. Надежда на то, что примчится дедушка и вырвет ее из этих мерзких толстых рук. Бежало время, а о

нем не было ни слуха ни духа. Надежда медленно таяла, а отчаяние росло.

«Но что за шум? Неужели... он? Но нет!» Полог отбросил ненавистный татарин и широким шагом направился к ней.

– Не подходи! – в отчаянии закричала она и приставила нож к груди.

Татарин остановился и попытался улыбнуться. Он, оказалось, хорошо говорил по-русски.

– Не будь душой! Я тебе ничего не сделаю плохого. Просто тебя потребовал к себе хан.

Но эти слова татарина не убедили девушку. Недоверие к ним вошло в ее сердце.

– Я не сделаю ни одного шага ни к вашему хану, ни к вашему богу. Бог у меня свой! – она гордо выпрямилась, а лицо пылало праведным гневом.

Как она была прекрасна в своей гордости! На это обратил внимание даже ханский посланец. Он понял, что ему с ней не справиться, не понесет же он к молодому хану ее труп. Он решил доложить об этом новому повелителю, только что занявшему трон отца.

Первое, что приказал сделать Чанибек, это разыскать русскую девушку. Ее с трудом нашли у темника Хочебая. В любом другом случае он бы так просто не отдал свой товар. Он купил ее у русского. Но до ушей Хочебая донеслась весть о решительной расправе молодого хана со всеми, кто был в окружении его брата. Попасть в их число было легко. Поэтому он с улыбкой произнес:

– Для хана! Считаю за честь!

Вначале хан хотел сделать сюрприз своему спасителю. Девушку он хотел лично передать Андрею в ханском шатре и отправил за ней посланца. Когда тот вернулся, хан принял его незамедлительно. Выслушав посланца, несмотря на свою молодость и кажущуюся неопытность, он понял состояние девушки и нашел правильное решение.

– Пошлите туда русского!

И опять чьи-то торопливые шаги. «Нет, я им не дам!» – и в ее руках вновь сверкнул нож.

– Дарьюшка! Милая! – раздался знакомый голос.

– Он? Он!!! – она взглянула, вскрикнула и, отбросив нож, бросилась в его объятия.

Когда прошли первые порывы радости, Дарья, немного склонив голову, спросила:

– А ты почему один?

Идя к ней, Андрей боялся этого вопроса. Сказать правду? Он не мог, понимая всю тяжесть такого сообщения. И решил сказать попозже, когда она окрепнет. Вместо ответа он только приложил палец к своим губам. Дарья подумала, что ей готовят неожиданный подарок.

Узнав о том, что Андрей с друзьями собрался покинуть Орду, хан пригласил его в свой шатер и попытался уговорить пожить здесь еще.

– Великий и могучий хан, – как-то загадочно улыбнулся Андрей, – ты творишь свой суд, а мне надо учинить свой. Так что прости! – он склонил голову.

– Андрей, – как-то просто, словно товарищ, обратился к нему повелитель, – оставайся, переходи ко мне на службу. Я тебя сделаю полководцем.

Андрей усмехнулся:

– У тебя есть свой. Он сделал для тебя невозможное! Нельзя его обижать.

Хан посмотрел на Андрея. Взгляд его умных глаз был пронзителен. Кажется, он доходил до глубины души. «Однако...», – подумал Андрей. А тот сказал:

– Человек, изменивший однажды, легко сделает это еще раз.

У Андрея пронеслось: «Вот и окажи помощь...»

– Прощай, Джихангир, – сказал Андрей.

При этом слове на лице хана появилась довольно язвительная улыбка. Они потерлись на прощание щеками, и Андрей пошел, не оглядываясь, к себе.

А к вечеру Андрей получил известие. Хан прислал ему охранную грамоту и для безопасности отряд тургаудов. И еще. К нему явился Бурок и попросил взять его с собой.

– Ты хочешь ко мне на кош?

– А че, и там покупатели есть. Аль ты не туды?

– Я – в Московию, – неожиданно ответил Андрей, потом усмехнулся: – Я пошутил, туда я потом, щас – к себе.

Купец от души выдохнул:

– «Фуу!»

– А ты весь товар распродал? – неожиданно спросил Андрей.

На что тот серьезно ответил:

– То, что смог, продал. Пока тут идет резня, никто ничего не покупает. Вот я и решил вовремя убраться. Распродам у себя.

– Ладно! – согласился Андрей, – но с одним условием.

– Каким? – при этом торговец весь насторожился, словно кто-то сейчас хочет залезть в его кисет.

– А вот с таким. Ты Роберта уже знаешь. Француза, – сообщил Андрей.

– Француза? – переспросил он.

– Да! – подтвердил Андрей.

– Ну и че? Хошь, чтоб я его туды отвез?

– Ты, купчина, догадлив! – восхищенно заметил Андрей.

– Э! Еслиб не быть таким, не стоит братья за его дело, – не без гордости произнес он, – но его будет немало стоить, – и вопросительно посмотрел на казака.

– Я заплачу, – уверенно ответил Андрей.

– Хорошо. Только я могу довести его до Венесы. Дальше ен сам. Тама близко.

Послышались чьи-то шаги.

– Все заплачу, – шепотом проговорил Андрей, – а щас – тихо.

Они замолчали, настороженно поглядывая на дверь. Вошел Митяй.

– Че как крамольщики? – спросил он, поглядывая поочередно то на одного, то на другого.

– Да не... так просто. С нами хочет, – Андрей кивнул на купца.

– Пущай едет, – Митяй подмигнул купцу, – только возьмет медовушки.

– Тута ее нету. Есть арза, – купец заулыбался.

– Тьфу, гадость, сам пей, – сказал Митяй.

Опять смех. Настроение у всех приподнятое. Друзья радуются, что спасли девушку. Рады за Андрея, видя его таким счастливым. Все покорены Дарьиной красотой, скромным взглядом ее больших лучистых глаз. Темпераментный француз, посмотрев на сияющую от счастья Дарью, воскликнул:

– Клянусь, во Франции я не встречал девушки, подобной Дарье.

На что Андрей ответил:

– Оставайся. И мы тебе найдем такую же.

Радовался и купец: с такой охраной ему ничего не страшно. А то трясись при каждом звуке. Такова купеческая жизнь.

ГЛАВА 40

Лето было на исходе. Степь вновь пожухла, потеряла прелесть, доставшуюся ей от весенних дней.

А жизнь на донском коше шла размеренным темпом. С утра, как заведено с издавна, каждый казак занимался какими-то делами. Рыбачили, на богунах сушили или чинили волокуши, охотники били еленей, крехов в лесах. Разной живности резко прибавилось. В кузнях методично постукивали одноручные молоты. Сичкари орудовали топорами. По-прежнему кашевары в огромных казанах на багатице готовили нехитрое казацкое кушанье: кулеши, борщи, галушки, уху...

И все же что-то в коше было не то. Обычно беззаботные казаки выглядели хмуро. По кошу все настойчивей распространялся слух, что Хист нарочно запоздал на поле боя и этим погубил Семена. А потом занял его пост. Первым об этом сказал неожиданно вернувшийся живым из всего отряда атамана Влас. Неразговорчивый, сутулый, он был незаметным человеком. Тяжело раненный, он казался мертвым, но прошедший дождь привел его в чувство. Чья-то лошадь в поисках хозяина набрела на него. Она-то и помогла ему вернуться на кош. Когда его, молчуна, друзеки стали расспрашивать, как это случилось, он сказал односложно:

– Предал Хист.

Эти слова, словно на крыльях, и понеслись по кошу. Но вскоре Влас исчез. И никто не знал, где он. Но тайну исчезновения открыли гундор с брудастым. Влас попал в их сети – с ножом меж лопаток. Кош начал жужжать. Жужжание донеслось до ушей Хиста. А тут еще таинственное исчезновение есаула с друзьями. Это встревожило атамана не на шутку. Собрав преданных ему казаков, дал им указку: говорить об Андрее, что тот, как есаул, нарушил их донской обычай. А поэтому подлежит наказанию по войсковой традиции. А это – вплоть до смерти.

Преданные Хисту призадумались. Решать-то придется на кругу. А они знали, какой разговор о нем шел между казаками. Много хвалебного привезли те, кто был с ним в походе. Эти, сразу надо

сказать, его не выдадут. Да и у многих казаков мнение об есауле не совпадало с атамановым.

– А мы его, – Хист прищурил глаза и с силой хлестанул по столу нагайкой, аж все вздрогнули, – как Власа.

Такой выверт даже им, преданным, и то пришлось не по душе. Но... смолчали.

– Вы, есаулы, берите надежных казаков и... рыскать, рыскать. Лучше их живыми сюды не пущать.

Понурые выходили от него казаки. Но куда деваться? И есаулы, скрепя сердце, подбирали людей. Вскоре в степь с рассветом стали уходить небольшие казацкие отряды.

Наконец-то для Бурока пошли знакомые места. Андрей со своими людьми оказался на южной границе Рязанского княжества. Купец от радости даже перекрестился:

– Слава те, господи! Кажись, добрался! – Он остановил коня, спрыгнул на землю. – Казаки, – проговорил купец, глядя на них, – благодарствую вас, – и, прижав руку к груди, несколько раз поклонился, – особенно благодарствую тебе, Андрей. Век не забуду, спас ты меня от разора, жизнью своей те обязан. Приведет судьба в Рязань, завсегда будете дорогими гостями.

Он подошел к Андрею, и они обнялись. Андрей тоже начал его благодарить, но купец перебил парня:

– Долг платежом красен, – сказал он, – ну, прощевайте, братцы! – и помахал им.

– Прощевай, купчина! Да не забудь наш договор, – крикнул уходящему купцу Андрей.

Тот повернулся:

– Русский купец слово держит!

После отъезда купца Андрей отпустил и татарский отряд, чтобы их не увидели, а то могли и обвинить, что продались басурманам. Оставшись одни, Андрей сказал:

– Други! Надо пораскинуть умишком. Боюсь, что атаман готовит нам... кровавую встречу. Хист не дурак. Он, скорее всего, догадался, зачем мы покинули кош. Возвращение же с Дарьюшкой – для него смертельный приговор.

– Правильно, – поддержали друзья.

– Че делать будем? – Андрей посмотрел в сторону Дарьи, которая, чтобы не мешать их разговору, ушла в степь в поисках давно завядших цветов.

– Я думаю, надобно пробраться в кош. Тама тайно переговорить с казаками. А потом собрать круг, – предложил Митяй.

– А как вы? – Андрей посмотрел на остальных.

– Думаю, пойдет, – ответил Захар.

Роберт только кивнул. Он еще не очень понимал происходящее.

Ехали только ночами. Днем хоронились в удобных местах. Когда же до коша остался один переход, они чуть не напали на отряд. Он прошел от них всего в нескольких саженях. Казаки явно куда-то торопились и не особенно поглядывали по сторонам. До Андрея и ребят даже донеслись слова:

– У мя на Андрея не подыметса рука. Нехорошее задумал атаман.

Друзья, услышав эти слова, переглянулись. Андрей был прав: в коше их ожидали не очень радушно. А Дарью везти туда было просто нельзя. И Андрей решил Дарью спрятать у старых друзек-рыбаков.

Гундор и брудастый встретили их с распростертыми объятиями. Многие порассказали о настрое казаков. Он был таков: Хист не атаман. Но... пока только болтали языком. Никто никаких действий не предпринимал.

– Тя, Андрей, не хватат, – заметил брудастый.

Для Дарьюшки они предложили свой тайник.

– И гнуса там не тути, да и постель царска, – сказал гундор.

Ночью друзья пробрались в свой курень. Он встретил их чуть ли не воплем радости. Да Андрей пресек.

– Тише, друзеки! Не то атаман ворвется, велит меня схватить как нарушителя наших обычаев и традиций.

Утром, неурочно, ударил колокол. Он звал казаков на круг.

– Это еще че? – взбеленился атаман. – Кто велел?

Да кто ответит. Своих людей разогнал по степи ловить беглого есаула. А казаки ручьями стекались на майдан. Атаман метался в курени, не зная, что делать. Он хорошо понимал, что просто так никто бы не стал звонить.

– Значит... вернулись. Мои не углядели. Ну, что ж, потягаемся, кто кого. Только берегись, Андрей! – и он с силой ударил плетью по

столу. – Ишь, гад, на кого хвост подымает. Забыл, кому жизнью обязан. Не будет те пощады!

На круг атаман не пошел. За ним пришли казаки.

– Атаман, пошли с нами. Круг зовет!

Круг – это магическое слово. Это – высшая власть. Хист старался казаться веселым. По дороге пытался шутить.

Повозка в центре. К ней, расступившись, пропускают атамана. Но она уже занята. На ней молодой казак Митяй, друзек Андрея. Да, он молод. Но уж испытал по полной казацкую жизнь. Один поход с днепровцами чего стоит! Не будь его, не быть бы Митяю на повозке. Прогнали бы враз.

– Друзеки-казаки! – орет он, стараясь перекричать взбудораженную толпу.

Она постепенно смолкает. Теперь все взоры на него: что же он скажет.

– Казаки! – опять слышится его голос. – Нам надоть заслухать атамана. Ен предал Семена!

– Кто мя обвинят? – Хист вскакивает на повозку.

– Я! – раздался чей-то голос.

Толпа разворачивается и расступается. Волоча за собой ногу и опираясь на палку, подходит казак. Многие его знают. Это Ергун из Твери. Подойдя к повозке, он пытается на нее взобраться. Митяй подает ему руку. Поднявшись, он поворачивается к побледневшему атаману.

– Че, узнаешь, окаянный отпатчик? Други, – обращается он к казакам, – ето не Хист, а Хлюст, – он тычет пальцем в его грудь.

Атаман пытался грубить, показать казакам, что тот не прав.

– Закрой хайло! – понеслось отовсюду. – Говори, Ергун, – орала толпа.

– Че говорить, Семен послал его, чтоб он с тыла вдарил по басурману. А ен, – он опять тычет ему в грудь, – ждал, покаместь нас перебьют.

– Неправда!

– Правдатель! – на повозку вскакивает моложавый казак. – Правдатель! – орет он. – нарочно завел нас за рядант, чтоб мы не слыхивали и не видывали, как бьются казаки! Сколь раз мы те говорили, что пора, – он поворачивается к атаману, – а ты отвечал: мол,

рано! Ты знал, че у Семена сила на исходе. Те захотелось получить атаманову хоругвь. Смерти ему!

– Неправда, казаки! Послушайте меня! Я не ради ся старался. Ради вас!

Раздались смешки.

– Вот вам крест, – он как-то неловко перекрестился, – я для вас. Думал: а вдруг татарня пойдет на кош. Кто защитит?

– За кош испугался. А что атамана бросил, не побоялся!

– Не бросал я. Не хотел я зла атаману.

– Не хотел, – вдруг на повозку запрыгнул Андрей, – а ну скажи, че ты сделал с внучкой атамановой?

По толпе пробежал непонятный шорох:

– У атамана была внучка?

– Да, была, казаки, – ответил Андрей. – Прежде чем попасть в казаки, у него был сын. А у сына была дочка, а атаману внучка. Сын погиб. Делился атаман с внучкой своей башловкой. Че тут такого? В мошну казацкую не лез.

– Правильно, не лез, – понеслось со всех сторон, – пусть скажет, че он с ней сделал!

– Да я ее и знать не знал. Че вы, казаки! Че? Он ее от всех таил. А кто с им ездил? Ты! – показывает он на Андрея, – ты знал и где она. А щас на меня валишь!

– Говори, Андрей, – шумит толпа.

– Я не буду говорить! Пущай она сама вам расскажет.

– А где она?

– Она здесь! – это голос Захара.

Толпа расступается, и к повозке подошли Захар и Дарья. Бледнеет, отступает назад Хист при виде девушки. Андрей спрыгивает и помогает ей подняться на повозку.

– Хороша! – проносится по толпе.

– Говори, – шепчет Андрей.

– Я все расскажу, – голос ее чист и приятен.

И как приговор зазвучали ее правдивые слова. Выслушав Дарью, толпа скандировала:

– Смерть Хисту, смерть!

Кто-то грубо толкнул его с повозки. В воздух взлетели папахи. Приговор состоялся.

Андрей почувствовал на себе чей-то взгляд. Он оглянулся. На него смотрели умоляющие глаза Хиста. И тут он вспомнил, что когда-то Хист внес свою лепту в его спасение. В душе родилась жалость: «Надо спасти. И пусть убирается подобру». Андрей машет руками, хочет остановить людской поток. Да где там. С повозки соскакивает Ергун и вонзает в грудь Хиста зализку со словами:

– За Семена! За Власа! За тех казаков! За нее!

Толпа звереет. Понеслись голоса:

– Смерть его прихвостням!

Андрей поднял руки:

– Казаки! Успокойтесь, не распаляйтесь!

Неожиданно толпа пришла в движение. Андрей не мог понять, в чем дело. Наконец выяснилось. К повозке шел отец Порфирий. В руках крест, и он им освящал казаков, поочередно поворачиваясь то на одну, то на другую сторону:

– Благослови, Господи! Благослови, Господи!

Взобравшись на повозку, он запел:

– Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое....

Толпа подхватила молитву. По ее окончании батюшка сказал:

– Казак, – он посмотрел на Андрея, – прав. Успокойтесь! Да простит Владыка беззаконие наше! – и, трижды клянясь, перекрестился. – Пойду в церковь, помолюсь об убиенных душах.

Батюшка удалился. Какое-то время казаки безмолвствовали, точно не зная, что делать, лишившись своего главы. Но это длилось недолго. Как-то незаметно толпа разбилась на группы. Больше других оказалась та, которая ходила в поход с днепровцами. От этой группы вышел казак с пышными усами и по-днепровски пострижен, с оселедцем.

– Казаки! – разглаживая усы, забасил он, – мы остались без батяни. А бирюк – и тот жоака имеет. Волю Андрея! В походах – проверен! Зубец – молодец! – сказав, он важно посмотрел по сторонам, еще раз провел рукой по усам и спрыгнул с повозки.

Запрыгнул еще один казак и тоже выкрикнул Андрея. Толпа стала заражаться этим именем. Андрей понял это и вскочил вновь на повозку.

– Казаки-друзеки! Я благодарен за доверие! – и он поклонился на четыре стороны, потом, выпрямившись, спросил: – Скажите, казак

слово держит?

– Держит! Держит! – орет майдан, еще не зная, куда потом склонится их поддержка.

– Так вот! Семен просил, если с ним что случится, не оставлять его внучку, – все стихло, – я дал ему это слово! К тому же, казаки, я... полюбил ее. Я не могу ее оставить! А теперь воля ваша, казаки!

Он вытащил саблю из ножен, опустил на колени. Рядом положил саблю и папаху. Подняв голову, сказал:

– Иль милуйте, иль рубите голову, но здесь с бабами не живут.

– И мне тоже, – Дарья вскочила на повозку и встала на колени рядом с ним.

Казаки растерялись: че делать. Она – внучка атамана, отдавшего жизнь за них, казаков. Он – герой похода, не раз доказавший преданность казацкому делу. Слово дал! Слово, конечно, держать надо. Эх, нет мудрецов Курбата, Зосима. Они бы быстро разобрались. Однако есть! Есть! К телеге подходит седой казак. Плечи его опущены. Да и стан согнулся, ногами шаркает. Сразу видно – за спиной долгая жизнь. Еле взобрался он на повозку. Майдан замер. Поправил он усы, протер слезящиеся глаза. Откашлялся.

– Казаки, – голос дребезжащий, – у многих из нас сердца поостыли. Но и мы были молодыми и мечтали о счастье. Не получилось. Так не будем лишать их того, чего не получилось у нас, – он наклонился, опершись рукой о повозку, тяжело соскочил на землю.

– Правильно! Правильно! Пуцай живут. Нас, казаков, не забывают! Волим! – папахи полетели вверх.

Они поднялись, поклонились во все стороны и поблагодарили казачество. Потом Андрей, ссадив Дарьюшку с повозки, поднял руку:

– Казаки! Можно мне сказать свою думу?

– Давай! Давай!

– Предлагаю в атаманы моего друзeka Митяя. Казак он боевой и, главное, – верный.

Круг избрал Митяя.

Перед отъездом по настоянию казаков отец Порфирий обвенчал молодых в церкви. Казачество преподнесло им богатые подарки. Провожали их до московской границы чуть не всем кошем. На прощание сказали:

– Понадобится помощь, свистни! Все будем!

ГЛАВА 41

На дворе зима. Вновь Московия покрыта белоснежным убором. Хороший бодрящий морозец. Снег поскрипывает под ногами. Стайка снегирей облепила дерево, покачиваясь на мерзлых ветках. Птицы переговариваются между собой. На небе улыбающееся светило глядит на серебряный покров. Какой-то смерд в тулупе, сидя на мешке с зерном, вожжами подгоняет лошаденку. Жизнь идет своим чередом.

Над хоромами великого князя всяя Руси свечой поднимается в небо столб дыма. В опочивальне Ивана Даниловича в печи потрескивают дрова. Сам князь болен. Его лихорадит. Он лежит на одре, до подбородка закрытый двумя тулупами. На лбу – испарина. Приставной столик сплошь заставлен склянками с настоем разных трав. Тут же думный дьяк Кострома, лохматый мужик с морковным носом и большими недоверчивыми глазами. На коленях у него толстая книга, которую он читает князю.

– Подожди, – перебивает князь, вытаскивая из-под шуб руку. Белоснежная кожа морщиниста. Он чешет нос длинными исхудалыми пальцами, – ты что мне говорил о сыне Федора Стародубского?

– Да, князь, объявился он. Просится к те.

– Скажи ему, завтра приму. Уж больно покойничек с теткой за него просили.

– Ладно, – и Кострома наклонился к книге.

Князь зевнул и сказал:

– На седня хватит. Хочу поспать, – и повернулся к стене.

Дьяк поднялся. Сунул книгу подмышку и на цыпочках вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Да, обстановка заставила Андрея обратиться за помощью к великому князю всяя Руси. За долгую дорогу с Орды до коша он многое увидел, понял и еще тогда принял решение. Несчастья заставляют быстро взрослеть человека. Это случилось и с Дарьей. То, что произошло на ее глазах, последующее пленение превратили Дарью из беззаботного подростка в думающую, много понимающую деву. Только эти события не сказались на ее женских прелестях. Это был

цветок, распустившийся чуть раньше времени, но от этого он не только не потерял своей красоты, а стал еще привлекательнее.

Возвращаясь из Орды, Андрей почувствовал, что жить без Дарьюшки не может. Тут-то и всплыл в его памяти разговор двух бояр, услышанный им в рязанских княжеских хоробах. Коль отец и тетка живы, ему нечего теперь бояться. Да он и сам уже не тот подрастающий юнец. Теперь он может и за себя постоять. И путь он решил держать один: в свой Стародуб.

Роберт категорически не захотел остаться в коше, сказав:

– Ты мя спас, притащил сюда, а щас хочешь бросить.

– Ладно! – махнул Андрей, глядя на Дуняшу. – Едешь с нами!

Но и Захар с десятком казаков, которые участвовали в африканском походе и готовы были отдать жизнь за атамана, решили проводить Андрея до места, подождать, пока он устроится. Что оставалось делать Андрею? Он знал, что казаки от своего намерения не отступят. И вот небольшой, но грозный отряд, минуя рязанскую землю, направился на Стародуб.

И надо же было так случиться, что на дороге, когда до места оставалось не более ста верст, им встретился караван стародубского купца Парфиши. Андрей его сразу узнал: у купца на лице была примета – на носу сидела большая бородавка. Купец со своими людьми разложили костер и жарили мясо. Парфиша оказался приветливым человеком.

– Присаживайся, незнакомый путник, – предложил он и, достав шкуру, положил ее рядом с собой.

Андрей сел. Купец, поправляя палкой дрова в костре, спросил:

– Откель путь, мил человек, держишь?

– Да я из Стародуба, – ответил он, – а я тя, Парфиша, узнал.

– Бог мя отметил. А ты сам-то кто будешь?

– Я? – Андрей вздохнул и спросил. – Скажи, Парфиша, жив или нет князь Федор Стародубский?

Услышав такой вопрос, купец перестал ворошить костер и внимательно посмотрел на незнакомца.

– А ты че, не знал? Да его еще Узбек приказал казнить. Говорят, хан попутал. Надоть было Ваську, етого разбойника, а тот приказал Федора.

– А где щас Василий? – осторожно осведомился Андрей.

– Василий? – купец пожал плечами. – Сказывали, Калита его искал. Федор-то пожаловался, что тот его младшенького пожег...

– Так, значит, щас в Стародубе никого из Стародубских не осталось? – спросил незнакомец, нахмурившись.

– Нет, почему, старшой сын Федора Димитрий живет. Говорят, он с дядькой был заодно. Вот Димитрий щас все и захватил. Дядька-то сгинул куда-то. Гнева княжеского испужался. Ето точно.

– Ладно, Парфиша, здрав будь. Мне пора, поеду я, – тяжело вздохнув, сказал незнакомец.

Этот его вздох жалостью отозвался в груди купца. Он понял, что это не разбойный человек, и готов был оказать ему пристанище, а поэтому полюбопытствовал:

– Куды, добрый человек, если не секрет, путь держишь?

– Да... в Московию, Парфиша. За правдой.

– А она-то есть? – на лице купца засияла улыбка.

– Вот и посмотри, – ответил незнакомец, поднимаясь.

– Посмотри, посмотри, я-то насмотрелся.

Поворот назад, когда цель была уже близка, Андрей объяснил односложно, угрюмо:

– Купец сказывал, что там нас не ждут.

И он искоса взглянул на Дарьюшку, понимая, что ей, не привыкшей к тяготам казацкой жизни, было тяжело столько времени спать на снегу, скакать вместе с другими.

– И куды мы? – стараясь быть веселой, спросила Дарья.

– В Московию, – ответил Андрей.

– В Московию! – воскликнула она и забила в ладоши.

По прибытии в Московию Андрей перво-наперво решил купить какие-нибудь хоромы, где бы можно было отмыть накопившуюся за долгую дорогу грязь и снять усталость. Ему повезло. В Заяузье, рядом с Кошельной слободой, были хоромы боярина Луки Протасьева. За верную службу Иван Данилович, по случаю расширения кремлевской территории, пожаловал ему землицу для хором. Хотя в Кошелях боярину очень нравилось: можно держать хозяйство, был хороший сад и огород, но куда деться от княжеского приглашения. Пришлось выставить свои хоромы на продажу. Чтобы протянуть время, запросил баснословную цену. Хотя, честно сказать, его двор этих денег стоил. Разные хозяйственные постройки, все забито живностью: коровами,

быками, лошадьми, овцами. Все ухожены, лоснятся. Много разной птицы. Куда с этим добром в кремль?

В хоромах мебель хоть и проста, да добротна. Чисто, тепло, уютно. Андрей, как прошелся по всему этому благополучию, уходить не хотел. Выйдя во двор, глянул на крышу, крытую тесом, молча достал кيسет, отсчитал нужную сумму и подал хозяину.

Может быть, долгая жизнь то в лесу, то в курени, то на лодках как-то отучила Андрея от нормальной городской жизни. Но когда он первую ночь провел на мягкой перине, накрывшись легким теплым пуховым одеялом, жизнь показалась Андрею сказочно красивой. Двор боярина был настолько обширен, что смог вместить всех сопровождавших Андрея, да еще тех слуг, которых не взял с собой старый хозяин.

Дарья радовалась несказанно, Роберт был восхищен, Захар – польщен, как и все остальные. Но Андрей испытывал какую-то тяжесть. И этого не могла не видеть Дарья. Как-то она спросила его об этом. Андрей не стал распространяться, а только ответил:

– Я не знаю, кто я сейчас. Я есть, но меня нет.

У Дарьи округлились глаза:

– Как так?

– А вот так, – и он развел руками, потом глухим голосом сказал, – вот будет у нас сын, он спросит: «Отец, кто я?» Что я ему отвечу?

Дарья хорошо понимала, как-никак внучка атамана, что у Андрея есть какая-то тайна. Но не знала, как ее можно разрешить.

– Андрюша, кто же может ответить тебе? – ласково спросила она.

– Князь! – ответил он одним словом.

– Ну так иди к нему! – не задумываясь, посоветовала она.

– Я! Бывший... разбойник! – вырвалось у него.

– Казак! – поправила она.

– Здесь казак и разбойник – одно понятие, – горестно пояснил он.

– А ты сходи. Чует мое сердце, что все будет хорошо, – настойчиво произнесла она.

Он посмотрел на влюбленные глаза Дарьи и согласился.

– Схожу.

– Сходи, да не тяни, – попросила она.

Андрей решился и получил ответ:

– Завтра ты князь примет.

Эту ночь Андрей не мог уснуть. Как пройдет встреча? Не велит ли князь схватить его. «Ну уж нет», – решил он. Вечером Андрей потихоньку шепнул Захару, чтобы он приготовил лошадей и предупредил товарищей.

К князю Андрей явился одетый по-походному. Он вошел в его опочивальню. Князь, хотя и прибалывал, но сразу залюбовался стройным, волевым человеком. Мямлей он презирал. Открытое, мужественное лицо парня, овеванное ветрами, дышало молодостью, честностью и неподдельным достоинством.

– Садись, – Иван Данилович показал на кресло, заранее поставленное недалеко от лежака.

Сам князь почти сидел, столько подложили ему под спину подушек. Андрей склонил голову и осторожно опустился в кресло.

– Слушаю, великий князь!

– Ну, здоров будь!

После этих слов Андрей привстал, благодарно поклонился и ответил:

– И я, великий князь, желаю, чтобы ваша хворь побыстрее покинула вас.

Князь заулыбался:

– Давно ты здесь?

– Да уж несколько дней.

– Чего не шел?

Лицо Андрея покраснело, и он замялся:

– Да...

Поняв его смущение, князь попросил:

– Поведай все о себе, без утайки.

И начал Андрей сказ о своей жизни. Когда он дошел до того места, где дядька велел поджечь конюшню, князь не выдержал:

– Вот подлец, – возмутился он, – родного человека и в пасть пожара. Мне твоя тетка все обсказала.

– ...Так я попал к казакам, – пояснил Андрей.

– Что это за люди? – с интересом спросил князь.

– Люди там разные. Разные причины привели их туда. Не все могли рассказать о своем прошлом. Я был княжич, а вот попал к казакам.

– Почему был? Ты и есть... князь. Только думаю, не надо быть тебе Стародубским. Не очень-то хорошая слава идет об этом роде. Пусть лучше будешь ты... Тебя хотели сжечь на пожаре?

Андрей кивнул.

– Так вот, отныне ты князь Пожарский.

Похоже, этот разговор прибавил Калите силы. Голос его прозвучал торжественно.

– Рассказывай, князь, дальше.

И полился рассказ о походах, не утаил он и того, что приходилось грабить – жить-то надо.

Кто-то осторожно постучался.

– Кто? – не очень довольно спросил князь.

Дверь приоткрылась, и показалась голова Федора Елферьева.

– Заходи, заходи, Федор, – узнав его, позвал князь, – вишь, какой гость у меня.

– Че я зашел, князь. Повстречал я этого молодца на улице. Думаю: тот аль не тот. Я за ним. Крадучись.

– А если бы он тебя прибил? – смеется князь.

– Ни в жисть, он человек добрый. Я это сразу понял. Гляжу: он. Думаю, куды пойдет. Глядь, к тебе. Ну, думаю, будешь ты его судить. Я-то знаю этого гостя. Помнишь, князь, я тебе рассказывал, как разбойники напали на меня? Так вот он меня спас. Не суди его строго, князь.

– Велю казнить, – подмигнув Андрею, со смехом сказал князь.

– Боже упаси, великий князь, – таких людей надо брать тебе на службу. Молодой он, а человек! Спас меня! Я ему и сейчас готов в ноги кланяться.

– Ну, кланяйся князю Пожарскому, – сказал великий князь торжественно.

– И че, ты его сделал князем? – глядя на Андрея, спросил купчина.

– Так он и был князем, только Стародубским.

– Плохая фамилия, – махнул рукой купец, – коль кто руку на родню поднял.

– Вот и я так думаю, пусть будет Пожарским, – князь с любовью посмотрел на Андрея.

– Прав, князь, прав, – купец глядел то на Андрея, то на князя, – за это тебя и народ любит.

– А еще за мешок, – со смехом добавил Иван Данилович, – ишь, Калитой прозвали.

– Прозвали, князь, прозвали, – подтвердил купец, – это от чистого народного сердца, князь. Ты уж не обессуй. А я поклонюсь, князь, тебе, поклонюсь не только как князю, но и как человеку.

И он поклонился, чем вогнал князя в краску.

– Купец, если хошь послушать про его жизнь, садись. А ты, – он повернулся к Андрею, – сказывай.

Купец вежливо присел на краешек кресла. Князь Пожарский продолжил свое повествование.

Незаметно наступил обед.

– Може, князь, за стол сядешь? – осмелел Андрей.

– Да че-то меня морозит.

– А я тебя в шубу закатаю.

Он взял висевшую на стене у входа горностаевую шубу, закутал в нее князя, легко подхватил и донес до стола, усадив в кресло.

– Ишь как меня разогрел, – глядя на купца и кивая на Пожарского, сказал князь.

Иван Данилович поднял кубок:

– За князя Пожарского! Дай Бог ему и его роду быть достойными защитниками Земли Русской.

Все дружно выпили за новоявленного князя Пожарского. Осушив кубок, Иван Данилович поставил его на стол и, взяв кусочек языка, украдкой поглядывал на молодого гостя, как тот принялся за еду. Молодецкий аппетит Андрея передался и хозяину. И князь впервые за долгое время поел.

Пообедав, купец заторопился домой. Иван Данилович поманил его пальцем. Тот подошел. Великий князь прошептал ему на ухо:

– О прошлом, – он поглядел на Андрея, – тсс, – и приложил палец к губам.

– Понял, князь, буду нем как рыба, – ответил он.

Поудобнее усевшись на ложе, князь вновь попросил Андрея продолжить повествование. Парень рассказал о казачьем равенстве, свободе и о выборах атамана, о дисциплине и казацких традициях. Когда очередь дошла до похищения царевича, Андрей было

заколебался. Но, посмотрев в глаза князю, который с отцовской любовью взирал на рассказчика, поведал и про это. Великий князь смеялся от души.

Рассказал Андрей и о судьбе жены. Тут глаза князя сузились. Чувствовалось, что он ненавидел человеческую подлость.

– Так ты обвенчался? – спросил князь.

– Да, князь, – сказав, он склонил голову.

– Я, Андрей, – и это прозвучало у Ивана Даниловича по-отцовски, – понимаю тебя очень хорошо. Наверное, и я поступил бы точно так.

Князь задумался. Оглянулся назад. На стене, над его изголовьем, висел давно выцветший веночек. Но, по всей видимости, он был очень дорог князю, коль он держал его над своей головой.

– И кто твоя жена? – спросил он и тут же добавил. – хотя это неважно, лишь бы была любя сердцу.

– Она, – Андрей задумался, вспоминая рассказ о ней Семена, – да... правнучка князя Святослава Всеволодовича.

Иван Данилович хорошо знал историю своего рода. Знал и то, что его дед когда-то прогнал Святослава Всеволодовича из Суздаля и отдал его брату Андрею Ярославовичу. Дальнейшую судьбу этого князя и его потомков он не знал. Однако память о нем всплыла в этой, никому не известной внучке разбойного атамана. Жизнь иногда преподносит и не такие сюрпризы.

– Что было, то было. Хочу дать тебе совет: ни о своем прошлом, ни о прошлом жены никому, слышь, никому не рассказывай. Пусть все останется между нами.

Наверное, по недоуменному лицу Андрея Иван Данилович хорошо понял прямую и честную его душу.

– Пособи-ка мне встать, – попросил князь.

Андрей поставил его на ноги. Иван Данилович сел на кровать и, вытянув ноги, сказал:

– Одень-ка на них катанки.

Найдя их, Андрей исполнил просьбу князя и вопросительно посмотрел на него. Князь, придерживаясь за спинку кровати, прошелся взад и вперед.

– Хочу на крылец. Дыхну свежего воздуха, оздоровлюсь совсем. Неси шубу да малахай.

Андрей набросил на князя одежду, поправил ее, чтобы нигде не поддувало, и подставил плечо. Выйдя на крыльцо, князь сделал несколько глубоких, затяжных вздохов.

– Хорошо! – проговорил он. – Силушка так в тело и входит.

Андрей любовался развернувшейся панорамой. И было чем залюбоваться.

Начинало смеркаться. Засветились отстроенные Иваном Даниловичем Успенский собор, церковь Иоанна Лествичника, Спасский и Архангельский соборы. Торопились монахи в свой заново перестроенный Спасский монастырь. А за ним, освещая окнами узкую улочку, виднелась Портняжная слобода. А сколько их стало по Москве: и Гончарная, и Кошельная, и Кузнечная, и... да разве все перечислишь! Сколько здесь поселилось и фрягов, и немцев. Да весь люд деловой, стоящий. По крохам он их собирал: и выкупал, и нанимал, и переманивал. А шли они к нему потому, что здесь жилось им лучше. Тишина царила над Московией. Росла Московия, сил набиралась для великих дел.

– Благолепие! – не сдержал восхищения Андрей.

Глаза его восторженно блестели, и невольно вырвалось сравнение:

– Вы, великий князь, продолжатель великого дела римского императора Константина, который открыл путь христианскому вероисповеданию, вы увековечили его вопреки давнишнему желанию хана Берге навязать нам магометанство.

Такое сравнение польстило князю. Он и сам иногда думал, что Господь сподвиг его на этот подвиг.

– Да, – согласился князь, – Константин был великим правителем. А тебе хочу сказать: люби Русь, береги ее всеми силами. Нет на свете земли лучше этой.

Андрей опустил перед князем на одно колено и произнес:

– Клянусь, великий князь, что ни я, ни мой род не пожалеем жизни за Русь, за род великого князя. Будем служить ему верой и правдой!

– Встань, сын мой. Я тебе верю! – и он трижды поцеловал Андрея. – А теперь проводи меня до опочивальни.

Князь возвращался уже без посторонней помощи. Вид родного града, в строительство которого он вложил столько сил, оказался

лучшим лекарем. В опочивальне, скинув шубу Андрею на руки, князь сел на лежак и сам сбросил катанки. Гостя усадил рядом.

– Я вижу, что ты порядочный, честный человек, и я хочу попросить тебя об одном деле. Но... пусть все останется только между нами.

– Князь! – воскликнул Андрей и приложил руку к сердцу.

– Верю, верю, поэтому и прошу. Князь, – Калита посмотрел ему в глаза, – найди княгиню тверскую Анастасию. Она, по-моему, в Кашине у сестры. Узнай, как она вдовствует, какая ей нужна помощь. Успокой мою душу.

Андрей поднялся:

– Князь, я найду ее и, что смогу, все сделаю. Ничего не пожалею.

– Я заранее тебе благодарен. Нужна будет моя помощь, скажешь, – он вздохнул и глянул на венок.

Андрею все стало ясно. Повернувшись к нему, Иван Данилович спросил:

– Сам-то ты как устроился?

– Да купил хоромы боярина Луки Протасьева.

Князь рассмеялся:

– Пронырлив боярин, успел-таки продать! Хоромы его знатные. Ой, как он не хотел переезжать. Ничего, поживи там малость, и ты в кремле хоромы поставишь. А щас ступай с Богом!

– Благодарю за все, великий князь, и желаю вам здравствовать, – Андрей поклонился и вышел.

Иван Данилович перекрестил его.

– Дай бог тебе всего хорошего! – прошептали его губы.

А дома Андрея заждались. Забеспокоились и Роберт, и Захар, да и казаки тоже. Уж стали думу думать, как Андрея спасти. Но когда явился Андрей – живой, здоровый и счастливо улыбающийся, у всех полегчало на душе. Рассказ Андрея о приеме у великого князя и о том, что он теперь князь Пожарский, вызвал немую сцену. Роберт радостно, как к брату, бросился ему на шею, а Захар и другие казаки почтительно смотрели на него. Андрей сразу заметил это:

– Э! – он поднял палец. – Вы все мои друзеки! И никаких князей!

На следующий день, обняв и поцеловав Дарьюшку, Андрей сказал ей, что ему надо выполнить поручение великого князя, и его не будет несколько дней. Взяв припасы и пятерых казаков, он ускакал после

обеда. Не успела ворона дважды прокаркать вслед ускакавшим, как за воротами раздался глас труб, удары бубен. Удивленная хозяйка попросила узнать, кто это мог быть. Оказалось, по именному указанию самого великого князя прибыли бояре во главе с Василием Кочева, чтобы поздравить князя Андрея и вручить ему грамоту. Каково же было удивление, а у Кочевы и чувство ревности, когда княгиня сказала, что князь отбыл по велению великого князя. Княгиня пригласила гостей в дом. Кочева поднял руки:

– В другой раз! А щас прими, княгиня, эту грамоту. Ты теперь княгиня Пожарская. С чем тебя и здравим. Вернется князь, пусть зовет в гости. Как, бояре, придем? – Василий повернулся к ним.

– Приползем да будем! – пискнул с задних рядов Степан Осип.

Бояре рассмеялись и повернули назад.

Несколько дней бешеной скачки, и Андрей с казаками у ворот Кашина. Снега в этом году выпали такие, что сравняли крепостную ограду с поверхностью земли. В некоторых местах пацаны сделали горки и катались на промороженных катышах. А кто постарше да посмелее, те бегали на крутые берега Кашинки. На улицах редко где можно было увидеть санный след.

Узнав, где гостит тверская княгиня, что в этом городишке знал каждый и с удовольствием показывал дорогу, они подъехали к княжескому терему. Андрей постучал колотушкой в ворота. На стук отозвались быстро:

– Кого надоть, мил человек? – спросил звонкий, молодой голос.

– Княгиню тверскую Анастасию!

Загремел засов. Ворота с трудом, загребая снег, открылись.

– Здеся, – ответил парень. – Кто будете? – спросил он, поглядывая на гостей.

– Скажи, князь Пожарский прибыл с поручением.

Услышав слово «князь», парень метнулся к крыльцу. В два прыжка поднялся и вскоре вернулся со словами:

– Княгиня прихворнула. Но... примет вас.

Не очень поняв речь слуги, князь Пожарский вынужден был спросить:

– Мы можем пройти?

– Да, да! – торопливо ответил слуга. – А коней я отведу в стойло, велено дать им овса, – сообщил он, выделив интонацией последнее

слово.

Князь спрыгнул, подал парню узду, оглянулся на казаков, кивком показывая сделать им то же самое, и оглядел двор. Хоромы ему понравились. Они были рублены из хорошего дерева и, видать, добрыми мастерами. Неплохие были и хозяйственные постройки. По тому, как утопан двор, было ясно, что живности здесь хватало. Оглядев двор и проследив, куда увели их коней, Андрей легко взбежал по ступенькам крыльца. Казаки остались ждать его во дворе. А он, открыв толстую дубовую дверь, шагнул в сени и оказался в переходе. Одна из дверей открылась, и из нее вышел высокий немолодой человек в потертом лоснящемся кафтане. Скрипучим голосом он объявил, что княгиня его примет, но просила обождать.

– Сейчас, – пояснил он, – она принимает лекаря.

Андрей представил княгиню каргой, согнувшейся в три погибели, беззубой, с ввалившимся ртом и слезящимися подслеповатыми глазами. Пока он мысленно рисовал ее портрет, тот же человек подошел к нему и сказал, что княгиня ждет его. Князь приоткрыл дверь.

– Входите, князь, – услышал он женский голос.

Андрей переступил порог. Он окинул одрину. На удивление, большие окна делали помещение светлым. У дальней стены стояла резная дубовая кровать. В углу – поставец с зеркалом, рядом кресло. С нескрываемым любопытством он взглянул на тверскую княгиню. На него смотрели большие, выразительные глаза. У нее было приятное, красивое лицо. Оно ему показалось знакомым. Подойдя ближе, вдруг услышал поразившее его восклицание:

– Ты?

И он узнал ее. Мгновенно вспомнилось, как он спас ее от казаков, рискуя жизнью.

– Ты?! – повторила она.

– Я!

Но в ответе она не услышала той радости, о которой мечтала все годы.

Не отрывая от него взгляда, показав рукой на столик с двумя креслами, пригласила его пройти туда. Ее аксамитное платье, обтягивавшее стройную фигуру, горело всеми цветами радуги. Она взяла пуховый цветной платок и набросила на плечи.

– Расскажи, кто ты, князь Пожарский? Что-то я не слыхивала про такого.

– Я... – и он коротко обрисовал ей свою не очень счастливую юность.

– Бедный ты мой, – и она положила свою руку на его.

Неизвестно, сколько бы они так просидели, но внезапно открылась дверь, и в опочивальню вбежал мальчик лет десяти-двенадцати. По росту, крепости тела ему можно было дать и больше. Его темно-русые вьющиеся волосы ниспадали на плечи, серо-зеленые глаза смотрели живо, бойко. Он быстрым взглядом окинул незнакомца и бросился к матери:

– Матушка, я с ребятами побегу на Кашинку кататься с горки?

– Смотри, не угоди в прорубь.

– Слушаюсь, матушка!

Он чмокнул ее в щеку и так же быстро, как влетел, выпорхнул из опочивальни.

– Хороший у тебя сын! – воскликнул гость.

Поняв, что мальчуган ему очень понравился, как-то странно поглядела на Андрея.

– А знаешь, чей это сын?

– Да откуда мне знать? – удивился князь.

– Дай мне слово, что никто, слышишь, никто на свете, и он тоже, – она кивнула на дверь, за которой скрылся мальчонка, – не узнает эту правду.

Андрей почувствовал, что он сейчас станет обладателем какой-то великой тайны. И ему на память пришел княжеский веночек.

– Даю слово.

– Всеволод, – произнеся это имя, она замолчала, и ее горящие глаза уставились на гостя, словно проверяя его мысли. – Всеволод, – повторила она, – твой сын!

Эти слова прозвучали как удар грома.

– Мой... сын?

– Да, твой сын. Но прошу... ты понимаешь. Ему надо жить. У него и так есть враги. Все из-за проклятого наследства. Ты, – неожиданно спросила она, – женат?

– Да!

– Вот у тебя будут дети, и тогда ты все поймешь.

– Что я могу сделать для тебя и него? – глухо произнес он.

– Для меня ничего. Спасибо. Я все уладила. Скажи, это он прислал тебя?

Анастасия не назвала его, но Андрей понял. Он закрыл и открыл глаза. Ей этого было достаточно, чтобы понять подтверждение ее догадки.

– Какой замечательный человек! – вырвалось у нее из груди.

Они оба замолчали. Княгиня заговорила первой:

– Я опасаюсь за Всеволода, как бы его дядя чего не выкинул.

– Дядя, это нынешний князь Твери? – уточнил, догадываясь, Андрей.

Она подтвердила.

Андрей недолго раздумывал.

– Тогда... – он снял с руки перстень и подал ей.

Княгиня посмотрела на него, но ничего не поняла.

– Если твоему... – но тут же поправился, – нашему сыну нужна будет помощь, он должен поехать в Орду и отдать его хану Чанибеку. Он выполнит все его просьбы!

Анастасия с удивлением посмотрела на Андрея. И он вынужден был ей кое-что рассказать о своей дружбе с Великим повелителем.

Она встала, подошла к кровати и вернулась с беличьей шкуркой, которую он подарил ей в ту ночь. Она сберегла ее! Андрей взял шкурку и посмотрел на княгиню. Она произнесла:

– Я... помнила о тебе все эти годы!

Он нежно ее обнял, поцеловал, тихо сказал:

– Прощай, – и, достав из кармана браслет с огромным бриллиантом, положил его на столик и направился к двери.

– Прощай! – также тихо прошептала она и осенила его спину крестом. – Дай бог тебе счастья!

Иван Данилович в тот же день, когда бояре хотели вручить Андрею грамоту, узнал, что князь Пожарский отбыл по его поручению. Такая исполнительность пришлась Ивану Даниловичу по душе. Он даже воскликнул:

– Какой молодец!

В день возвращения Андрей вначале заехал к великому князю и все поведал о жизни княгини, утаив лишь личное. Князь был весьма доволен его поездкой. Перед расставанием он сказал:

– Мне нужны такие воеводы!
Звезда Пожарского зажглась на небосклоне Руси.

СТАРИННЫЕ СЛОВА

Абрек – удалец или беглец, приставший для грабежа к первой шайке.

Авикуль – украшение.

Аksamит – бархат.

Аллюр – ход лошади.

Анчибел – нечистый дух.

Арба – воз воловий.

Арбалет – самострел.

Архивольт – обрамление арочного проема.

Астрагалы – игра в кости.

Аука – волк.

Бабайки – парные весла.

Бабак – степной сурок.

Багатица (багатье, багат, багач) – костер, огонь.

Багмут – северо-западный ветер.

База – двор.

Балка – пологая долина.

Бармы – украшение кафтана.

Баса – красота, изящество, нарядность.

Баскак – голова.

Басурман – неверный, неправославный, мусульманин.

Бахтовый – бархатный.

Башловка – часть добычи для атамана.

Башлык – головной убор.

Баять – разговаривать.

Бежать на конь – ход лошади.

Бекет – стороживой пост.

Бердыш – широкий топор, иногда с копьём, на длинной ручке; старинное холодное оружие.

Бешмет – поддевка под тулуп.

Бизилик – браслет, нарукавья, наручни, запястье.

Бирюк – волк.

Богуны – жерди для сушки сетей.

Братина – сосуд для питья.
Бродники – казачьи предки.
Брудастый – отвислые щеки.
Брунжит – звенит.
Бувин – поселение на юго-востоке Франции.
Будара – большая лодка.
Будылье – сухие стебли, бурьян.
Буерак – сухой овраг, водороина, промоина.
Букан – шалаш из камыша.
Булава – палица, как оружие.
Бульдюга – суковатая палка.
Бунчук – древко с привязанным конским хвостом, служившим знаком власти; булава, жезл.
Бурдюга – логово, пещера.
Бурдюк – мешок из кожи.
Бурсаки – сухие лепешки.
Бурун – волнообразная гряда.
Бурянец – освежающий напиток из кислого молока с водой.
Валок – артель, обоз.
Валух – кастрированный баран.
Ваттаман – атаман.
Веверица – белка.
Ведьмедь – медведь.
Вежа – шалаш, юрта, шатер.
Вельбуд – канат.
Вентарь – рыбная снасть.
Взбуда – тревога, сполох, набат.
Вилюжить – лавировать.
Винцерада – дождевой плащ.
Витень – бич, кнут, плеть.
Возривый – сопливый.
Воитель – воин.
Вой на вой – война.
Вокат – как раз.
Волить – желать, хотеть, приказывать.
Волокуша – длинная сеть.
Галмат – плохой человек.

Гаман – мешочек для денег, кошель.
Гобить – прятать.
Голутва – безхозяйственный казак.
Грабаздать – хватать, выхватывать.
Гуменце – самый верх.
Гундор – говорящий в нос.
Гунья – рвань, тряпки.
Гутарить – говорить, беседовать.
Дерюжка – грубая конопляная ткань.
Де-юре – в международном праве полное официальное признание государства или правительства.
Длань – ладонь.
Достархан – угощение.
Друзек – друг.
Дрям – сухой хворост.
Дуван – военная добыча.
Дуванить – делить добычу.
Дулма – мясное кушанье.
Дуноед – дармоед.
Дык – так ведь.
Дюжа – очень.
Елань – лесной луг.
Елень – животное, типа козла.
Ендова – болотистое углубление на заливном лугу.
Ентот – тот.
Епанча – одежда в виде широкого плаща, бурка.
Есаул – адъютант, помощник начальника.
Жалкая – любимая.
Жарьолка – ожерелье, бусы.
Жеребейга – часть по жребью.
Заберечь – хорошо угостить.
Зазуля – рыба.
Закомар – полукруглое, или килейное, завершение части наружной стены здания или повторяющее очертания расположенного за ней свода.
Зализка – нож.
Зальян – противник.

Заплот – ограда.
Запон – подол платья.
Земя – земля.
Зипун добыть – идти в набег.
Зипун – верхняя одежда.
Златница – казна.
Зубец – расторопный, сообразительный человек.
Игреньевый – масть коня, светло-рыжий с белой гривой и хвостом.
Игрец – злой дух.
Изволок – скат, пологий подъем.
Изок – саранча, кузнечик.
Иноходь – удобный ход коня.
Ирьян – молоко, разбавленное водой.
Искусить – попробовать.
Истопка – баня.
Казан – котел.
Канделябр – подставка-светильник с разветвлениями, в которые вставляются свечи.
Каплюнник – пьяница.
Каранч – степное дерево.
Карачун – мрак.
Картыш – квадратный кусок соленого сала.
Кат – палач.
Катырь – башмак.
Каюк – плоскодонная лодка.
Квольй – хилый.
Кербат – судно, ладьа.
Кий – палка, трость.
Киса – мошна, карман, мешок кожаный.
Кичка – головной убор казачек.
Клобук – цилиндрическая шапка.
Кмет – парень, крестьянин, воин.
Кобур – суконная шапка.
Кожух – из кожи.
Кола – дроги.
Колобашка – небольшой хлеб.
Комол – шест для бредня.

Контрагалс – морская линия.
Копань – неглубокий колодец без сруба.
Корзно – верхняя одежда, зипун.
Корчага – большой глиняный сосуд.
Коряк – ковш.
Коряком – мера.
Косяк – часть табуна.
Котва – якорь, верпь, кошка.
Котич – багор с крючком.
Кош – военный административный центр.
Кошевой атаман – старший военный начальник.
Кошелка – приспособление, плетенное из лозы для ловли рыбы.
Кошма – войлок.
Круг – собрание.
Кружале – кабак.
Крушеца – металл, толстое полотно, гуж.
Крыча – льдина на реке.
Кубыть – кажется.
Кугарь – казачий подросток.
Кукан – бечевка, на которую надевают, под жабры и в рот, рыбу, пуская ее в воду.
Кукан – шнурок для нанизывания рыбы.
Купсы – купцы.
Кургузка – короткая тесная одежда.
Курень – изба.
Кут – внутренний угол.
Кутырь – желудок животных, всякий надутый пузырь.
Куцайка – одежда недостаточной длины, короткий, неполный, урезанный.
Лохуны – лохмотья.
Луда – блестящая наволока, головная повязка, верхняя одежда, мантия, плащ.
Маджара – двуконный воз.
Мадфа – арабский огнестрел (порох).
Майдан – широкая площадь.
Марафеты – сладости.
Марь – темная туча.

Махамет – разбойник.
Махан – конское мясо.
Междупарье – время после весеннего сева до сенокоса.
Мовь – молва, сказывать.
Молить – просить помощь.
Монисто – бусы, ожерелье.
Мошник – глухарь.
Музга – болотистое озеро в степи.
Мусат – кресало.
На слом – решительная атака.
Надесно – направо.
Надобедь – необходимо.
Надолбы – крепостной частокол.
Назнаменовать – назначить, выбрать.
Наказной атаман – заместитель.
Накочетиться – нарядиться.
Накутить – насмеяться.
Наловка – умение, сноровка.
Намет – галоп.
Напутлять – наделать ошибок.
Наруга – насмешка.
Насека – род булавы для низших казацких начальников.
Начаяться – надеяться.
Неук – табун, не знающий узды.
Нехай – пусть будет.
Низовка – низовый ветер, юго-западный ветер.
Николи – никогда.
Ноня – сегодня.
Обличье – лицо.
Обло – круг.
Облыжные – лживый, ложный.
Обмишулиться – ошибиться.
Обрада – радость.
Оброть – недоуздок (без удил).
Обтерханный – поношенный.
Окат – склон, косогор.
Оковалок – ломоть.

Омахом – с размаху.
Оток – остров.
Отпадчик – изменник.
Отстебать – стегануть, высечь.
Паволока – одежда, нарядная привозная ткань.
Падина – низменная местность.
Пал – пожар.
Палица – палка.
Папаха – барашковая шапка с суконным верхом.
Пестаться – нянчиться.
Побыт – обстоятельства.
Погляд – глядеть, посматривать.
Погулка – гулянье.
Подморная – болотистая, гнилая.
Поклада – уговор, сделка.
Полозить – ползать.
Поношение – брань.
Пообтерхаться – пообноситься.
Портал – главный вход.
Портище – платье, одежда.
Почах – начало, зачало, начин, зачин.
Принч – рис.
Прова – передняя часть судна.
Прогон – дорога.
Пря – спор.
Псотить – портить.
Рада – совет.
Разбайся – разговориться.
Рели – виселица (качели).
Ретовать – спасать, избавляться.
Рылешник – народный певец.
Рядант – холм.
Рятовать – спасать.
Сагайдак – колчан.
Сака – скифы.
Саламата – густой молочный суп с салом, гречкой, пшеном.
Саман – навоз, солома.

Самострел – род арбалета.
Сбери – собрать.
Светец – лучина.
Свита (свитка) – длинная распашная верхняя одежда.
Связка – жемчужное ожерелье.
Сечкарь – плотник.
Сжалкая – любимая.
Сич (сечь) – поселение.
Сич (Сечь) – поселение.
Скляница – бутылка.
Скопец – ястреб.
Скопляться – постепенно накопиться, набраться (обычно в большом количестве).
Сочтат – считать, пересчитывать.
Сполох – тревожный набат.
Слопашиться – спохватиться.
Спроти – наперекор.
Стан – стоянка в степи.
Степать – бить плетью.
Стрижаки – 2-летние жеребята.
Стыть – пронизывает холод.
Сумно – печально, грустно.
Сустрел – встреча.
Схоронить – спрятать.
Схрон – тайник.
Счиниться – пробовать.
Сябры – соседи.
Таволга – кустарник.
Такан – треножник для варки пищи.
Тамга – торговый сбор.
Тарпан – дикий конь.
Тати – разбойники, вор.
Тать – вор, хищник, похититель.
Телешиться – раздеваться.
Темник – начальник татарский (10 тыс.)
Теплушка – короткий ватный бешмет.
Торба – кормушка в форме мешка.

Трут – тряпица, ветошь для разжигания огня.
Тумак – удлиненный верх казачьей папахи.
Тумены – 10 тыс. всадников.
Туника – одежда.
Тургауд – телохранитель.
Турлук – шест.
Убрус – женский головной убор, платок.
Угода – угождать.
Удолье – низменность, пойма.
Узорочье – женское украшение.
Узреть – увидеть.
Урочища – лес среди поля; болото, луг среди леса.
Учкуре – шнурок, тесма.
Фряжский – иностранный, чужеземный.
Фрязи (фряги) – итальянец.
Халабута – шалаш.
Хапа – лекарство.
Хист – ловкий.
Хорза – татарский напиток.
Чагарник – плохая лесная поросль, кривулины на старых пнях, где ходит скот.
Чеботы – башмаки, сапоги.
Чекан – боевой молоток с топориком на длинной ручке.
Чекмень – верхняя одежда из сукна.
Черсел – пояс, кушак.
Чувал – мешок.
Чувяк – мягкие башмаки.
Шербонить – волноваться, кричать.
Щепетный – щеголеватый.
Ярыга – пьяница.
Ясырка – пленница.

notes

Примечания

Ваттаман – атаман. См. словарь старинных слов в конце книги.
(Примеч. ред.)